Министерство культуры, печати и по делам национальностей
Республики Марий Эл

Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева

Марийский национальный конгресс

«КЫНЕЛЗА, ШОГАЛЗА: КАЙЫШАШ КОРНО КУЖУ ВЕТ…»

Памяти выдающегося просветителя народа мари
Тихона Ефремовича Ефремова (1868–1938)

Сборник трудов

Йошкар-Ола
2020

УДК 37.0+39 (470.343)
ББК 74.0+63.5 (2Рос=Мар)
К 97

Научно-популярное издание подготовлено в рамках реализации государственной программы Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2025 годы»

Составитель
кандидат филологических наук **Л.Я. Григорьева**

Редакционная коллегия:
Е.П. Кузьмин, Л.Я. Григорьева (ответственный редактор),
И.М. Евсеев, Н.В. Мушкина, Э.И. Пекшеева, Н.С. Попов, А.В. Чемышев

К 97 **«Кынелза, шогалза: кайышаш корно кужу вет…».** Памяти выдающегося просветителя народа мари Тихона Ефремовича Ефремова: сборник трудов / сост. и отв. ред. Л.Я. Григорьева; МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. – 244 с.

ISBN 978-5-94950-095-8

Знак информационной продукции 14+

Книга рассказывает о жизни и деятельности марийского просветителя Тихона Ефремовича Ефремова (1868–1938), талантливого поэта, писателя, журналиста, музыканта, переводчика, краеведа, исследователя истории, фольклора, музыки, традиции и культуры народа мари, общественного деятеля.

Впервые представленные в настоящем сборнике его уникальные историко-этнографические очерки, художественные произведения и фольклорные тексты, бережно хранящиеся в научно-рукописном фонде МарНИИЯЛИ, являются ценными источниками исследований для многих специалистов гуманитарных направлений.

Научно-популярное издание адресовано широкому кругу читателей.

УДК 37.0+39 (470.343)
ББК 74.0+63.5 (2Рос=Мар)

ISBN 978-5-94950-095-8

© Ефремов Т.Е., 2020
© Авторы статей, 2020
© МарНИИЯЛИ, 2020

ОНЧЫЛМУТ

Марий калыкын тале сотемдарчыже Тихон Ефремович Ефремовын (1868–1938) суапле пашаж нерген ме шагал палена. Тыште пуламыр жапысе илыш кугу титакым ыштен. Тунам чыла шотыштат ваштарешла шогымаш чотак озаланен. Тихон Ефремовичын возен кодымыжым (мыняржым таче кечылан мумо) пырчын-пырчын радамлымек, шукыжо рашемдалтеш: калыкын ушакыл ден чон поянлыкшым арален да виянден колтымаште чыла шотыштат тунам моткоч кугу чарак ышталтын.

Шучко сар калыкын виянгме корныштыжо пеш кугу энгекым конден. Черемис сар-влак (1552–1557, 1571–1574, 1581–1585), Икымше тӱнямбал сар (1914–1918), 1930-шо ийласе репрессий жап, Кугу Ачамланде сар (1941–1945) да моло пуламыр пагыт мыняр енгым пытарен, мыняр ешыш кугу ойгым конден, мыняр калыкын ӱмыржым кӱчыкемден…

Тихон Ефремовичын возен кодымо ойпогыштыжо марийын илыш корныжым мыняр-гынат шергалаш лиеш, мутлан: *Эн ожныжо марий эша ышкэ сэмынжэ, эркыштэ илэн, манэш ыльэ (кувавам). Тыгэжэ путыракат сай лийын. Ой, адакат икана тугак лийэш ыльэ гын!..; Урал курыкышто ожно кӱртньӧ курыкат, шӧртньӧ курыкат марий кидыште улмаш, манып; Мемнан шӱмбел калыкнат, Оссо кугез кочана Шке илыме курымыштышт Илен улып тӱрлӧ вере. Моско вел гыч Юл деке, Юл вӱд мучко Окашке. Юлым вончен тембаке Толын улып йӱд йымак; Озанг мланде манмаште – Оссек тушто марий илен. «Озанг» лӱмжат туд олан Озамбай гыч лийн кодын* да тулеч моло.

Сылнымут аршашыштыже туныктышына илышым чын сӱретлымыж дене ойыртемалтын, сандене южо произведенийжым лудаш куштылгак огыл. Возымаштыже пуламыр илышын чынже, шучко шужен ий, революций жап да молат ешын чонжым кӱрыштмым ончыктен. Южо енгым, яндар шӱм-чонжым арален кодынеже гынат, садак чыташ лийдыме илыш нелыт темдалеш. Умылен моштыдымо пуламыр пагытыште шке тукымым арален кодымо верч шуктымо паша языканыш савырна...

Илышын эре шке ратше, шке шотшо лийман. Кунам шуко вере шоя озалана, тый от пале, кӧлан ӱшанаш… Шкендым да калыкетым кузе ончыко вӱдаш? Кучем ваштареш каен, нигунам нимом ыштен от керт, тудын дене сай кылым чонгыман. Мардеж ваштарешат, мардеж почешат каяш шотлан ок тол… Тидым Тихон Ефремович моткоч сайын умылен да шке шочмо калыкшым тунемаш ӱжын:

Таҥ-шамыч, шинчыза
Теве тиде шомакым:
Пого-шамыч кийыме вер –
Тунем шумо мучаште!

Тихон Ефремович туштен мутланымыж дене ойыртемалтын. Илыш тудым тидлан чотак туныктен. Возымыжым тӱткын лудын, тусо пагытыш пӧртылын кертат гын, кажне туштыжым шижаш тӱҥалат да тудын суапле пашажым утларак да утларак умылен налат. Шочмо аважым, шочмо калыкшым, шочмо йылме ден йӱлажым йӧратыме туто нӧшмыжым тудо марий школышто кажне тунемшыжлан пуэн шуктен, а нунышт тудым куштен толыныт. Марий калыкнан ончыкылыкшо – шкенан кидыште. *«Кынелза, шогалза: кайышаш корно кужу вет…»* – тиде почеламут корныжо курымашлык.

Морко районысо Унчо кундемыште Тихон Ефремовлан пӧлеклалтше чапкӱ воктене кажне шочмо кечынже да Марий талешке кечын пагалыме енъыштым, кугезе кочаштым порын шарналтат. Тунемше-влак почеламутшым каласкалат, мурыжым мурат, шымлыме пашам эртарат, родо-тукымжо дене пенгыде кылым кучат. Унчын тӱҥ уремжылан Тихон Ефремовын лӱмжым пуымо.

Тидат куандара: туныктышынан илыш да паша корныжым шымлаш кумылан-влак ешаралтыт. Г.З. Зайниев «Усталык памаш» (2003), В.Г. Кузнецова «Уньжинский талант» (2013), О.М. Герасимов «Ефремов Т.Е. Шӱвырзӧ кугыза: избранные труды по марийской инструментальной музыке» (2015), Г.А. Макарова «Тихон Ефремович Ефремов. Рассказы и сказки» (2016) книга-влакым савыктеныт. Лӱмлӧ шымлызе-влак К.Н. Сануков, О.А. Сергеев, Н.С. Попов да молат тудын илыш корныжым архив документла негызеш нергелат.

2018 ийыште Тихон Ефремовын 150 ияш лӱмгечыже вашеш «Калык йӱла да кызытсе жап» теме дене регион коклосе кӱкшытан конференцийым эртарышна (Йошкар-Ола, 11 май; Унчо села, 12 май). Конференцийысе икмыняр материалым ты сборникын икымше ужашышкыже пуртымо. Кокымшо ужашыште В.М. Васильев лӱмеш Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институтышто аралалтше тудын икмыняр пашажым чумыренна. Тихон Ефремовын илыме жапысе марий да руш йылме ойыртем-влакым ончыкташ да авторын возымо стильжым аралаш манын, шуко текстшым источникысе семынак пуымо.

Тихон Ефремович марий калыкын историйыштыже Туныктышо семын веле огыл поро кышам коден. Тудо талантан поэт, писатель, журналист, музыкант, кусарыше, краевед, марий калыкын эртыме корныжым, ойпогыжым, сем ден семӱзгаржым, йӱла ден тӱвыражым шымлыше, мер пашаеҥ. Калыкын психологийжым моткоч сайын палыше. *Т. Уньжинский, Уньжинец, Унчо Епрем, Епрем Тикын, Ирысе, Йырсе, Колышт Шогышо, Умылышо, Ефремовский, Ош Мари, Кожламари, Йошкар марий, Туссо, Фин, Шӱмбел, Коммунист*

шылтышлӱмла дене шке пашалажым «Инородческое обозрение», «Известия по Казанской епархии», «Война увер», «Марла календарь», «Йошкар кече», «Ӱжара», «Марий илыш», «У вий» савыктышлаште луктын. Ятыр книга ден брошюрым руш йылме гыч марий йылмыш кусарен. Чаманен каласаш логалеш, возымо да савыктыме чыла пашажак аралалтын огыл.

Марий илышым эскераш Тихон Ефремович лӱмын яллашке лектеден коштын. Ик статьяж гыч коеш: 1929 ий кенежым 33 шӱвырзӧ да 22 кӱслезе деч 170 утла семым, тыгак ныл преданийым да шым легендым серен налын. Калык ойпогым тудо моткоч йӧратен да аклен, кертмыж семын погашак тыршен, лончылымашым ыштен. 1930-шо ийлаште тудо тоштер да Марий шымлыше институт дене пенгыде кылым кучен. Унчо кундемыште ожно Шорыкйол ден Ӱдырйӱышым кузе пайремленыт, ты книган 121–154 лышташлаштыже лудын кертына. Кугезе марий калыкын тӱняумылымашыжым, йӱла радамын чын кучылталтме ойыртемжым, тудын ынжым Тихон Ефремов сайын почын пуэн, чуваш пайрем денат танастарен ончыктен.

Йылмыже тудын моткоч шыма да пӱсӧ. Шочмо мут ден мурсемын кугу вий-куатан улмыштлан шӱм-чон вошт ӱшанен, нунын полшымышт дене шке калыкшым волгыдыш лукташ тыршен, икоян лияш кумыланден.

Тек тиде книга шкешотан шарныктыш лиеш, а пагалыме марий талешкынан, Тихон Ефремович Ефремовын, суапле пашаже ончыкылык тукымлан вий-куатым ешара. Кугу тау.

Редколлегий лӱм дене Л.Я. Григорьева

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы мало знаем о жизни и деятельности выдающегося просветителя марийского народа Тихона Ефремовича Ефремова (1868–1938). В этом есть вина и ошибка мятежной поры, смутного времени, великих противостояний. Анализируя архивные документы о Тихоне Ефремовиче, его рукописные и опубликованные труды, хранящиеся в МарНИИЯЛИ, мы ещё больше начинаем понимать и осознавать исторические процессы той эпохи, когда усиленно велась работа по уничтожению «великого духа народа».

Крупномасштабные жесточайшие войны нанесли непоправимый урон развитию общества. Сколько людей погибло, сколько горечи и страданий принесли каждой семье, убавили возраст этноса Черемисские войны (1552–1557, 1571–1574, 1581–1585), Первая мировая война (1914–1918), политические репрессии 1930-х годов, Великая Отечественная война (1941–1945) и другие тяжелые времена…

В записях Тихона Ефремовича можно проследить некоторые важные моменты из истории народа мари. Приведём несколько примеров: *В древности мари жил по-своему, был независимым, рассказывала (бабушка). Были замечательные времена. Эх, вернуть бы всё это!..; В старину и железо, и золото Уральских гор, говорят, были в руках мари; Наш народ в былое время На раздольях мирно жил. И бросал он в почву семя, И потомков там растил. От Москвы до вольной Волги, И от Волги до Оки Шли на север жить надолго; Земли те необозримы, Не заглянешь через край. У Казани было имя, Имя это – Озамбай; Там, где теперь находятся большие татарские деревни: Атня, Менгеры, Кошары, Ашит, Тазлары, Визым, Шаши, Ташкучи и мн. др., а также там, где теперь находятся русские селения – Алаты, Мамонино, Каймары, Сухая река и др., там раньше жили марийцы «шымакшан-шамыч»; Уньжинцы – это потомки переселенцев с реки Унжи Ветлужского уезда, но это только в отношении первых переселенцев. Впоследствии времени сюда стали поселяться некоторые мари и из других местностей, например, из-под Казани; ... царица пчёл улетела в Ипон* (в уфимский край. – *Л.Г.*)*, жалостно пропев свою прощальную песнь* и т.д.

Художественные произведения Т.Е. Ефремова ярко отражают реальность смутного времени, поэтому читать некоторые его рассказы не так уж просто. Суровая правда жизни, голодный год, эпоха революций разрывают душу в клочья. В невыносимых жизненных условиях и ситуациях мысли и поступки, совершённые ради спасения себя и своего родового общества, могут быть грешными…

В жизни особое место занимают порядок, организованность, благоустроенность. Если царствует хаос и ложь, ты не знаешь кому доверять… Тогда как вести вперёд себя и свой народ? И против ветра, и по ветру не пойдёшь… Тихон Ефремович очень хорошо понимал всё это и призывал свой народ к учёбе и саморазвитию:

Таҥ-шамыч, шинчыза
Теве тиде шомакым:
Пого-шамыч кийыме вер –
Тунем шумо мучаште!
‘Друзья, помните эти слова:
Источник благополучия – в самосовершенствовании’.

Тихон Ефремович был опытным мудрецом, он отличался умением общаться загадками. Если внимательно вчитаешься в его остроумные строки, если сможешь представить себя человеком той эпохи, то всё больше и больше начинаешь понимать его мудрые слова и тайные намёки, и больше начинаешь ценить его заслуги. В марийской школе, будучи руководителем, он имел возможность одаривать своих учеников прекрасным чувством любви к своей матери, родному языку, народу, его традициям и обычаям. Эти морально-нравственные и патриотические чувства передавались от поколения к поколению. Будущее марийского народа зависит от каждого из нас. *«Кынелза, шогалза: кайышаш корно кужу вет»* ‘Встаньте, поднимитесь: ведь дорога, которую предстоит пройти, длинна’ – эти торжественные строки остаются вечными.

В с. Шоруньжа Моркинского района у памятной стелы, посвящённой Тихону Ефремову, ежегодно в День национального героя и в день его рождения вспоминают уважаемого земляка, прадеда. Дети рассказывают его стихи, поют его песни, активно ведут исследовательскую работу, тесно сотрудничают с родственниками Учителя. Центральная улица в с. Шоруньжа названа в честь Тихона Ефремова.

Отрадно, что интерес к изучению жизни и деятельности Т.Е. Ефремова возрастает. Об этом свидетельствуют труды Г.З. Зайниева «Усталык памаш» («Родник талантов») (2003), В.Г. Кузнецовой «Уньжинский талант» (2013), О.М. Герасимова «Ефремов Т.Е. Шӱвырзӧ кугыза: избранные труды по марийской инструментальной музыке» (2015), Г.А. Макаровой «Тихон Ефремович Ефремов. Рассказы и сказки» (2016). Известные деятели науки К.Н. Сануков, Н.С. Попов, О.А. Сергеев и другие проводят серьёзные исследования по материалам выявленных архивных документов.

В 2018 году нами была организована и проведена Межрегиональная научно-практическая конференция «Народные духовные традиции и современность», посвящённая 150-летию со дня рождения выдающегося марийского просветителя Тихона Ефремовича Ефремова (1868–1938) (г. Йошкар-Ола, 11 мая; с. Шоруньжа Моркинского района Республики Марий Эл, 12 мая).

Избранные материалы конференции включены в первую часть этого сборника. Во второй части книги предлагаем вашему вниманию опубликованные и неопубликованные труды Т.Е. Ефремова, хранящиеся в научно-рукописном фонде Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. В целях сохранения авторского стиля и показа исторических особенностей развития марийского и русского языков некоторые тексты из источников представлены в той орфографии и пунктуации, как в рукописи автора и издании.

Тихон Ефремович в истории марийского народа оставил добрый след не только как Учитель, он был талантливым поэтом, писателем, журналистом, музыкантом, переводчиком, краеведом, исследователем истории, фольклора, музыки, традиции и культуры народа мари, общественным деятелем. Очень хорошо знал психологию народа. *Т. Уньжинский, Уньжинец, Унчо Епрем, Епрем Тикын, Ирысе, Йырсе, Колышт Шогышо, Умылышо, Ефремовский, Ош Мари, Кожламари, Йошкар марий, Туссо, Фин, Шӱмбел, Коммунист* – под такими псевдонимами публиковал свои труды и произведения в изданиях: «Инородческое обозрение», «Известия по Казанской епархии», «Война увер» («Военные вести»), «Марла календарь» («Марийский календарь»), «Йошкар кече» («Красное солнце»), «Ӱжара» («Заря»), «Марий илыш» («Марийская жизнь»), «У вий» («Новая сила»). Им переведено значительное количество книг и брошюр с русского языка на марийский язык. К сожалению, не все издания и рукописи сохранены.

Для изучения жизни народа Т. Ефремов специально выезжал в марийские деревни. Из одной его статьи мы узнаем, что летом 1929 года он собрал более 170 мелодий от 33-х волынщиков и 22-х гусляров, также четыре предания и семь легенд. Т.Е. Ефремов очень любил и ценил произведения народного творчества, по возможности старался их записывать и анализировать. В 1930-х годах он сотрудничал с музеем и Марийским научно-исследовательским институтом. На с. 121–154 этой книги можно ознакомиться с описанием старинного марийского праздника Шорыкйол, где хорошо представлены глубокий философский смысл праздника и особенности использования древних канонов. Имеются сравнения с чувашским Девичьим пиром.

Язык Тихона Ефремова нежный и остроумный. Он искренне верил в великую силу родного слова и родной музыки, с их помощью призывал всех к светлому будущему, к дружбе и согласию.

Эта книга посвящается Нашему Учителю Тихону Ефремовичу Ефремову и всем его родственникам. Не только мы, но и дети наши, внуки и правнуки благословят память и будут чтить наших национальных героев. Низкий поклон всем тем, кто до последнего выполнял свой долг перед страной и народом.

От имени редколлегии Л.Я. Григорьева

ЕФРЕМОВ Тихон Ефремович

(1868–1938)

«Марий калыкын шуаралтмыже шӧртньӧ дечат шерге лийже…
Шке кумылетым ӱлыкӧ ит волто, йӧратыме марий калык.
Мыняр тыланет йӧсӧ лиеш, тунаре тый чот шого…»
(1922 ий)

ЕФРЕМОВ ТИХОН ЕФРЕМОВИЧ (1868–1938)

Историко-биографическая справка

Выдающийся просветитель народа мари Ефремов Тихон Ефремович родился в д. Шор-Уньжа Шиньшинской волости Царевококшайского уезда (ныне – с. Шоруньжа (Унчо) Моркинского района Республики Марий Эл) 20 июня (по метрическим записям) (3 июля по новому стилю) 1868 года. Окончив в 1887 году Казанскую учительскую семинарию, он большую часть своей жизни посвятил просвещению народа. 28 лет служил священником, стал известным в крае (в епархии) православным миссионером. Будучи руководителем Центральной черемисской школы, ему удалось выявить и воспитать одарённую и талантливую марийскую молодёжь, сыгравшую важную роль в становлении Марийской автономной области, развитии культуры и образования, приобщении народа к общественно-политической жизни, формировании профессиональной культуры. В годы Великой Российской революции в жизни Т.Е. Ефремова произошёл духовный перелом. Его песня «Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро» («Призыв к свету») (1918) получила всеобщее признание народа мари как гимн, вдохновляющий к осознанному участию в революционных преобразованиях.

После установления Советской власти Тихон Ефремов отказался от сана. Работал учителем, затем заведовал архивом, издательским делом. В 1921–1922 годах трудился в комиссии по борьбе с голодом. Его брошюра, посвящённая этой трагедии и её преодолению, – ценный исторический источник.

Ефремов Тихон Ефремович отличался удивительной талантливостью во многих профессиональных направлениях. Он оригинальный поэт, прозаик, журналист, переводчик, замечательный музыкант, музыковед, фольклорист. Им зафиксированы и оставлены для будущих поколений записи уникальных народных преданий, песен, мелодий, народных праздников и обрядов. После смерти И.С. Палантая ему доверили работать с широко известным в то время хором. Он хорошо знал психологию и быт простого народа, поэтому ему предложили быть консультантом во время съёмок первого кинофильма о Марийском крае «Марий Кужер» (1928).

В 1930-х годах Тихон Ефремович сотрудничал с музеем, Марийским научно-исследовательским институтом, проводил экспедиции по сбору музыкально-фольклорного материала.

Ефремов Тихон Ефремович был расстрелян 2 октября 1938 года по обвинению Народного комиссариата внутренних дел. 27 августа 1956 года реабилитирован решением Президиума Верховного суда Марийской АССР.

Тихон ЕФРЕМОВ

МАРИЙ КАЛЫКЫМ ВОЛГЫДЫШ ЎЖМӦ МУРО

Кынелза, шогалза:
Кайышаш корно кужу вет,
Моло калыкым поктен шуын,
Нунын дене тӧр лийына.

Шогалза, тӧрланыза
Шкенан кайышаш корнышто,
Иктылан икте кидым пуэн,
Чыланат иктӧр ошкылына!

Почылтса, волгалтса,
Пычкемышым кодыза,
Моло гаяк ош тӱняште
Чыла пого дене куаныза!

Пычкемыште ончынет гын,
Сорта чӱкташ келшалеш.
Ош тӱняште илынет гын,
Тунем шуаш кӱлдалеш.

Тошто годсо шомак-шамыч
Марийым моктен каласат:
Марий калык шагал гынат,
Шуко лийын керталеш.

Таҥ-шамыч, шинчыза
Теве тиде шомакым:
Пого-шамыч кийыме вер –
Тунем шумо мучаште.

Ончыза, шекланыза,
Тиде паша кугу вет:
Вара тунем шуктена гын,
Пиал муде она код.

Колыштса, умылыза,
Тыланда чын мут ойлалтеш:
Адак угыч тарванен,
Адак угыч тунемза!

Якте вопшыш кӱзен кертше
Тунем шуын ок керт мо?
Тӱня погым кучымаште
Молым поктен ок шу мо?

Кынелза, шогалза:
Кайышаш корно кужу вет,
Моло калыкым поктен шуын,
Нунын дене тӧр лийына.

1918 ий

ПАМЯТИ ТИХОНА ЕФРЕМОВА

О чём молил в тот год у Бога
Перед расстрелом арестант,
Шагнув во мрак лесной, без вздрога,
Поэт, учитель, музыкант?

Не для себя, а для народа
Просил из вечности наказ,
Взглянув в прорехи небосвода,
Где свет для жизни не погас.

Но сквозь небесное молчанье
Он слышал музыку свою.
И выстрел не прервал звучанье
У самой бездны на краю.

В ней высоко звучала скрипка,
Волынка выдала печаль.
И скрип забытой детской зыбки
Со вздохом принимала даль.

Быть может *тӱмыр* дробным стуком
Над Уньжей рокотал грозой.
О чём молил с душевной мукой
Он над дымящейся землёй?

Геннадий Смирнов, май 2018 г.

Олег Сергеев,
В.М. Васильев лӱмеш Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институт

МАРИЙ ТАЛЕШКЕ ТИХОН ЕФРЕМОВЫН ИЛЫШ КОРНЫЖ ГЫЧ

Ончыкылык мер пашаеҥ, туныктышо, сотемдарче, поэт, прозаик, журналист, фольклорист да этнограф Тихон Ефремов 1868 ий пеледыш тылзын 20-шо кечыштыже Озаҥ губерний Чарла уезд Шеҥше волостьысо Шора энер воктене верланыше Унчо селаш шочын [1, 185-ше л.][1]. Йоча годсо йомартле жапше ты вершӧрыштак эртен, школым, векат, шочмо селаштыжак тунем пытарен. Архивысе шуко делаште Тихон Ефремовын шинчымаш кӱкшытшым палемдыме шотышто «нач. чер. шк.» [начальная черемисская школа. – *О.С.*] возымо палемдымаш уло. Унчо селасе училище, ик источникын палемдымыж почеш, Калык просвещений министерствын «инородческий» училищыже семын 1871 ий пургыж тылзын 17-ше кечыштыже почылтын [7, 220-шо с.].

Тихон Ефремов, 15 ияш рвезе, Унчо «черемис» тӱҥалтыш школым тунем пытарымеке, 1883 ийыште Озаҥысе туныктышо семинарийыш тунемаш толеш[2]. Тудо «приготовительный» классыш логалеш. Тихон дене пырля ты классыш курыкмарий рвезе Николай Афанасьев (тудо 1868 ий ага тылзын 6-шо кечыштыже шочын. – *О.С.*) тунемаш пурен. Тидын нерген, мутлан, «О числе воспитанников семинарии за 1883 граж. г.» Озаҥ архивысе ик дела пенгыдемда. Тушто возымо: «Поступило вновь с начала 188¾ уч. года: в приготовительный класс… из черемис: 1. Афанасьев Николай, крестьянин, 1868 г., начальная черемисская школа, 2. Ефремов Тихон, крестьянин, 1868 г., начальная

---

[1] Т.Е. Ефремовын Озаҥ туныктышо семинарийым тунем пытарыме таныктышыштыжат 20 июньым ончыктымо [2, 93–93-шо лаштыкын весвелже (умбакыже – л. вв. – *О.С.*); тыгак онч.: 185-ше л.]. Тыгаяк датым «Марийская библиографическая энциклопедия» книгаште пуымо, григориан календарь дене – 2 июль [3, 144-ше с.]. Палемден кодыман: ты книгашке Тихон Ефремов олмеш Г.Я. Яковлевын фотожо логалын. И.М. Евсеевын лукмо книгаште Т. Ефремовын шочмо кечыжым ончыктымо огыл, «июнь тылзыште» веле манын кодымо [4, 217-ше с.]. Южо источникыште Т. Ефремовын шочмо кечыжым весым ончыктат, мутлан, онч.: «Энциклопедия Республики Марий Эл» книгаште 12 майым пуымо [5, 355-ше с.]. «Шӱвырзӧ кугыза» пашам ямдылыше да редактор О.М. Герасимоват ага тылзын 12-шо кечыжым ончыкта [6, 9-ше с.]. Ю.В. Ерошкин ден Н.А. Федосеева 5 декабрь манын палемдат [7, 332–334-ше л. вв.].

[2] И.М. Евсеевын возымыж почеш Тихон Ефремов «1881–1887 ийлаште Озаҥ учительский семинарийыште шинчымашым нӧлтен» [4, 217-ше с.].

черемисская школа». Тиде ийыштак вес марий рвезе Афанасий Леонтьев (1867 ийыште шочын. – *О.С.*) туныктышо семинарийын икымше классышкыже толеш [8, 9-ше л.]. Тыге ныл ий пеш вашке эртен кая. Семинарийыште Тихон Ефремов казна кӱшеш тыршен тунемын. Тудлан Унчо кундемысе Мер ото, Яныk памаш, Айблат куп да моло сылне вершӧрат яндар ушым, пеҥгыде вий-алым пуэн. Тихон шке ияш моло йоча-влак дене таҥастарымаште руш йылме деч посна эше «*русская словесность*» предметым ешарен тунемын. Ты предмет дене тыгак сай шинчымашым ончыктен. Тудын таныктышыж гыч коеш, эн йӧратыме предметшылан «церковное пение» шотлалтын, арам огыл тиде предмет дене «отличные» отметкым шындыме. Мурылан, музыкылан шӱман улмыжо умбакыжым Тихон Ефремовым «*Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро*» (але «*Кынелза, шогалза*») икымше марий моктеммурым возаш кумыланден. Тыге Тихон Ефремов 1887 ий пеледыш тылзыште Озаҥ семинарийым тунем пытара.

Тихон Ефремов дене пырля «тӱҥалтыш калык сельский училищын туныктышыжо» правам курыкмарий рвезе-влак: Николай Афанасьев ден Алексей Григорьев (1868 ий ага тылзын 10-шо кечыштыже шочын. – *О.С.*), тыгак руш «мещанин» рвезе Пётр Голубев налыт. П. Голубев Чарла уездеш 1868 ий кылме тылзыште шочын. Тудын нерген «Список казеннокоштных воспитанников Казанской учительской семинарии, окончивших семинарский курс в 1887 году и удостоенных свидетельства на право учителя начальных народных сельских училищ» делаште палемдыме. Тиде материалыштак Пётр Голубевын марий йылмым, тылзе палымыжым возен кодымо. «Какие знает инородческие языки, кроме своего родного» манме ой ончылно «черемисский язык» муткылдышым серыме [9, 185-ше л.]. Палемдыме делаштак Т. Ефремов нерген «примечанийыште» ончыктымо: «Ефремов Тихон, Царевококшайского уезда, крестьянин, черемис, 20 июня 68 г. (шочмо кечыж, тылзе да ий. – *О.С.*), *искусный регент* (ме ойыренна. – *О.С.*)» [туштак, 185-ше л.]. Лектеш, Тихон Ефремов черке хорын уста деч уста дирижёржо лийын, таҥ.: «*регент* – дирижёр хора, преимущественно церковного» [10, 672-шо с.].

Тихон Ефремовын Озаҥ туныктышо семинарийым тунем пытарымыж нерген архивыште документ аралалтын. Тудо «свидетельство» маналтеш, номерже – 457. Ты официальный кагазын көргыж дене палыме лийына:

«Предъявитель сего, Тихон Ефремович Ефремов, сын крестьянина из черемис Казанской губернии Царевококшайского уезда, села Унжи, родившийся 20 июня 1868 года, обучался в Казанской учительской семинарии на казённый счёт с 1 сентября 1883 по 6 июня 1887 года и окончил полный курс положенных уставом учебных предметов. Во всё время учения был поведения отличного и в преподаваемых предметах оказал успехи:

В Законе Божием весьма удовлетворительные

Педагогике очень весьма удовлетворительные

Русском языке очень удовлетворительные

Русская словесность удовлетворительные (ты графа молын уке, тудым ручка дене ешарыме. – *О.С.*)

Церковно-славянском языке очень удовлетворительные

Арифметике и геометрии весьма удовлетворительные

Русской истории весьма удовлетворительные

Географии весьма удовлетворительные

Естествознании весьма удовлетворительные

Чистописании и черчении весьма удовлетворительные

Церковном пении отличные

Кроме того, обучался ремеслам: слесарному.

Окончив полный курс учения в Учительской семинарии он, Ефремов, на основании п.б. статьи 17 Высочайше утвержденного 17 марта 1870 года Положения, удостоен Педагогическим Советом Казанской Учительской Семинарии звания *учителя начального училища*.

На основании ст. 10 Высочайше утвержденного 27 марта 1872 года Положения Казанской Учительской Семинарии, за казённое содержание в оной он, Ефремов, обязан послужить в должности учителя сельского народного училища не менее *шести* лет.

Как успешно окончивший курс учения в Казанской учительской семинарии, он, Ефремов, по отправлению воинской обязанности, пользуется льготами, предоставленными третьему разряду по образованию.

В удостоверение чего и выдано ему, Ефремову, сие свидетельство за надлежащим подписом и с приложением печати Семинарии. Город Казань июня 8 дня 1887 года.

Подлинное подписал Директор и Члены Педагогического Совета Казанской учительской семинарии.

Верно: Директор Семинарии Н. Ильминский» (вара сайын умылаш лийше кидпалыже кая. – *О.С.*) [2, 93–93-шо л. вв.].

Ныл ий жапыште шинчымашым пуышо туныктышо семинарий шенгелан кодеш. Тыге, Тихон Ефремович школ пашаш куснен, марий икшыве-влакым туныкташ тӱҥалеш, нуным тӱня умылымаш дене палдара, калык коклаште сотемдарыме пашам кыртмен шукташ пижеш. Семинарийым пытарымеке, кум тылзе каналтен, Морко кундемысе Семисола земский училищыш толеш. Тыште ныл ий, 1887 ий 1 октябрь гыч 1891 ий 15 октябрь марте, туныкта. Чылаже «Об определении учителем начального вотяцкого училища Тихона Ефремовича Ефремова» деласе «Формулярный список» почеш туныктымо стажше

31 ийыш погына [11]. 1890 ий гыч Озанҥысе учебный округын темлымыж почеш (1890 ий 29 сентябрь, 4827-ше №-ан кӱштымаш – *О.С.*) Тихон Ефремов «вотяк» (удмурт але одо. – *О.С.*) тӱҥалтыш школын туныктышыжо лиеш. Тидын шотышто 1890 ий вӱд йӱкшымӧ тылзын 29-ше кечыштыже учебный округын попечительже Озаҥ туныктышо семинарийын директоржо Н.И. Ильминскийлан тыге возен: «…определяю учителя Семисолинского училища Т. Ефремова учителем начального вотяцкого училища при Казанской учительской семинарии» [11, 23-шо л.].

1894 ий 1 март гыч 1898 ий 31 август марте Тихон Ефремович «Озанҥысе Поро кумылан ӱдыр-влак ушемын» («Казанский совет Благородных Девиц») ӱжмыж почеш черке мурым мураш туныктышо должностьышто шога. А 1898–1899 ийлаште Озаҥ архиепископ «высокопреосвященный» Арсенийын резолюцийже почеш Шнуй Гурийын братствыж пеленысе «черемис» туныктышо школын кусаркалышыжлан ыштен.

Марий талешке, сотемдарче Т.Е. Ефремовын илыш корныж дене кылдалтше эше ик шерге документ дене палыме лийына. Ты кагазыште возымо: «Я (попечительын полышкалышыже А. Остроумов. – *О.С.*)[3] уволяю *учителя начальной черемисской школы при Казанской учительской семинарии* (ме ойырен коденна. – *О.С.*) Тихона Ефремова от настоящей должности за перемещением его священником в с. Унжу Царевококшайского уезда с 5 ноября 1900 г.» [11, 23-шо л.]. Тыге 1900 ий кылме тылзын 15-ше кечыж гыч Озаҥ да Свияжск архиепископ Арсенийын кӱштымыж (приказше) почеш Тихон Ефремов Чарла уезд Унчо селасе черкын священникшылан кусаралтын. Тиде документ почеш умылаш лиеш: Тихон Ефремов Озаҥ туныктышо семинарий пеленысе «черемис» тӱҥалтыш школышто туныктен.

Шочмо кундемышкыже логалын, Унчо Епрем сотемдарыме пашам ок кудалте, мӧҥгешла, тудым виктарен колташ чыла вийжым пышта. Селасе, лишыл ялласе калыкат шке еҥжым умылен. Октябрь революций лиймеке, Тихон Ефремов, шке илыш корныжым шергалын, чон кӧргӧ поянлыкшым шотыш налын, илышыжым вес корныш савыралеш. Священник санже деч коранҥын, у илышым чоҥымашке кусна, совет пашаеҥ лиеш. Илышыжын пытартыш кечыж марте Марий кундем, шочмо калыкшын ончыкылыкшо, волгыдылыкшо верч тыршаш тӱҥалеш. Марий автономийым налын, марий-влак калык семын виянгшаш улмым, шочмо йылмым виянгдыме верч тыршаш кӱлмым моткоч сайын пален. Тихон Ефремов умылен: тидлан тунемше, уш-акылан марий вуйлатыше кӱлын. Ты вийым тудо «кужу ӱп-влакын»

[3] Остроумов Алексей Андреевич 1853 ийыште шочын, писатель. Москошто духовный академийысе курсым пытарен. Озаҥ учебный округысо попечительын полышкалышыже лийын [12].

(черке пашаеҥ-шамыч. – *О.С.*) полышыштат ужын[4]. Вет нуно кугун тунемше, калык дене пашам ыштен моштышо лийынат. Таҥастарыза, мутлан, Озаҥ туныктышо семинарийым тунем пытарыше (южыжо мучаш марте тунем шуктен огыл), варажым шке илышыжым черке паша дене кылдыше да марий калык историйыште кугу кышам кодышо икмыняр лӱмым: Дмитрий Аптриев, Трофим Удюрминский, тудын эргыже-влак Иван ден Никодим Удюрминскиймыт, Тимофей Семёнов, Сергей Громов, Василий Гурьянов, Павел Иванов, Михаил Клопский, Николай Смирнов, Григорий Шабруков, Александр И. Кидалашев, Николай Белугин, Фёдор Егоров, изак-шоляк Филипп ден Фёдор Букетовмыт, Алексей Ласточкин.

«Марий Марсельезын» авторжо вуйым сакен огыл. Ончыко да ончыко каен. Шочмо калыкшымат тошто жап деч помыжалташ ӱжын. Тихон Ефремов раш пален: ты корно пеш кужу… Арам огыл икымше марий гимныш савырныше почеламутыштыжо возен:

«*Кынелза, шогалза: кайышаш корно кужу вет.*
Моло калыкым поктен шуына, нунын дене тӧр лийына.
Шогалза, тӧрланыза шкендан кайышаш корныштo,
Иктылан икте кидым пуэн, чыланат иктӧр ошкылза…».

Чаманаш логалеш, Тихон Ефремов шонымыжым мучаш марте шуктен кертын огыл. Калыкше верч тыршыше титакдыме еҥым вулно пуля кычал муын…

КӰЧЫКЕМДЫМАШ-ВЛАК

д. – дела, л. – лаштык, л. вв. – лаштыкын весвелже (лаштык весвел), онч. – ончо (ончыза), оп. – опись, с. – села, ф. – фонд.

ЛИТЕРАТУР ДЕН ИСТОЧНИК-ВЛАК

1. Татарстан Республикысе национальный архив (умбакыже – ТР НА). Список, окончивших курс воспитанников с основания Семинарии, за 1875–1918 гг. – 93-шо ф., 1-ше оп., 1823-шо №-ан д.

[4] Пӱрӧ олаште Пӱтынь Россий кӱкшытан I Марий погын эртыме годым «Ӱжара» газетеш «К-к П» шылтышлӱм дене статья лектын. Тудын авторжо священник Ф.Е. Егоров [Морко кундемысе Шӱргысола гыч (кызыт тудо Кокласола ялын ик уремжылан шотлалтеш. – *О.С.*), Озаҥ туныктышо семинарийым тунем пытарен. – О.С.] манын шонат. Умбакыже рушла цитироватлем: «Автор укоряет людей, отрицательно отзывающихся о священниках («*длинноволосых*») и риторически спрашивает: «Неужели о достоинствах людей будут судить по длине волос?». Он приводит в пример аринских (с. Арино современного Моркинского района Республики Марий Эл. – *О.С.*) священников Смирнова (Александр Смирнов. – *О.С.*), Королева, Яковлева (Гавриил Яковлев. – *О.С.*), бескорыстно просвещавших родной народ, учивших его различать добро и зло…» [13].

2. ТР НА. Переписка с Министерством народного просвещения, учебным округом и инспектором народных училищ о назначении воспитанников семинарии на должность учителей. – 93-шо ф., 1-ше оп., 179-ше №-ан д.

3. Марийская библиографическая энциклопедия. 4905 имен в истории марийского народа / рук. проекта Валерий Мочаев. Изд-во 2-ое, доп. и переработ. – Йошкар-Ола: Мар. биограф. центр, 2017. – 606 с.

4. *Евсеев И.* Ӱжаран Унчо велне. – Йошкар-Ола: «Марий Эл» газет ООО, 2017. – 259 с.

5. Энциклопедия Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009. – 872 с.: илл.

6. *Ефремов Т.Е.* Избранные труды по марийской инструментальной музыке / ГБПОУ РМЭ «Колледж культуры и искусств им. И.С. Палантая» / ред.-сост. О.М. Герасимов. – Йошкар-Ола, 2015. – 60 с.

7. История Марийского края в лицах. XIV – начало XX веков. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. – 392 с., илл.

8. ТР НА. О числе воспитанников семинарии за 1883 граж. г. – 93-шо ф., 1-ше оп., 224-ше №-ан д.

9. ТР НА. Письма Н.И. Ильминскому о ходе миссионерской работы среди нерусского населения (литеры: М). – 93-шо ф., 1-ше оп., 128-ше №-ан д.

10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 2001. – 944 с.

11. ТР НА. Об определении учителем начального вотяцкого училища Тихона Ефремовича Ефремова. – 93-шо ф., 1-ше оп., 344-ше №-ан д.

12. https://slovar.wikireading.ru/1380719, ончымо кече: 16.03.2018 ий.

13. mari.eparhia.ru/konfer/2006/3, ончымо кече: 21.04.2018 ий.

Никандр Попов,
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРИЙСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ Т.Е. ЕФРЕМОВА

В истории марийского народа большую роль сыграла деятельность первой волны национальной интеллигенции. Ее зарождению способствовали модернизационные перемены второй половины XIX века. В то время марийцев, как и многих народов восточной части России, за неславянское происхождение, социально-экономическую и культурную отсталость, исповедование неправославной веры и подверженность влиянию исламской религии называли инородцами [1, с. 137]. Чтобы ликвидировать экономическое и культурное отставание нерусских народов, укрепить национальное и религиозное единство в стране, государство вынуждено было принять меры, способствующие повышению их грамотности, приобщению к христианской культуре.

В России христианизация нерусских народов шла довольно медленно. Из 1290 тысяч инородцев страны к концу 1860-х годов в православие удалось обратить только чуть более 159 тысяч человек (12,3% от общей их численности) [2, с. 108]. Среди восточных мари Уфимской губернии, например, доля православных составила более 8 процентов [2, с. 108]. Общественность страны выражала свое недовольство положением инородцев, требовала активнее проводить просветительскую работу среди них [3, с. 5].

В Марийском крае стали учреждаться земские и министерские начальные училища [4], духовное ведомство развернуло религиозно-просветительское движение. В Казанском учебном округе его координирующим центром стало Братство святителя Гурия, которое навязало народной школе христианско-воспитательное или даже миссионерское направление [5, с. 6].

Идейным вдохновителем братства был Н.И. Ильминский – замечательный во всех отношениях человек, известный ученый, выдающийся деятель народного просвещения, автор оригинальной миссионерской и педагогической системы. Опираясь на христианское миропонимание, он доказывал, что для культурного сближения нерусских народов нужно стремиться не к их русификации, а к осознанному добровольному освоению ими православия. Христианское воспитание он предлагал начинать с детского возраста и непременно на их родном языке. Инородческие языки стали краеугольным камнем всей его христианско-просветительской системы. Они должны были стать языками учебников, литературы, церковных богослужений и таинств [6, л. 196]. Ильминский рекомендовал открывать двуязычные народные школы с миссионерским направлением, обеспечив их переводными учебниками и религиозной литературой, образованными учителями и священнослужителями из числа самих инородцев [7, с. 83–88].

Идеи Ильминского, несмотря на жесткую критику его противников, оказались востребованными обществом, в том числе и образованной частью нерусского населения [8, с. 222], получили законодательную поддержку в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 года [9, л. 54–80]. Стали учреждаться инородческие начальные школы и педагогические образовательные учреждения, при братстве под председательством Н.И. Ильминского создается переводческая комиссия. За 17 лет ее деятельности были изданы 142 книги на 12 инородческих языках [10, с. 203]. В целях подготовки учителей и священнослужителей из числа инородцев в 1871 году открывается Казанская инородческая учительская семинария, директором которой назначили Н.И. Ильминского. При семинарии были учреждены марийская, мордовская, удмуртская, чувашская образцовые училища, куда принимали будущих семинаристов. Выпускники семинарии направлялись в наиболее значимые в миссионерском отношении школы.

В последующем им предлагали перейти в духовное ведомство и стать священнослужителями, разрешали вести службу на родном языке прихожан [11, с. 436]. За все время существования учительской семинарии было подготовлено более 1500 учителей, в том числе 686 русских, 249 крещеннотатарских, 179 чувашских, 128 марийских, 110 мордовских, 70 удмуртских и т.д. [12, с. 91]. В Уфимской губернии учителей-мари готовили в Уфимской двухклассной черемисской и Бирской инородческой учительской школах [12, с. 27–32; 13].

Принятые нововведения в религиозной и национальной политике страны создали условия для социального продвижения и приобщения подрастающей марийской молодежи к высокой культуре. Были заложены основы для подготовки миссионеров-просветителей. Участвуя в реализации христианско-просветительской системы Н.И. Ильминского, талантливые молодые люди вскоре поняли, что религиозное просвещение является лишь окружным путем в мир знаний, а христианское воспитание только преддверием на пути к общечеловеческой цивилизации. Вчерашние марийские миссионеры осознали, что подлинная народная культура тоже обладает большим потенциалом для воспитания человека, если развивать свой язык, культуру, формировать национальное самосознание.

Все это хорошо прослеживается на примере жизни и деятельности одного из лидеров культуры марийского народа Тихона Ефремовича Ефремова, 150-летие со дня рождения которого марийская общественность широко отметила в 2018 году. Он был детищем и участником практической реализации системы Н.И. Ильминского. Благодаря своему таланту, усердию и настойчивости проявил себя во многих областях культуры и образования. Т.Е. Ефремов известен как автор первого марийского гимна, замечательный педагог и наставник, миссионер-просветитель, литератор, прекрасный музыкант, вдохновленный исследователь народной души, быта и фольклора.

Исследование творческого пути Т.Е. Ефремова только начинается. Краткие упоминания о нем как просветителе, литераторе и фольклористе можно встретить в работах А.Т. Трефиловой, В.Н. Аблинова, О.А. Колейс, Л.П. Москвиной, П.А. Апакаева, О.М. Герасимова, Ю.Ю. Цыкиной, в изданиях библиографического характера. О его жизни и деятельности писали К.Н. Сануков [14, с. 203–215; 15, 154–161], Г.З. Зайниев [16, 6–13; 17, 4–24], Ю.В. Ерошкин и Н.А. Федосеева [18, с. 332–334], Г.А. Макарова [19, 6–11; 20, с. 39–43; 21, с. 294–296]. Более подробные сведения о жизни и творчестве Т.Е. Ефремова изложены в книге В.Г. Кузнецовой, написанной на основе опубликованных источников, некоторых архивных документов Государственного архива Республики Марий Эл, Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, публикаций в средствах массовой информации, воспоминаний родственников и знакомых Т.Е. Ефремова [22]. Автор определяет своего героя как выдающегося деятеля марийской

национальной культуры конца XIX – первой половины XX века, представителя церковно-просветительского направления народного просвещения. Большое место в книге уделено характеристике литературной, журналистской, фольклороведческой деятельности Т.Е. Ефремова. К сожалению, В.Г. Кузнецовой, как и предыдущим исследователям жизни и творчества Т. Ефремова, не удалось ознакомиться со многими архивными материалами, что проявилось в неточностях при описании происходящих событий в жизни марийского просветителя.

Наша статья посвящена характеристике жизни и творчества Т.Е. Ефремова в дореволюционный период, его роли в духовном просвещении народа, сохранении и развитии самобытной культуры, продвижении культурно-просветительских идей среди мари.

Работа написана на основе изучения опубликованных источников и архивных материалов. Основными источниками при написании статьи послужили документы, выявленные в фондах Государственного архива Республики Марий Эл: фонды Царевококшайской земской уездной управы (ф. 18), Штатного смотрителя Царевококшайского уездного училища Казанской губернии (ф. 97), Инспектора народных училищ Царевококшайского уезда (ф. 98), Царевококшайского уездного наблюдателя церковно-приходских школ Казанского учебного округа (ф. 101), Царевококшайского духовного правления (ф. 165), партийного архива Марийского обкома партии (ф. П-1), где хранится личное дело Т.Е. Ефремова с его автобиографией. Интересные сведения о нем найдены в фондах Национального архива Республики Татарстан (фонд консистории (ф. 4), Казанской учительской семинарии (ф. 93), Казанского профессора-ориенталиста Н.И. Ильминского (ф. 968) и др. Большую помощь при написании статьи оказали журнальные публикации Т.Е. Ефремова, его рукописи, хранящиеся в научно-рукописном фонде Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

Дата рождения Т.Е. Ефремова долгое время оставалась неопределенной. В анкете арестованного, составленной опер-уполномоченным второго отдела УГБ НКВД МАССР после ареста Тихона Ефремовича Ефремова 15 мая 1938 года, в графе дата рождения написано «12 мая». При этом в слове «мая» допущено исправление. По всей видимости, во время допроса подследственный датой своего рождения назвал просто «июнь». Следователь вслед за ним тут же успел вывести «ио», но потом, видимо, задумался и потребовал сперва уточнить день рождения. Так, по всей видимости, появилась дата рождения «12 мая» 1868 года [14, с. 206]. В своей автобиографии, составленной Т.Е. Ефремовым 27 февраля 1924 года, он написал: «родился в июне 1868 года» [23, л. 6]. В биобиблиографическом справочнике «Писатели Марий Эл» [25, с. 229] и в статье Ю.В. Ерошкина и Н.А. Федосеевой датой рождения Ефремова названа 5 декабря [18, с. 332].

Точную дату рождения Т.Е. Ефремова удалось выяснить из Метрической книги церкви с. Шиньша. В ней отмечается, что среди родившихся в 1868 году мальчиков деревни Унжи имя Тихон было дано двум детям: сыну Якова Тимофеева и Акулины Макаровой, родившемуся 15 июня и крещеного 20 июня и сыну Ефрема Стефанова и законной жены его Марины Еремеевой, родившемуся 20 июня и крещеного 23 июня [24, л. 14–15]. Архивный документ убедительно говорит о том, что Тихон Ефремович Ефремов родился 20 июня (3 июля по нов. ст.) 1868 года в д. Шор-Уньжа Шиньшинской волости Царевококшайского уезда. Его родители были православными. Восприемниками ребенка стали местный пономарь Иван Монастырев и жена крещеного Егора Иванова Татьяна Сергеева. Таинство крещения совершил о. Александр Смирнов [24, л. 14 об. –15].

Метрические записи Шиньшинской церкви за 60-е годы XIX века сохранились лишь частично. Поэтому установить время вступления в брак родителей Тихона Ефремова не удалось. Из автобиографии Т. Ефремова известно, что его родители поженились во втором браке будучи вдовыми. Отец остался без жены с тремя сыновьями и двумя дочерьми. Отсюда можно заключить, что он вступил во второй брак в преклонном возрасте. Еще меньше нам известно о судьбе матери Тихона – Марины Еремеевой. Тихон Ефремов писал, что она вышла замуж бездетной. В Метрической записи Шиньшинской церкви за 1865 год мы натолкнулись на упоминание о вдове из деревни Уньжа под именем Марья Еремеева. В этот год ее постигло большое несчастье: она в течение двух дней осталась без годовалого сына и трехлетней дочери, умерших 22 и 23 мая от кори [26, л. 38 об.]. В силу некоторого несоответствия имен мы не решаемся утверждать, что речь идет именно о будущей матери Т. Ефремова. По воспоминаниям самого Тихона Ефремовича, он был единственным сыном матери. Она «была умная, справедливая и добрая женщина», и сын питал к ней необыкновенную любовь [23, л. 6].

Детство Тихона Ефремова прошло в привычной для марийцев семейной обстановке. По воспоминаниям Тихона Ефремовича, его родители были люди среднего достатка. В семье отца жили трое женатых сыновей от первой жены. Отца часто навещали две его замужние дочери, родственники, которых было немало. По словам Т.Е. Ефремова, «марийская национальная жизнь в нашем доме кипела ключом» [23, л. 6]. В этой многолюдной семье маленький Тихон чувствовал себя неуютно. Родные, по-видимому, не упускали случая, чтобы напомнить мальчику, что он сын мачехи. Поэтому Тихон предпочитал больше общаться со своей матерью [27, л. 187].

Первая школа в родной деревне Т.Е. Ефремова была открыта в 1871 году по инициативе неутомимого Н.И. Ильминского. 18 ноября 1870 года он предложил открыть в Шиньшинском приходе училище Министерства народного

просвещения, назначив туда учителем Г.Я. Яковлева, бывшего учителя братской школы села Пертнуры Козьмодемьянского уезда. Ильминский считал, что Яковлев «достаточно грамотен, к православию безукоризненно предан, значительно начитан в христианских книгах, весьма любознателен, по-русски вполне понимает, и если заметен в его произношении акцент чужой и неисправность в русском изложении, то он старается исправлять и эту сторону, а мягкий, гуманный, рассудительный и спокойный, чуждый раздражительности характер делает его способным к надлежащему обращению с учащимися и с народом» [27, л. 23 об.]. Ильминский был уверен, что Г.Я. Яковлеву «при его даровитости и усердии» легко удастся усвоить луговое наречие своих учеников.

20 декабря 1870 года Н.И. Ильминский, узнав, что в намеченной к открытию школы в деревне Шор-Уньжа отсутствуют соответствующие помещения, предложил разместить школу в нанятом крестьянском доме и начать «исподволь, сначала незаметно, как бы случайно, приемами более миссионерскими, нежели чисто школьными» прививать крестьянам потребность к учебе [27, л. 23 об.].

Слова очень авторитетного для того времени Н.И. Ильминского оказали должное воздействие. 23 февраля 1871 года Казанская казенная палата по требованию Департамента народного просвещения выделила 375 рублей на учреждение Уньжинского министерского одноклассного училища. Из этой суммы 275 рублей отводились на годовое жалование учителю Гавриилу Яковлеву, а остальная сумма – на наем квартиры для училища с отоплением, освещением и прислугою [28, л. 4]. Занятия в школе (в доме крестьянина Петра Максимова) начались 20 февраля, на следующий день после прибытия Г.Я. Яковлева в Уньжу, 16 марта в школе насчитывалось 15 мальчиков [28, л. 9–10].

В те годы становления школьного образования в Царевококшайском уезде насчитывалось всего 17 сельских училищ, в которых обучались 587 детей, в том числе 47 девочек [29, л. 18]. Обучение шло по звуковому методу, в основном на русском языке. Преимущественное внимание обращалось преподаванию Закона Божьего, привитию детям навыков чтения и письма, обучению простейшим арифметическим действиям. В Уньжинской же инородческой школе превалировало миссионерское направление. Учитель старался перевоспитать детей в духе христианства, привить им религиозные чувства и потребность в постоянном общении с Богом, а заодно с помощью детей повлиять на их родителей, привить интерес к православному учению. Г.Я. Яковлев ежедневно на доступном языке рассказывал детям священные и евангельские истории, объяснял православные догматы, одновременно прививал ученикам навыки чтения и письма.

Учителю, проявляющему отеческую заботу об учениках, стремящемуся оказать содействие и помощь их родителям, удалось расположить к себе жи-

телей деревни. Они не стали отговаривать детей от посещения школы, сопротивляться тому, чтобы дети заинтересовались православными традициями и обычаями, заговорили о Боге.

Тихон Ефремов пошел учиться в школу в сентябре 1873 года в пятилетнем возрасте [24, л. 6 об.]. К такому решению, как он пишет в 1924 году, он пришел под влиянием инстинктивных ощущений тесноты в многосемейном коллективе, осознания своего отверженного положения как сына второй жены [24, л. 6 об.]. В школе Тихон нашел умного, опытного, обаятельного и доброго наставника жизни, который заложил в нем любовь к Богу, стремление жить, постоянно ощущая Его присутствие и заботу о нем. Используемые Г.Я. Яковлевым методы христианского воспитания детей навсегда сохранились в памяти мальчика, и он периодически вспоминал о них в своей последующей педагогической работе. Приобщиться к новым знаниям маленькому Тихону помогали достаточно опытные в образовательном и религиозном отношении дети старших возрастов, которые с удовольствием рассказывали истории из «Священной истории Ветхого Завета», вычитанные ими в книге, переведенной на родной язык дорогим для них учителем Гавриилом Яковлевичем.

Учеба в школе шла неспешно. Занятия посещали 30–35 детей, в основном марийцы [30, л. 71; 31, л. 25 об.]. По мере взросления ученики становились более религиозными. С сентября 1874 года в школе по пятницам и воскресеньям их стали вовлекать на утренние и вечерние молитвы, слушать чтение часов.

Между тем в жизни учителя Г.Я. Яковлева произошла значительная перемена. Дети узнали о том, что их учитель 8 ноября 1875 года архиепископом Антонием был рукоположен во священника [32, л. 622]. Это событие стало знаменательным и в том отношении, что Яковлев вознамерился преобразовать училище в церковь-школу. По этому поводу он в августе 1876 года написал докладную записку на имя архиепископа Антония. В ней попытался обосновать важность открытия домовой церкви, при этом горестно заметил, что в Шор-Уньже и окружающих деревнях насчитывается лишь 400 человек, поэтому вряд ли удастся содержать за счет прихожан причетника. Яковлев пожаловался на свое здоровье, сославшись на утомление от неотрывной работы в школе, служения в храме с. Шиньша, постоянных занятий по переводу книг на марийский язык, и попросил перевести его на службу в другой марийский приход [33, с. 350].

Просьба Г.Я. Яковлева не осталась без внимания. Антоний 11 сентября 1876 года передал его прошение в Совет братства святителя Гурия для обсуждения. Об этом сообщили Н.И. Ильминскому и попросили его лично переговорить с Г.Я. Яковлевым. Н.И. Ильминский своевременно выполнил поручение Совета и 14 января 1877 года доложил, что на место священника в Уньжа он не

видит никого другого кроме самого Г.Я. Яковлева – «самого надежного и деятельного миссионера». Поэтому он предложил отказаться от идеи о переводе священника на другое место. Далее Ильминский сообщил о том, что директору народных училищ Казанской губернии И.А. Износкову удалось убедить Министерство народного просвещения выделить 1000 рублей на постройку в Уньже училищного корпуса. Ильминский предложил разместить домовую церковь в новой школе и разрешить Яковлеву проводить в ней церковное богослужение и все требы для местного населения на марийском языке. Одновременно он посоветовал освободить Г. Яковлева от очередного служения в Шиньшинской церкви и требоисправлений в деревнях этого прихода, а вместо причетника привлекать к чтению молитв наиболее подготовленных учащихся школы. В заключение Н.И. Ильминский заметил, что выделенных средств, 1000 рублей, явно не хватит на устройство церкви-школы, поэтому выразил надежду, что Совету братства удастся приобрести для домовой церкви иконостас, церковную утварь [33, с. 351– 353].

Вопрос о постройке нового училища с церковью стал предметом активного обсуждения жителей деревни. Волостное правление в 1877 году под его постройку выделило землю размером в 30 сажень длиной и 20 – шириной [34, л. 7]. Родители учащихся приступили к заготовке лесоматериалов. Строительство здания училища удалось завершить к 16 июля 1878 года [35, л. 64 об.], а через год, 10 июля, должно было состояться освящение церкви-школы [35, л. 75]. За год к зданию новой школы пристроили алтарь, разместили иконостас, но средств для благоустройства помещения и приобретения церковной утвари сразу найти не удалось. Есть мнение, что Г.Я. Яковлев пожертвовал на эти цели полученные им 17 мая 1879 года из Министерства народного просвещения 200 рублей премии [36, с. 222]. На самом деле такую премию Г.Я. Яковлев получил в 1874 году [32, л. 622 об.]. Как бы то ни было, благоустроить новую церковь, видимо, удалось только к 1880 году. В отчете архиепископа Казанского и Свияжского Сергия за 1880 год отмечалось, что освящение деревянной при училищном доме церкви состоялось именно в этом году [37, с. 400]. По описаниям 1893 года, храм получился «маломестительным, очень низким» [38, с. 664].

Все эти трудные и радостные моменты, связанные со строительством домовой церкви, тонко чувствовали и ближайшие помощники Г.Я. Яковлева – его ученики. С открытием церкви они стали участниками церковных песнопений, помогали прислуживать в алтаре, читали молитвы вместо псаломщика. Все это способствовало формированию их характера, учило ответственно относиться ко всему происходящему, побуждало к повышению своих знаний.

Тихон Ефремов был допущен к выпускным экзаменам после достижения им 12 лет, поэтому только в 1881 году был допущен к экзаменам, которые сдал успешно. Годы его восьмилетнего ученичества были наполнены значительными

событиями. Начав учиться в деревенской избе и завершив учебу в стенах церкви-школы, Т.Е. Ефремов получил не только знания из области школьных дисциплин, но и, вслед за своим учителем, приобрел некоторые навыки перевода книг с русского языка на марийский, овладел приемами миссионерских бесед, узнал порядок богослужения. Словом, в глазах своих односельчан он стал вполне образованным человеком. По данным Царевококшайского уездного земства, на 7 июля 1881 года в деревне Шор-Уньжа таковых было 11. В их числе упоминаются 13-летние выпускники местного училища Тихон Ефремов, Тихон Яковлев и Яков Григорьев [39, л. 237 об.].

В 1881 году Т.Е. Ефремов по рекомендации Г.Я. Яковлева был принят в подготовительный класс при Казанской учительской семинарии. Начался новый шестилетний цикл учебы. Тихону Ефремову предстояло прежде всего научиться говорить и писать по-русски [23, л. 7 об.]. Эту проблему ему удалось решить за два года учебы в подготовительном классе и черемисском училище. В первый класс учительской семинарии его приняли в 1885 году. Известно, что во втором классе вместе с ним учились марийцы Федор Егоров, Федор Васильев, Петр Голубев, Алексей Григорьев, Иван Казанцев, Павел Калинин [40, л. 10; 41, л. 26, 195]. 4 июня 1887 года Т.Е. Ефремов успешно окончил учебу в семинарии и, вполне подготовленный к самостоятельной жизни, вернулся на работу в родной Царевококшайский уезд.

В этом году в уезде насчитывалось 47 сельских земских училищ, 10 церковно-приходских школ и 5 школ грамоты [42, л. 209 об.–214 об.]. Кроме того, в уезде работали две двухклассные и одна одноклассная министерские школы. Всего в этих учебных заведениях обучались 2281 мальчик и 287 девочек [43, л. 1–14].

Местное руководство определило Т.Е. Ефремова учителем Семи-Солинского училища Моркинской волости. Здесь до него трудился Л. Бурмистров. Уездный училищный совет, ссылаясь на незнания им марийского языка, решил перевести его в Вараксинское училище [44, л. 108 об.]. В первый год работы Т.Е. Ефремова в училище обучались 24 ученика. Школа находилась в бедственном положении. Ученики вынуждены были сидеть по 6 человек за столом [42, л. 52]. Молодой учитель проявил себя как любящий детей талантливый учитель, умело обучающий пению молитв, подыгрывая мелодии на скрипке. Стало расти количество детей, желающих учиться. К началу 1889–1890 учебного года число учеников возросло до 33 мальчиков и одной девочки [43, л. 7]. Инспектор народных училищ Виктор Федорович Люстрицкий под впечатлением увиденных уроков Ефремова 27 января 1890 года предложил Царевококшайской уездной земской управе увеличить Ефремову жалование до 216 рублей за «ревностное обучение детей и бесплатное преподавание пения» [45, л. 19, 136].

Но Т.Е. Ефремову не пришлось долго работать в сельской школе. 2 октября 1890 года руководство Казанской учительской семинарии пригласило его на работу в качестве учителя одной из своих образцовых начальных училищ. Согласно уставу учительской семинарии, учителя этих училищ по статусу должны были приравниваться учителям городских уездных училищ. Поэтому в семинарские школы назначали лишь лучших учителей из инородцев, способных стать образцами для воспитанников семинарии [46, с. 114]. Из этого можно заключить, что дирекция семинарии высоко оценила педагогические способности и человеческие качества молодого марийского учителя.

В 1890 году учителем черемисского училища семинарии работал марийский просветитель Тимофей Семенович Семенов, поэтому Ефремова назначили учителем вотского (удмуртского) начального училища. На этой должности он проработал 6 лет, а затем, после ухода с работы Т.С. Семенова, учил марийских детей. Помимо этого, с 1891 года на него возложили обязанность вести методическую работу – руководить практическими занятиями и пробными уроками выпускников 3 класса. В этом же году он был определен учителем черемисского языка в Казанской учительской женской семинарии, где проработал до сентября 1897 года.

С первых же дней своего пребывания в семинарии и до 1897 года Т.Е. Ефремов по поручению дирекции вел уроки пения, руководил хором учеников четырех начальных училищ. Этой деятельностью обычно занимались приходские диаконы. Члены причта Захаро-Елизаветинской церкви (домовой храм учительской семинарии), увидев творческое дарование молодого учителя, предложили ему принять сан диакона. По всей видимости, послушание диакона он стал нести уже в 1892 году [47, л. 42], а 22 марта 1893 года состоялось его рукоположение на этот духовный сан [48, л.106 об.]. После этого ему стали доверять чтение проповедей в воскресные и праздничные дни на русском языке, а иногда, в зависимости от состава молящихся, и на марийском языке [32, л. 684].

Ефремов много внимания уделял музыкальному воспитанию будущих учителей. С 1893 по 1897 год обучал их гармонии церковного пения, давал уроки игры на скрипке, одновременно в 1894–1898 годах работал учителем церковного пения в Казанском Родионовском институте благородных девиц.

Поступив на работу в семинарию, Т.Е. Ефремов начал сотрудничать с членами Казанской переводческой комиссии, был одним из редакторов по изданию книг на марийском языке. Всего за 1891–1900 годы на марийском языке было издано 46 книг, в том числе 27 – на луговом, 24 – восточном и 5 – горном наречиях. Превалировали книги религиозного содержания, буквари, учебники и учебные пособия. В «Клировых ведомостях Уньжинской церкви» можно встретить упоминания о том, что Т.Е. Ефремов подготовил и издал «несколько

брошюр самостоятельного составления», а в 1900 году – партитуру церковного песнопения на луговом наречии черемисского языка [48, л. 107 об.].

В годы работы в семинарии Т.Е. Ефремов приобщился к миссионерской деятельности. Летом 1892 года вместе с директором учительской семинарии Н.А. Бобровниковым побывал в селах Красный Яр, Кужмара (Чебоксарский уезд), Кожла-Сола, Семи-Сола, Арино, Уньжа, Шиньша (Царевококшайский уезд) и Токтай-Беляк, Сернур (Уржумский уезд) [49, л. 24]. В 1898–1899 годах по поручению Братства святителя Гурия помогал открывать марийские братские школы, выезжал в Царевококшайский уезд для наблюдения за их деятельностью [32, л. 684; 48, л. 104 об.–106]. В одном из поездок он подробно ознакомился с общей организацией жизни и быта учеников и учителей братской Уньжинской центральной черемисской школы и написал свои впечатления о ней.

В тексте записки дата ее написания не указана. В архивных документах она лежит в папке за 1898 год с материалами переписки Н.А. Бобровникова с Советом братства святителя Гурия по поводу Уньжинской центральной черемисской школы. Учитывая то, что в записке Ефремова не упоминается имя учителя Георгия Спиридоновича Белогусьева, проработавшего в Уньже с 1894 по 15 октября 1897 года [50, л. 215], мы убедились, что она написана в конце 1897 или в 1898 году.

Инициатива открытия Уньжинской учительской школы принадлежала самому Н.А. Бобровникову. По его предложению в 1893 году рядом с деревянным двухэтажным учебным зданием министерской одноклассной школы было выстроено примерно такое же здание под «общежитскую школу» (так первоначально называли будущий учительский класс) для подготовки учителей братских школ и руководства их деятельностью. По ходатайству того же Бобровникова Православное миссионерское общество решило выделить школе в 1894–1895 учебном году 1000 рублей [51, с. 11; 52, л. 14].

В своей записке Т.Е. Ефремов отмечал, что в Уньжинской школе по подготовке учителей учились до 150 человек, в том числе в учительском классе – более 40. Из них примерно 30 учеников содержались за счет братства, а остальные жили на свои средства или же за счет поддержки заведующего школой о. Александра Ивановича Кидалашева – выпускника Казанской учительской семинарии. Вместе с ним трудились выпускники той же семинарии – учителя Сидоров Михаил Сидорович, Петров Константин Петрович и его помощник Коведяев Николай Николаевич.

Ефремов Т.Е. обратил внимание на то, что ученики школы ведут церковный образ жизни, совершают утренние и вечерние молитвы, ежедневно поют тропарь святителю Гурию, а за вечернею молитвою непременно читают «Со святыми упокой» в память об усопшем Николае (Ильминском). В воскресные

и праздничные дни все ученики шли в церковь: учащиеся пели на клиросе, читали молитвы, прислуживали в алтаре, причем все это делалось без принуждения. В свободное от уроков время дети занимались переводами или работали в переплетной мастерской. Жителям села нравилось примерное поведение учащихся, школа пользовалась уважением во всей округе. Многим детям хотелось здесь учиться, но приходилось отказывать из-за отсутствия средств, достаточного помещения. Конечно, многих привлекали созданные в школе условия, бесплатное питание и проживание в общежитии. Но немаловажную роль в привлекательности учебного заведения, по мнению Ефремова, играл «симпатичный образ самого о. заведующего – священника Кидалашева, отличающегося выдающимся усердием к церкви Божьей, который как будто самою судьбою предназначен для ведения такого дела, порученного ему» [52, л. 6].

Ефремов Т.Е. высоко оценил влияние школьного образования на жизнь уньжинцев и марийцев округи. Одним из показателей этого благотворного влияния он считал вырубленные уньжинцами пять языческих рощ. По его словам, вырубить все рощи еще не удалось, по-прежнему продолжает красоваться соборная роща. Но, как пишет автор записок, уньжинцы-язычники, некогда с большим упорством выступавшие против школы и проявлявшие фанатизм в своей вере, начали осознавать ее постепенное затухание. Об этом свидетельствуют, по мнению Ефремова, их признания: «акыры Христос нэмнам сэна» – «кажется, Христос нас победит» [52, л. 6 об.].

Свою записку Т.Е. Ефремов передал директору семинария Н.А. Бобровникову. Тот постоянно интересовался своим детищем, не один раз бывал в Уньже, помогая советами выпускнику Казанской учительской семинарии, продолжателю традиций Г.Я. Яковлева, священнослужителю о. Николаю Александровичу Смирнову. Н.А. Смирнов прослужил в Уньже в 1888–1896 годах. При нем была воздвигнута и 16 июля 1895 года архиепископом Владимиром в присутствии архимандрита Амвросия, двух протоиереев и 10 священников освящена церковь во имя великомученика Пантелеимона и святого равноапостольного князя Владимира [53, с. 579]. После о. Николая наставником прихода стал о. Александр Кидалашев. Н.А. Бобровников помог М.С. Сидорову и К.П. Петрову перейти в духовное ведомство, после чего они, соответственно, были рукоположены во диакона и псаломщика.

Школа не была ограничена какими-то рамками, правилами, которые, как считал Н.И. Ильминский, не могут объять и предусмотреть все тонкости христианского образования и воспитания. Она не имела даже своего Устава, определенной Программы учебного курса, контролирующего, руководящего учебного ведомства, отчего в работе педагогического коллектива возникало немало проблем [52, л. 15 об., 18].

Бобровников Н.А. считал, что учебный курс учительской школы должен учитывать программные требования двухклассного училища Министерства народного просвещения и (или) двухклассной церковно-приходской школы. По его мнению, школа должна готовить «благовоспитанных, искренне религиозных учителей», «разумных певцов-регентов в строго православном, миссионерском духе», а также воспитывать благочестивых миссионеров, «мужественных, энергичных и проникнутых духом крепкой веры православной», способных своей разумной хозяйственной деятельностью, примерной религиозно настроенной жизнью пробудить у соплеменников христианские религиозно-нравственные чувства [52, л. 17]. Как видим, перед руководством школы ставились комплексные и совсем не простые задачи, выполнение которых требовало привлечения специалистов разных областей. Между тем уездная администрация и духовенство выражали недоумение по поводу открытия школы, считали, что во втором благочинном округе вполне хватило бы создания Моркинской двухклассной церковно-приходской школы [52, л. 18 об.].

Много вопросов возникало и с финансированием школы. На ее содержание Братство святителя Гурия выделяло 1000 рублей в год, из которых 500 рублей отводились на обеспечение питания 25 учеников при общежитии, 200 рублей на заработную плату двух учителей, по 100 рублей каждому, 40 рублей – заведующему школой и священнику, а остальная сумма – на приобретение учебных пособий, книг для внеклассного и внешкольного чтения, освещение, отопление помещений общежития и преподавателей [50, л. 216 об.]. Деньги, выделяемые миссионерским обществом, поступали не своевременно и не в полном объеме. Братство надеялось на то, что со временем свое содействие окажет Министерство народного просвещения [52, л. 4].

Организаторы школы рассчитывали, что в ней будут обучаться 25 учеников. В первый год работы школы удалось набрать только 8 учеников. Из-за скарлатины, распространившейся среди местных жителей, занятия пришлось прекратить через 2 месяца. В 1895–1897 годах в учительском классе обучались уже 22 ученика, в том числе 2 мальчика и столько же девочек были русской национальности. Появился первый ученик из числа некрещеных мари. В дальнейшем число желающих учиться в школе заметно возросло. В 1898–1900 годах в школе учились 36 учеников, из них 10 (6 мальчиков и 4 девочки) были русской национальности, одна девочка – марийка и 2 некрещеных мальчика.

За первые три года работы школа сумела подготовить четырех выпускников, получивших звание учителя. Восьмерых мальчиков, в том числе одного русского, приняли в подготовительный класс Казанской учительской семинарии, остальные по причине малолетства продолжали учиться. Из 28 учеников, проучившихся в 1896–1898 годах, звания учителя удостоились семеро, пятерым предложили поступать в учительскую семинарию, 16 оставлены на

повторный курс [50, л. 214–214 об.]. Работа Уньжинской школы, одноклассного училища вполне удовлетворяла Братство святителя Гурия. В одном из его отчетов это учебное заведение было охарактеризовано как «лучший тип миссионерской церковной школы» [51, с. 77].

В 1900 году со званием учителя окончили курс обучения 10 человек, семерым было рекомендовано учиться в учительской семинарии, девочке-марийке – в Казанской земской учительской школе. Таким образом, за 6 лет работы школы учебой было охвачено 80 мальчиков и 7 девочек, из них 20 человек стали учителями, 16 мальчиков мари и 4 русских продолжили учебу в подготовительном классе Казанской учительской семинарии, одна девочка поступила в женскую учительскую школу [50, л. 214 об.].

10 октября 1900 года А.И. Кидалашев в связи с переходом в Уфимскую епархию в качестве настоятеля Николо-Березовского мужского монастыря вынужден был оставить Уньжинский приход [54, с. 909]. Поэтому вместо него епархиальное начальство решило направить 32-летнего Тихона Ефремова, рукоположив его 15 ноября во священника [54, с. 1004]. Буквально в эти же дни Совет братства святителя Гурия определил Ефремова наблюдателем братских черемисских школ [55, с. 1059].

Жизнь и работа в Казани оказала большое влияние на Т.Е. Ефремова, расширила его мировоззрение, изменила отношение к себе и своей жизни. Он почувствовал уверенность в свои творческие силы и возможности. Работая в качестве учителя ведущего среднего учебно-образовательного учреждения, Т.Е. Ефремов имел возможность пообщаться со многими деятелями Братства святителя Гурия, учениками семинария – будущими деятелями национальной культуры, понять общие для всех нерусских народов проблемы. Годы работы в Казани помогли ему обогатить свой педагогический багаж, узнать общее состояние религиозной жизни в регионе. За семь лет диаконской службы успел освоить многие тонкости церковной службы. К посвящению в сан священника Ефремов был готов во всех отношениях. Только одно обстоятельство его могло огорчать: после смерти в мае 1893 года жены, с которой совместно прожили 5 лет, он не успел повторно жениться до принятия священнического сана.

Приход села Уньжи, по данным 1902 года, состоял из жителей 10 деревень, 273 дворов, 1700 человек, в том числе 50 дворов татар-мусульман, 33 двора некрещеных мари. В самом селе было только 8 дворов (60 человек) [56, л. 12]. Деревянная однопрестольная во имя Пантелеимона и князя Владимира церковь не имела достаточной утвари и ризницы. Церковь владела землей размером в 1 дес. 800 квадратных саженей. Недалеко от нее располагалась деревянная часовня на ключе. По штату в приходе полагалось иметь священника, диакона и псаломщика, каждый из которых получал от государства в год соответственно 300, 250 и 100 рублей [32, л. 682].

Уньжинский приход отличался наличием, пусть и небольших, но достаточного количества школ – «самых верных помощников приобщения населения к христианской вере и утверждения православия» [57, с. 1549]. Вокруг церкви располагались Уньжинская центральная черемисская братская школа, объединявшая две школы: одноклассную министерскую с трехгодичным обучением и братскую учительскую с двухгодичным сроком обучения. В приходе с 1898 года работали Уньжинская женская (размещалась в здании бывшей церкви-школы), Шланская и Сап-Уньжинская (Ямбаторская) братские школы.

Отец Тихон с большим энтузиазмом взялся за активизацию приходской жизни, привлекая к этому учащихся учительской и братских школ. Школы стали его надежными спутниками. Он десять лет руководил Уньжинской центральной черемисской школой, восемь лет – министерским одноклассным училищем, в эти же годы преподавал Закон Божий. В 1907–1908 годах о. Т. Ефремов состоял председателем строительной комиссии по расширению здания министерского училища. В ходе строительства на него была написана жалоба за то, что пристрой был построен на месте кладбища, и Ефремов якобы получил от подрядчика 50 рублей, но не отразил их в отчете. При проверке изложенные в жалобе факты не подтвердились [58, л. 1–44], однако сам факт ее появления мог вызвать у епархиального начальства некоторое недоверие к о. Тихону.

В 1907 году министерское училище стало двухклассным и его руководителем назначили священника с. Цибикнур Артемия Денисова, марийца из деревни Ныргында Сарапульского уезда Вятской губернии [58, л. 39–40]. Денисов на 17 лет был моложе Т.Е. Ефремова, прошел курс обучения в Сарапульском духовном училище, Казанской духовной семинарии. А. Денисов, по всей видимости, пользовался большим, чем Т.Е. Ефремов, доверием местной власти. Поэтому его назначили заведующим Уньжинской центральной черемисской школы.

Ефремову Т.Е., как наиболее подготовленному к миссионерской работе, поручили больше внимания обращать на братские школы. С 1901 по 1916 год он заведовал Уньжинской женской, Шорабашской, Ямбаторской школами Братства святителя Гурия, много лет вел уроки Закона Божия в Шорабашском (до 1905 года), Шланском (с 1911 по 1913 год и в 1916 году) училищах.

Больше времени ему приходилось уделять работе в учительской школе, где с 1910 года читал курс миссионерских предметов. С первых же дней работы в селе Уньжа у него установились добрые отношения с учителями и служителями церкви: диаконом М.С. Сидоровым, учителем, а затем псаломщиком К.П. Петровым, учительницей женской братской школы Анастасией Васильевой

[60, с. 20]. В последующем вместе с ним работали Г.Л. Леонтьев [61, л. 65–66 об.], П.Г. Григорьев (Эмяш) [62, с. 346], Н.Ф. Бутенин, Н.С. Сергеев, В.Д. Васильев, Н.И. Иванов [63, л. 32–46, 71–72] и другие учителя – выпускники Казанской учительской семинарии.

Будучи заведующим Уньжинской центральной черемисской школой, Т.Е. Ефремову удалось внедрить традиции воспитания, некогда установленные Н.И. Ильминским в Казанской учительской семинарии. Основное внимание в школе уделялось преподаванию Закона Божьего, развитию церковного хорового пения на славянском и марийском языках. Школа стремилась утвердить в сознании и поведении детей православно-христианский образ жизни, особенно это касалось тех, кто жил в общежитии. «На воспитательную сторону в церковном духе в отношении учеников-черемис в школе обращено самое главное внимание», – писал о. Тихон. При этом он, как нам кажется, пытался запрограммировать поведение будущих учителей. Он считал, что только такими мерами можно научить детей ежедневно совершать утренние и вечерние молитвы, притом не формально, а так, чтобы эти ритуалы «вошли в плоть и кровь детей, и соблюдение их стало бы органическою потребностью…», – подмечал Т.Е. Ефремов [60, с. 20].

Руководимая Т.Е. Ефремовым центральная школа обучила целую плеяду талантливой молодежи, которые стали видными общественно-политическими деятелями (И.П. Петров, В.А. Мухин, А.К. Эшкинин), писателями и поэтами (С.Г. Чавайн, Н.С. Мухин) и т.д.

Ефремов Т.Е. как настоятель храма стремился придать богослужениям особо торжественный характер, службу вел на славянском и местном марийском языке, создал большой хор учеников, состоявший примерно из 100 человек, не считая детей из соседних школ. Во время службы активное участие принимали учащиеся. Их привлекали к чтению молитв, поочередному служению в алтаре. Важное значение о. Тихон придавал проповедям на родном языке, писал их сам, тщательно готовился к их устному выразительному изложению [60, с. 22]. Свои проповеди он классифицировал на семь групп: положительные (излагательные), исторические, чисто богослужебные, обрядовые, праздничные, катехизические и обличительные. За год ему удавалось подготовить и произнести более 100 проповедей [60, с. 21–22]. Каждая проповедь после богослужения разбиралась учащимися учительской школы. В данном случае Т.Е. Ефремов возобновил выработанную в 1870–1880-х годах его учителем Г.Я. Яковлевым традицию наставничества.

Отец Тихон, пользуясь благосклонным отношением к себе односельчан, решил придать традиционным марийским праздникам христианский характер, сблизить древние традиции с церковным богослужением и крестными

ходами. Показательным в этом отношении является крестный ход с иконами, совершенный 28 апреля 1902 года в день праздника «Агавайрем» (праздник пашни). Торжественную его часть – коллективное моление с блинами, яйцами и домашним пивом – марийцы по традиции проводили на специально назначенном для этого озимом поле. Сельчане свой праздник, по словам Ефремова, возводили к праведному Ною, то есть они пытались найти аналогии своей веры в ветхозаветном учении.

Предложение настоятеля храма о крестном ходе крестьяне сразу не восприняли. Пришлось им долго объяснять и убеждать. Но, как пишет о. Тихон, «с Божьей помощью», крестьяне согласились с ним. Крестный ход с иконами, хоругвием, при торжественном пасхальном песнопении и колокольном звоне, собравший около 600 человек в национальных нарядах, двинулся к месту проведения праздника. Моление прошло на озимом поле. Батюшка здесь прочитал выдержки из Евангелия, произнес проповедь на родном языке. «Пища для души была обильна… Все участники Уньжинской школы в избытке насладились этою духовною трапезою», – пишет о. Тихон. Далее он подчеркивает, что марийцы остались довольными проведенным молебном, некоторые даже дарили участникам крестного хода яйца. С крестного хода возвращались обратно под колокольный звон с песнопениями, дойдя до села, сделали обход вокруг него [60, с. 23–24]. Подобный крестный ход с напольным молебном Т.Е. Ефремов снова организовал и провел 16 апреля 1915 года. Крестьяне, пришедшие на традиционный праздник со своими блюдами, не стали протестовать против молебна, более того, они согласились помолиться вместе с участниками крестного хода [64, с. 598–600].

Отцу Тихону в первый же год священослужения Братство святителя Гурия поручило вести наблюдение за работой братских школ. В его ведении находились Шланская, Сапская, Варангушская, Пертылгинская, Фадейкинская, Руш-Родинская, Ново-Карамасская, Вонжепольская, Больше-Мушеранская, Больше-Яраморская, Пуяльская школы Царевококшайского уезда и Гришкинская, Мултанская, Чигайкинская, Больше-Шиинская братские школы Мамадышского уезда.

Ефремов Т.Е. с большой ответственностью отнесся к этому поручению, в некоторых школах даже побывал два и более раз. Его наблюдения об учителях, отношении деревенских жителей к школе, марийским религиозным традициям представляют большой источниковый интерес. На основе его записей, а также архивных материалов нам, например, удалось составить социально-профессиональный, национальный состав учителей братских и церковно-приходских школ (см. таблицу 1).

Таблица 1

Социально-профессиональный состав учителей школ духовного ведомства Царевококшайского уезда в начале XX в.

	Церковно-приходские школы (1912 г.)		Братские школы (1914 г.)	
	Всего	%	Всего	%
Всего учителей:	43	100,0	15	100,0
1. В т.ч. мужчин	20	46,5	12	80,0
женщин	23	53,5	3	20,0
2. Социальное происхождение учителей:				
Крестьяне	33	76,7	14	93,3
Мещане	3	7,00	1	6,7
Духовенство	7	16,3	0	0,0
3. Национальность:				
мари	16	37,2	12	80,0
русские	27	62,8	3	20,0
4. Образовательная подготовка:				
Епархиальные училища	5	11,6	0	0,0
Казанская земская учительская школа	2	4,6	0	0,0
Ронгинская второклассная учительская школа	12	28,0	2	13,3
Унжинская центральная черемисская школа	1	2,3	11	73,3
Гимназия, прогимназия, педкурсы	3	7,0	0	0,0
Городские училища	12	28,0	0	0,0
Двухклассные училища	6	13,9	1	6,7
Монастырские школы	2	4,6	1	6,7

[65, л. 15–193].

Из таблицы видно, что в братских школах учителей-мужчин было в 4 раза больше учительниц. В них в основном трудились марийские педагоги, преимущественно крестьянского происхождения и большей частью выпускники Уньжинского центрального черемисского училища. В церковно-приходских школах ситуация была совсем иной. Там превалировали, пусть не намного, учительницы, большинство педагогов по национальности были русскими. Достаточно много учителей окончило городское училище и Ронгинскую второклассную церковно-приходскую учительскую школу. Были среди учителей и выпускники двухклассных школ, епархиальных училищ, даже окончившие гимназию, прогимназию или педкурсы.

Такую большую разницу в социально-профессиональном составе учителей церковно-приходских и братских школ можно объяснить в первую очередь неодинаковым их финансированием, особенно это касается оплаты труда

педагогов. Из материалов Т.Е. Ефремова видно, что большинство учителей получали за свою работу в год только 60 рублей, некоторые – 80 и лишь одному учителю выделяли 120 рублей [60, с. 44–51]. Соответственно этому невысоким был и профессиональный уровень школьных работников. О нищенском положении учителей говорил и епископ Алексий, выступая перед собранием народных учителей и учительниц Казанского и Царевококшайского уездов 29 августа 1902 года: «Нынешнее положение христианского учителя, особенно учителя сельского, весьма скромное, чтобы не сказать более. В самом деле, заброшенный в глухую деревню, обреченный довольствоваться едва не нищенским содержанием, жить в убогом помещении, нередко холодном, грязном и дымном, питаться чем Бог послал, во всяком случае впроголодь, а не досыта, лишенный часто какой бы то ни было медицинской помощи … принужденные едва ли не в ноги кланяться волостному писарю или старшине из-за какого-нибудь лишнего полена дров или деревенской кляченки, чтобы съездить по делу в город или село, и при всем том обязанный с раннего утра и до поздней ночи неустанно работать в школе за святым делом обучения и воспитания детей – скажите, разве может в самом деле похвалиться таким нынешним своим положением наш сельский учитель?. А ведь в таком убожестве живут если не все, то большинство начальных учителей и учительниц» [67, с. 810]. Жалкое положение учителей, особенно братских школ, замечали все наблюдатели. Об этом говорит известная многим деятелям образования поговорка: «Братская школа вышла на свой тяжкий путь без меди и злата, нищетой богата». В Чистопольском уезде, например, на каждую земскую или министерскую школу в год выделялось 1130, на церковно-приходскую – 569, а на братскую – 130 рублей [68, с. 19]. Видел и понимал это и Т. Ефремов. Посещая школы, он не один раз задумывался об осуществляемой властями политике в отношении инородческих детей, зарождающейся марийской интеллигенции.

Волновали его также проблемы профессиональной подготовки сельских учителей. Во время посещений школ он каждому учителю пытался подсказать, как правильно строить урок, на что обращать внимание при работе с классом. Вместе с этим Т.Е. Ефремов в присутствии учителя организовывал встречи-собеседования с последователями марийской традиционной религии, объясняя им основы христианской религии. После таких бесед шел индивидуальный разговор с учителем, делались конкретные выводы по поводу работы среди последователей марийской веры.

Желая научить учителей братских школ основам педагогической деятельности, он по своей инициативе с 16 июля по 1 сентября 1903 года организовал в Уньжинской школе занятия, во время которых рассказывал о современных методах и приемах работы с детьми [60, с. 96].

Годы работы Т.Е. Ефремова в Уньже совпали с периодом активизации

миссионерской деятельности. Он стал участником Казанского епархиального инородческого (1903), областного (1910) миссионерских съездов. Для борьбы с раскольниками и сектантами стали назначать епархиального миссионера, которому помогали участковые миссионеры. Противомусульманским и противоязыческим епархиальным миссионером был назначен Я.Д. Коблов. Учитывая большое количество язычников в Царевококшайском уезде (их было 1500 человек) [69, с. 1459], ему в помощники были назначены игумен Мироносицкой пустыни Пантелеимон и священник с. Шиньши Г.Я. Яковлев [70, с. 724–738]. В Казани учреждается миссионерский институт. По предложению архиепископа Арсения был дополнен Устав Братства святителя Гурия, где миссионерская работа определена как важнейшая задача братства. В миссионерских целях в Царевококшайском уезде создается Царевококшайское миссионерское отделение Братства святителя Гурия во главе с уездными благочинными [71, с. 906–911]. 21 декабря 1915 года в селе Морки учредили кружок для борьбы с местным черемисским язычеством [72, с. 96–98]. Священник Тихон Ефремов был избран членом совета кружка.

Ефремов Т.Е. в своем приходе регулярно проводил миссионерскую работу, вовлекая в эту деятельность учеников Уньжинской школы. По словам епархиального миссионера, в этой работе он был наиболее активным среди приходских священников. Его Я.Д. Коблов охарактеризовал как «особенно старательного в деле просвещения язычников» [73, с. 1529]. В 1910–1913 годах Т.Е. Ефремов работал Царевококшайским уездным инородческим миссионером. С августа 1916 года ему вновь доверили исполнять обязанности инородческого миссионера, а с сентября этого же года – наблюдателя миссионерских черемисских школ Братства святителя Гурия. Во время миссионерских поездок о. Тихон предпочитал проводить беседы, которые старался увязывать с церковными праздниками и богослужениями. Часто он говорил о человеке, значении молебнов и таинств, о пользе покаяния в грехах, поминания покойников и т.д., то есть призывал верующих осознанно вести христианский образ жизни. С некрещеными говорил об особенностях христанского понимания Бога, гуманистических принципах христианской религии. Т.Е. Ефремов понимал, что верующего человека одной-двумя беседами переубедить не удастся, к этому важному делу должны подключиться не только духовенство, учителя, но и все образованное сообщество.

Одной из средств привлечения марийцев к православию Т.Е. Ефремов считал церковное хоровое пение. Об этом он написал в статье «О преимущественной пользе церковного пения в деле просвещения черемис» [74, с. 265–273]. В ней он с должным пониманием оценил роль церковного песнопения в жизни верующих. Мир звуков он назвал «небесным языком». Автор считал, что традиционная вера марийца проникла в самую глубину его души, поэтому

невозможно ее искоренить средствами руссификации. Т.Е. Ефремов предложил системный метод противодействия языческим традициям: против веры противопоставить веру, против обрядов – обряды, против песен – церковное песнопение, против языческих имен – христианские имена. Он полагал, что без такого всестороннего воздействия на традиционное мировоззрение верующих добиться духовной победы не удастся. Без этого, как писал Ефремов, «черемисское язычество, уничтожившись в языке, останется в сердце … в поэзии…» [74, с. 271]. В заключение Т.Е. Ефремов советует всю воспитательную работу молодежи направить на то, чтобы ее воображение постоянно витало возле церковного клироса.

Предлагая такие кардинальные меры воздействия на верующих, сам Т.Е. Ефремов в глубине души понимал, что все это может привести к гибели богатой народной культуры. В другой статье, помещенной в этом же журнале, он говорил, что собрал уникальные фольклорные материалы: гусельные напевы, песни руководителей моления, мифологические и исторические предания [75, с. 261–266].

Ефремов Т.Е. был убежден в том, что миссионерскую работу прежде всего надо проводить в своем приходе, вовлекая членов клира, учителей. За 1912 год он произнес у себя в храме 19 поучений миссонерского характера [76, с. 1067–1111]. В сентябре 1914 года в приходе образовался попечительский совет по оказанию помощи семьям, призванным на военную службу. Руководителем этого совета стал Т.Е. Ефремов.

Проблема ремонта и благоустройства храма, принадлежащих ему строений, была одной из труднорешаемых. Прихожане-марийцы не изъявляли желания вкладывать средства на эти цели. Больших вложений со стороны тоже не было, за исключением выделенных 26 июля 1902 года протоиереем Иоанном Кронштадтским на нужды Уньжинской центральной черемисской школы и Уньжинской церкви 200 рублей [77, с. 722]. В целях сбора средств на ремонт церкви и школьных помещений настоятель храма от имени церковно-приходского попечительства написал «воззвание», которое опубликовал в «Сотруднике Братства святителя Гурия».

За все время службы Т.Е. Ефремов в 1905 году был награжден набедренником, в 1910 году – скуфьей, камилавкой, юбилейным знаком Императрицы Марии Федоровны, Знаком Братства святителя Гурия [32, л. 684; 18, с. 333].

Между тем религиозная обстановка в уезде заметно ухудшалась. Это стало проявляться уже накануне революционных событий 1905–1907 годов. Менялось и положение духовенства. Оно подвергалось сильной критике со стороны общественности. Духовенство обвиняли «в бездеятельности, нарочитой образованности, отсутствии средств для религиозного просветительного воздействия на общество и борьбы с противоцерковным духом времени» [78, с. 655].

Эти перемены в общественном сознании проявились и в Уньжинском приходе. Один из демократически настроенных просветителей марийского народа П.Г. Григорьев, исполнявший должность псаломщика с 1903 года, 11 августа 1905 года подал прошение об увольнении с этой должности [62, 946].

Ухудшилась религиозная ситуация в приходе. Несмотря на огромные усилия, направленные Т.Е. Ефремовым на преодоление влияния инаковерующих на прихожан, количество некрещеных марийцев не сокращалось, наоборот, после 1906 года оно резко возросло. Татары д. Шорабаш перешли в мусульманство (см. таблицу 2). Средств, выделяемых братством на миссионерские цели, катастрофически не хватало. Менялось не только отношение жителей марийских деревень к церкви, но и их характер.

Таблица 2

Динамика этноконфессиональной ситуации в приходе с. Уньжа в начале XX века

Конфессиональный состав	1902		1906		1916*	
	Число дворов	Кол-во человек	Число дворов	Кол-во человек	Число дворов	Кол-во человек
Православные русские и мари	273	1729	306	1847	352	2133
Некрещеные мари	66	409	47	492	83*	894*
Татары-мусульмане д. Шорабаш	50	337	45	289	*	*
Всего	389	2475	398	2628	435	3027

[32, л. 687; 48, л. 113]

Изменились отношения даже между представителями марийской интеллигенции. Местное духовенство, некоторые учителя с недоброжелательностью относилось к Т.Е. Ефремову за его принципиальность, стремление к социальной справедливости. Натянутыми стали отношения между Т.Е. Ефремовым и А. Денисовым, которых скрытно подталкивали к взаимной вражде проверяющие из уезда. Из-за разногласий между ними периодически возникали споры не только между учителями двух школ, но даже и учащимися. В ночь на 20 сентября 1912 года сгорело здание министерского училища [79, л. 41 об.]. Вместо А. Денисова руководителем училища назначили учителя Сотнурского училища Н.Д. Замятина. Тот в своих записках к уездному руководству образования не скрывал своего неуважительного отношения к настоятелю храма. Кроме того, стал добиваться перевода министерского училища в с. Шиньша.

* В источнике отсутствуют данные по татарско-марийской деревне Шорабаш, где в 1906 году совместно с татарами-мусульманами проживали 309 человек (27 дворов) некрещеных мари.

Его поддержал директор народных училищ. Полностью перевести училище ему не удалось, но все эти передвижки негативно сказывались на общем процессе учебно-воспитательной работы в Уньже, в той или иной мере отражались и во внутрицерковной жизни.

Ефремов Т.Е. с болью в сердце воспринимал такие негативные явления в жизни унжинцев. Крутые перемены в жизни России подтолкнули его пересмотреть всю свою предыдущую жизнь, искать ответ на вопрос: как дальше жить, каких ориентиров придерживаться, что надо сделать, чтобы помочь своему народу. В конечном итоге он пришел к выводу: православная религия в создавшихся условиях не может дать народу желаемой свободы, помочь ему обрести благополучие и спокойствие. Все это в конечном итоге определило его выбор отказаться от священнического сана.

Это стало закономерным итогом его духовного прозрения, но не шагом к атеизму. Отказавшись от духовного сана в 1919 году, принимая участие в изъятии церковных ценностей, читая лекции на антирелигиозные темы, он оставался верующим. Об этом можно понять из его автобиографии. Здесь он искренно признается, что, будучи священником, «нарушал чистоту вдовства» [23, л. 7 об.], то есть он, как православный верующий, продолжал осознавать свой грех. О своей глубокой вере в Бога он заявлял и во время следствия в 1938 году.

Вся деятельность Т.Е. Ефремова по духовному воспитанию, просвещению народа, проводилась не столько ради увеличения численности православных верующих и укрепления власти самодержавного строя, сколько во имя духовного раскрепощения, приобщения народа к знаниям, освобождения от гнета, нищеты и рабской зависимости. В своей автобиографии, подводя итог своей предыдущей деятельности, Т.Е. Ефремов писал, что все его успехи были обусловлены «неопреодолимым стремлением к свету знания, культуре и научной истине… Я всегда пламенел мыслью и посильными работами по просвещению родного народа» [23, л. 8].

Ефремов Т.Е. осознавал, что в проводимой властями миссионерской работе всегда подспудно подразумевались задачи руссификации, что претило ему. Такое отношение вызывало к нему со стороны окружающего духовенства недоверие, что не проходило мимо вимания Т.Ефремова. Он писал: «…лицемерие и ханженство служителей культа всегда претило и церковную организацию по своему считал орудием абсолютизма (и деспотизма) и пережитком древнего Востока» [23, л. 7 об.]. Себя Ефремов считал «сознательным носителем марийского мировоззрения, с его народной поэзией и искусством» [23, л. 7]. Свое отношение к этому он имел возможность продемонстрировать даже в своих дореволюционных публикациях [80, 81].

В «Великой Революции» 1917 года Т.Е. Ефремов увидел не только перспективу освобождения от рабства, беспросветного марийского невежества,

но и «грандиозную картину наступающей грядущей социалистической жизни, и наперекор всем окружающим перешел не только в сторону новой власти, но открыто и демонстративно вступил в Партию» [23, л. 8]. Ефремов, таким образом, сумел кардинально пересмотреть свое прошлое, как он писал «я в самом себе сделал Революцию». И это в конечном итоге наиболее ярко проявилось в его произведении «Кынелза, шогалза!» («Призыв к свету»), признанном его современниками национальным гимном народа мари.

Изучение жизни и деятельности Т.Е. Ефремова показало, что вся его сознательная жизнь дореволюционного периода была посвящена просвещению народа, его приобщению к христианской цивилизации. Участвуя в реализации христианско-миссионерской системы Н.И. Ильминского, он добросовестно и честно исполнял возложенные на него задачи, способствуя тем самым духовному пробуждению народа, повышению его образовательного уровня. Благодаря руководимой им Уньжинской центральной черемисской школе удалось подготовить не только учителей братских школ, но и будущую марийскую элиту. Его искренность, бескорыстие нравились прихожанам, в то время как окружающее духовенство, уездные руководители образовательных учреждений не давали ему возможности проявить в полной мере свой интеллектуальный потенциал. Значительные изменения, происшедшие в стране в начале XX века, позволили ему пересмотреть свое отношение к служению в храме, понять истинное назначение образовательных учреждений, преимущественную роль народной культуры в духовном его преобразовании.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Миллер А.И.* Этноконфессиональный фактор в развитии Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 102–150.

2. *Кузьмин К.В.* Национальные учительские школы и проблемы христианизации уральских народов (конец 1860-х – начало 1900-х гг.) // Образование и наука. – 2003. – № 3. – С. 106–115.

3. К вопросу об устройстве училищ для детей инородцев Казанского учебного округа // Сборник документов и статей по вопросу о образовании инородцев. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1869. – 522 с.

4. *Акшиков А.Г.* Земская интеллигенция Марийского края во второй половине XIX века: монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. – 271 с.

5. *Ильминский Н.И.* Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1886. – 55 с.

6. *Исхакова Р.Р.* Педагогическое образование в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. на соискание ученой степени доктора педагогических наук. – Казань, 2002. – 440 с.

7. *Колчерин А.* Н.И. Ильминский (1822–1891) – педагогическая деятельность и миссионерское служение в Поволжье // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – Выпуск № 53 (4). – 2013. – С. 83–89.

8. *Таймасов Л.А.* Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. – Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2004. – 523 с.

9. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9940. Л. 54–80 об.

10. *Ефимов А.* Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. – М.: Изд-во ПСГТУ, 2007. – 688 с.

11. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования Императора Александра III. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1901. – 676 с.

12. *Исламов Ф.Ф.* Роль Казани в просвещении народов Поволжья (на примере марийского народа) // Из истории развития народного образования и просветительства в Среднем Поволжье. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. – С. 88–95.

13. *Гареева М.П., Гареев И.С.* Бирская инородческая учительская школа (1882–1917 гг.): монография. – Бирск: Бирская гос. соц.-пед. академия, 2011. – 158 с.

14. *Сануков К.Н.* Автор марийского гимна // Трагедия народа: Книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл. – Т. II. – Йошкар-Ола: Мар. полиграф.-изд. комбинат, 1997. – С. 203–215.

15. *Сануков К.Н.* Тихон Ефремов – автор первого марийского гимна // Морко. Замечательные люди удивительного края: сб. док. очерков. – Йошкар-Ола: Редакция газеты «Марий Эл», 2002. – С. 154–161.

16. *Зайниев Г.* Унчо велын мурыжо // Ончыко. – 2003. – № 5. – С. 6–13.

17. *Зайниев Г.* Усталык памаш: литературно-краеведческий очерк-влак. – Йошкар-Ола: Республикысе калык усталык рӱдер, 2003. – С. 4–24.

18. *Ерошкин Ю.В., Федосеева Н.А.* Ефремов Тихон Ефремович (1868 –1938) // История Марийского края в лицах. XIV–начало XX веков. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. – С. 332–334.

19. *Макарова Г.А.* Духовное наследие марийского народа // Религия и/или повседневность: материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 16–18 апреля 2015 г. – Минск, 2015. – С. 6–11.

20. *Макарова Г.А.* О роли Центральной Черемисской миссионерской школы в д. Шорунья Моркинского района в духовном пробуждении марийского народа // Современные протестантские доктрины в Марий Эл: Новое поколение верующих: материалы Международной заочной научно-богословской конференции в г. Йошкар-Оле. – Йошкар-Ола, 2013. – С. 39–43.

21. *Макарова Г.А.*Тихон Ефремов: опыт научных, религиоведческих и литературных исследований 1917–1938 гг. в контексте современности // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2017. – С. 294–296.

22. *Кузнецова В.Г.* Очерк жизни и деятельности Т.Е. Ефремова (1868–1938). – Йошкар-Ола: Изд-во «Педагогическая инициатива», 2013. – 90 с.

23. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 698.

24. ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 2. Д. 879.

25. Писатели Марий Эл: биобиблиографический справочник. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. – 751 с.
26. ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 2. Д. 744а.
27. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9941.
28. ГА РМЭ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 816.
29. ГА РМЭ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 818.
30. ГА РМЭ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 843.
31. ГА РМЭ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 854
32. НА РТ. Ф. 4. Оп. 138. Д. 25.
33. Отчет о деятельности Братства Святителя Гурия за десятый братский год // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1878. – № 13. – 1 июля. – С. 346–375.
34. ГА РМЭ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 884.
35. НА РТ. Ф. 968. Оп.1. Д. 168.
36. *Ерошкин Ю.В., Федосеева Н.А.* Яковлев Гавриил Яковлевич (1843–1912) // История Марийского края в лицах. XIV – начало XX веков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. – С. 219–222.
37. Извлечения из отчета Высокопреосвященнейшего Серия, Архиепископа Казанского и Свияжского о состоянии Казанской епархии за 1880-й год // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1881. – № 15. – 1 августа. – С. 396–411.
38. *Измайлов П.*, благочинный, священник. Обозрение Его Высокопреосвященством некоторых сел Казанского и Царевококшайского уездов // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1893. – № 20. – С. 657 – 666.
39. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 214.
40. НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 227.
41. НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 279.
42. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 337б.
43. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 362.
44. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 337а.
45. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 377.
46. *Киржаева В.П.* Казанская учительская семинария в политико-правовом и культурнообразовательном контексте эпохи // Интеграция образования. – 2003. – № 2. – С. 112–120.
47. НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 409.
48. ГА РМЭ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 350а.
49. НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 417.
50. ГА РМЭ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 7.
51. Отчет о деятельности Братства Святителя Гурия за двадцать восьмой братский год с 4 октября 1894 года по 4 октября 1895 года. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1895. – 159 с.
52. НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 641.
53. Архиерейские служения // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1895. – № 15–16. – С. 577–579.
54. Движения и перемены по службе // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1900. – № 21. – 1 ноябрь. – С. 908–910.
55. От Совета Братства Св. Гурия // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1900. – № 24. – 15 декабря. – С. 1059.
56. ГА РМЭ. Ф. 306. Оп. 1. Д. 297.

57. *Коблов Я.Д.* О состоянии миссионерского дела в Казанской епархии за 1903 год // Известия по Казанской Епархии. – Казань,1904. – № 46. – С. 1545–1554.

58. ГА РМЭ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 69.

59. НА РТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 149.

60. Отчет о деятельности братства святителя Гурия за 35 братский год с 4 октября 1901 по 4 октября 1902 год. – Казань: Типо-литография В.М. Ключникова,1902. – 132 с.

61. ГА РМЭ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32.

62. Распоряжения епархиального начальства // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1905. – № 32. – 22 августа. – С. 946.

63. ГА РМЭ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 67.

64. *Уньжинец.* Христианский молебен на черемисском «Ага Пайрам» // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1916. – № 25–26. – С. 598–600.

65. ГА РМЭ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 12.

66. ГА РМЭ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 15.

67. Алексий, Епископ. Речь, сказанная перед собранием народных учителей и учительниц Казанского, Царевококшайского уездов 29 августа 1902 года // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1902. – № 18. – С. 808–811.

68. Отчет о деятельности Казанского братства святителя Гурия за 1914-й год // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1914. – № 19–20. – С. 17–32.

69. О состоянии миссионерского дела в Казанской епархии за 1903 год // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1904. – № 44. – С. 1459.

70. Миссионерское дело в Казанской епархии и забота о нем Высокопреосвященнейшего Арсения // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1901. – № 16. – С. 724–738.

71. Проект правил вновь учрежденного в Царевококшайском уезде миссионерского общества // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1902. – № 20. – С. 906–911.

72. Открытие во 2-м благочинии церквей Царевококшайского уезда Миссионерского кружка для борьбы с местным черемисским язычеством // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1915. – № 3–4. – С. 96–98.

73. О состоянии миссионерского дела в Казанской епархии за 1903 год. (Отчет епархиального противомусульманского и противоязыческого миссионера) // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1904. – № 45. – С. 1529.

74. *Ефремов Т.* Черемисы-язычники. О преимущественной пользе церковного пения в деле просвещения черемис // Православный собеседник. – Т. 4. – Кн. 1. – Казань, 1913. – С. 269–273.

75. *Ефремов Т.* Черемисы-язычники. Роль песен у черемис в их племенной языческой жизни // Православный собеседник. – Т. 4. – Кн. 1. Казань, 1913. – С. 261–266.

76. *Кремлев А.* Отчет Казанского инородческого епархиального миссионера за 1912 год // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1913. – № 36. – 22 сентября. – С. 1067–1111.

77. О пожертвовании протоиереем города Кронштадта Иоанном Ильиным Сергеевым 2300 рублей на нужды церквей Казанской епархии // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1902. – № 16. – С. 722–723.

78. Об оживлении епархиальных съездов // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1905. – № 22. – С. 655–659.

79. ГА РМЭ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 277.

80. *Уньжинский Т.* Кок Онар // Война увер. – 1918. – 28 июля.

81. *Уньжинский Т.* Эрыкыш лекме муро // Ӱжара. – 1917. – № 4. – С. 4.

Людмила Александрова,
Морко кундемысе Унчо кыдалаш школын
ончычсо туныктышыжо

ТИХОН ЕФРЕМОВИЧ ЕФРЕМОВ – УНЧО КУНДЕМЫН ТАЛЕ ЭРГЫЖЕ

Кӧ шке кундемжым чапле пашаж дене чапландара, кӧ шке сылне ойжо да семже дене шочмо калыкшым мокта, тудын дене кажне ен кугешна. Унчо кундемым XIX курымыштак Тихон Ефремов чапландарен.

Морко районысо Унчо (Шоруньжа) ял Марий Элын эн тора верыштыже шинча. Кайыме корнышто, эсогыл, татар мланде гочат эрташ перна. Ял ожнысо, тудлан тӱҥалтышым XVIII курымыштак пыштыме. Унчо ял моткоч онай верыште улеш. Эрвелым да кечывалвелым татар мланде дене пошкудо, йӱдвелне – Параньга, йӱд-эрвелне Марий-Турек районла верланеныт, касвелне – Морко районын моло ужашыже. Ял кугу, ял шотан поселенийын рӱдӧ илемжылан шотлалтеш.

«Унчо веллан шушо велым
Кушто тый эше муат?
Кундемем эн йӱштӧ телым
Шошо кумылан, товат», –

тыге шке шочмо-кушмо вер-шӧржым моктен возен Василий Миронов. Тыгай шошо кумылан кундемеш 152 ий ончыч, пӱртӱс пеледме жапыште, Унчо ялын ик эн тале эргыже Тихон Ефремов шочын. Могайрак ӱмырым илен эртарен? Тихон Ефремович марий калыклан мо сайым ыштен? Эн ончычак марий калык Т. Ефремовым икымше марий гимнын авторжо семын пала да курымеш шарна. Мондаш лиеш мо Октябрь революций деч онычак поэт, прозаик да фольклорист семын чапланыше Тихон Унжинскийым. 1920-шо ийлаште тудым этнографлан шотленыт да научный обществын радамышкыже пуртеныт. Тылеч онычыч ятыр жап школлаште пашам ыштен. 1924 ийыште партий кандидат семын автобиографийыштыже возен: «Ынде педагог семын огыл, а марий журналист да публицист семын пашам ыштем». Тунам тудо «Йошкар кече» газетым лукмаште тыршен, тӱрлӧ темылан статьям, заметкым, корреспонденцийым возен. Шужышылан полшышо комитетыште, областной газет-влак конторышто ыштен, Чарлаште педтехникумыштат туныктен. Палантайын хоржым вуйлатен, научный пашамат шуктен, МарНИИ-ште ыштен. Кеч-кушто пашам ыштен гынат, уло усталыкшым онычкташ тыршен. Утларакше поэзийыште, музык искусствышто.

Шке жапыштыже Т.Е. Ефремов пеш пагалыме, аклыме ен лийын. Санденак 1923 ий 1-ше мартыште, марий автономийын кокымшо идалыкшым

пайремлыме годым, тудым С. Чавайн, И. Палантай, В. Васильев да Ф. Егоров дене икверeш моктен чапландареныт, кӱсле ден шӱвырым устан шоктымыжлан, марийым сото илышыш ӱжын мурымыжлан кугу таум каласеныт.

Тихон Ефремовым шке шинчашт денак ужшо, кутырен колтымыжым, кӱсле шоктымыжым колыштшо пошкудыжо-влакын шарнымашешышт тудо могай кодын? 77 ияш Анна Ивановна Иманаева 1993 ийыште тыгерак каласкален: «Изи годым Тикын попым шуко гана ужынам. Тудо кугу капкылан, мотор шӱргывылышан ыле, ӱпшӧ суррак койын. Лыжган кутырен». 76 ияш Анастасия Лазаревна Лазарева тыге ойлен коден: «Йошкар-Олаште илымыж годым Вӧдыр шольыж деке унала шуэн толын. Тудо, очыни, костюмым чияш йӧратен огыл, эре жакетке дене коштын. Серьёзный енгла, ала-мо нерген шонкалышыла койын. Мемнан кӱсле ыле. Пӧртнажат туштак. Кӱслем чонанден моштен, марий муро семым путырак устан йонгалтарен, шуленак колыштам ыле». Павлова Татьяна Степановнан 1960-шо ийлаште шарнымашыж гыч: «1-ше майлан Тихон Ефремович Унчышто демонстрацийым эртарен. Шкеже эн ончылно ошкылын, кӱслем пеш сылнын шоктен, а почешыже калык кок урем денат эртен». Мария Фёдоровна Фёдорова каласкален: «Мый ынде 67 ияш улам. Ачам, Тихонын шольыжо, 1891 ийыште шочын. Тикын кугызайын Йошкар-Олаште илыме жапыште ачам Унчыштак илен. Тихон Ефремович деч мемнан деке чӱчкыдын ныжыл серыш толеден. Кажне серышыжым тыгерак тӱҥалын: «Поро кече, поро шагат лийже, Вӧдыр шольым, Настачи шешкым…».

Путырак ушан-шотан, уста эргыжым Унчо кундемыште илыше калык эреак порын шарна, кугешна. «Тихон Ефремовын шочмыжлан – 125 ий» гыч тӱҥалын кажне гана кугу пайремым эртара. Тидлан тӱҥалтышым тале Унчо марий Геннадий Савельевич Григорьев пыштен. Тудын тыршымыж дене 1993 ий 19-ше июньышто икымше гана Тихон Ефремов лӱмеш пайремым эртарыме. Тышке моткоч шуко уна толын. Венгрий гычат, эсогыл мӱндыр Японий гыч Танако Такаси лийын. Пайремым Геннадий Савельевич почын. Тудо Унчо селан тӱҥ уремжылан Т. Ефремовын лӱмжым пуымо нерген увертарен. Вара шочмо кече лӱмеш 125 сортам чӱктеныт. А чылалан палыме сӱретче Иван Михайлович Ямбердов Унчо калыклан Тихон Ефремовын кугу портретшым пӧлеклен. Тиде портрет эре калык дене пырля. Тудым лудмыпӧртыш, Т. Ефремовын аралалт кодшо креслышкыже, верандыме.

Пайрем жапыште погынышо калык Тихон Ефремовын возымо сылнымутшо дене палыме лийын. Унчо кыдалаш школын тунемшышт почеламутым сылнын лудмышт дене куандареныт, уло кумылын конкурсыш ушненыт. Пайрем кажне гана чапле концерт дене мучашлалтеш.

Тыге Унчо калык кажне вич ий гыч кугу пайремым эртара, шке эргыжым чапландара. 2008-ше ийыште, Т. Ефремовын 140 ияш лӱмгечыжым палемдыме

годым, стелым почмо. Тунемше-влак воктекше пеледышым шындат, эрыктен шогат. Талешке кечым эртарашат кугыең ден йоча-влак тышкак погынат.

Уло чонжо дене марий калыкын пӱрымашыж верч вургыжшо, ең-влакым амызе койыш деч эрнаш да волгыдыш, пиалан илышыш ӱжшӧ Айдемын лӱмжым шочмо калыкше тауштен шарна.

Мучашлан тыгай ойым каласыме шуэш: «Пел ӱмыржым туныктымо пашалан пӧлеклыше, тале, ушан-шотан еҥын лӱмжым ала шочмо-кушмо ялысе школжылан пуаш лиеш ыле?»

ЛИТЕРАТУР ДЕН ИСТОЧНИК-ВЛАК

Автобиография Ефремова Тихона Ефремовича, кандидата партии с 17 июня 1920 года. 27 февраля 1924 года. Копия снята 10.11.1992 в партархиве из личного дела Т.Е. Ефремова.

Букетов А.И. Унчышто – «Пеледыш пайрем» // Марий Эл. – 1993. – 19 июнь.

Зайниев Г.З. Тудо ӱжын: «Кынелза, шогалза!..» // Усталык памаш: лит.-краевед. очерк-влак. – Йошкар-Ола, 2003. – С. 4–25.

Сергеев М.Т. Мурызын кочо пӱрымашыже // Марий Эл. – 1998. – 5 февраль.

Олег Сергеев,
В.М. Васильев лӱмеш Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институт

УНЧО ШКОЛЫН ЭРТЫМЕ КОРНЫЖ ГЫЧ ИКМЫНЯР ЙЫЖЫҤ

(Татарстан Республикысе национальный архив материал негызеш)

Марий мландеш да тудын деч ӧрдыжтӧ шочын-кушшо кажне марий айдемылан виян йонгалтше *марий* шомак чонжылан моткоч лишыл. Чыла еҥ шке национальностьшо дене кугешна. Меат, марий-влак, шкенан марий улмына дене чот кугешнена. Марий калык курымжо мучко шкенжым эре *марий* манын, Московий да кугыжан Россий жапыште марийым «*черемис*» лӱм дене паленыт. Эсогыл ош тӱням ужшо але савыкталтдыме тошто шарныктышлаштат *марийская грамматика* але *марийский словарь* олмеш «черемисская грамматика», «черемисский словарь» савыртышым ужына. Икымше гана *марий* мутым кагазвак Суоми мландеш шочын-кушшо швед дипломат Генрих Бреннер пыштен. Тудо 323 ий ончыч возымо дневникыштыже палемден: «Нуно (марий, «черемис-влак». – *О.С.*) шкеныштым *мари* але *сармари* манып». Тиде кагазыштыжак Г. Бреннер возен: «Нунын (марий-влакын. – *О.С.*) кутырымышт финн йылме деке лишыл». Швед дипломатын тыге ойлымыжо эсогыл кумдан палыме немыч философ, энциклопедист Г.В. Лейбницым ӧрыктарен… [рашрак онч.: 1, 257–263 с.].

Марий шомак кок тӱҥ значенийыште кучылталтеш: икымше – тиде *марий* ‘мари, мариец’ этноним, кокымшо – *марий* ‘муж, мужчина’.

Кеч-могай калыкымат тудын йылмыже арала. Шочмо йылмыланна верч ме кугу тӱня дене кылым кучена, вашла умылена. Шочмо йылмылан кӧра пошкудо але вес йот йылмым тунемын кертына. Арам огыл калык коклаште курымешлыклан шулдыран ой кодын: йот йылмым кок-кум кечыштат тунем налаш лиеш, а шочмо йылмым ӱмырет мучко тунемат гынат, мучаш марте тунем от шукто. Амалже раш: коча-кованан йылмыже моткоч поян. Ты поянлыкше йӱквундыштат, мут поянлыкыштат, морфологий ден синтаксисыштат палдырна. Тидын шотышто поснак мутвундо ден ой чоҥымо радамым ойырен ончыктем ыле. Лексикыште гын, мутлан, шке кӱдыратле вий-алже дене синонимым палемдыман. Тудын дене моштен пайдаланымылан кӧра кеч-могай оят ныжылгын да куштылгын йоҥгалтеш. Марий синтаксис ойыртемым шотыш налын, ойым чоҥымашат предложенийлан лывыргылыкым пурта. Тыгай годым прозо жанржат поэзийыш савырна. Арам огыл марий кумалтышмутым поэзий жанр дене таҥастараш лиеш, таклан огыл кумалтышмут кӱсле сем почеш йоҥген.

Уло шкенан лепене шулдыр гай лывырге да чечен мурына, тӱня калыкым кӧранаш таратыше «тывырдыкна», чарныде-нойыде куштен-пунышаш «кандырана», шке кид дене ыштыме-тодмо пӧрткӧргӧ да сурт-оралте кокласе арверна.

Арвер, ӱзгар локтылалтеш але пыта гын, тыгаяк вес ӱзгарым ончен ышташ, келыштараш лиеш. А йылме йомеш гын!.. (аралыза тиддеч). Йылме йодыш эре пӱсӧ да ончыл верыште лийын. Кодшо курымын 30-шо ийлажым налаш гын, йылме йодыш «Марий Коммун» газет лышташ гыч ойырлен огыл, манашат лиеш. Шочмо йылме верч чон йӱлен, ятыр мер пашаеҥ, поэт-писатель возен. Ончалза, мутлан, икмыняржым: «Марий йылмын йандарлыкшэ вэрч» [2], В. Мухин «Марий йылме нерген» [3], К. Марский «Штыраш йылмэ» [4], И.Ф. Андрэйэв «Марий йылмым шымлымэ шотышто кумышо вичийыштэ ыштышаш паша» [5]. Ты йодышымак 1937 ий январьыште эртыше «I йылмэ наук конференцэ» умбакыже шуэн. Тиде конференцийыште лийше-влакат йылме йодышым пӱсын тарватеныт. Лӱмлӧ серызе-влак, мутлан, Шабдар Осыпын [6], С.Г. Чавайнын [7], «Йаныш Йалкайнын» [8] ойлымышт деч посна мо-ло-влакат шонымашыштым чон коржын каласеныт. Мут толмашеш, икмыняр статьям палемден кодена: «Мишкан район конфэрэнцэ – марий йылмэ нэргэн» [9], «Искаков йолташын ойлымыжо» [10]. Чылан гаяк «Литэратур йылмына мэмнан илыш гайак сылнэ лийжэ» [11] манме верч шогеныт.

Ожнысо Чарла ола лӱмым Йошкар-Олаш савырымат марий калык коклаште куан тулым ылыжтен. Тидын шотышто, мутлан, 1928 ий вӱдшор тылзын кудымшо кечыштыже «Йошкар кэчэ» газет возен: «Чарла огыл, –

Йошкар-Ола Совэт ушэмысэ ЦИК-ын прэзидиумжо мартын 10-шо Чарла ола лӱмым вашталташ, «Йошкар-Ола» манын лӱмдаш пунчалын. Ындэ рушлажат – Краснококшайск олмэш Йошкар-Ола манын, марлажат Чарла олмэш – Йошкар-Ола – манын возаш кӱлэш» [12]. Тиде пагытлан «Марий калык илэм» 16 районлан пайлалтын. «Йошкар кече» газет «районжо тыгай-тыгай лийыт» манын палемда: «Урал мари, Бирск, Бэлэбэй, Йэлабуга, Мэнзэли, Малмыж мари, Мамадыш, Вотьак область, Йаран мари, Чарла мари, Шэрнур, Ронго вэл, Мари Турэк, Морко вэл, Провой (Звэнигово), Кырык мары» [13].

Марий калыкым, тудын йылмыжым, тӱвыражым аралымаште да шарен колтымаште, калык коклаште пӱртӱс вий умылымашым почын пуымаште, калык ойпогым, калык йӱлам погымаште Морко кундем гыч Озанысе туныктышо семинарийым тунем лекше ятыр ен тыршен. Палемден кодена, южо тунемшыже тӱрлӧ амаллан кӧра семинарийым мучаш марте тунем пытарен огыл, туге гынат нуно, туныктышо правам налын, тӱрлӧ школлаште икшыве-влаклан шинчымашым пуэныт. Чаманен каласыман, йӧсӧ, неле илышлан кӧра шочмо-кушмо сурт деч тораште улшо южо тунемшыже илыш денат чеверласен. Мутлан, ик тыгай рвезылан Озан губерний Чарла уездысе Унчо села гыч улшо Ефим Спиридонов шотлалтеш. Тудын самырык ӱмыржӧ 1896 ий декабрь тылзыште кӱрылтын [14, 21-ше л. вв.].

Озан семинарийыш тунемаш пураш ямдылымаште моткоч кугу пашам Арын кок классан училище, Унчо тӱнгалтыш школ шуктен шогеныт. Тусо туныктышо-влакын тыршымыштлан кӧра ятыр марий рвезе шинчымаш да шке калыкшым сотемдарыме корныш лектын. Тӱнгалтыш жапыште поснак Арын школ ойыртемалтын. Тудын омсаже верысе кундемын икшывыже-шамычлан гына огыл, пошкудо вел гыч толшо-влакланат эре почмо лийын. Эсогыл Чарла да тудын воктене улшо ялла гычат марий да марла моштышо руш йоча-влак тунемаш толыныт. Школышто уста туныктышо-шамыч тыршеныт, нунын кокла гыч поснак Михаил Васильевым, Николай Модиным, Пётр Соколовым, Александр Смирновым ойырен палемдаш кӱлеш. Арын да Унчо школлам сайын тунем пытарен, Озан кугу корныш лекше ятыр лӱмым палемдаш лиеш, икмыняржым ончыктен кодена: Константин Бурнаев, Михаил Васильев, Степан Николаев (Чарла уезд Морко волость, Морко села), Карп Шишков (Волаксола уезд Кокласола), Фёдор Лопатин, Семён Мухин (Волаксола уезд Олыкъял), Иван Смирнов, Николай Александров (Шенше волость Кугу Варангыж), Сергей Николаев, Гаврил Охотин (Весшӱргӧ), Пётр Соколов (Изи Кожлаял), Михаил Петров (Барский Кужер)[5], Александр Кидалашев, Владимир Мухин

[5] Барский Кужер (Барские Кужеры) – Марий Кужер, Ердӱр ялла деч тораште огыл верланыше ял. Кызыт ты ял уке. Тушто тӱн шотышто руш калык илен. Тиде ял деч тораште огыл Свободные Кужеры ял улмаш. Тушто чуваш-влак иленыт.

(Тыгыде Морко), Егор Белогусев (Морко Ярамарий), Егор Алексеев (Шеҥше), изак-шоляк Филипп ден Фёдор Букетовмыт (Энгерӱмбал), Емельян Смирнов (Кугорнымбал), Иван Голубев, Гавриил Егоров (Кинер), Фёдор Егоров (Шӱргысола), Сергей Григорьев (Изи Корамас), Василий Ипатов (Кугу Шӱргӧ) да молат.

Озаҥ туныктышо семинарий денак Унчо калыкын уста эргыже Тихон Ефремовын илышыже кылдалтын. Татарстан Республикысе национальный архивлан энертен, Унчо школ дене кылдалтше материалеш кӱчыкыракын шогалына.

«С перепиской Унженского училища» делам почына (делам 1898 ий 24 августышто тӱҥалме. – *О.С.*), тушто Унчо школ нерген тыге возымо: «Начало этой школы восходит до 1872 года, когда в д. Унже была открыта первая братская школа по ходатайству покойного Н.И. Ильминского [Н.И. Ильминский (23.04.1822–27.12.1891) – профессор, Озаҥ туныктышо семинарийын директоржо]. Но в теперешнем своем виде Унженская школа существует с 1894 г.» [15, 4-ше л.]. Тихон Ефремовын палемдымыж почеш, тиде жаплан Унчо школышто тыгай туныктышо-влак пашам ыштеныт:

«1) Заведующий школой и законоучитель священник Александр Иванович Кидалашев, из черемис, кончивший курс в Казанской учительской семинарии в 1885 г. [15, 6-шо л.; тыгак онч.: 16][6];

2) учитель братской общежительной школы Константин Петрович Петров, кончивший курс в Казанской учительской семинарии в 1897 г.;

3) помощник учителя Николай Николаевич Коведяев из новокрещен черемис, кончивший курс в Казанской учительской семинарии в 1894 г.;

4) учитель Министерского училища Михаил Сидорович Сидоров из черемис, кончивший курс в Казанской учительской семинарии в 1888 г.» [15, 5-ше л. вв.].

Чаманаш логалеш, православийым шыҥдарен толмаш марий кумалтыш ото-влакым руаш таратен. Тидын шотышто архив материал тыгай уверым арален коден: «Влияние школы велико и среди окружающих черемис. Так, например, с тех пор, как открылась в 1872 году первая братская школа в д. Унже, срублены около нея 5 языческих рощ (мольбищ)» [15, 6-шо л. вв.].

Унчо школышто ныл туныктышыжат марий лийын. Александр Иванович Кидалашев – Морко кундемысе Тыгыде Морко ялын чапланыше эргыже. Тудо

---

[6] «Ӱжаран Унчо велне» книгаште Александр Иванович олмеш Александр Кидалашевич Кидалашев манын пуымо [17, 103-шо с.]. Палемдаш кӱлеш, Тыгыде Морко ял гыч Кидалашев тукымлӱман эше ик ен Озаҥ туныктышо семинарийыште тунемын. Тиде – Кидалашев Александр Николаевич, тудо семинарийым 1911 ийыште тунем пытарен [16]. Александр Николаевич Кидалашев (1892–1968) С. Чавайн нерген «Калыкын чын эргыже» вуймутан шарнымашымат возен [18].

1864 ий вӱдшор тылзын 8-ше кечыштыже шочын [19, 9-ше л.]. 1881–1885 ийлаште Озаҥ туныктышо семинарийыште тунемын. 1885 ий гычак Шнуй Гурийын братствыже пеленысе Унчо рӱдӧ марий школым вуйлатен. 1896 ий гыч – черке пашаеҥ. 1901 ий гыч монах-влак радамыш ушна да Анастасий лӱм дене палыме лиеш.

Константин Петрович Петровын шочмо вержым палемден огына керт, а Михаил Сидорович Сидоров – Сотнур села гыч. Тудо 1869 ий ага тылзын 20-шо кечыштыже шочын. Арын школышто тунемын, тудым 1884 ийыште пытарен [20, 26–26-шо л. вв.].

Николай Николаевич Коведяев – Виче кундемын эргыже. Тудо 1874 ий вӱдшор тылзын 8-ше кечыштыже Малмыж уездысе («Малмыжский уезд Малорошкинской волости Кинерско-Киселевского сельского общества») Кинер ялеш шочын. Тынеш пурышо, чимарий лӱмжӧ дене – Василий Яшкелдаевич Ешкельдев. Решетниковысо земский тӱҥалтыш училищыште кум ий тунемын. Туныктышыжо-влак Иван Федорович ден Елизавета Васильевнан темлымышт почеш Озаҥыш тунемаш толын. Тунемаш колтымо кагазшым 1891 ий уржа-сорла тылзын 12-шо кечыштыже Люперсола протоиерей пенгыдемден [21, 230–230-шо л. вв, 235-ше л., 321 л. вв.–323-шо л.].

Татарстан Республикысе национальный архивыште Н.И. Ильминскийлан возымо Унчо иерей Николай Смирновын серышыже аралалтеш. Николай Александрович Смирнов 1866 ийыште шочын [22, 5-ше л. вв.]. 1881 ийыште Озаҥ туныктышо семинарийысе «приготовительный» классыш пура, а 1885 ийыште семинарийым тунем пытара. Семинарий деч вара Арын селасе священник Евфимий Большаков ден Озаҥ туныктышо семинарийын вуйлатышыже Н.И. Ильминскийын тыршымыштлан кӧра тудо Морко кундемысе Кӱчыкэҥер[7] тӱҥалтыш школыш логалеш [23, 2-шо л.]. Палемден кодена, Элкэҥер ял воктене верланыше ты школым 1884 ийыште Е. Большаков почын. Черке пашаеҥ Е. Большаковын палемдымыж почеш, тиде 4 февральыште лийын [24, 7-ше л. вв.]. Ик ий гыч тыгаяк школ (1885 ий 11 февраль) Кожлаерыште почылтеш [туштак, 5-ше л. вв.]. Кӱчыкэҥер школыш толаш изи огыл полышым Николай Смирновлан Озаҥ губернийысе 2-шо участке калык училищын инспекторжо В.Ф. Люстрицкий пуэн [туштак, 14-ше л.]. Н.А. Смирнов варажым, коеш, Кӱчыкэҥер гыч Унчыш священниклан кусна (1888 ий 27 октябрь. – *О.С.*), тудын олмыш Озаҥ туныктышо семинарийым пытарыше Ярамарий ял (Волаксола волость. – *О.С.*) рвезе Егор Белогусев толеш [23, 14-ше л., тыгак онч.: 25, 8-ше л.]. Туныктышо Егор Спиридоновичым Е. Большаков кӱкшын аклен. 1890 ийыште тудо Н.И. Ильминскийлан воза: «…Белогусев – прекрасный

[7] Морко кундемыште кок Кӱчыкэҥер ял улмылан кӧра тудым эше Коркан Кӱчыкэҥер маныт. Весыже – Шале Кӱчыкэҥер, тыгак онч.: Коркан Курыкйымал, Морко Курыкйымал.

человек. Мне кажется, что и он пойдет по следам Н.А. Смирнова, Уньжинского священника» [23, 15-ше л.].

1888 ийыште Н.И. Ильминскийлан колтымо серышыштыже Унчо приход нерген Николай Смирнов тыгеракын сера: индеш изи «околодок»[8] уло. Умбакыже рушлак цитироватлем: «Материальное состояние этого прихода, видимо, порядочное, но что касается дорелигиозного – плохое, печальное, жалкое» [27, 122-шо л.]. Николай Смирнов Унчышто училище вуйлатыше Гавриил Яковлев дене илен. Тидын шотышто тудо тыге воза: «Живу в доме Гавріила Яковлевича, прихожане хотят купить его дом для нас. Гавріил Яковлевич просит 250 рублей, общество хочет давать не более 170 рублей…». Ончычрак Гавриил Яковлев деке пачерлан сотемдарче Трофим Удюрминскийын Никодим эргыже шогалын улмаш. Тунам Н.Т. Удюрминский «туныктышо-псаломщиклан»[9] шотлалтын [27, 123-шо л.].

Иерей Николай Смирнов кусарыме пашалан шӱман лийын. Тидын шотышто тудо профессор Н.И. Ильминскийлан тыге воза: «…очень хочется познакомиться со всеми имеющимися старинными переводами на черемисский язык – горного и лугового наречия… не найдете ли Вы возможным доставить с кем-либо, с попутчиком, мне по 1 экземпляру этих переводов. Наверное, воспитанник 1-го класса Семинарии Иван Кириллов приедет на Р. (возымо раш огыл, ала Рождество? – *О.С.*) …к своим, пришлите с ним…» [27, 123-шо л. вв.]. 1891 ийыште возымо серышыштыже Н. Смирнов Озанҕыш самырык рвезе-влакым намиен коштыктымыж нерген палемда: «В прошлый раз, 17 августа, я возил в Семинарию пятерых мальчиков – одного русского Петра Деведеника в приготовительный класс, куда он с Божией помощью и поступил, а остальных четверых в школу. По приказыванию Николая Алексеевича я попросил г. Суворова произвести этим черемисятам испытание по пению и Суворов испытал и отметил: Пётр Иванов 13 лет, умеет петь, Гавріил Степанов 12 лет, может петь, Ефим Петров 12 лет, может петь, Григорий Макаров 12 лет, слабее прочих. Из этих мальчиков, скажу чистой совести, особенно способны двое – Григорий и Ефим» [27, 126-шо л.]. Школысо тунемше-влакын руш йылмым начарын палымышт нерген Николай Смирнов чон корштен сера: «Из Уньжинского училища дети-черемисята в приготовительный класс поступать не могут: они крайне мало знакомы с русским языком, им необходимо нужно года два побыть в начальной школе для надлежащего усвоения русского языка». Серыш йымалне датым шындыме: «1891 г. 12 сентября», тыгак серышым колтымо адрес: «с. Уньжа» (27, 127-ше л.). Руш йылмым тунемме

---

[8] Околоток – окружающая местность, окрестность (устар.) [26, 450-ше с.].

[9] Псаломщик – служитель в православной церкви, помогающий священнику при совершении обрядов [26, 630-шо с.].

нелылык нерген Николай Смирнов умбакыже тыге палемда: «От зорких очей, обостренных многолетней служебной практикой Директора, не ускользнула слабость наших учеников – крайне ограниченное знание русского языка. Иерей Н. Смирнов» [27, 124–124-ше л. вв.). Марий тунемше-влакын руш йылмым тунеммаште лушкыдылыкыштым умылымылан, Озаҥ губернийысе калык училищын директоржо Алексей Степанович Никольскийлан таум ыштен, Н.И. Ильминскийлан увертара: «Спасибо, спасибо ему за сіе» [27, 125-ше л.], серышым Унчо села гыч 1889 ийыште колтымо.

Николай Александрович серыш йымалныже тӱрлӧ лӱмнерым шындылын: «иерей Н. Смирнов», «смиренный и недостойный іерей Смирнов Ваш счастливый питомец», «священник Н. Смирнов», «смиренный діакон Николай Смирнов». Серыш тӱҥалтышыштыжат тудын пеш кӱкшӧ стиль дене возымыжым ужына: «Ваше Превосходительство, Многоуважаемый и Добрейший наш воспитатель Николай Иванович», «Ваше Превосходительство, Достойнейший и Добрейший наш воспитатель и покровитель Николай Иванович». Ик серышыштыже Н. Смирнов, Н.И. Ильминскийын пелашыже Екатерина Степановналан марла возен, вуйжым сава. Тушто возымо: «*Юмо кужо ӱмырым пужо!*» [27, 127-ше л.].

Озаҥысе архив Морко кундемысе Унчо школ дене кылдалтше тыгайрак уверым пуа. Умбакыже кычалмаш ешартыш поян материалым пуэн кертеш.

КӰЧЫКЕМДЫМАШ-ВЛАК

д. – дела, л. – лаштык, л.вв. – лаштык весвел (лаштыкын весвелже), онч. – ончо (ончыза), оп. – опись, с. – села, устар. – устаревшее слово, ф. – фонд.

ЛИТЕРАТУР ДЕН ИСТОЧНИК-ВЛАК

1. *Сергеев О.А.* Марийские слова в дневниках финского дипломата Г. Бреннера // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: V часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 257–263.

2. Марий йылмын йандарлыкшэ вэрч // Марий Коммун. – 1934 ий 17 дэкабр.

3. *Мухин В.* Марий йылме нерген // Марий Коммун. – 1935 ий 9 апрель.

4. *Марский К.* Штыраш йылмэ // Марий Коммун. – 1935 ий 10 апрель.

5. *Андрэйэв И.Ф.* Марий йылмым шымлымэ шотышто кумышо вичийыштэ ыштышаш паша // Марий Коммун. – 1937 ий 29 май.

6. Шабдар Осып йолташын ойлымыжо // Мари Коммун. – 1937 ий 9 январь.

7. *Чавайн С.Г.* Конференцийыште ойлымыжо // Мари Коммун. – 1937 ий 10 январь.

8. Йаныш Йалкайн йолташын ойлымыжо // Мари Коммун. – 1937 ий 11 йанвар.

9. Мишкан район конфэрэнцэ – марий йылмэ нэргэн // Мари Коммун. – 1937 ий 6 йанвар.

10. Искаков йолташын ойлымыжо (Калтаса район «Лэнин корно» газэтын рэдакторжо) // Мари Коммун. – 1937 ий 10 йанвар.

11. Литэратур йылмына мэмнан илыш гайак сылнэ лийжэ // Мари Коммун. – 1937 ий 12 йанвар.

12. «Йошкар кэчэ» газет. – 1928 ий 6 апрель.

13. «Йошкар кэчэ» газет. – 1928 ий 9 ийуль.

14. Татарстан Республикысе национальный архив (умбакыже – ТР НА). «Казанская учительская семинария. Списки окончивших семинарию с 1890–1912 годы». – 93-шо ф., 1-ше оп., 1608-ше №-ан д.

15. ТР НА. С перепиской Унженского училища. – 93-шо ф., 1-ше оп., 641-ше №-ан д.

16. ТР НА. Список, окончивших курс воспитанников с основания Семинарии, за 1875–1918 гг.. – 93-шо ф., 1-ше оп., 1823-шо №-ан д.

17. *Евсеев И.* Ӱжаран Унчо велне. – Йошкар-Ола: «Марий Эл» газет ООО, 2017. – 259 с.

18. *Кидалашев А.* Калыкын чын эргыже // Марий Эл. – 2013 ий 12 июль.

19. ТР НА. Список воспитанников семинарии на 1880 гр. год. – 93-шо ф., 1-ше оп., 165-ше №-ан д.

20. ТР НА. Документы принятых лиц в число воспитанников в Семинарии. – 93-шо ф., 1-ше оп., 319-ше №-ан д.

21. ТР НА. Об определении окончивших курс воспитанников семинарии на учительские места. – 93-шо ф., 1-ше оп., 472-шо №-ан д.

22. ТР НА. О числе воспитанников семинарии за 1883 граж. г.. – 93-шо ф., 1-ше оп., 224-ше №-ан д.

23. ТР НА. Письма Н.И. Ильминскому от Большакова Е. – 968-ше ф., 1-ше оп., 90-ше №-ан д.

24. ТР НА. Письма Н.И. Ильминскому. – 968-ше ф., 1-ше оп., 89-ше №-ан д.

25. ТР НА. Документы лиц принятых в число воспитанников I класса семинарии с начала 1882–3 уч. г. – 93-шо ф., 1-ше оп., 203-шо №-ан д.

26. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 2001. – 944 с.

27. ТР НА. Письма Ильминскому Н.И. на букву «С». – 968-ше ф., 1-ше оп., 148-ше №-ан д.

Надежда Тихонова,
Морко районысо Унчо кыдалаш школ

Туныктышыжо – Римма Николаевна Петрова

ТИХОН ЕФРЕМОВИЧ ЕФРЕМОВ – МАРИЙ ТУНЫКТЫШО

Кеч-могай айдемат, тудын коклаште марият, шке ӱмырыштыжӧ ила, ила да эрта: тудын почешыже ыштыме пашаже гына кодеш. Кодеш да, пашажым ончен, каласен илат, тыгай ыле, тугай ыле, маныт. Тихон Ефремович Ефремов нергенат калык коклаште тӱрлын ойленыт да ойлат. Но тудо марий калыкым ончык ӱжшӧ ең лийын да сай илышлан туныктен. Неле илыш корным илен эртен гынат, йӧным муын моштен. Тудо ӱмыржӧ мучко марий калыкым туныкташ

да волгыдо илышыш лукташ тыршен. Вет тунемше ең гына ончылныжо волгыдым, сай илышым ужеш.

Кузе тудо илен, кушто тунемын, могай школлаште туныктен, тудын нерген могай шомак дене ойлат – чылажат онгай чучо, пален налмем шуо, тунамсе неле илыш жапысе туныктымо пашажым лончылен лекташ кумыл лекте.

Палемдыме цельыш шуаш манын, тудын нерген савыктен лукмо материал-влакым лудын лектым, тудын дене кылдалтше фото-влакым чумырышым.

Тӱҥ шотышто Гельсий Зайниевич Зайниевын «Усталык памаш» [1] да Вероника Георгиевна Кузнецован «Уньжинский талант» [2] книга-влаклан энертенам, тушеч лудын пален нальым.

Тихон Ефремович Ефремов 1868 ий 12 майыште Унчо ялеш шочын. Тидын нерген тудо 1924 ийыште возен: «Мый, Чарла кантон, Шеҥше волость, Унчо ялысе марий кресаньык ешеш шочын-кушкынам… Ачам икмарда озанлыкым кучен. Ватым кок гана налын. Икымше вате деч кум эрге да кум шешке, тылеч посна марлан кайыше кок ӱдыр лийыныт. Мыйын авам шонго ачамын кокымшо ватыже ыле. Тудо тылеч ончычат марлан лектын да, йочам ыштыдеак, пелаш деч посна кодын. Мый авамын ик шочшыжо гына лийынам… Авам моткоч йӧратем, тудын нерген шӱм шулыде, шинчавӱд лукде шарналтен ом керт. Авамым нигӧ деч чот пагаленам да пагалем… Мыйын чоныштем мо сайже уло гын, тиде чылажат – авам деч» [1, 4-ше с.].

Шуко еҥан ешыште кушшо йоча вич ияш улмыж годымак школыш кошташ тӱҥалын.

А Унчо школ марий гай шагал еҥан калык-влакым туныктышаш верч лым лийде тыршыше просветитель Николай Иванович Ильминскийын тыршымыжлан кӧра 1871 ийыште почылтын. Тидын нерген Ефремов вескана тыге серен: «Унчо школым кугу ушан ең Николай Иванович Ильминский почын. Николай Иванович илымыж годым тӱрлӧ калыклан порым шуко ыштен. Юмылан тау: тудын ыштыме порыжо марий калыкланат кодын… Школым почаш шонымыж годым эн лук, эн пусак, эн пычкемыш верым кычалын. Тыгай пычкемыш верым – Унчым муын… Кузе волгыдо шӱдыр йӱдым волгалтарен шога, тугак Унчо школат марий-шамычлан полшен… Унчышто тунемше-шамыч ынде шукышт еҥыш лектын улыт» [1, 5-ше с.].

Уньжа школ кум корпус гыч шоген: кокыт кок пачашан, весыже ик пачашан. Тиддеч посна кочмо вер, илаш вер, кок амбар, монча, леваш, нӧреп, таве да пакча лийыныт. Тунемаш пураш вуйлатышылан йодмашым возеныт. Тӱҥ тӱткыш мураш йӧратыше да шочмо йылме дене кутырышо тунемше-влаклан ойыралтын. Тихон Ефремов шкеже лач тыгай тунемше лийын.

Тудын икымше туныктышыжо – Гаврил Яковлевич Яковлев.

Ялысе школ деч вара 1881 ийыште латкум ияш Тикын Унчо деч 75 менге торашке, Озаҥыш, кая да тусо учитель семинарийыш тунемаш пура. Куд ий

гыч, 1887 ийыште, тичмаш курсым пытарен лектешат, ондак Морко кундемысе Семисолаште тунықта, вара Унчышко кусна. Самырык тунықтышын усталыкше нерген поро ой Озанғышкат миен шуэш, да 1890 ийыште тудым Озанғ учитель семинарий пеленысе школыш пашам ышташ ӱжыт.

Кум ий гыч, 1893 ийыште, шке илышыжым религий дене кылда – дьякон лиеш, а вара Тихон Ефремовичлан Унчо школым вуйлаташ темлат. Тыгай верыште шогышо ең священник лийшаш улмаш. Тыге Тихон Ефремов 1900 ийыште Тикын ачашке савырна. Калык коклаште тудым, пагален, «бачышка Тикын Епремыч» манынып.

Школысо ныл классыште 120 наре тунемше лийын, тышеч пелыже утла – Унчо гыч, молыжо – ӧрдыж ял ден уездла гыч толынып, утларакшым Звенигово, Волжск, Марий-Турек, Параньга гыч. Нуно тӱшкагудышто иленып. Мутат уке, кумалме йӱлалан тыште кугу вер ойыралтын. Моло вере рушла тунықтеныт гын, Ефремовын вуйлатыме школышто ача-ава йылмылан эреак мелын лийынып.

Теве поэт Николай Семёнович Мухин, тыште тунеммыжым шарналтен, 1918 ийыште тыге серен: «Унчо воктен братский манме школышто ныл ий тунеммем ушыштем тачысе гай раш. Братский школ манмаште тунам пелыже утла марла книга улып ыле. Школ ончышыжо Унчо марий Тихон ачана ыле, да марла лудаш, возаш тунықташ тырша ыле. Тунемше рвезе-влак марла лудаш йӧратат ыле. Школым тунем пытарымекат, марла книгам йодын налын, ешыштлан умылтарен лудыт ыле» [1, 6-шо с.].

Тыге ик ий почеш весе эрта. 1917 ий толын шуэш. 1923 ий 17 майыште «Йошкар кече» газет Тихон Ефремов нерген тыге возен: «Революций лиймеке, Ефремовын чонжо рудалт кайыме гай куаныш. Тудо марийлан у, волгыдо илыш толшашым шиже, чонжо дене чытыде муралтен колтыш: «Чевер ӱжара волгалте, шем пычкемыш шаланыш. Ош марийын йӧратыме ынде толын шуылдале!» Ош марийын йӧратымыжым Ефремоват пеш йӧратыш. Марий калыкым ончык, волгыдышко ӱжаш тӱнале: «Кынелза, шогалза, кайышаш корно кужу вет. Почылтса, волгалтса, пычкемышым кодыза! Марий калык тӱналеш гын, сеңген миен керталеш» [1, 9–10 сс.].

Чынак, тудо шочмо калыкшым нимо деч коч йӧратен, марийым пиалан корныш лукшаш верч кертмыж семын тыршен. 1919 ийыште Тихон Ефремович «ӱмбакше шичше неле рокым почкалта» – поп гыч лектеш да тудо ийынак Морко районысо Шеңше школышто тунықташ тӱнаеш.

Кок ий гыч Чарлашке кусна, илышыжым вес паша дене кылда. «Кӱчыкын каласымаште, службышто 37 ий шогенам, – возен Тихон Ефремов, – тышеч 28 ийже Юмын паша дене кылдалтынам, ты шотыштак 20 ийже приходышто лийынам, туныктымо пашалан 35 ийым пуэнам. А ынде кумшо ий педагог семын огыл, а марий журналист да публицист семын пашам ыштем» [1, 22-шо с.].

Калык тудым икымше марий чапмурын авторжо семын пала. «Кынелза, шогалза!» мурым тудо 1918 ийыште возен.

Тиде муро Гимныш савырнымек, Иван Степанович Палантай тудым уста кидше дене тӧрлатен, сылнештарен.

Варарак, совет жапыште, «Йошкар кече» газетын ик лаштыкыштыже палемдыме: «Тихон Ефремович Ефремов Озаҥ да Уньжа школлаште туныктымо жапыште шуко сай пашам ыштен. Тудын тыршымыжлан кӧра шуко самырык ен илышыш лектын» [2, 12-шо с.].

Тидын нергенак марий драматург, Марий АССР-ысе сымыктышын сулло пашаенже Николай Михайлович Арбан поро мут дене тыге шарнен ойлен: «Мемнан туныктышына марий калык мурым чот йӧратен. Лопка туп-вачан, поро шинчаончалтышан, эреак шыман да ӱшандарышын ойлен. Иван Степанович Палантайын пашажым кӱкшын аклен да шкенжынат йӱкшӧ сылне лийын, эре колыштмет шуын» [2, 6-шо с.].

Тихон Ефремов шкежат тыге каласен: «Мый прозым, поэзийым моткоч чот йӧратем. Тиде чылажат марий калык деч шыҥдаралтын. Марий семым пагалем, шкежат кӱсле да шӱвыр дене шоктем. Молан мый тидым ойлем? Марий калыкын тӱвыражым нӧлташлан тудын кӧргӧ чонжым сай палаш кӱлеш» [2, 6-шо с.].

Тихон Ефремов ятыр мурым, почеламутым, ойлымашым возен. Тудын пашаже шочмо марий калык верч, тудын йылмыжым да йӱлажым аралеи кодымо верч лийын.

Меат таче, тудын пашажым шарнен, марий калык верч мом да кузе ыштымыже нерген каласен илена. Илышыже неле лийын гынат, тунемашак тыршен. Тунемын да моло марий-влакымат тунемаш, ончык каяш ӱжын. Тудо каласен: «Марий калыкын шуаралтмыже шӧртньӧ дечат шерге лийже… Шке кумылетым ӱлыкӧ ит волто, йӧратыме марий калык. Мыняр тыланет йӧсӧ лиеш, тунаре тый чот шого…» [3, 8-ше с.]. Ушан ен̃ын тиде да моло ойжо нигунамат ок тоштем. Тихон Ефремовым да тудын поро пашажым калык курымеш шарнен илаш, возымыжым лудаш да аклаш тӱҥалеш.

ЛИТЕРАТУР ДЕН ИСТОЧНИК-ВЛАК

1. *Зайниев Г.З.* Тудо ӱжын: «Кынелза, шогалза!..» // Усталык памаш: лит.-краевед. очерк-влак. – Йошкар-Ола, 2003. – С. 4–25.

2. *Кузнецова В.Г.* Уньжинский талант. Т.Е. Ефремов. Очерк жизни и творчества. – Йошкар-Ола: Изд-во «Педагогическая инициатива», 2013. – 90 с.

3. *Чокмар Э.* «Мыняр неле – тунар чот шого». Икымше марий гимнын авторжо Т.Е. Ефремовлан – 125 ий // Кугарня. – 1993. – 21 май. – С. 8.

4. *Сануков К.Н.* Мурыжо илаш кодын // Морко мланде. – 1992. – 10 март.

Тамара Молотова,
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ВКЛАД Т.Е. ЕФРЕМОВА В ИЗУЧЕНИЕ МАРИЙСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАЗДНИКОВ

Марийский просветитель Тихон Ефремович Ефремов был очень одарённой личностью, он проявил себя как краевед, этнограф, фольклорист, музыкант, поэт, литератор, публицист. Свои способности он показал и в описании традиционных праздников своей малой родины – шоруньжинской стороны. Ныне в Шоруньжинское сельское поселение Моркинского района Республики Марий Эл входят 8 поселений: с. Шоруньжа (*Унчо*), д. Шлань, д. Сапуньжа (*Шап Унчо*), д. Паймыр, д. Шурга (*Шӱргӧ*), д. Ямбатор (*Ямбатыр*), д. Муканай. Недавно к этому сельскому поселению был присоединен лесной посёлок Уньжа [4].

Уникальная, прижизненная рукопись *«Описание старинного марийского праздника «Шорык-йол» с ролью Васли кугыза и с Девичьим пиром. В конце сравнение с Чувашским Девичьим пиром»,* датируемое 1936 годом, хранится в научно-рукописном фонде Марийского научно-исследовательского института языка, литературы, истории им. В.М. Васильева. В конце рукописи имеется небольшое авторское сравнение марийского праздника с чувашским девичьим пиром (с. 94–98). Рукопись написана рукой Т.Е. Ефремова (98 стр.), она представляет общую тетрадь в линейку. В оглавлении автором выделено 20 подразделов [3]. В предисловии (общих замечаниях) автор отмечает, что описание праздников дается так, *«как они совершались в с. Шор-Унже Моркинского района МАО»* (с. 2). Т.Е. Ефремов подчеркивает, *«что в круг Шор-Унжинских мариев входят еще 4 деревни Шиншей* (соврем. Шиньша) *и 5 деревень Варангуж»… Поэтому, когда я, для краткости, буду писать про Шор-Унжу, то включаю в это понятие, некоторым образом, и Шинши с Варангужами, так как праздники и обычаи всех этих марийцев совершенно одинаковы»* (с. 3). Автор также отмечает, что жители этих поселений принадлежат к одной территориальной группе марийцев с женским головным убором «*шымакш» (шымакшан-шамыч*) с одинаковыми особенностями в традиционной культуре (с. 12).

Как уроженец с. Шоруньжи, Т.Е. Ефремов в своей рукописи дает географическое расположение и исторические сведения о родном селении, предполагая, что *«первые поселенцы ея, как показывает и самое название «Унжа», были пришельцы с реки Унжи Ветлужского уезда Костромской губрении.*

Прибыв сюда из дали, новые поселенцы мари первым долгом надавали здешним рекам, озерам свои привычные названия: река Унжа, Илэ, Шора, Талмат, Чегылдым-шор и проч.» (с. 4).

Тихон Ефремов знал с детства историю своего родного селения, интересовался фольклорно-этнографическим богатством культуры местных марийцев. Он пишет о том, что *«теперешняя Шор-Унжа есть вторая Унжа», а подлинная Унжа – первая, старая, находилась ещё глубже в лесу, в 6 километрах от современной. В старой Унже, на реке Унжинке, было 66 дворов»* (с. 4). Он отмечает, что в этих местах было много всего для благополучной жизни: леса, реки, обилие пчел, хорошие деревья для бортей, звери, птицы, рыбы, разные ягоды и грибы, что и привлекало население (с. 5). По преданиям, в старой Унже *«жила одна старуха Ант-кува, у которой было много пчел и которая в праздники хвалилась, пела и говорила: скорее вода в Унжинке высохнет, но моя «медовшина» в бочке не кончится»* (с. 6). Однажды сноха старухи убила на ключе красивую утку, которая оказалась покровительницей-матерью пчел старухи. *«Пчелы у Ант-кувы стали убывать и, наконец, вовсе кончились. А вода на реке Унжинке течет и до сего времени…»* (с. 6–7). Часть жителей старой Унжи вымерла, часть переселилась за реку Шора и образовалась Шоруньжа. Тихон Ефремов пишет и о том, что в исчезновении старого поселения виновато и проклятие овды (отчасти реальное, отчасти мифологическое существо), которая любила кататься по ночам на лошади одного марийца и была наказана хозяином лошади. Овда, мучаясь от побоев, выкрикнула проклятие «*пусть в этой деревне из 66 дворов не останется и 6…* (с. 7–8). *«Недалеко от места старой Унжи находится старое кладбище «Тошто Унчо шӱгарла», которое тоже в лесу и тоже заросло лесом»* (с. 8). Во время совместной финско-марийской этнографической экспедиции еще в 2002 году можно было заметить языческие захоронения на этом старом кладбище в лесу, относящееся к первому раннему поселению [7].

Автор повествует в рукописи и о том, что в данной округе в прошлом было хорошо развито пчеловодство, но из-за грехов людей царица пчел покинула их, *«улетела в Ипон* (Башкирию. – *Т.Л.*)*, жалостно пропев свою прощальную песню*» (с. 9).

Ефремов Т.Е., описывая географическое расположение шоруньжинских марийцев, отмечает: *«Там, где теперь находятся большие татарские деревни: Атня, Менгеры, Кошары, Ашит, Тазлары, Визым, Шати, Ташкары и мн.др., а также там, где теперь находятся русские селения – Алаты, Мамонино, Каймары, Сухая река и др.* (территория нынешнего Татарстана. – *Т.Л.*)*, там раньше жили марийцы «шымакшан-шамыч». До последнего времени татары и русские показывали места, где у марийцев в старое время происходили Ага-пайрем, Сэмык и моления. В настоящее время некоторые старики*

из татар показывают ещё места старинных марийских кладбищ. Однако старые марийские места уже забываются» (с. 12).

Поскольку круг шоруньжинских марийцев был изолирован и замкнут *«от постороннего влияния, в Шор-Унже во всей первобытности сохранились марийское язычество и старинные марийские праздники»* (с. 15). С одной стороны, Тихон Ефремов в своих высказываниях в рукописи в какой-то степени склонен преувеличивать исключительность и самобытность своих земляков, но, с другой стороны, в идеализации их есть доля истины. *«Здесь жило то, чего уже не было у других марийцев. Достойно внимания то обстоятельство, что унжинские марийцы, среди которых было много некрещеных мари, всегда были против церкви и поповщины, конечно, главным образом по причине крепкой сохранности язычества»* (с. 15). Традиционные религия и праздники в тот период бытовали у большинства луговых и восточных марийцев. Интересен и тот факт, что во время работы финско-марийской экспедиции в 2002 году нами был зафиксирован праздник «Семык» в этой округе, в котором сохранилось много традиционных обрядов и ритуалов, несохранившихся у других групп марийцев. Праздник шоруньжинских марийцев проводился три дня, его описание опубликовано в некоторых изданиях [5, с. 40–47].

Тихон Ефремов считал, что у марийцев «*нет своего календаря. А потому праздники их располагались по русскому календарю, по-церковному. При этом некоторые марийские праздники совпадали с церковными, но содержание их (первых) было совершенно самобытное, языческое»* (с. 16). Однако в дальнейшем на страницах 24, 25 (оборот) он сам противоречит себе, упоминая о том, что марийцы, и в частности его безграмотный отец, в прошлом очень внимательно следили за луной, поворотом солнца, за долготою дня. Календарь у марийцев был с древности, что доказано исследователями, его особенностью было то, что он был лунно-солнечным календарем, в котором отразились не только сельскохозяйственные знания и наблюдения, но и представления о космосе и вселенной. Календарная система отразилась и в названии дней недели, и в системе уравнения лунного года с солнечным годом. Со времени принятия марийцами христианства многие из праздников, связанные с древней языческой традицией, постепенно сближались с православными праздниками. Разница в сроках между ними была невелика, отсюда и схожесть сроков проведения христианских и языческих праздников в некоторых случаях [2, с.108].

Автор подчеркивает, что *«праздники для описания взяты только общественные. Кроме того, бывали частные, семейные праздники, например, по случаю частного домашнего моления, или частной поминки, по окончанию полевых работ осенью* (с.17). В рукописи дается перечень марийских праздников, *«которые совершались в Шор-Унже»:*

1. *«Шорык-йол» (овечья нога) – символический обрядовый праздник.*

2. *«Йумо чыкымэ» (погружение бога) – поминально престольный праздник по прежнему приходу к с. Шиншам, но в сущности вовсе не религиозный, а исключительно гостевой.*

3. *Ӱарньа – (пуртышыжо, лектышыжо) – масленица.*

4. *«Кон кэчэ» – день покоя – в среду перед б. Пасхой.*

5. *«Сорта чӱктыш» – 1-я поминка в четверг перед б. Пасхой.*

«Йумын айар кон кэчэ» – день строжайшего покоя накануне Пасхи.

6. *«Кугэчэ» – великий день – Пасха.*

7. *«Ташлама» – не бросай, второй день Пасхи.*

«Кугэчэ лэктыш» – исход пасхи.

(попразднество)

8. *«Ага пайрам» – пред весен. севом.*

9. *«Изи ага пайрам» – после весен. сева.*

10. *«Сэмык» – Семик, в среду пред. б. Троицей.*

11. *«Сорта чӱктыш» – 2-я поминка в четверг пред. бывш. Троицей.*

12. *«Мландэ иланымэ кэчэ» – день зачатия земли – второй день после Троицы.*

13. *«Индэш кугарньа» – девятая пятница после Пасхи.*

14. *Петро – Петров день 29/VI ст. стиля.*

15. *«Сурэм» – гонка лошадей, с изгнанием шайтана* (с. 17–18)[10].

Как следует из перечня праздников, Тихон Ефремов перечислил как традиционные языческие праздники, так и христианские, что говорит о синкретичности верований данной группы марийцев. В тот период христианские праздники уже вошли в быт марийского населения и в данной местности православие имело свое стойкое влияние, поскольку часть населения была крещена и церковь в с. Шоруньже функционировала с 1895 года.

Ефремов Т.Е. пишет о том, что эти традиционные марийские праздники повышали настроение жителям округи: *«Настроение народа доходило до высшего апогея к большому полевому празднику «Сурэм»* (Сӱрем), *который был последним, заключительным праздником с гонкой лошадей и изгнанием из жилищ и деревень шайтана* (имеются в виду летние праздники). *После этого праздника, с начатием сенокоса и страды, настроение переменялось в сторону бесповоротного труда и уже не поднималось в сторону увеселения целый год. ... Одним словом, означенный период праздников был самым возвышенным, самым поэтическим и даже лирическим временем в жизни марийцев»* (с. 19–21).

---

[10] Русско-марийский текст в данном сообщении воспроизводится в подлиннике и в той орфографии, как в рукописи Т.Е. Ефремова.

Тихон Ефремов отмечает: «*Пишущий настоящие строки, как родившийся и выросший в с. Шор-Унже, сам погружался в эти праздники в детские и юношеские годы с 1875 по 1893 г., а затем побуждаемый полученным средним образованием и служебным положением, он вновь и вновь, с 1900 по 1914 год, наблюдал и изучал эти праздники, и уже для научно-исторических целей»* (с. 21).

С 22-й страницы автор начинает описание зимнего праздника *«Шорык-йол». Он происходил в декабре, в пятницу между 21 и 22 числами, и большею частью несколькими днями раньше бывш. церковных святок, что и приводило в бешенство попов»* (с. 22).

По мнению автора, название праздника «Шорык-йол» (овечья нога) было связано с обычаем хватать в хлеву овец за ноги, желая им принести в приплоде двух ягнят. Это являлось символом приплода всех домашних животных. *«Праздник Шорык-йол бывал полный и неполный. Полный с инсценировкой Васли кугыза и проведением девичьего пира, неполный – без них, но с соблюдением всех других символических обрядов»* (с. 21–24). Неполный праздник проводился только в случае каких-то несчастий – смерти, болезней.

У шоруньжинских марийцев зимний праздник Шорык-йол совпадал с Девичьим пиром (*Ӱдыр пура*), праздником молодых девушек-невест, готовых к замужеству. У других групп луговых марийцев, например, Царевококшайского уезда, Девичий пир (*Ӱдыр йукш)* проводился отдельно в осенний период времени. Группа девушек заранее арендовала дом для проведения праздника, а также ходила по домам, собирала солод, овсяную муку, масло и дрова. *«Итак, вопрос решен, Шорык-йол будет скоро. Значит всем предстоит роль: девушкам удачно сварить пиво, успешно провести свой девичий праздник, хорошо попеть, хорошо поплясать и заслужить хороший отзыв. Парням – забавнее понаряжаться, показать свое остроумие, ловчее поплясать, а также получить одобрение. Что касается «Васли кугыза», то это дело старших, взрослых мари, которые и исполняют свой долг в свой момент»* (с. 26–27).

С наступлением праздника с рассветом дня все деревенские жители с лопатами выходили на озимые поля – каждый на свою полосу, чтобы устроить из снега стога (*шорык-йол каван). «Не проходило и часа времени, как на гладком и пустом снежном поле, там и сям появлялись целые рощи этих снеговых кучек. Кучки не голые, а с воткнутыми на верхушках кучек пучками ржаной соломы с колосьями, конечно обмолоченными»* (с. 27–28). Это делалось для того, чтобы в предстоящее лето получить хороший урожай зерновых.

Как отмечает автор, *«вопреки обычаям всех праздников, блины в день Шорык-йола пекли не утром, а вечером, при огне.* До вечера все довольствовались холодной пищей. *«Люди были заняты не пищей и питанием, а совсем*

другими заботами и работами: символами обновления жизни, символами урожая, приплода домашних животных, плодородия, прибыли и вообще удачи в жизни и хозяйстве. В домашнем обиходе не оставалось нетронутым ни один предмет. Всё как бы сопоставлялось с поворотом солнца: раз тронулось само солнце, пусть тронется всё! И вот старики и старушки пересчитывают свои деньги – в желании, чтобы в предстоящем году был приток в деньгах. Женщины и взрослые девушки перебирали в сундуках бусы и украшения, и перебирали всю одежду в клети – в тех видах, чтобы в предстоящем году была удача в приобретении себе нарядов, вышитых рубах, шовыра (летний кафтан), *украшений и т.п.»* (с. 29–30).

Когда перебирание предметов в доме заканчивалось, выходили на гумно, огород и трясли коноплю, которая висела на особой перекладине или на заборе, *«приговаривая, чтобы в предстоящее лето конопель* (конопля) *уродился высокий и волокнистый».* Если в огороде росли ягодные кустарники, яблони, то их тоже трясли, *«приговаривая: пусть нынче хорошо уродится малина, смородина, черемуха, яблоки и всякие ягоды, и плоды»*. Мужчины также перебирали свои орудия труда, лошадиную сбрую, пчеловоды дотрагивались до своих улей, бортевых принадлежностей. Такие же действия производили охотники, рыбаки. *«Говорили при этом, что медведь и тот переваливался в это время на другой бок»* (с. 30–31).

На страницах 32–34 Тихон Ефремов дает описание этого праздника у горных марийцев, взятого из работы Г.Я. Яковлева [8, с. 85–86].

Затем он продолжает описание праздника: *«Тем временем наступает вечер и женщины начинали печь блины и непременно орехи из теста. Состоятельные марийцы клали в тесто масла и мёду и получались очень вкусные, искусственные орехи»* (с. 35). Тихон Ефремов отмечает, блины ели без произнесения молитвы, вопреки всем другим случаям, когда читались молитвы. *«Вместо моления, в данном случае, указывалось только то, что блины посвящены Васли вечеру».* После блинов начиналось всеобщее движение, гадание на лесных орехах (чёт или нечёт). В это же время женщины ходили в хлева ловить овец, говоря при этом: *«йыгырым-йыгырым, т.е двойни-двойни, о чем было сказано и выше»* (с. 35–36).

Одними из основных персонажей этого праздника были ряженые. В это же время вечером, тайно, где-нибудь в хлеву, чтобы никто не видел, происходило ряжение свиты *Васли кугыза* (старика Василия), состоящая исключительно из мужчин. Свита должна была обойти дома своего участка, *«Шор-Унжа разделялась на 4 части: верхний конец, средняя часть (кыдал сола), нижний конец и заречная сторона (энэр ӱмбал). В благополучные годы девушки варили пиво во всех четырех частях деревни и шорык-йолские обычаи исполняли в 4 пунктах»* (с. 36–37).

В специальном подразделе рукописи Тихон Ефремов рассматривает «*Васли вечер и Васли кугыза*» (с. 38–44) и задается вопросами: *«Но кто же такой был сам Васли кугыза? Кого он изображал?».* Васли кугыза – предсказыватель, предрекавший блага предстоящего лета, предрекавший только хорошее в предстоящем году. *«Но Васли кугыза мог произнести и отрицательное. Он был не только просто предсказыватель, но лицо, слово которого должно было непременно исполниться. Сам по себе Васли кугыза совершенно нейтральное лицо, даже он не здешний, а чужеземный человек, случайно попавший сюда, хотя именно в момент Васли вечера, в момент особой озабоченности мариев, в момент гадания о предстоящем годе. И вот, разрешителем этих вопросов является Васли кугыза. Это он открывает завесу будущего по всем частям семейной и хозяйственной жизни, и даже общеполитической (саман)* (с. 38–39). Тихон Ефремов повествует о своих детских впечатлениях: «*Даже тогда, когда впоследствии мы знали уже поименно, кто наряжен в образ Васли кугыза и прочих членов его свиты, даже и тогда они производили впечатление чужеземных: так они говорили как-то по-особенному, другим голосом, серьезно, говорили не как здешние, а как чужие и дальние, власть имущие»* (с. 39).

В состав свиты Васли кугыза входили: *«1) сам Васли кугыза, 2) Васли кува* (старуха Васильевна), *3) казак (савус), 4) лошадь, 5) коза, 6) мальчик погонщик»* (с. 39–40). Автор также дает подробное описание нарядов этих персонажей. Старик Василий был одет в шубу наизнанку, на лице была берестяная маска с вырезами для глаз, рта, в области носа на маску пришивался выпуклый нос из бересты, вместо волос прикреплялось мочало. Вместо пояса соломенный жгут или старая веревка. На поясе старика был привязан символический фаллос, сделанный из дерева. Руки были вымазаны сажей, вместо нагайки в руках был соломенный жгут. Старуха Васильевна – жена старика Василия; всегда переодетый мужчина – *«старая марийка лет 45, в «шымакшэ». Одета она во все старое, безо всяких украшений. Лицо вымазано сажей. Вместо грудей под вывороченный шовыр напичкана тряпка, вместо живота – вложенная подушка. Вместо пояса – соломенный жгут, или старая толстая веревка».* Спереди на пояс старухе вешали старый лапоть, символизирующий женский половой орган. В руках она обязательно держала прялку с пряжей и веретеном. *Васли кува* в каждом доме садилась в определенное место на переднюю лавку между женским углом и красным в конце стола, беспрестанно пряла пряжу, плясала по-старинному со своим, и изображала соитие со своим стариком. *«В Шор-Унже несколько лет подряд. В 80-годах XIX стол. «Васли кува» изображал проживавший здесь и почти очеремисившийся татарин Сафа (Сапи)»* (с. 40–42).

Третья крупная фигура – это «*лошадиное чучело*», делали его из холщевого полога, который накидывался на толстую палку, к палке прикреплялась

лошадиная голова с уздой и колокольчиком на шее, а на конце палки – хвост. *«Под пологом находился человек с палкой на плече: он и ходил, изображая собой лошадь. Но лошадь эта походила скорее на верблюда, нежели на лошадь, и тем самым чучело возбуждало больше интереса для публики, особенно для детей».* Четвертый ряженый изображал козу. Мальчик лет 10 накрывался простыней, в руках он держал козлиную голову с рогами, сделанную из дерева. Когда козлиные челюсти дергались веревкой, то коза будто бы щелкала челюстями, а мальчик «*прыгал и кричал по-козячьи: мя-а-а!, мя-а-а!»* (с. 40–43).

Ряженые «*Казак (савус) и мальчик-погонщик»* наряжались как и Васли кугыза, *«но были менее солидны и без подвешенного мужского полового органа. Казак – это посредник между Васли кугыза и домохозяином. Казак первый входит в дом и спрашивает у хозяина разрешения войти к нему Васли кугыза. Цель же поочередное посещение домов – это визит и приветствие дальних людей с праздником, ответы на вопросы хозяина об урожае предстоящего года, о «самане» и проч., и попутно поощрение хозяев за труды и порицание за бездеятельность, если таковая будет обнаружена»* (с. 43).

За свитой старика Василия *«обычно ходила толпа ребят и девушек, тех девушек, которые варили пиво. Они ходили за гурьбой для приглашения домохозяев на свое пиво (девичье). Но приглашали они после того, как кончал свою программу в каждом доме Васли кугыза и уходил в следующий дом».* В каждом доме происходило одно и то же представление. *«Разнообразие вносится лишь от изобретательности домохозяев и остроумия Васли кугыза»* (с. 44). Автор рукописи приводит инсценировку обряда, происходившего в первом доме (с. 44–52). Как правило, первым заходил казак и спрашивал разрешения войти в дом Васли кугыза со свитой. *«Следует сказать, что хозяева уже ждали Васли кугыза, потому что он проводил не простое только посещение, но и ревизовал хозяйственную и рукодельническую работу хозяев, поэтому для Васли кугыза мужчины заранее развешивали новые лапти, веревки, исправленные хомуты. А женщины и взрослые девушки развешивали пряденые нитки, полотенца, холсты, вышивки и новые рубашки. В сенях шум. Первым входит Васли кугыза, потом его старуха, казак, лошадь, коза, которая щелкает челюстями в сенях и кричит по козлиному мя-а-а!, за ней мальчик – погонщик и толпа, – наполнялся весь дом»* (с. 45–46). Между хозяином дома и стариком Василием завязывался разговор, состоящий из вопросов и ответов, которые касались в основном бытовой жизни данной семьи. Старика Василия приглашали за стол отведать хлеб-соль. Хозяин дома спрашивал: Откуда свита пришла и куда направляется? Какая будет жизнь? Все ли спокойно на свете? Не будет ли войны? Какой будет урожай в новом году? Старик Василий на все вопросы давал положительные ответы: Пришли из далека из Симбирской губернии, пойдем далеко, за Вятку, все спокойно, войны не будет, рожь будет высокая, «*показывает метра полтора вышину ржи».* В это время лошадь мотает головой

и брякает колокольчиком, коза щелкает челюстями и блеет, старуха Васильевна «*прядет что есть мочи*». Хозяин приглашает отведать хлеба, соли и других членов свиты, угостившись, благодарят и *«опять показывают вышину ржи»* (с. 46–48).

У старика Василия есть табакерка, в ней вместо табака зола, которую нюхают старик и хозяин, оба чихают и вызывают у окружающих хохот.

В действие вступают женщины, они спрашивают у старика Василия, какая уродится конопля, на что он отвечает, что высокая, показывая рукой высоту. В доме начинается ревизия проделанной за год работы хозяевами, для этого уже заранее развешаны предметы мужских и женских рукоделий (с. 48–49).

«Бывает так, что, если какая-либо хозяйка не догадалась развесить предметы своего рукоделия, то Васли кугыза на самом деле публично хлещет её соломенным жгутом, при всеобщем хохоте толпы» (с. 50).

«В связи с удовлетворительным результатом проверки доказательства трудолюбия мужчин и доказательств рукоделия женщин, и сообразно возрасту и положению членов семьи, Васли кугыза предсказывает, в виде шорыкйольского сюрприза, на счет прибыли в данной семье, и сулит – кому в этом году родить сына, кому дочь, кому жениться и кому выйти замуж» (с. 50).

Когда программа в том или ином доме завершалась, старик Василий просил разрешения потанцевать-повеселиться, плясал он со старухой Васильевной по-старинному. В самый разгар пляски старуха и старик падали на пол и изображали совокупление, *«причем казак и мальчик начинают хлестать Васли кугыза соломенным жгутом, коза тоже подходит туда и кричит вовсю мочь, а лошадь тревожно топчется на месте, мотает головой и брянчит в колокольчик».* После этого старик Василий как ни в чем не бывало благодарит хозяев за гостеприимство и прощается, а хозяин благодарит его за деловые наставления в жизни и добрые предзнаменования. *«В знак теплого прощания, старик Василий пожимает руку хозяину, которая оказывается вымазана сажей»*, чем вызывает всеобщий хохот (с. 51–52). В доме остаются лишь девушки, варившие пиво, они приглашают хозяев на девичий пир. Хозяева не отказываются и идут пить пиво, поскольку все девушки *«не чужие, а соседские, некоторые свои же дочери, племянницы, сестры и проч.»* (с. 52).

Таким образом, старик Василий и его свита ходила из дома в дом в своей части села, исполняя древний обряд. *«Но пропустить или комкать программу нельзя, все надо выполнить, как было исстари, особенно нельзя было пропустить последний обычай стариков на полу. Хождение Васли кугыза по домам оканчивается не ранее 10–11 ч. ночи».* С последним домом роль свиты заканчивалась, все отправлялись в тот же хлев, где снимали костюмы и облачались в обычную одежду. Все маски хранились на чердаке дома и к ним не прикасались до следующего праздника Шорыкйол (с. 52–53).

Тихон Ефремов в конце описания праздника отмечает, что во время девичьего пира также были сцены, но действующие лица не имели отношения к старику Василию, а люди особых игр (*модыш, койдарчык) «не из старинной жизни, а из современной, на современную злобу».* После ухода старика Василия начинали собираться гости в тот дом, где было приготовлено девичье пиво (с. 54).

Тихон Ефремов во второй части рукописи «Девичье угощение пивом (Девичий пир)» задается вопросами: *«В чем же состоял девичий пир и какой был в нем порядок?». Девичий пир в общем и целом состоял из сплошного угощения гостей пивом. Но это угощение распадалось на особые отделы, коих главных, было три:* 1) угощение пивом в связи со специальным пением девушек; 2) угощение пивом в связи со специальной пляской девушек (пели и плясали только те девушки, которые варили пиво); 3) в промежутках угощения – инсценировки с выступлением импровизированных актеров.

Он отмечает, что и сам мальчиком плясал на празднике и получал похвалу (с. 55). Пение и пляска разграничивались, так как при плясках играла волынка, барабан и петь было сложно, *«а пели девушки именно для слушания»* (с. 56).

Тихон Ефремов подробно описывает *«порядок угощения пивом в связи с пением девушек». «1. Первым делом девушки намечали лиц, кому подавать пиво и перед кем петь песню. 2. Затем этим лицам девушки подавали по чашке пива, становились напротив же их, начинали петь. 3. Те слушали песни, реагировали, кто как умеет, и прихлебывали под пение пиво. 4. Девушки пели свои песни поодиночке, и попарно, и по трое: одному человеку, двоим и сразу троим, смотря по тому, как складывалось наличие гостей. 5. Девушки предпочитали петь преимущественно попарно – двоим гостям: это было им удобнее – не стеснительно, и легче. 6. Каждая девушка пела только тому, и перед тем человеком, кому она подносила чашку пива и от кого ожидала ответного денежного внимания. 7. Перед одним и тем же гостем, с подачей пива, по очереди пели все девушки, которые варили пиво: дочь, сестра, племянница, родня, соседка и проч.»* (с. 56–57).

Автор отмечает, что в Унже на этот праздник тратилось ровно два вечера (пятница, суббота). Т. Ефремов подчеркивает в рукописи, что Девичий пир оригинален тем, что песни и форма пляски исполнялись только в период праздника Шорыкйол, и никогда в другой период года, в противном случае это считалось бы нарушением древних традиций (с. 58). В рукописи говорится и об этической стороне праздника – об уплате деньгами за пиво девушкам. Угощение пивом было не ограниченное, не скупое. *«Здесь никто не спрашивает денег, никто не назначает размер их, но зато никто и не отказывается давать, и никто не отказывается принимать. Все делалось как-то само собой – для взаимной приятности»* (с. 59).

На страницах 60–69 описывается обстановка в доме, угощение на праздничном столе, а также приводятся песни, которые девушки пели гостям, матери и отцу, брату и снохе. *«Кроме того, в виде исключения, в виде особого почета и выделения гостя, иной раз две девушки пели одному и тому же лицу, вручив ему сразу две чашки пива. При этом гость одну чашку держал у себя в руках, а другую ставил на стол около себя. Пил он попеременно, то из этой, то из другой чашки. Это выходило довольно курьёзно, но зато забавно и памятно»* (с. 69).

Как указывает автор рукописи, во время девичьего пира каждая девушка плясала одна особый шорыкйольский танец. *«Кому же она пляшет? Опять же только тому и пред тем, кому она подала пиво, и кто будет пить у нее пиво»* (с. 70). Гость, для которого плясала девушка, благодарит, хвалит за танец, желает хорошего жениха и кладет на ручку ковша деньги. Девушкам приходилось плясать очень много. *«Если, например, девушек 10 человек, а гостей 30, то одна и та же девушка пляшет не менее тридцати раз, а все девушки не менее 300 раз. Конечно, волынщику здесь приходится играть много. Но за это он пользуется особым положением: его, как гостя, угощают блинами, орехами, а иногда и вином. Кроме того, платят немного деньгами, если он этого просит»* (с. 72).

В промежутках между песнями и плясками исполнялись специальные костюмированные инсценировки (*модыш*) молодыми парнями. Парни наряжались так, чтобы их никто не узнал, лица и руки были вымазаны сажей. С соломенными жгутами они врывались в дом Девичьего пира и начинали «*бешеную пляску»*, ударяя людей жгутом и размазывая сажей лица присутствующих гостей. В различных сценках изображался *«становой пристав, обход батюшки в деревне, рекрутский набор, недоразумения перед судьей, чиновниками из-за незнания марийцами русского языка»* (с.72–78). Инсценировки были небольшими, шуточными, от которых веселился весь присутствующий народ. В тексте также приводится шуточный *монолог – тирада,* который произносили во время игр на татарском языке (с. 78).

Тихон Ефремов достаточно хорошо знал не только о праздниках луговых марийцев, но и дореволюционную историографию, посвященную данной стороне духовной жизни народа. В рукописи он дает анализ праздника Шорыкйол, приведенный в книге священника Г. Яковлева, отмечая при этом неточности и ошибки описания обряда данного автора (с. 79–85).

В конце рукописи Тихон Ефремов приводит свои выводы о праздниках марийцев (с. 86–83), а также некоторые сравнительные замечания марийского девичьего пира с аналогичным праздником у чуваш (с. 94–98).

«И так, долгожданный зимний праздник «Шорык-йол» у марийцев был и прошел, прошел, оставив после себя разнообразные впечатления. В то же время прошел и старый год, которому «Шорык-йол» подвел итог. Мало того, многие добрые наметки сделаны и на предстоящий год, что ещё важнее. Об этом позаботились и сами заинтересованные марийцы, много указаний получили они и от мудрого Васли кугыза». Автор отмечает, что праздник имел *«большую пользу и в общественно-воспитательном смысле»* (с. 86). Девичий пир был не только «*местом безотчетного веселия, но ...выставкой девушек. Каждая подрастающая девушка и девушка-невеста, на девичьем празднике выявлена так, как есть в действительности. Она и не могла не выявиться, так как всё делают открыто, на глазах общества. Нужно было показать себя в умении соблюдать всю племенную этику: одеваться, говорить, подавать пиво, петь, плясать»*. Молодые парни проявляли себя в сфере мужества, ловкости, остроумия. «*Родители радовались, глядя на детей, дети старались радовать родителей*». Молодые участники праздника получали «*ту или иную оценку*». Девушки присматривали женихов, парни – невест (с. 86–87). Обряды этого праздника можно рассматривать как ритуалы инициации, где девушки переходили в новую социальную группу – невест, готовых к замужеству. Именно на этот праздник девушки надевали самые лучшие свои наряды, а также в первый раз облачались в полный набор украшений (*шийтарман*).

Тихон Ефремов отмечает, что во время этого праздника марийцы стремились предугадать будущее, желая, чтобы предстоящий год был благополучным. Праздники не только радовали людей, но и давали веру и уверенность в благополучной жизни в будущем предстоящем году.

Несомненно, рукопись Т.Е. Ефремова является уникальной, поскольку она написана на основе многолетних наблюдений и непосредственного участия автора в данных праздниках своей родной шоруньжинской стороны. Работа ценна и тем, что здесь подробно со специфическими элементами последовательно дано описание этих праздников и дана авторская интерпретация некоторых обрядов и ритуалов. В рукописи прилагаются отдельные листы с рисунками ряженых праздника Шорыкйол, выполненные автором в виде карандашных и чернильных набросков: снежные стожки (*шорык-йол каван*); два идентичных карандашный и чернильный рисунки *Васли кугыза* и *Васли кува*; изображение лошади – *шорык-йол имне*; рисунок козы – *шорык-йол каза*; изображение казака и погонщика (*поктышо рвэзэ*). Два рисунка старика Василия и старухи Васильевны были воспроизведены в приложении исследования В.А. Акцорина [1, с. 165, 170]. Тихон Ефремов любил свой родной народ, что

проявляется в тексте этой рукописи, он хорошо знал духовную и материальную культуру марийцев. Он был очень талантливым и одаренным человеком, проявившим себя в самых различных сферах общественной и социальной жизни, желавшим благополучия и просвещения для своего народа. Судьба его была трагичной, Т.Е. Ефремов, как и многие другие представители марийской интеллигенции того периода, попал в «жернова сталинских репрессий».

Этнографическим материалом данной рукописи пользовались многие исследователи, в частности В.А. Акцорин [1]. В своем исследовании обряды ряженых во время Шорыкйола он относил к народной драме, народному театру. Основные мотивы при представлениях не подвергались изменениям, к ним относятся предсказания старика Василия о войне и мире, урожае предстоящего года, о будущих детях, женитьбе, замужестве; ревизия масками хозяйственной деятельности домохозяев; танец; эротическая сцена [1, с. 93]. Имитация эротической сценки стариками была связана с культом плодородия в природе. Функция старика Василия заключалась и в трудовом воспитании – похвала работящих хозяев, порицание ленивых.

Праздники были частью традиционной жизни марийского народа, которые приносили радость, веселье, а также давали веру в будущую благополучную жизнь. Несомненно, исследование Т.Е. Ефремова о праздниках «Шорыкйол» и Девичьем пире является ценнейшим этнографическим источником о традиционной культуре марийского народа, написанным на основе собственного жизненного опыта и участия в этих ритуалах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Акцорин В.А.* Народная драма. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. – 200 с.

2. *Калиев Ю.А.* Народные праздники, игры и развлечения // Этнография марийского народа: учеб. пособие для ст. кл. / сост. Г.А. Сепеев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. – С. 106–117.

3. *Ефремов Т.Е.* Описание старинного марийского праздника «Шорык-йол» с ролью Васли кугыза и с Девичьим пиром. В конце сравнение с Чувашским Девичьим пиром // НРФ МарНИИЯЛИ. – Оп. 1. – № 528. – 98 с.

4. *Евсеев И.* Ӱжаран Унчо велне. – Йошкар-Ола: «Марий Эл» газет ООО, 2017. – 259 с.

5. *Молотова Т.Л.* Праздник Семик в культуре современных марийцев // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 4. – С. 40–47.

6. Календарные праздники и обряды марийцев // Этнографическое наследие. – Вып. 1: Сб. материалов. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. – 286 с., илл.

7. Полевые материалы автора. Моркинский район Республики Марий Эл. – 2002.

8. *Яковлев Г.Я.* Религіозные обряды черемисъ. – Казань: Типографія и Литографія В.М. Ключникова, 1887. – 87 с.

Наталья Мушкина,
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

РОЛЬ ТИХОНА ЕФРЕМОВА В СТАНОВЛЕНИИ МАРИЙСКОГО МУЗЫКОЗНАНИЯ

Тихон Ефремов был выдающейся личностью, обладал многими талантами. Особенную любовь и интерес он проявлял к музыке и песне, был музыкально грамотным, хорошо пел и играл на музыкальных инструментах. Известно, что в 1890–1897 гг. он преподавал пение и руководил хором Казанской учительской семинарии, вел церковное пение в Родионовском институте [1, с. 332]. В 1891 г. издал партитуру церковных песнопений (в цифровой нотации) на луговом наречии марийского языка [2]. В период работы в Йошкар-Оле был участником хора Палантая, после смерти которого возглавил этот хор. Но самое важное – он вошел в историю как автор первого марийского гимна «Призыв к свету», или «Кынелза, шогалза!», написанного в 1918 г. и переработанного для хора И.С. Палантаем. В.А. Мухин отмечал: «Произведения Ефремова исполнялись до появления произведений Палантая… Первое свое музыкальное произведение Палантай создал путем переработки песни Ефремова «Кынелза, шогалза!» на пентатонный звукоряд» [3, с.187].

Кроме того, Т. Ефремовым был написан марийский текст к песне революционеров «Марсельеза» «Чевер ӱжара волгалтын» (опубликован в сборнике В.М. Васильева «Мари муро» [4, с. 3]).

Ефремов Т.Е. является одним из первых марийских музыковедов, собирателем и исследователем музыкально-песенного фольклора. Ему принадлежат несколько очерков о марийской народной музыке, о которой он всегда писал в контексте ее функционирования в жизни, быту народа, отмечая условия ее исполнения.

К первым работам Т. Ефремова, имеющим музыкальную тематику, относятся две статьи, опубликованные в 1913 году в «Инородческом обозрении», приложении к журналу «Православный собеседник».

Первая из них – «Роль песен у черемис в их племенной языческой жизни» – дает краткое описание музыкальной традиции мари, использование народных песен в языческих обрядах и праздниках (Шорыкйол, Агавайрем, Семык, Сӱрем, свадьбы). Статья содержит ценные сведения музыкально-этнографического характера. Ефремов выступает здесь как большой знаток традиционной марийской культуры.

Ефремов Т.Е. предлагает следующую жанровую классификацию народных

песен: религиозные, праздничные, свадебные, посиделочные, рекрутские, поминальные. Отмечает, что «языческие чувства особенно сильно оживают в период языческих черемисских праздников, начиная с весны и продолжаясь до начала июля... Всё, что было создано зимой пастырством и школой, летом разрушается язычеством. Так продолжается черемисское язычество из года в год: зимой оно засыпает, весной просыпается, оживляясь в праздниках, причем главной силой в язычестве служат именно черемисские песни» [5, с. 265–266].

В этой статье Ефремов указывает на разграничение областей распространения вокальной и инструментальной музыки, замечая, что во время религиозных молений марийцы не поют: «в самые важные моменты лишь гусляр наигрывает старинные грустные напевы» [5, с. 263]. Представлены важные сведения, касающиеся музыкальных особенностей культовых мелодий: «Свои религиозные мелодии черемисы разыгрывают на гуслях в минорном строе, на минорной гамме без секунды. Игра производится двумя руками играющего на четырех струнах, по две струны на каждую руку. Характер игры – синкопами и посредством переборов между ними, почему мелодия получается непрерывною, – причем ¼ ноты часто раздробляется на ⅞» [5, с. 263–264].

Самое широкое место песням и музыке отводится на свадьбах, которые производят сильное впечатление на детей. Автор подчеркивает, что старинные песни и напевы имеют очень сильное влияние на марийцев, вызывая слезы: «Черемисы плачут, когда слышат хорошую песню. Сыграл гусляр хороший напев – черемисин плачет, особенно под влиянием медовщины или винных паров. Выводит волынщик какой-нибудь старинный напев – плачет. Спел гость хозяину благодарственную песню с выражением какого-либо похвального уподобления – хозяин-черемисин плачет» [5, с. 265]. «Некоторые напевы, – добавляет автор, – связаны с древними преданиями», и упоминает в этой связи предание про гусляра Тотару[11], о царице пчёл *Мӱкш он* [5, с. 264].

Любовь марийцев к пению Ефремов советует использовать в деле приобщения их к просвещению и христианству и предлагает «основать и провести на песне всю церковно-богослужебную часть христианства» [5, с. 266].

Вторая статья Ефремова в этом же журнале – «О преимущественной пользе церковного пения в деле просвещения черемис» – посвящена пропаганде христианства. Автор отмечает врожденную музыкальность марийцев, сравнивая их с чувашами: «…в способности пения черемисы немногим чем уступают чувашам, но сказанная сторона способностей черемис еще остается без должного внимания и какого-либо возделывания» [7, с. 269–270]. Поэтому, как и в предыдущей статье, Ефремов ратует за внедрение в практику марийских

[11] В рукописном фонде МарНИИЯЛИ имеется отдельная тетрадь с записью этого предания [6].

детей церковного пения с целью привлечения их к церкви: «Церковные напевы следует стараться внедрить в плоть и кровь учеников черемисских детей, чтобы эти напевы постоянно носились в их сознании, вытесняя собою мотивы племенно-языческие… Черемисское язычество, к сожалению, еще глубоко сидит в черемисине: в его плоти и крови, во всем его существе. Но язычество нужно во что бы то ни стало пересилить христианством, как великой силой – силу малую… Полюбит черемисский мальчик церковное пение – полюбит и саму церковь… Церковное пение есть мост для перехода черемис от язычества в христианство» [7, с. 269, 271, 272]. «Под влиянием пения облагораживается, очищается и возвышается душа человека. Недаром же мир звуков называется также небесным языком», – поясняет значение музыки Ефремов [7, с. 271].

Много работ Тихон Ефремович посвятил исследованию марийской инструментальной музыки; его можно назвать первым этноорганологом среди марийцев. В 1929 году по поручению областного бюро Марийского общества краеведения и совета Марийского центрального музея он совершил большую экспедицию по районам республики с целью записи образцов марийской инструментальной музыки. Было собрано большое количество инструментальных наигрышей, исполненных на волынке, гуслях, *комыж*е, *шиялтыш*е и др. Краткий отчет об этой экспедиции был опубликован в виде статьи «Изучение марийской инструментальной музыки» в журнале «Марий илыш» в 1931 году [8].

Автор отмечает, что музыкальные инструменты различаются в отношении сферы применения: «...волынка употребляется больше в житейском быту, а гусли преимущественно во время отправления религиозных обрядов» [8, с. 79]. «Степень искусства волынщиков измеряется количеством свадеб, на которых он играл в качестве почетного гостя, и количеством полученных за игру *солыков*… Качество своей игры волынщики обычно определяют тем, что от их игры «многие плакали», или что своей игрой они многих «доводили до слез» [8, с. 78].

Из гусляров «наиболее славится тот, который играет старинные мелодии. Игра на гуслях производит на марийцев очень сильное впечатление» [8, с. 79].

Ефремов представляет классификацию записанных инструментальных мелодий, разделяя их в первую очередь на старинные и современные. «Те и другие по содержанию разделяются на именные, празднично-гостевые, свадебные, плясовые, девические, этические, аллегорические, исторические, религиозные и мифологические» [8, с. 79].

Наибольшее внимание Т.Е. Ефремов уделял изучению волыночной музыки, о которой писал в следующих работах: «Очерк о марийской инструментальной музыке» [9], «Легенды марийцев о действии волыночной музыки» [11], а также в рассказе «Шӱвырзӧ кугыза» [12].

Работы Т.Е. Ефремова о марийской инструментальной музыке в 2016 году были изданы отдельной книгой «Шӱвырзӧ кугыза», составленной музыковедом, доктором искусствоведения О.М. Герасимовым [13].

В «Очерке о марийской инструментальной музыке» приводятся ценные сведения музыкально-исторического характера. Автор пишет: «Дошедшая до нас марийская инструментальная музыка оформилась вместе со всей этикой марийской жизни в течение XIX века. Ввиду того, что песни и мелодии в каждый период времени и даже год рождаются вновь и вновь, нужно полагать, что песни и мелодии марийцев, например, в средних веках, были другие, как и сами марийцы – как по внешности, так и внутреннему характеру» [9, с. 3].

Далее Т.Е. Ефремов представляет несколько фактов из музыкальной истории, демонстрируя, как менялась музыка мари в течение веков. В этой связи приводит данные о марийских вождях Канае (московский мари, XIII век), Мамае (яранский мари, XIV век)[12]. Упоминает о гусляре Тотаре, участвовавшем во взятии Казани в середине XVI века, о том, что марийцы препятствовали основанию Кизического (под Казанью) и Ежовского монастырей, играя на волынках: «Стараясь выжить оттуда монахов, во время службы марийцы приходили к молитвенному дому и играли на волынке, били в барабан и хлопали в ладоши» [9, с. 8].

Говоря о сходстве марийской волынки с чувашской, ученый объясняет этот факт периодом долгого совместного проживания двух народов: «По многим данным видно, что чуваши и мари в истории жили рядом, а, может быть, и вперемешку, так как быт марийцев и чуваш во многом сходен. Мало того, вероятно, местами многие марийцы очувашились, а чуваши, может быть, превратились в марийцев. Следовательно, в каком веке играли на волынке чуваши, в том веке играли и марийцы» [9, с. 5]. Происхождение волынки, по мнению Т. Ефремова, имеет восточные корни: «По всем данным, колыбелью волыночной музыки была Азия» [9, с. 12].

Другая важная работа, посвященная волынке – «Легенды марийцев о действии волыночной музыки» [11]. В ней Тихон Ефремович приводит несколько историй из жизни марийцев, связанных с волыночной музыкой. «В легендах говорится о гипнотизирующем действии на марийцев волыночной игры, которая в одних случаях заставляет плакать марийских женщин, в других – приводила слушателей в такое пленение и забытье, что на глазах же обомленных слушателей похищались их лошади и другие предметы, причем похитителями оказывались те самые волынщики, которые услаждали пострадавших», – пишет автор [11, с. 7–8].

---

[12] Сказание о Мамае записано в 1929 году в д. Кёрды Оршанского района от кугусортинцев [10].

Некоторые легенды снабжены паспортными данными. Среди информантов указываются следующие имена: Айбылат кугыза из д. Шоруньжа, артист Мамуткин из д. Цибикнур Медведевского района, Иван Васильевич Азманов (Пондаш Йыван) из д. Торешкӱвар, Петр Куршан из д. Койсола, Тимофей Тихонов (Тикын Тымапи) из д. Агаево Сернурского района и др.

Кроме того, в этом очерке упоминается о легенде об *иягомыж*е – марийской скрипке. Записанная в 1930 году в д. Кугенер Ронгинского (ныне Советского) района, она сохранилась в рукописном фонде МарНИИЯЛИ [14].

Известно, что Т.Е. Ефремов общался с представителями секты Кугу Сорта, от которых записал несколько материалов, в частности легенду «Мамай», и сведения о музыке московских марийцев [9, с. 10–11].

Образцы инструментальной музыки представлены в рукописном собрании «Марийские народные песни» в 9-ти тетрадях, хранящемся в архиве МарНИИЯЛИ и содержащем около 230 различных наигрышей – на волынке, гуслях, *ковыж*е, гармони, *шиялтыш*е [15, тетр. 1, 2, 6, 7, 8, 9].

Кроме записи и изучения инструментальной музыки, Т.Е. Ефремов занимался сбором образцов народного вокально-песенного творчества. Первые записи песен были осуществлены им еще во время учебы в Казанской учительской семинарии в 1885 году. Это песни жрецов и гостевые песни [16, тетр.1. Тошто муро-шамыч].

Ефремов использовал все удобные случаи для сбора материала. Так, несколько песен были записаны 1 марта 1921 года на празднике в честь открытия Марийской автономной области, где выступали артисты художественной самодеятельности. Эти песни позже вошли в нотную коллекцию Т.Е. Ефремова «Марийские народные песни» [15, тетр. 3].

Нужно подчеркнуть, что много работ Т. Ефремов написал будучи сотрудником МарНИИ. Здесь он работал с момента основания института, с 1930 года. Первый директор института В.А. Мухин «всячески покровительствовал» Тихону Ефремовичу, поддерживал его, поэтому предоставлял ему работу.

Большое количество народных песен было записано Тихоном Ефремовичем в 1936 году. В феврале-марте состоялась экспедиция в Ронгинский (ныне Советский) район в деревни Кугенер, Ашламаш, Кюрсола, Лайсола, Кельмаксола, Шудасола. Записи этих песен хранятся в архиве МарНИИЯЛИ под названием «Песни современной марийской молодежи» [16, тетр. 2–5][13].

21 июня 1936 г. в Йошкар-Оле в честь 15-летия Марийской АССР проходила Областная олимпиада артистов художественной самодеятельности, на ко-

[13] Обзору деятельности Т.Е. Ефремова по сбору и изучению музыкально-песенного фольклора посвящена наша статья «Марийские народные песни в записи Тихона Ефремова» [17].

торой Т.Е. Ефремов записал около 30 образцов народных песен и наигрышей. Они составляют 7-ю тетрадь собрания «Марийские народные песни» [15, тетр. 7]. Среди исполнителей: волынщики – Азеев Николай Степанович из д. Чашкаял Сернурского района, Яндемиров А.Е. (Арпик кугыза) из д. Нижний Регеж Куженерского района, Васильев Павел Григорьевич из д. Шуармучаш Ронгинского (ныне Советского) района, Стрелков Константин Яковлевич из д. Малые Чирки Оршанского района и др.; гусляр (и волынщик) Петухов Егор Трофимович из д. Купсола Куженерского района; скрипач (*ковыжчо*) Горбунов Алексей Иванович из д. Вӱрзымнольо (Мари-Уржумноля) Мари-Турекского района и др.

В декабре 1936 г. Т.Е. Ефремов посетил северо-восточные районы Марийской АССР: Сернурский, Параньгинский, Мари-Турекский и др., и записал около 50 песен со словами, вошедшие в 3-ю и 5-ю тетради коллекции «Марийские народные песни» [15][14].

В комментариях к музыкальным образцам собрания «Марийские народные песни» содержатся ценные сведения теоретического характера, представляющие жанровую характеристику, ситуацию и условия исполнения той или иной песни или наигрыша. Некоторые из комментариев настолько подробны, что превращаются в большие документальные рассказы.

Таким образом, работа «Марийские народные песни» имеет важное значение для марийского этномузыкознания и представляет значительный интерес с научной точки зрения.

В годы работы в МарНИИ Т. Ефремов написал этнографическую работу «Описание старинного марийского праздника Шорык-йол с ролью Васли кугыза и Девичьим пиром», посвященную описанию древнего марийского праздника Шорыкйол [20]. Работа имеет большую ценность не только в этнографическом и музыкальном отношениях, но и в историческом, т.к. содержит важные сведения по истории марийского народа.

Итак, деятельность Т.Е. Ефремова в области музыкознания и музыкальной этнографии довольно значительна и плодотворна. Своими работами он заложил фундамент для дальнейшего изучения этой богатой сферы марийской культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ерошкин Ю.В., Федосеева Н.А.* Ефремов Тихон Ефремович // История Марийского края в лицах. XIV – начало XX веков. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. – С. 332–334.

2. Хоровые церковные песнопения на черемисском языке. – Казань: Издание Православного миссионерского общества, 1891. – 156 с.

[14] Следует отметить, что часть песенной коллекции (около 90 песен) Т. Ефремова опубликована в двухтомнике Свода марийского фольклора «Песни луговых мари» [18; 19].

3. *Мухин В.А.* Музыка марийского народа // 15 лет социалистического строительства МАО. – Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1936. – С. 183–190.

4. Мари муро. Песни народа мари, собранные В.М. Васильевым. – Казань: Типолитография Университета, 1919. – 98 с.

5. *Ефремов Т.Е.* Роль песен у черемис в их племенной языческой жизни // Инородческое обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник» за сентябрь 1913 г. – Казань: Издание Миссионерского отделения Казанской духовной академии, 1913. – Кн. 4. – С. 261–266.

6. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 529. Кӱслэчэ кугыза Тотара (Озаҥ налмэ нэргэн тошто мут). – 1936. – 12 л.

7. *Ефремов Т.Е.* О преимущественной пользе церковного пения в деле просвещения черемис // Инородческое обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник» за сентябрь 1913 г. – Кн. 4. – Казань: Издание Миссионерского отделения Казанской духовной академии, 1913. – С. 269–273.

8. *Ефремов Т.Е.* Изучение марийской инструментальной музыки (краткий отчет) // Марий илыш. – Вып. 4. – Йошкар-Ола: Издание Марийского общества краеведения, 1931. – С. 77–80.

9. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 531. Очерк о марийской инструментальной музыке. – 1936. – 12 л.

10. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 539. Мамай (Тошто марий илыш гыч ойлымо мут).

11. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 530. Легенды марийцев о действии волыночной музыки. – 33 л.

12. *Ефремов Т.* Шӱвырзӧ кугыза // У вий. – Йошкар-Ола: Маробиздат, 1930. – № 5–6. С. 18–20.

13. *Тихон Ефремов*. Шӱвырзӧ кугыза (Избранные труды по марийской инструментальной музыке) / ред.-сост. О.М. Герасимов. – Йошкар-Ола: ГБПОУ РМЭ «Колледж культуры и искусств им. И.С. Палантая», 2016. – 60 с.

14. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 538. Ефремов Т.Е. Ия комыж.

15. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д.10. Ефремов Т.Е. Марийские народные песни. В 9-ти тетрадях. 1936.

16. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 533. Муро. В 5-ти тетрадях. 1936.

17. *Мушкина Н.В.* Марийские народные песни в записи Тихона Ефремова // Этническая культура и молодежь. Материалы III Республиканской научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш». – Йошкар-Ола: Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, МарНИИЯЛИ, Маргосуниверситет, 2015. – С. 309–321.

18. Свод марийского фольклора. Песни луговых мари. Часть I. Обрядовые песни / сост. *Н.В. Мушкина*. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. – 592 с.

19. Свод марийского фольклора. Песни луговых мари. Часть II. Необрядовые песни / сост. *Н.В. Мушкина*. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. – 502 с.

20. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 528. Ефремов Т.Е. Описание старинного марийского праздника Шорык-йол с ролью Васли кугыза и Девичьим пиром. – 1936. – 98 л.

Вероника Кузнецова,
Союз композиторов России
в Республике Марий Эл

АВТОР «МАРИЙСКОГО ГИМНА»

Первые песни Т. Ефремова [1], согласно данным К. Васина, написаны в 1910–1913 гг. Но ещё в конце XIX в. Т. Ефремов создал книгу литургических песнопений на родном языке. В 1917 г. были сочинены «Чевер ӱжара» (Красная заря), «Кынелза, шогалза!» (Встаньте, поднимитесь!) и другие песни, они напечатаны в «Марийском календаре» и в журнале «Инородческое обозрение».

В декабре 1918 г. в г. Казани Комиссариат мари на одном из заседаний заслушал доклад В.А. Мухина «О песне Т. Ефремова, священника Уньжинского[15] “Призыв к свету”». После чего было вынесено специальное постановление, в котором говорилось: «Признать песню «Кынелза, шогалза!» гимном марийского народа, размножить массовым тиражом, изучить во всех марийских школах. В ней – призыв к свету, образованию, культуре, просвещению – и через это – к национальному возрождению» [2, с. 2]. Из высказываний Якова Павловича Шкетана[16]: «Если хорошо споешь мотив гимна, то в тебе оживёт марийская душа, мягкая и добрая, выступят слезы» [3, с. 2].

Песня не осталась незамеченной. Её начали учить, читать как стих, петь как песню. Через год песня была исполнена в Моркинской школе II ступени на празднике, где присутствовал В.А. Мухин, занимавший тогда должность комиссара. В 1920-е годы гимн был исполнен школьным хором д. Большая Шигаксола (Кугу Шигаксола) Звениговского района. До какого времени песня считалась гимном – точно неизвестно. Ее дальнейшая судьба развивалась следующим образом. Были проведены некоторые исследования.

В журнале «Марийский мир» [4] напечатаны четыре строчки исследуемой песни, которая датирована 1917 г. В качестве автора указан Т. Ефремов. В сборнике «Палантай. Мурызылан» [5] мы находим эту песню под названием «Кынелза, шогалза!» с обозначением: музыка Палантая[17], текст Ефремова.

В книге А.Л. Маклыгина читаем: «Хотя песня считается авторской (т.е. принадлежит Палантаю. – *В.К.*), возможно, она представляет собой гармони-

---

[15] Уньжинский – один из многих псевдонимов Т.Е. Ефремова.

[16] Шкетан Яков Павлович – псевдоним Майоров (1898–1937), марийский драматург. Его имя носит Марийский национальный театр драмы.

[17] Палантай Иван Степанович (Ключников) – основоположник марийской профессиональной музыки. Его имя присвоено Марийскому колледжу культуры и искусств.

Хор Палантая. 1923 г. (из фондов МарНИИЯЛИ)

зацию» [6, с. 144]. Иначе говоря, Маклыгин предполагал, что автор гимна – не Палантай. Он приводит также слова Я. Эшпая: «Здесь использована свадебная луговая (моркинских) мари» [6, с. 144]. Кроме того, А. Маклыгин пишет, что «первые гармонизации Палантая относятся к 1919 г.», т.е. позже того времени, когда прозвучала музыка Ефремова.

Так возникли следующие вопросы: Почему музыка была приписана одному Палантаю в одноимённом сборнике? Есть ли разница между тем, что звучало у Палантая, и в документе, найденном в архиве Ефремова?

В советское время фамилия Ефремова, как автора, исчезла. Он был репрессирован, поэтому его работы были запрещены уже в 30-е годы XX в. Отношение к этой песне было противоположно мнению 1918 г. Говорили, что она написана «по-церковному», а в тексте есть символ церкви – свеча. Позже этот текст будет переделан: «свечу» поменяют на «дорогу Ленина».

Как известно, в 1920-е гг. существовала практика совместного сочинения. Поэтому допустимо, что И.С. Палантай берётся за переработку песни с целью, например, сделать хоровой вариант. Оба автора, очевидно, не придавали особого значения вопросу авторства песни. «Они были друзьями, – вспоминает М.И. Ключникова-Палантай (дочь композитора), – вместе любили петь, что-то анализировать, обменивались мнениями. Может быть, что отец согласился или предложил гармонизовать мелодию гимна для хора».

По этому поводу были предприняты определенные изыскания. Результаты этих поисков были следующие: ныне существует три варианта нотного и четыре варианта литературного текстов (с переводами[18]). Рассмотрим и сравним эти варианты.

Материал, найденный в научно-рукописном фонде Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, представляет собой три листа музыки; марийский текст выписан на отдельном листе. На титульном листе указан адрес издания: Типо-литография «Умид». Казань, 1919. Также имеется надпись на русском языке: *«Посвящается моим бывшим ученикам».* Музыкальному тексту предшествует следующая фраза*: «Семже Т. Уньжинскийын возымо гыч, йӱклан йӱкым келыштарыме Степан Йыванын К-н гыч»* (т. е. «Переложение для мужского и женского хора И.С. Ключникова с музыки[19] Т. Уньжинского»). Написано от руки, принадлежность почерка определить не удалось (возможно, чей-то из типографии). Нотный текст носит следы работы. На различных листах имеются разные варианты количества голосов, кадансовых оборотов, опеваний звуков.

Необходимо остановиться на самом названии песни. На первый взгляд, слова «встаньте» и «поднимитесь» – синонимы, но значение марийского слова «кынелза» дословно может быть переведено как «поднимитесь с колен, воспряньте», а слово «шогалза» – «встаньте, стройтесь». Название «Вставайте, стройтесь!» приводит в своей книге А.Л. Маклыгин [6, с. 143]. Встречается вариант перевода «Вставай, поднимайся!». Возможно, что такой перевод сближал марийский гимн с «Марсельезой»: «Вставай, поднимайся, рабочий народ...». Существует вариант «Соберись, поднимись!».

В сборнике «Палантай» (Йошкар-Ола, 1960) музыкальный текст разложен в три нотные строчки (в архивном варианте – две нотных строки по два голоса) и схож с первой частью гимна, найденного в архиве.

В аудиозаписи гимна, исполненном хором Дома союзов МАССР в 1959 г., музыкальный текст соответствует предыдущим вариантам, разница лишь в исполнении (темп, репризы).

При сравнении литературных текстов мы опираемся на пять разных источников. В данной ситуации тоже нельзя найти точный ответ по поводу аутентичности того или иного.

---

[18] С переводами – выполнены дословно автором дипломной работы В.Г. Кузнецовой (для сравнительного анализа текста в до- и послереволюционное время).

[19] Следует заметить, что в марийском языке нет термина «музыка», а слово «сем» обозначает «напев» или «мелодия». Очевидно, в приведённой надписи, скорее всего, подчеркнуто авторство Ефремова, как создателя мелодии с его же текстом.

1. *Текст гимна, хранящийся в научно-рукописном фонде МарНИИЯЛИ: Ключников-Палантай. Национальная песнь мари «Призыв к свету». Казань, 1919* [7]. Объем – 20 строчек. Имеется обозначение – «14 строф» (куплетов), причем, строфы № 1, 2, 3 и 8, 9, 10 имеют по 2 строчки, а все остальные – по одной. В конце первой строки есть пометка «2 раза». В конце 4-й строфы отмечены такты, которым она соответствует в мелодии – 13–16 такты. В варианте для мужского и женского хора указано, что они «поют по 7 куплетов!» Такие уточнения говорят о более детальном подходе пишущего к вопросу соотношения текста и мелодии.

2. *Текст песни, приведенный в журнале «Ончыко» (Йошкар-Ола. № 1. 1987. С. 96)* [8]. Объем – 10 строчек, 3 из них – новые: № 4, 7, 8. Для сравнения в изменении смыслов возьмем по одной строчке из первого и второго текстов:

4-я из № 1: «Пычкемыште ончынет гын, сорта чӱкташ келшалеш».

(«Хочешь видеть в темноте – надо зажечь свечу»).

4-я из № 2: «Волгыдышто илынет гын, Ленин корно келшалеш».

(«Хочешь жить светло – иди дорогой Ленина»).

В данном случае мы опирались на совпадение музыкального текста. Как видим, символы «света» (В.К.) здесь поменяли по смыслу.

3. *Текст песни из газеты «Марийская коммуна» от 25.01.1989 г.* [9]. Объем – 24 строки, где последние четыре – это повтор первых четырех. В этом варианте, в сравнении с первым, изменен порядок следования строчек, новых слов – нет. Повтор начальных четырех строчек в конце песни, заключающие в себе призыв объединиться, придает всей песне завершенность и утверждает патриотическое начало.

4. *Текст из сборника «Палантай. Мурызылан».* Он в точности схож с вариантом № 2.

5. *Текст, выписанный с аудиозаписи гимна,* исполненного в 1959 г. Объем – 16 строчек (если их расписать подобно предыдущим вариантам, получится 8).

С художественной точки зрения, как нам кажется, все варианты имеют право на существование. Ведь у композиторов тоже исполняются произведения с редакциями.

Задуманная работа по данным архива оказалась, отнюдь, не проста, но интересна. Трудности были связаны с тем, что нас от предмета изучения отделяет большая историческая эпоха, почти полное отсутствие живых свидетелей, соприкасающихся непосредственно с творчеством Т. Ефремова.

Необходимо было не только сопоставить факты и события, но и попытаться продвинуться вперед, хотя бы на один шаг, к достижению истины. Это кропотливая работа, где, как капля за каплей, набирается информация, из которой нужно сделать правильные выводы.

Кынелза, шогалза!
«Кынелза, шогалза: кайшаш корно кужу вет,
Кынелза, шогалза: кайшаш корно кужу вет,
Моло калыкым поктен шуна, нунын дене тӧр лийына.
Шогалза, тӧрланза, шкендан кайшаш корнышто:
Иктылан икте кидым пуэн, чыланат иктӧр ошкылза!
Почылтса, волгалтса, пычкемышым кодыза:
Моло гайак ош тӱняште чыла пого ден куаныза!
Пычкемыште ончынет гын, **сорта чӱкташ** келшалеш. (т. 13–16)
Ош тӱняште илынет гын, тунем шуаш кӱлдалеш.
Тошто годсо шомак-шамыч марийым моктен каласат:
Мари калык шагал гынат, шуко лийын керталеш.
Таҥ-шамыч, шинчыза теве тиде шомакым:
Пого-шамыч кийме вер тунем шумо мучаште.
Ончыза, шекланыза, тиде паша кугу вет:
Вара туге шуктена гын, пиал муде она код.
Колыштса, умлыза, тыланда чын мут ойлалтеш:
Угыч-угыч тарванен, угыч-угыч тунемза!
Йакте вопшыш кӱзен кертше тунем шун ок керт мо?
Тӱня погым кучымаште молым поктен ок шу мо?
Изи гынат, чонжо паче, тошто мари каласен:
Мари калык тӱҥалеш гын, сеҥен миен керталеш».
Типо-литография «Умид.» Казань, 1919 г.

Построчный перевод
Поднимитесь, встаньте: вперёд идущая дорога длинная,
Поднимитесь, встаньте: вперёд идущая дорога длинная,
Встаньте, выпрямитесь на своей дороге:
Взявшись за руки, пойдём все вровень!
Откройтесь, зажгитесь, оставьте темноту.
Как другие на белом свете, радуйтесь собравшись!
Хочешь видеть в темноте, надо **зажечь свечу**. (т. 13–16)
Хочешь жить на белом свете, надо учиться.
Старинные слова говорят о марийцах хвалебно:
Хотя марийцев мало, может многое произойти.
Друзья, помните эти слова:
Мудрость обретётся в конце учения.
Смотрите, будьте бдительны, эта работа велика:
Если дойдём до того, без счастья не останемся.

Слушайте, помните, вам говорят правду:
Снова поднявшись, снова учитесь!
Бортник, умеющий подниматься на сосны, разве не сможет учиться?
Обладающий мировыми знаниями разве других не догонит?
«Мал, да удал», – говорил древний мариец:
Если марийский народ примется за дело, может победить.

Кынелза, шогалза!
«Кынелза, шогалза: кайшаш корно кужу вет, –
Моло калыкым поктен шуна, нунын дене тӧр лийына.
Ош тӱняште илынет гын, тунем шуаш кӱлдалеш.
Волгыдышто илынет гын, **Ленин корно** келшалеш.
Кынелза, шогалза, шкендан кайшаш корнышто:
Иктылан икте кидым пуэн, чыланат иктӧр ошкылза!
Тошто годсо шомак-шамыч кӱсле кыллан пеш келшат,
Ваш келшалын, кид кучалын, сай илышым ыштена.
Почылтса, волгалтса, пычкемышым кодыза:
Моло гайак ош тӱняште чыла пого ден куаныза!»
(«Ончыко», 1987 г., № 1)

Перевод
Поднимитесь, встаньте:
Вперёд идущая дорога длинная, –
Догоним другие народы, встанем с ними вровень.
Хочешь жить на белом свете, надо учиться.
Хочешь жить светло, иди **дорогой Ленина**.
Поднимитесь, встаньте на свою дорогу:
Взявшись за руки, пойдём все вровень!
Старинные слова хорошо подходят к гуслям,
Взаимно уважая, держась за руки,
Сделаем жизнь лучше.
Откройтесь, зажгитесь, оставьте темноту:
Как другие на белом свете, радуйтесь, собравшись!”

Кынелза, шогалза!
«Кынелза, шогалза: кайшаш корно кужу вет,
Шогалза, тӧрланза, шкендан кайшаш корнышто.
Почылтса, волгалтса, пычкемышым кодыза,
Моло калыкым поктен шуна, нунын дене тӧр лийына.
Иктылан икте кидым пуэн, чыланат иктӧр ошкылза!
Моло гайак ош тӱняште чыла пого ден куаныза!

Пычкемыште ончынет гын, **сорта чӱкташ** келшалеш.
Ош тӱняште илынет гын, тунем шуаш кӱлдалеш.
Тошто годсо шомак-шамыч марийым моктен каласат:
Мари калык шагал гынат, шуко лийын керталеш.
Таҥ-шамыч, шинчыза теве тиде шомакым.
Ончыза, шекланыза, тиде паша кугу вет –
Колыштса, умлыза, тыланда чын мут ойлалтеш:
Пого-шамыч кийме вер тунем шумо мучаште.
Вара туге шуктена гын, пиал муде она код.
Угыч-угыч тарванен, угыч-угыч тунемза!
Йакте вопшыш кӱзен кертше, тунем шун ок керт мо?
Тӱня погым кучымаште молым поктен ок шу мо?
Изи гынат, чонжо паче тошто мари каласен:
Мари калык тӱҥалеш гын, сеҥен миен керталеш.
Кынелза, шогалза: кайшаш корно кужу вет,
Шогалза, тӧрланза, шкендан кайшаш корнышто.
Почылтса, волгалтса, пычкемышым кодыза,
Моло калыкым поктен шуна, нунын дене тӧр лийына!»
(«Марий коммуна», 1989 г., 25 января)

Перевод
Поднимитесь, встаньте:
Вперёд идущая дорога длинная, –
Встаньте, выпрямитесь на своей дороге.
Откройтесь, зажгитесь, оставьте темноту,
Догоним другие народы, встанем с ними вровень.
Взявшись за руки, пойдём все вровень!
Как другие на белом свете, радуйтесь, собравшись!
Хочешь видеть в темноте, надо **зажечь свечу.**
Хочешь жить на белом свете, надо учиться.
Старинные слова говорят о марийцах хвалебно:
Хотя марийцев мало, может многое произойти.
Друзья, помните эти слова:
Смотрите, будьте бдительны, эта работа велика –
Слушайте, поймите, вам говорят правду:
Мудрость обретётся в конце учения.
Если дойдем до того, без счастья не останемся.
Снова поднявшись, снова учитесь!
Бортник, умеющий подниматься на сосны, разве не сможет учиться?
Обладающий мировыми знаниями разве других не догонит?
«Мал, да удал», – говорил древний мариец:

Если марийский народ примется за дело, может победить.
Поднимитесь, выпрямитесь:
Вперед идущая дорога длинная.
Встаньте, выпрямитесь на своей дороге.
Откройтесь, зажгитесь, оставьте темноту,
Догоним другие народы, встаньте с ними вровень.

Кынелза, шогалза!
«Кынелза, шогалза: Кайшаш корно кужу вет!
Моло калыкым поктен шуна, нунын дене тӧр лийына!
Ош тӱняште ончынет гын, **тулым** чӱкташ кӱлалеш.
Шогалза, кынелза: шкендан кайшаш корнышто!
Иктылан икте кидым пуэн, чыланат иктӧр ошкылза!
Ош тӱняште илынет гын, тунем шуаш кӱлдалеш.
Кынелза, шогалза: кайшаш корно кужу вет!
Моло калыкым поктен шуна, нунын дене тӧр лийына!»
(из аудиозаписи 1959 г., исполняет хор Дома союзов МАССР)

Перевод
Поднимитесь, встаньте:
Вперёд идущая дорога длинная, –
Догоним другие народы, встанем с ними вровень.
Хочешь видеть белый свет, надо зажечь огонь.
Встаньте, выпрямитесь на своей дороге.
Взявшись за руки, пойдём все вровень!
Хочешь жить на белом свете, надо учиться.
Поднимитесь, встаньте:
Вперёд идущая дорога длинная, –
Догоним другие народы, встанем с ними вровень.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузнецова В.Г.* Очерк жизни и деятельности Т.Е. Ефремова (1868–1938). Дипломная работа. – Казань, 2003. – 221 с.

2. *Уньжинский Т.* Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро // Ӱжара. – 1918. – № 46. – 19 октябрь. – С. 2.

3. Йошкар кече. 15.03.1923 г.

4. Марийский мир. Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа: [сборник] / Адм. Президента Республики Марий Эл; сост. *В.Г. Яналов*. – Йошкар-Ола, 2000. – 133 с.

5. *Палантай И.С.* Мурызылан: муро-влак / Ред. А.И. Искандарова и И.И. Осмина. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. – 97 с.

6. *Маклыгин А.Л.* Музыкальные культуры Среднего Поволжья. Становление профессионализма. – Казань: Каз. гос. консерватория, 2000. – 310 с.

7. *Ключников-Палантай И.С.* Национальная песнь мари «Призыв к свету». Казань, 1919 // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 4. Д. 32.

8. Ончыко. – № 1. – Йошкар-Ола, 1987. – С. 96.

9. Марий коммуна. 25.01.1989 г.

Галина Макарова,
Йошкар-Ола

ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ТИХОНА ЕФРЕМОВИЧА ЕФРЕМОВА

Тихон Ефремович Ефремов вошел в историю марийского народа не только как автор первого марийского гимна, этнограф, писатель, но и как теолог и религиовед. Его деятельность можно подразделить на два периода:

– *дореволюционный* (1891–1917), когда он заведовал Уньжинской центральной миссионерской черемисской школой и одновременно исполнял обязанности дьякона и священника в церкви Николая Чудотворца села Шоруньжа Шиньшинской волости Царевококшайского уезда. В этот период он выступал как православный теолог-миссиолог. Теология, напомним, есть изучение веры в Бога на базе данных христианского откровения;

– *постреволюционный* (1917–1938). В этот период ему приходилось часто менять места работы из-за гонений, но интереса к религиозной тематике он не терял и собрал много эмпирического материала на марийском языке по религиозной тематике, положив тем самым начало религиоведческим исследованиям во время, когда и слова такого, как «религиоведение», не существовало.

В дореволюционный период Тихон Ефремов, будучи учеником просветителя Н.И. Ильминского, опубликовал несколько статей в «Инородческом обозрении», приложении к журналу «Православный собеседник» в Казани. Сохранились три его статьи, опубликованные в «Инородческом обозрении» «Православного собеседника» за 1913 г.: «Черемисы-язычники: Роль песен у черемис в их племенной языческой жизни», «О преимущественной пользе церковного пения в деле просвещения черемис» и «Черемисы-язычники: Несколько слов о необходимости женского просвещения луговых черемис», которые не потеряли своей актуальности до сих пор. Т.Е. Ефремов нашел два ключа к сердцу народа – песня и женщина.

Отличительной чертой характера черемис Т. Ефремов считал их любовь к пению. Главной силой в язычестве служат именно черемисские песни. Эти песни, напевы, даже напевы без слов действуют очень сильно: черемисы плачут, когда слышат хорошую песню или напев в сопровождении волынки или гуслей. Т.Е. Ефремов отмечает, что мотив черемисских песен, равно как и слова песен, распределяются сообразно назначениям на мотивы религиозные, праздничные, свадебные, посиделочные, рекрутские. Есть особый напев песни – поминальный (буквально: покойницкий). Религиозных напевов в Уньжинском районе просветитель насчитал четыре. Среди них – «Кумалтыш муро» – молельные напевы, «Мӱгыш Он муро» – песнь пчелиного хана, «Тотара кугызан мурыжо» – песнь дедушки Тотары, связанный с древним преданием из эпохи взятия Казани русскими. В заключение автор делает вывод, что в деле просвещения язычествующих черемис христианством следовало бы иметь в виду указанные отличительные черты характера черемис, любовь их к пению: основать и провести на ней следовало бы всю богослужебную часть христианства [1, с. 263–266]. Следует отметить, что в нашем исследовании «Сакральный компонент ментальности любви во французской, русской и марийской лингвокультурах» мы также пришли к выводу о доминантности концепта «любовь – страдательность» в концептосфере любви у мари и о происхождении самого слова «йӧратымаш» (любовь) от тюркского (чувашского или татарского) «йӧр» – песня. Мариец черпает любовь из песни [2, с. 35].

Во второй статье Т. Ефремов рассуждает о преимущественной пользе церковного пения в деле просвещения черемис. Он отмечает, что «тот, кто находил на клиросе удовольствие своим духовным требованиям, был восхищаем

то минорным – умилительным, то мажорным – торжественным пением во время богослужений, с сознанием красоты сочетания звуков, переживая святые чувства – тот никогда не позабудет этого самого клироса и всего с ним связанного». «Церковные напевы, – считал Т. Ефремов, – необходимо стараться внедрить в плоть и кровь, чтобы эти напевы постоянно носились в их сознании, вытесняя собою мотивы племенно-языческие. Под действием усвоенных напевов песнопений человек превращается в живой инструмент, созданный Господом Богом. Тогда поющий восчувствует и увидит в небесах христианского Бога. Хорошее пение есть поистине магнит церкви» [3, с. 269–273].

Размышляя о препятствиях в деле христианизации язычников, Т. Ефремов отмечал привязанность черемисских женщин к традициям и видел насущную необходимость женского просвещения луговых черемис. Во времена Тихона Ефремова женщины Уньжи были домоседками и потому ограниченными, отсталыми. На них лежали такие обязанности, как приготовление праздничных кушаний, уборка дома, стирка белья, топка бани. Захотят они, например, затопить баню в четверг вечером – и будет баня. Скажешь черемисину: не в четверг бы надо мыться в бане, а в субботу вечером для воскресенья, – а он отвечает: это бабы так сделали, а не я. Равным образом, захотят женщины приготовить праздничное кушанье по-мусульмански в пятницу – состоится пятница и наоборот. Много силы – в их руках… Таким образом составляется языческое распределение недельного времени, вопреки православному. Одним словом, против жены, помимо жены, и без жены черемисину ничего нельзя делать. «Как можно, – говорит жена мужу, пропустить такой народный праздник – «поминки»? Что скажут пришедшие к нам по давнишнему обычаю «старые» люди, родители твои, родственники и соседи? Что скажут живые твои родственники, соседи и однодеревенцы? Ведь, наконец, «старые» люди (покойники), оставшись без угощения, не оставят тебя без наказания: они нашлют на нас какую-нибудь беду». Волей-неволей черемисин ничего не может сделать, как только предпочесть грозящему конфликту с женой семейный мир. Сплошь и рядом приходится слышать от черемис такие сожаления: сам я могу перейти в русскую веру, и сына уговорить можно, но не согласится на это жена [4, с. 113–115]. За этим описанием кроется, на современный взгляд, и духовная зависимость от почитания духов предков, духов смерти, страх перед наказанием, перед осуждением и колдовством.

В теологическое наследие Т. Ефремова можно включить и учебные материалы школы, в которой он был руководителем и преподавателем. По своему предназначению эта школа была миссионерской, она готовила миссионеров для работы среди марийского населения. Как отмечает исследователь А.С. Патрушев, в ней много места уделялось религиозным предметам и молитвам [5, с. 8], таким как «пространственный катехизис», «богослужебный устав»,

«церковная история». Для учащихся мари был специальный предмет – «опровержение черемисского язычества и мусульманства».

Школа пользовалась хорошей репутацией. Если в доильминские времена в такие школы трудно было загнать черемисских детей и после каникул они редко возвращались в школу из-за того, что обучение велось только на русском языке и имело целью, как отмечал Федор Егоров в «Материалах по истории народа мари», «вырвать и обособить учащихся от их родной среды», то ставка на родной язык, прогрессивные методы и добрый дух Николая Ивановича Ильминского и Тихона Ефремовича Ефремова сделали обучение в его школе привлекательным. Федор Егоров так описывал эту школу: «…Вот начинается маленькая, импровизированная, на совершенно новых началах, школа. Мальчики читают, пишут и поют на своем родном языке; воодушевленно работают в семейной обстановке новой школы. Не было ни отметок, ни угроз, ни розог, а дело шло так, как никогда в ранее существующих школах до них. Ученики бодрые, веселые, жизнерадостные и к тому же знающие и по-русски, и на родном языке» [6, с. 163]. В Отчете Братства Святителя Гурия за 1894 год отмечается, что «Уньжинское Министерства народного просвещения училище есть лучший тип миссионерской церковной школы». Как известно, для основания школы Николай Иванович Ильминский и Тихон Ефремович Ефремов искали духовно темное место в марийских краях и нашли его в Уньже (Шоруньже). Впоследствии Н.И. Ильминский писал: «Как звезда ночью светит, так и школа в селе Шоруньжа освещает темную жизнь марийцев».

В школе Ефремова преподавались такие теологические учебные дисциплины, как:

Пространственный (или пространный) катехизис (с греч. – оглашение, устное наставление*)*, обычно называли «Филаретовским». Его подготовил в 1822–1823 гг. архиепископ Филарет (Дроздов). В 607 постулатах содержались, говоря современным языком, сотериологическое (учение о спасении души) и сакраментологическое (учение о таинствах) учения, библеистика, амурология, учение о молитве и славословии, учение о 9 заповедях блаженства и 10 заповедях и об их разделении на две скрижали и многое другое – вся суть православного вероучения и основы христианской нравственности.

Богослужебный устав (или Типикон, с греч. образец, вид, норма*)* – это был, по всей вероятности, принятый и в настоящее время в РПЦ в редакции 1695 года, при патриархе Адриане, Иерусалимский Устав, который содержит указания литургического характера, правила и способ богослужения в целом, на все дни года.

Церковная история. Сейчас уже сложно определить, по какому именно учебному пособию занимались учащиеся в школе Тихона Ефремова. Возможно, это была краткая церковная история протоиерея Петра Смирнова.

Возможно, в школе использовались пособия Николая Ильминского, например, «Обучение церковно-славянской грамоте» для разных типов школ, которые он публиковал в 2-х выпусках – для учителей и учащихся.

В Шоруньже существовала Переводческая комиссия. Известно, что за 50 лет существования Братства святителя Гурия было издано на марийском языке 114 книг. Есть предположения, что Тихон Ефремов делал переводы и на удмуртский язык, вероятно, для Центральной удмуртской (вотской) миссионерской школы в с. Карлыган Мари-Турекского района, где учителем был Константин Андреевич Андреев, ученик Ильминского и молочный брат Ивана Яковлева и Тихона Ефремова.

Поворотным пунктом в судьбе Т. Ефремова стала Октябрьская революция 1917 года, которую он принял поначалу с одобрением, оставил чин священника, женился и уехал сначала в Шиньшу, затем в Морки и в Краснококшайск (ныне Йошкар-Олу). Революцию он встретил сочиненным им первым марийским гимном, призывавшим нацию встать с духовных колен, преодолеть отставание от более прогрессивных народов, стать с ними наравне.

Анализ причин, побудивших Тихона Ефремова выйти из православия, представляет интерес для современного этапа духовного поиска мари, который характеризуется разделением на две категории верующих: марийцы марийской традиционной веры (по разным данным от 1 % до 15–16 %) и марийцы вне марийской традиционной веры (православные и протестанты). Марийцы-язычники комфортно ощущают себя в православии (двоеверы, 15–16 %), чего во времена Тихона Ефремова не наблюдалось. Православно-языческая секта «Кугу сорта», пользовавшаяся большим авторитетом среди черемис, песнопения которой записал Тихон Ефремов, была тогда разогнана и верующие сосланы в Сибирь.

Каковы же были причины выхода Т. Ефремова из православия? Во-первых, насаждаемая тогдашним православием тенденция к обрусению марийцев, против которой был просветитель, он уже тогда защищал марийскую идентичность. Во-вторых, абсолютизм православия, вероисповедная нетерпимость, поддерживаемая самодержавием, и последующий после 1917 года абсолютизм советской власти. На допросе в НКВД в 1938 году Тихон Ефремов, отвечая на вопрос о причинах оставления сана, сказал: «Я сделался протестантом против обрусительных тенденций православия». Кроме того, свидетельства марийцев того времени говорят о необразованности, греховности, корыстности тогдашних священников, что также отталкивало верующих. Исполнение религиозных обрядов затмило в сердцах веру в воскресшего Иисуса Христа. Религиозная ситуация первого десятилетия после революции была такова, что православные верующие были причислены революционной властью к «угнетателям», а баптисты – к «угнетенным».

Постреволюционная деятельность Тихона Ефремова в области изучения религий показывает, что он сохранил религиозный менталитет и интерес ко всем существовавшим тогда религиям. Всю свою энергию и любовь к своему народу он направил в общественное и научное русло, став журналистом, фольклористом (осуществил две фольклорные экспедиции, собрал множество песен, сказок, рассказов, наигрышей), поэтом и писателем, архивариусом, научным работником, оставшись верным своему просветительскому призванию, несмотря на то что был лишенцем с 1926 года, был гоним как бывший поп отовсюду.

К *религиозной антропологии* можно отнести рассказы и сказки, написанные Тихоном Ефремовым в 1930-е годы. Несмотря на «возраст», они не потеряли своей актуальности. В них дана честная и правдивая характеристика реальности того времени, основной чертой которого являлся материализм. Так, герой рассказа (с подзаголовком «народное предание») *«Дядя Серги»* – беглый рекрут, скрывающийся в лесу, застрелен собственным братом из-за страха быть посаженным в тюрьму за сокрытие беглеца. В рассказе *«Старик Паймыр»* идет речь о «прижимистом душой» владельце хутора, который умудрился во время свадьбы дочери заставить гостей работать на себя. *«Большая Шигаксола»* – документальный рассказ о съемках в 1928 году фильма о марийцах. Шигаксолинцы не хотели сниматься, стали помогать в съемках только из-за денег, автор пишет с иронией: «их руки кривы в свою сторону», «скоро станут требовать деньги и для тех, кто еще в животе». Самый страшный рассказ – *«Голодный год»* (1922 год), описывающий смерти людей от голода и каннибализм. Сказки *«Отцовский наказ»*, *«Братья говорят по-русски»*, *«Куйка»*, *«Бедняк и судья»* обличают блуд, невежество и коррупцию в судах [7].

Его смерть в застенках тоталитарного режима (легенда гласит, что последними его словами были: «Всяка власть от Бога», за что его расстреляли на допросе) показала, что он так и остался верующим в Бога, Христа и Божье Слово.

Современный этап религиозного развития Марий Эл характеризуется многоконфессиональностью, активным духовным поиском, невозможным без учета многообразного духовно-культурного наследия Тихона Ефремовича Ефремова. Созданная им традиция прервалась по понятным политико-идеологическим причинам, но должна быть продолжена.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефремов Т.Е.* Роль песен у черемис в их племенной языческой жизни // Инородческое обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник» за сентябрь 1913 г. – Казань, 1913. – Кн. 4. – С. 261–266.

2. *Макарова Г.А.* Сакральный компонент ментальности любви во французской, русской и марийской лингвокультурах: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. доктора культурологии. – Саранск, 2006. – 41 с.

3. *Ефремов Т.Е.* О преимущественной пользе церковного пения в деле просвещения черемис // Инородческое обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник» за сентябрь 1913 г. – Казань, 1913. – Кн. 4. – С. 269–273.

4. *Ефремов Т.Е.* Черемисы-язычники: несколько слов о необходимости женского просвещения луговых черемис // Инородческое обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник». – Казань, 1913. – Кн. 2. – С. 113–116.

5. *Патрушев А.С.* Чавайн в Казани: очерк. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. – 48 с.

6. *Егоров Ф.Е.* Материалы по истории народа мари. – Йошкар-Ола: Ист.-лит. музей финно-угорских народов им. В. Колумба, 2012. – 176 с.

7. *Ефремов Т.Е.* Рассказы и сказки. – Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стринг», 2016. – 86 с.

Людмила Григорьева,
В.М. Васильев лӱмеш Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институт

ТИХОН ЕФРЕМОВЫН СЫЛНЫМУТ АРШАШЫЖЫН ЙЫЛМЕ ОЙЫРТЕМЖЕ

Марий калыкын тале сотемдарчыже Тихон Ефремович Ефремов (1868–1938) сылнымутчо семынат кугу пашам ыштен шуктен: ятыр почеламут ден ойлымашым возен.

Шымлыме пашан цельже – Тихон Ефремовын икмыняр сылнымут аршашыжын йылме ойыртемжым лончылаш. Тыгай произведенийлажым ончымо: «Кок Онар (саман мурӹ)» [1], «Эргӹыжӹм Кугӹжалан пушӹ АВАЛАН ракмат (тау) мурӹ (Мондыдэ йӧратымы шочмы АВАМ лӱмэш каласэм)» [2], «Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро» [3] почеламут-влак да «Сэрги чӱчӱ» [4] ойлымаш.

Тихон Ефремовын чыла произведенийжым чумырен, тӱткын шымлаш гын, марий калыкын историйыштыже палемден кодыдымо кыша-влакым верешташ лиеш. Тудо кугезе марийын тошто мутшым ятыр серен коден («Кӱслэчэ кугыза Тотара» [5] да молат). Икымше тӱнямбал сар (1914–1918) деч ончычсо, сар да сар деч варасе неле шужен ийласе пуламыр илышым чын сӱретлымыж дене ойыртемалтеш, тыгодым калыклан лишыл йылме дене возаш тыршымыже кугу уш-акылан лиймыжым ончыкта. Тудо моткоч чот шочмо аважым да шочмо калыкшым йӧратен, нуным пиаланым ышташ шонен. Тидын нерген почеламутлаште кучылтмо обращений-влакше палемдат (авторын текстшым

вашталтыде ончыктена): *Эй шӱмбэлэм-шамычэм, эй йӧратмы̆мэм-шамычэм (Кок Онар); Ой игіэм-пы̆чы̆ры̆кэм!, Эй йӧратмы̆мы̆ шочшын аважы, Эй алтын* (шӧртньӧ. – *Л.Г.*) *шочшын аважы!; Тан-шамыч*.

Пычкемыш гыч волгыдыш лекташ ӱжмӧ кумыл дене возымыжо кажне марий енын чонышкыжо миен шужо манын тыршен, сандене тыгай мут-влакым кучылтеш: *Мый таланэт мурэн ольэм: Тый адак* ***у-угыч*** *савырнэн, Путырак колышт мый мурэм*; *Эй шӱмбэлэм-шамычэм, Мурэн ольэм тланда: Тэ пылыштам савырэн Мый мурымэм колыштса*; *Колыштса, умлыза, тланда чынмут ольалтэш*. Повелительный наклонений, шушаш жап формо-влак, условийым ончыктышо да уступительный придаточныян, тыгак йодышан предложений-влакым ятыр кучылтеш. Мутлан, повелительный наклоненийыште каласалтше глагол-влак: *кыньэлза, шогалза, тӧрланза, почылтса, волгалтса, пычкемышым кодыза, Иктылан икте кидым пуэн чыланат ик тӧр ошкылза!, Моло гаяк ош тӱняште чыла пого дене куаныза! шинчыза (пален лийза), ончыза, шекланыза, колыштса, умлыза; Угуч, угуч тарванен угуч угуч тунэмза! Ынды тыдым колмэнгыда, Ида ко(р)штыкты шкендан чондам: Иктылан вэсылан пэлэштэн, Ольэн илыза тыды мурэм.*

Условийым ончыктышо придаточныян предложений-влак: ***Пичкэмыштэ ончынэт гын****, сорта чӱкташ кэлшалэш;* ***Ош тӱняште илынет гын****, тунем шуаш кӱлдалеш; Пого-шамыч киймэ вэр тунэм шумо мучаштэ!* ***Вара тугэ шуктэна гын****, пиал муде она код.* ***Марий калык тӱнгалеш гын****, сенген миен керталеш* [3].

Уступительный придаточныян предложений-влак: *Тошто годсо шомак-шамыч марийым моктен каласат:* ***марий калык шагал гынат****, шуко лийын керталеш*; ***Изи гынат****, чонжо пачэ, тошто марий каласэн* [3]; ***Эргычым мыняре чаманет гынат****, кузе-гынат адак чыте: Утла ит коштыкты чонетым, Коч ит кӱрлыктӧ шӱметым*! [2, 6–7-ше с.].

Йодышан предложений-влак: *Эй Йумыжат, Пуйырышыжат! Молан гына тыгэ лийы?! Мланна гына ӱмырыштына Ужаш возы ойгым, маныт*; *– Эргыч уке шке воктенет. Волгыды кечывалым йоватет-да, Умалаш возат йӱд велеш: Умален кертат мо, уке мо? Ой игэм-пычырикем! манат: Ала куштыгына коштылдалеш? Ала кочкын, ала йӱын?; Ала умала, ала укэ гын?; Тыйын эргыч – моторетшы-ыс Кӧргешет кӱшы саска вэт? Тый шомакым колнат вэт, Марий калык кузе каласа? Тыжеч кайшы салтак-шамыч Кугыжан кугы саворжы огыл мо? Йактэ вопшыш кӱзен кертше тунем шуун ок керт мо? Тӱня погым кучымаште молым поктен ок шу мо?*

Кажне мут, кажне ой моткоч кугу философий шонымашан, вет тошто марий мут туштан, тудым умылен моштыман. Туштен каласыме «Кок Онар» вуймутан почеламутшымак налына: ***Тӱн-тӱнгалтыш*** *годсекак Сайлан осал ваш шоген: Керек-мыняре тӧчен гынат, Сайым осал сенген огыл. Курымын теве*

эн мучаштыжат Сайлан осал пижеш, манеш. Осал мыняр толаша гынат, Тудым саяк сеӊа, манеш. Чевер-мотор тӱняжым дыр Юмо сай шот ден пуйрен вет: Осал тӱлыжы манын огыл, Сай куаныжы манын пуйрен (тӱлыжӧ – шарлыже; вольык тӱла. – *Л.Г.*) [1, 8-ше с.].

Тихон Ефремовын почеламутлаштыже тыглай марий еҥ дене, тудын илыш умылымашыжым, койыш-шоктышыжым шотыш налын, мутланен моштымыжо раш палдырна. Тыгодымак шке шонымашыжым умылтарен каласен кода.

Ойлымаш-влакшым ончалына гын, пӱртӱс, портрет, этнографий сӱрет-влакым почын пуымаштат, илыш гыч налме герой-влакын койыш-шоктыш ойыртемыштым лончылымаштат шкешотан сылнымутчо. «Сэрги чӱчӱ» ойлымаш негызеш ончыктена.

Пӱртӱс сӱрет-влак: «*Кэҥэж – эн сай жап. Кэчэ кужу, йӱд кӱчык: кастэнэ пычкэмышалтынат ок шу, эр ӱжара волгалташат тӱҥалэш. Куку кэчэ гут мура, шӱшпык йӱд вошт шӱшка. Моло кайыкат тыгыдэ йыҥгыр гайэ вэлэ шоктыктат.*

Олыкым ончалат – шинчат йыма: чэвэр дэч чэвэр пэлэдыш; пэлэдыш йыда тыгыдэ йолан мӱкшэт, тӱрлӧ тӱсан лывэт, йоҥэж йолан шырчыкэт, – чыланат пайрамым ыштат.

Эй, пӱртӱсшат-чэвэржат, тыйын моторэтым моктыдэ чыташ ок лий. Качылан кайшаш чэвэр ӱдыр ышкэнжым ышкэ тунарак ала чикта, ала укэ, – тый, пӱртӱс, кэҥэжым ышкэндым ышкэ тугэ чаплын чиктэт!...» [4, 12-шо с.].

Тунамсе илышыште улшо ваштарешлыше ситуаций-влак нерген пӱртӱс сӱретым сӱретлымаште сайын шижтарыме, антонимым моштен кучылтмо: «*Кэчэ кужу, йӱд кӱчык: кастэнэ пычкэмышалтынат ок шу, эр ӱжара волгалташат тӱҥалэш. Куку кэчэ гут мура, шӱшпык йӱд вошт шӱшка*» [4, 12-шо с.].

Шке сылнымут геройжым автор моткоч чамана, тидыже шыман каласыме формо-влакым кучылтмо гыч раш коеш: «*Тэвэ тыгай асыл жапыште, кугу чодра покшэлнэ,* ***изи гына тэҥгыл ӱмбалнэ****, Сэрги чӱчӱ исым* ***тодын шинчалта****. Воктэнжэ, кугу огыл,* ***омаш сэмынжэ улдалэш****. Омаш вэлэнжэ ик лудо мыжэр, ик кэрдэ* ***кэчалтат****. Моло ӱзгаржэ ок кой. Шыҥа дэнэ ӱвыра шукылан, омаш аҥэшыжэ мэкшым* ***пыжыкталын****. Омаш гыч шыкш лэктэш*» [4, 12-шо с.].

Вигак ужына: возымаштыже историзм ден архаизм, этнографизм ден диалектизм-влакым моштен кучылтеш: ***йоҥэж*** (лук для метания стрел) *йолан шырчыкэт*; ***исым*** *тодын шинчалта* (плетёт бердо, гребень ткацкого станка); *Шыҥа дэнэ ӱвыра шукылан, омаш аҥэшыжэ* ***мэкшым*** (гнилушка, кусок гнилого дерева) *пыжыкталын*; ***асыл*** *жапыште* (в прекрасное время). Умбакыжат текст мучко тыгай шомак-влак ятыр койыт: ***сотский*** (шӱдывуй), ***унтьэрже*** (кугыжан да икмыняр моло армийыште ӱлыл командный составысе званий, тыгак тиде званиян еҥ).

Лудшым умбакыже лудаш тарата, интриге сынан предложений-влакым чоҥа: «*Мом орола гын Сэрги чӱчӱ тидэ шэм чодрашт̆э? Мӱкшым? Кайыкым? Ала жап дэн, жап дэн кӱрым, нийым тӧргалта? Укэ. Сэрги чӱчӱ молым огыл, ышкэнжым ышкэ орола*» [4, 12-шо с.].

Монолог да диалог полшымо дене автор геройын көргӧ чоншижмашыжым лудшо дек сайын намиен шукта. Тыгодым кугырак еҥын ойлымыжымат палемден кода: «*Руш кугыжан тӧрашт, салтакышт, ожно марий йалым шуко толэн, марий йыҥым шуко йӱлалтэн улыт, манэш ыльэ кувавай. Эн ожнышо марий эша ышкэ сэмынжэ, эркыштэ илэн, манэш ыльэ. Тыгэжэ путыракат сай лийын. Ой, адакат икана тугак лийэш ыльэ гын!...*» [4, 12–13-шо с.].

Текстыште кум монолог да кум диалог уло. Монолог-влак: 1) Сергий чӱчӱн руш кугыжан салтак гыч молан куржмыжым умылтарымыже; 2) Сергийын шольыжын шочмо изажым лӱяш кайымыж годым чонжым туржмыжо; 3) Сергий чӱчӱн «подыш пурыдымо ӧрдыжлу лийме» шотышто да тиде илышыште кӧлан ӱшаныме шотышто пытартыш шонкалымашыже. Диалог-влак: 1) Сергийын шольыжын суртышкыжо кенета толын пурышо салтак-влак да Сергийын шольыжо коклосе вашмутланымаш, тыгодым автор рушла ойлышо салтакын мутшым марланҥден воза, скобкеш (*Мэ тыштэ марла возэна*) манын ончыкта, лач кок ойым веле рушла цитате семын конда: «*Ага, блины! Ладно!*», «*Живо!*»; *Теве пырказ*; 2) Серге чӱчӱ ден шешке коклосе вашмутланымаш: Серге чӱчӱ мончаш олташ йодеш; 3) Серге ден шольыжо мутланат.

Серге чӱчӱн эн кугу йолташыже – пӱртӱс. Тидым Тихон Ефремов моштен ончыкта, мутлан: Серге чӱчӱ: *Шӱшпыкшэ, эх, кӱзэ шӱшкалта?* Авторын мутшо: *Шӱшпык почэш Сэрги чӱчӱэмат шӱшкалтэн, муралтэн колтыш...*; *Садэ пӱнчэт кычкырэн шога, Сэрги салтакэт тарвандэ кийа...*

Ойлымашысе действийын вияҥмыжым ончыктышо моло пӱртӱс сӱрет радамым ончалына: «1. *Кэчэ кэчын эрта. Чэвэр кэҥэж кэрэк мыньарэ асыл ыльэ гынат, иктат чарэн ыш кэрт, эрташ тӱҥальэ. Шудо солымо жап эртыш, у киндат шуо. Йужо вэрэ у мӱымат ончышт*» [4, 13-шо с.].

2. «*Адак эр лийэ, адак кас лийэ, – жап эрэ эрта. Ийгэчэ койын шыжэ вэлыш савырна. Уржам ӱдат. Шӱльым тӱрэдыт. Чодрашт̆э пушэҥгэ лышташ чэвэргэн. Пызлэ кычкэ дэнэ полан, шуан вондо кычкэ – тарай гайэ койыт. Чара тӱва-гыч чодрам онча лат гын, ала мыньарэ чувар тӱсан вэлэ койэш*» [4, 14-ше с.].

3. «*Шыжэ... Отыл пасу какаргыш, озым пасу ужаргыш. Шукыжо годым – пылан. Кэчэт мландым шуэн ончалэш. Ончалеш гынат, ӱлӱч вэлэ ончалэш. Олыкыш мийэт – шып, нымат укэ; озаштым вучалтэн, шудо каван-влак гына шэмэм шинчалтат. Чодраш пурэт – пунышкышо ӱпш.*

Тачысе кэчыжэ пэшак сӧрал, – путыракат пылан» [4, 16-шо с.].

Ынде этнографий сӱрет-влакым ончалына:

1. «*У киндэ шумылан, ик кана кугарньам ыштэн, канэн налшаш ылэ», манэш ватыжлан Сэрги чӱчӱн шольыжо: «Мочаш олто, мэлнам луго, Сэрги изаланат намийэн пушаш: айда, тудат кочшо, ынжэ ӧпкӧлӧ».*

Кугарньа эр. Коҥга тул йӱла. Сэрги чӱчӱн шольыжын ватыжэ мэлнам кӱэштэш. Изарньан кастэнэ йэшышт мочаш пурэн улытат, чыланат ош тувыран улыт. Ӱстэмбал шовычат ошо. Тӧрыштӧ, кашташтэ, кок-кум солык сакалтымэ. Мэлна кӱэштшэ шэшкэ, коҥга ваштарэш энгын, йошкарген, пӱжалт пытэн – санга гычшэ пӱж-вӱд тӱча. Салма чыжгыжэш. Мэлна ӱпш нэрыш пура. Ырвэзэ-влак мэлнам ончат, кочкаш тӱҥалмым вучат. Туштак ик пошкыдо марий пурэнат, магыртатэн шинча: мэлнам ончэн шӱвылжӧ толэш...

Мэлна кышыл тэмэш. Ындэ пэлэштэн чыла йэш дэн кочкаш тӱҥалыт манмэ годым, урэмыштэ капка ончыко кок орава кудал тольыч. Кэ толэш? Молан?» [4, 13-шо с.].

2. *Ырвэзэ-влак чланат* ***ӱдрамаш пусакыш*** *кугыргэн шинчыч.*

3. *Пӧрт йымалым почыктат, пӧрт коклаште, пӧртӧнчыл йымалнэ кычалыт.*

Кудо вэчэш кодшо салтак-влак лэваш йымалнэ, шурно кылатыштэ, вӱташтэ, вӱта ӱмбал олымышто, агунышто, арва вӱташтэ, мочаштэ, нӧрӧпыштӧ, моло вэрэат кычал пытарышт. Тӱкылмӧ кылатым, шондыкым, ларым почыктышт – Сэрги укэ» [4, 14-ше с.].

Осал салтак-влак нерген тыгерак воза: «*Полтышан, кэрдан-влакэт кычкырал колтат, шинчам савыркалат, шӱрдат, лӱдыктат, йолым тошкат; Йолташыштым чыла ӱжыч. Тӧрыш пурэн шинчыч. Мэлнам, ӱым йодыт. Мэлнам кочкын пытарышт. Тошто пӱрым, пурам кычал кондыктышт. Тудымат йӱын, лӧкэн пытарышт. Шӱргышт йошкаргыш, тэвэ пудэшталтэш. Шинчашт кандашэ лийэ»* [4, 14-ше с.].

Онартыш мут-влакшат шкешотан улыт, мутлан: *Капкам почын, пӧртӧнчык* ***шылдыр-да-шолдыр*** *кӱзэн, пӧртыш пурэнат шуыч; Тӱрэдшэ-влакэт ышкэ тӱрэдыт, ышкэ* ***шыдыргыдыр*** *кутырат; Тыгэ тӱрэд шогымышт годым, ик ырвэзэ чодра воктэн* ***„чори-и-ик!“*** *кычкыралынат колтыш: „Ави мӱмӱ-ӱ! ави мӱмӱ-ӱ!“ – васара вэсыжэ. Ындэ мо лийэ? Ончал колтышт гын, чодра гыч лэктын шӱльӧ воктэн, йыраҥ мучко мӱшкыржӧ дэн нушкын, „****мыгыл-мугыл, мыгыл-мугыл****“ Сэрги чӱчӱ толэш; Мутшым каласэн ыш пытаре, кумылжо тодылтмо дэнэ – „кызытлан чэвэрын, шэшкэ“, – манын, Сэрги чӱчӱ шорташ тӱҥальат, адакат шӱльӧ воктэн „****мыгыл-мугыл, мыгыл-мугыл****“ ныл йолан нушкын, чодраш пурэн кайыш... Сэрги чӱчӱ адакат колыштэш: ала могай кошкышо пӱнчӧ мардэж пумо дэнэ йыгалтын, „****кычыр-ко-о-очыр, кочыр-ко-о-очыр****“, йыҥ гайэ кычкыра.*

Таҥастарымаш-влакшым ончалына: *Моло кайыкат тыгыдэ* ***йыҥгыр гайэ вэлэ шоктыктат****; Сэргийын шольыжо* ***кылмышэ гайэ чытыра****, ольэнат ок кэрт; – Укэ, чынак укэ, –* ***сӧрбалымэ гайэ каласа*** *Сэргиын шольыжо, – толмыжым-можым мэ колын онал; Пызлэ кычкэ дэнэ полан, шуан вондо кычкэ* ***тарай гайэ койыт****; Йужо гунам* ***ышкэ сэмынжэ ала мом ойлымо гайэ шоктыкта****. Савырнэн ончальэ гын – ваштарэшыжэ,* ***мэнгэ гай****, Сэрги чӱчӱн шочмо шольыжо* ***шога****... „ышкэ изатым ышкэ лӱэт улмаш!“... шоктыш Сэрги чӱчӱн кугу ӧпкэжэ...*

Шӱм да *чон* мут-влак пелен тыгай глагол-шамыч кучылталтыт: *Чытышым-чытышымат, ваштарэшышт* ***шӱмэм кыньэлэ****;* ***Шӱмда*** *Сэрги лэч* ***торлэн****-аман... Вара кэлан ӱшаныман?; Уна* ***шӱмэм кылтка****. Ик вӱр вэт...; Могыржат пуаҥын, кумылжат пэш нэлэ.* ***Шӱмжат йӱла вэлэ****, кочкышжат пытэн.* ***Шӱмжылан эрэ ала мо укэ гайэ, ала мо йоммо гайэ, тучыкта****; Ойлашат* ***шӱмэтлан шыр тӱчэш****.*

Йыҥ ок шиж гын, ышкэ ***чонэт шижэш****. Тэвэ* ***чонэм пӱтыральэ****. – Мыйын ойлымэм ӧпкӧ огыл, шэшкэ:* ***чонэм коштымо дэнэ гына*** *тугэ ойлэм.* ***Чонэм кузэ йӱлымыжым*** *тэ ода шинчэ... Вуйэт йыр шоналтэт гын,* ***ик чонланончэн, лу коло чон пытэна мо****? Чодражат ындэ* ***чонжылан ок пиж****. Пӱнчӧ тӱрлын-тӱрлын кычкыра да, чодра кумдыкэш шэргылтмыжэ дэнэ Сэрги чӱчӱн* ***чонжылан пэш йӧсын тучыкта****.*

Эй, Сэрги чӱчӱ! Шучко жапыштэ илымэт дэнэ тынарэ ойгым ужын, тыгэ арам лийыч. Кызыт нэмнан Йошкар армийштэ лийат ыльэ гын, эрэ тунэмат, эрэ почылтат вэлэ ыльэ... Тыгай мут-влак дене мучашлалтеш ойлымаш.

Чынжымак, Тихон Ефремовын сылнымут пашаже моткоч ойыртемалтше. Тудым икмыняр гана лудын лекмек да кугун шоналтымек веле, акым пуаш тӱҥалаш лиеш. Пуламыр жапысе илышын чынжым ончыктен мошташ манаш веле. Ты пагытыште илыше еҥын чоншижмашыжым почын пуышо марий мутшо, тудым вискален, чон вошт колтен возымыжо мыланна кызытат шерге улыт.

ИСТОЧНИК-ВЛАК

1. *Унжинскій Т.* Кок Онар (саман муры) // Война увэр. –1916. – № 6–7. – 28 июль.

2. *Унжинскій Т.* Эргыжым Кугыжалан пушы АВАЛАН ракмат (тау) муры (Мондыдэ йӧратымы шочмы АВАМ лӱмэш каласэм) // Война увэр. – 1916 ий. – № 8–9. – 17 сентябрь. – С. 6–7.

3. *Уньжинский Т.* Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро // Ӱжара. – 1918. – № 46. – 19 октябрь. – С. 2.

4. *Йэпрэмов Т.Й.* Сэрги чӱчӱ: ойлымаш // У вий. – 1929. – № 8. – С. 12–18.

5. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. № 529. Кӱслэчэ кугыза Тотара (Озаҥ налмэ нэргэн тошто мут). – 1936. – 1 тетрадь. – 12 л.

Раисия Кудрявцева,
Марийский государственный университет

РАССКАЗ Т. ЕФРЕМОВА «БОЛЬШАЯ ШИГАК-СОЛА»: АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ АВТОРА И ПОЭТИКА НАРОДНОГО ХАРАКТЕРА*

Выстраивая генезис и эволюцию «художественной структурности», известный теоретик литературы В.И. Тюпа отмечал, что для «возникновения искусства слова как художественной практики понадобились еще: а) овладение эпизодическим упорядочением материала (сюжетностью) как событийно-исторической формой мышления и б) выработка композиционных форм монологической и диалогической дискурсивной речи» [3, с. 33]. Речь идет об основных факторах художественной организации текста, весьма важных в контексте выражения авторской концепции, в том числе аксиологической концепции художника. В марийском рассказе такие факторы стали явными к концу 1920-х годов. К этому времени, очевидно, и относится создание рассказа Тихона Ефремова «Кугу Шигак-Сола» («Большая Шигак-Сола»), впервые опубликованного в журнале «У вий» («Новая сила») в 1929 году.

Рассказ обращает на себя внимание тем, что во внешнем фокусе автора оказались не самые лучшие черты марийского характера, как это было у писателей на этапе формирования марийской литературы, а скорее противоречия народно-национального характера, что побуждает нас к мысли, что эстетический идеал выстраивается в произведении Т. Ефремова все же по принципу от противного. Такие художнические установки диктуют автору специфические приемы художественной структурности, в том числе однолинейный нарратив с взаимоувязанной динамикой-трансформацией обстоятельств и характера, с заострением общего «портрета» массы, а не личности, с использованием определенной доли публицистики.

Ефремов Т. воспроизводит в «Большой Шигак-Соле» подготовку и проведение киносъемок для создания фильма о марийской деревне с участием московских артистов и местных жителей. Однолинейный (характерный для рассказа) сюжет четко выстроен на основе логически связанных между собой нарративных элементов (эпизодов) и чередования монологической (речь повествователя) и диалогической речи (разговор героя-повествователя с жителями деревни). Он призван выявить «кругозор» (позицию) «вненаходимого» (М.М. Бахтин) автора, через который и высвечивает аксиологическая концепция писателя.

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00086.*

Первый эпизод связан с обозначением времени (лето 1928 года) и места (Большая Шигак-Сола) действия, с описанием природно-географических особенностей местности. При этом повествователь больше внимания уделяет противоречиям, несовпадениям, неудобствам, неудачам (лето оказалось дождливым, непригодным для съемок; хлеб в деревне дорогой и вода нечистая и т.д.), что является не только началом описательного развертывания фразы повествователя, брошенной в начале рассказа («Снять кинофильм оказалось нелегко» [1, с. 8]), но и «завязкой» авторской концепции.

Конкретизация этой фразы продолжается в целом ряде следующих эпизодов, очень коротких и построенных как диалоги (герой-повествователь разговаривает с жителями деревни, уговаривая их участвовать в киносъемках). При этом каждый диалог представляет читателю не просто отсутствие интереса деревенского жителя, живущего в своем замкнутом (естественном природно-обыденном) мире, к этому чужеродному занятию, но и определенный тип характера каждого из собеседников повествователя: несамостоятельность («Если другие придут, и я приду»); меркантильность («Сколько дадут?»); закомплексованность («Смеяться будут»); боязливость («Нет, боюсь»); жесткое следование традиции («Я не сниму свой шарпан»); неуверенность, которая передана специфическим марийским выражением «Миет гын – миет» (смысл его на русский язык можно перевести примерно так: «Может, приду, а может, нет»); непоследовательность («Сказала, ну и что…») и безответственное равнодушие («Испортится, ну и что…»).

В целом, из указанных эпизодов вырисовывается обобщенный образ деревенского жителя-марийца, с исторически сложившимися противоречивыми чертами характера: крепкая привязанность к традиционному быту и боязнь нового, простота и закрытость, прагматизм и неуверенность в себе. Именно этот обобщенный образ и фабульный персонаж-нарратор, организующий повествование, становятся центральными сюжетообразующими персонажами.

Ефремов Т. описывает процесс заманивания сельских жителей в не естественное для них дело с помощью слов-обращений, указывающих на родовую близость их с повествователем и потому трогающих за душу («Эй, родо-влак!»), с помощью взывания к совести («Давайте, не позорьте себя, будьте хорошими, помогите»), с помощью концерта (с исполнением марийских песен, в которых народ веками искал отдушину в непростой жизни) и денег, которых, как оказывалось, у шигаксолинцев никогда не было, а также его итог – закипевшую работу, с обсуждением, инициативами, смехом, криками и даже драками. Все это составляет содержание двух последующих за диалогами эпизодов, предстающих в монологической дискурсивной речи.

Далее идет эпизод, основанный на открытом (с элементами публицистики) рассуждении повествователя о противоречивости людей («Несправедливо

сильно ругать марийцев Шигак-Солы, помогли. И тем не менее их палец сильно крив в свою сторону» [1, с. 10]), о растлевающей роли денег, выдаваемых за участие в съемках и трансформирующей здоровый прагматизм марийцев, который раньше помогал им выживать в сложных исторических условиях, в наглое бесстыдство («Марийцы Шигак-Солы главным образом крутились вокруг московских актеров. Спросите, почему, у московского артиста кошелек толстый. <…> По приезду так заметно не было, потом вошли во вкус, и жены марийцев Шигака чересчур полюбили деньги» [1, с. 10]; «Затем стали просить деньги не только за взрослых, но даже и за грудного ребенка» [1, с. 11]).

Именно «перерождение» народа демонстрируют следующие, полукомические по своей эмоционально-модальной природе, эпизоды-диалоги (последовательно: обсуждение суммы денег, требование денег, жажда денег, которая просыпается даже у маленькой девочки). Комический эффект достигает своего апогея в завершающем диалоге, а именно, во фразе последнего собеседника повествователя: «Видимо, хотят разбогатеть. <…> Наверное, будут просить белые деньги и за ребенка, который в утробе» [1, с. 11]. Однако сам этот собеседник повествователя, по сравнению с другими его собеседниками, дан отнюдь не в комическом ключе. Скорее он соратник автора в его объективной оценке ситуации и народного сознания, и совпадает их отношение к своим сородичам – это насмешка, но горькая, стыд, жалость и сожаление.

Закономерно последний эпизод (отъезд организаторов и участников киносъемок) завершается непростым вопросом повествователя («У кого же теперь марийцы Шигак-Солы собирают белые деньги?» [1, с. 11]), «манифестирующим» тот самый кругозор «вненаходимого» автора, который и является основополагающим при конструировании произведения и при его интерпретации. Писатель показывает странное «перерождение» народа под влиянием внешней (чужеродной) силы, которое передано глазами повествователя. Новое, не стандартное для марийского бытия, обстоятельство оказалось способным враз трансформировать издревле являвшиеся источником жизненной силы черты народа в их жуткую противоположность. Авторский же идеал – в изначальной (позитивной) природе марийца, противостоящей печальной реальности, составляющей основу нарративной истории в произведении. Конкретная ситуация, ставшая источником нежеланного для автора преобразования народной души, дополняется обстоятельствами более масштабного характера, а именно, реально складывавшимися в стране ненормальными обстоятельствами («Ты голодаешь, ищешь – ничего нет. А Москва просит – все, оказывается, есть» [1, с. 10]).

Таким образом, автор изображает процесс духовно-нравственного «выхолащивания» народного характера «на стыке объективного повествования, юмора, иронии и драмы» [2, с. 98]. Так высвечивается в рассказе Т. Ефремова

авторская концепция, формирующая эстетический идеал в его произведении: марийскому писателю дороги естественные, сформированные веками в природной и общинной среде черты марийского народного характера, ставшие его ценностной основой (простота, воля к жизни, здоровый прагматизм, скромность, чувство меры, радушие и др.). Но как их сохранить в новой среде, в новых обстоятельствах, в которые входил народ после революции? Где грань между простотой и наглостью, скромностью и неуверенностью, здоровым прагматизмом и бесстыдством? До чего может дойти народ в пагубной для него трансформации? Такой разговор, заложенный в тексте рассказа и, на первый взгляд, запечатленный в рамках осмысления динамики конкретного этнического сознания в условиях формирования нового общественного устройства, в определенной мере выводит читателя и на уровень универсальных ценностей человеческого мира.

Содержательно насыщенный текст рассказа Т. Ефремова, безусловно, требовал усложнения его художественной организации, с чем успешно справился писатель, дав возможность марийскому рассказу первой трети XX века утвердиться в его художественной стратегии (сюжетность, усложнение нарратива, композиционные формы монологической и диалогической речи, различные приемы выражения авторской позиции и др.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефремов Т.* Кугу Шигак-Сола // У вий. – 1929. – № 3. – С. 8–11.

2. *Кудрявцева Р.А.* Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: монография / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2011. – 324 с.

3. Теория литературы: в 2-х т. / под ред. *Н.Д. Тамарченко*. – Т. 1: *Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н.* Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 512 с.

Иван Евсеев,
Морко районысо
Унчо ял кундем администраций

ТИХОН ЕФРЕМОВИЧ ЕФРЕМОВЫН ИЛЫШ КОРНЫЖО ДА ТУКЫМВОЖШО

Ефремов Тихон Ефремович 1924 ий 27-ше февральыште шке автобиографийыштыже тыге возен: «Мый Чарла кантон, Шенше волость Унчо ялеш марий кресаньык ешеш шочын-кушкынам. Шочмо жапем – 1868 ий июнь тылзе. Ачам икмарда озанлыкым кучен. Ватым кок гана налын. Икымше вате деч кум эрге да кум шешке, тылеч посна марлан кайыше кок ӱдыр лийыныт.

Мыйын авам шонго ачамын кокымшо ватыже ыле. Тудо тылеч ончыч марлан лектын да, йочам ыштыдеак, пелаш деч посна кодын. Мый авамын ик шочшыжо гына лийынам.

Ялыштына школ почылто (1871 ий), да мый тушко тунемаш кошташ тӱҥальым. Умбакыже тунемме корнем тыгай ыле:

1880 ийыште ялыште школым пытарышым.

1881 ийыште Озаҥ учитель семинарийыш тунемаш пурышым, тудым 1887 ийыште тунем лектым.

1890 ий марте марий ялыште туныктышылан шогышым (туныктен Семисола Кушнаште. – *И.Е.*).

1890 ийыште Озаҥ учитель семинарийыш туныкташ ӱжыч.

1893 ийыште диакон лӱмым пуышт. Палемдаш кӱлеш, диаконлан шогымо кокымшо ийыштак ватем колен колтыш. Пеш эр пелаш деч посна кодым, коктын улыжат вич ийым гына илен шуктышна (туге гын, Т. Ефремовын ватыже 1895-ше ийыште колен, а ӱдырым 1890-ше ийыште налын. – *И.Е.*).

1900 ийыште священник лӱмым нальым (тиде ийыштак тудым Унчысо рӱдӧ школым вуйлатышылан шогалтат. – *И.Е.*).

Тыгеракын тӱрлӧ пашаште шогенам: тӱҥалтыш школышто ыштенам, марий йылмым, музык ден мурымаш теорийым туныктенам, регент, приходский священник, Марий рӱдӧ школын вуйлатышыже, марий братский школ-влакын эскерен шогышышт (наблюдательышт) да уездный миссионер лийынам…» [1].

1915 ийыште Тихон Ефремовын аваже кола.

1919 ийыште Ефремов поп гыч лектеш да тиде ийыштак Шеҥше школыш туныктышылан пура.

1920 ий июнь тылзе гыч тудо РКП(б) членыш кандидат лиеш.

1921 ийыште Чарла олашке илаш толеш, Облпечатым вуйлаташ тӱҥалеш, а 1923 ийыште РКП обком тудым кок марий газет конторын вуйлатышыжлан шогалта.

1924–1925 ийлаште партийный ячейке-влакым тергымаш эртен, да кок ганажат тудын нерген сай характеристикым пуэныт. 1926 ийыште ВКП(б) марий областной комиссийын партколлегий заседанийжын пунчалже негызеш Т.Е. Ефремовым ВКП(б) членыш кандидат гыч луктыт. Тылеч вара тудым облисполкомын архив пӧлкажым вуйлатыме пашаж дечат корандат.

Тихон Ефремович Краснококшайск педтехникумыш преподавательлан пурен кертын. Но 1928 ий октябрьыште совет озанлык аппаратым «кӱлдымӧ элемент» гыч эрыктеныт. Т.Е. Ефремовымат техникум гыч «эрыктен» луктыныт, сайлыме права деч посна коденыт. Тудын шотышто «эрыктыме» пашам первый категорий дене эртареныт: кугыжаныш учрежденийыш пашам ышташ пурен кертын огыл.

Тихон Ефремович пенсийыш лекше ийготан лийын гынат, школышто, кутырен келшыме почеш МарНИИ-ште, театрыште тӱрлӧ пашам ыштылын.

Тыге ышташ тудын чытамсыр чонжо ўжын, адакшым амалжат лийын: шкеж деч 23 ийлан самырык ватыже да кум йочаже. Нуным ончен кушташ кўлын [2].

Тихон Ефремовын кокымшо пелашыже Анастасия Андреевна Андреева улмаш. Тидын нерген Г.А. Макарова тыге возен: «Тихон Ефремов повторил в браках судьбу отца: он также был женат дважды. Первая жена, Юлия Ивановна, о которой не известно почти ничего, умерла через пять лет после заключения брака. В Клировой ведомости Пантелеймоно-Владимирской церкви с. Уньжи 2-го благочинного округа Царевококшайского уезда за 1916 год в графе «холост или женат», какого имеет из семейства: год, месяц и день рождения членов семейства» он написал: вдовец. Детей не было. Тихон Ефремов женился во второй раз на сироте Насте Андреевой, у которой сгорел дом, родители умерли, когда ей было шесть лет, родом из деревни Русский Уртем Моркинского района. Настя была помощницей по хозяйству в семье Ефремовых. Она была младше Тихона на 23 года, родилась в 1891 году. Первый их ребенок, сын Саша, родился в 1920 году...» [3, с. 75].

Тихон Ефремовичын кум йочаже лийын. Эн кугужо – Александр, 1920 ийыште шочын, Галя ўдыржö 1927 ийыште, Рита ўдыржö 1931 ийыште шочыныт.

Александр Тихонович Ефремов

Ачаж нерген ўдыржö, Наталья Ковалева, тыге ойла (2018 ий вўдшор тылзын 30-шо кечынже возен налме): «Ачам, Александр Тихонович, да авам, Раисия Михайловна, Йошкар-Олаште палыме лийыныт, кунам аве шке акаж деке унала толын. Авамже шочынжо 1928 ийыште. 1950 ийыште нуно сўаным ыштат. Курскам военный лийын, тыште служитлен. Мый шкеже 1951 ийыште шочынам, а 1953 ийыште ме Волгоградыш илаш кусненна. Аче музыкальный школышто фортепиано дене туныктышылан пашам ыштен. Война нерген мыланем нимом ойлен огыл. Врач-шамыч тудлан сар нерген нимогай передачымат ончаш шўден огытыл. Но 1985 ийыште 9 майысе парадым ончен да чот тургыжланымылан кöра черланен, да 20 июньышто кола. К. Рокосовскийын пöлек шотеш пуымо аккордеонжым ала-могай йот элысе туристлан ужален колтенна.

Аве, Раисия Михайловна, институтысо математике факультетыште тунемын. Ўмыржö мучко главпочтышто кассирлан пашам ыштен. Тудо 1991 ийыште колен.

Мый Наталья Ковалева улам. Ачам дене музыкальный школышто тунемынам, фортепиано отделенийым тунем пытаренам. 1973 ийыште Михаил Михайлович Ковалевлан марлан лектынам. Тудо 1950 ийыште шочын. Институтышто механиклан тунем лектын, эре химический заводышто пашам ыштен. Мый ўмыр мучко йоча садыште пашам ыштенам.

1975 ийыште Наташа ўдырем шочын. Тудо экономический факультетым тунем лектын, предприятийыште тўнг бухгалтерлан пашам ышта. Сергей

Михайловичлан марлан лектын. Тудо пединститутым тунем лектын да кызыт коммерческий фирмыште пашам ышта. 2002 ийыште Марина ӱдырышт шочын».

Чӱчӱж нерген Николай Калишанин тыге ойлен:

«Саня чӱчӱм 1938 ийыште Йошкар-Олаште лесотехнический институтышто тунемын, тушечын тудым армийыш нангаеныт. Туштак войнам вашлийын. Пленыш логалын, Польшышто лийын, кумшо гана плен гыч куржын да утлен, угыч фронтышто лийын. Фронт командующий К. Рокоссовский тудын музыкальный талантшым пален налын да трофейный аккордеонжым чӱчӱмлан пӧлеклен. Война жапыште тудын дечын нимогай уверат толын огыл, садлан колышылан шотленыт. Мӧнгыштӧ тудым иктат вучен огыл. Пӧртылмекыже, чӱчӱм Йошкар-Олаште «Рекорд» кинотеатрыште трофейный фортепианыжым шоктен. Пленыште лиймылан кӧра тудым Биробиджан олашке ссылкыш колтат да мӧнгӧ 1950 ийыште веле пӧртылеш. 1951 ийыште икымше ватыже деч Эльвира ӱдыржӧ шочеш».

Галина Тихоновна Горохова

Аваж нерген ӱдыржӧ Елена Пугачева тыге ойлен (2018 ий вӱдшор тылзын 3-шо кечынже возен налме):

«Мыйын авам, Галина Тихоновна Горохова, 1927 ийыште шочын, Йошкар-Олаште Коммунист уремыште кок пачашан пӧртыштӧ илен. Кызыт тиде урем Гагарин проспектыш пура, пӧрт олмыштышт «Спутник» кевыт верланен. Суртыштым, 1960 ийыште рончен, Красный Слобода уремыш намиен шынденыт. Авам Палантай лӱмеш музыкальный училищым «Фортепиано» специальность дене тунем лектын. 1950 ийыште Чайковский лӱмеш школышто музыкым туныктышылан пашам ышташ пурен. Ты жапыштак тудо Марий политехнический институтышто тунемше Валентин Леонидович Горохов (1927 ийыште шочын) дене палыме лийын, шкеже Кокшамар гыч. 1951 ийыште нуно сӱаным ыштат. Тиде ийыштак ачам распределений дене Ашхабад олаш пашаш колтат. Мый 1952 ийыште шочынам. Тудо верысе пӱртӱс мыланем келшен огыл, тидланак верчын чӱчкыдын черланенам. Садлан ме ешге мӧнгеш Йошкар-Олаш 1954 ийыште пӧртылынна. 1955 ийыште Ольга шӱжарем шочеш. Авам угыч музыкальный школыш пашаш пура, ачам ММЗ заводыш. Тудо политехнический институтым «Машиностроений технологий» специальность дене заочно тунем лектын. Ӱмыржӧ мучко тиде заводыштак пашам ыштен, 2004 ийыште колен. Авам эре преподавательлан музыкальный школыштак тыршен. Тудлан Марий АССР-ысе тӱвыран сулло пашаенже лӱмым пуэныт. Авам, Галина Тихоновна, 1980 ийыште Москвасе олимпиадын мучашлалтме кечынже колен. Мый Ольга шӱжарем дене Палантай лӱмеш музыкальный училищым «Фортепиано» специальность дене тунем лектынна. Вара Марий педагогический институтышто «Руш йылме» специальностым нальым. Йоча садыште музыкальный вуйлатышылан пашам ыштенам. Эргым

уло – Михаил Юрьевич, 1978 ийыште шочын. Эше Катя лӱман ӱдырем лийын, шочынжо 1974 ийыште. Но тудо автоаварийыште 16 ияшак колен. Уло унукам, Петр лӱман, 2006 ийыште шочын. Кызыт Йошкар-Олаште Тархановышто шке пӧртыштӧ пелашем дене пырля илена.

Акам, Ольга Глухарева, Чайковский лӱмеш музыкальный училищыште фортепианым туныктен. 1980 ийыште Ирина ӱдыржӧ шочын, фамилийже Бусыгина. Тудат музыкальный училищыште фортепиано отделенийым тунем лектын. Ирина кызыт Йошкар-Олаште налоговый инспекцийыште пашам ышта. Кок йочаже уло: Софья, 2005 ийыште шочын, кызыт Сергей Радонежский лӱмеш школышто тунемеш; Александр, 2014 ийыште шочын.

Ольга акам 2008 ийыште нелын черланен да колен».

Маргарита Тихоновна Калишанина

Аваж нерген Николай эргыже тыге ойлен (2018 ий вӱдшор тылзын 3-шо кечынже возен налме):

«Мыйын авам, Маргарита Тихоновна Калишанина, 1931 ийыште шочын. Кок йочам ончен куштен: Сергейым (1953 ийыште шочын) да мыйым, Николайым (1954 ийыште шочынам).

Авам 14 ияшак пашам ышташ тӱҥалын, ончыч кинотеатрыште билетым ужален, вара ММЗ заводышто тыршен. Тудынат музыкальный талантше лийын. Аве 2009 ийыште колен.

Мый школышто тунеммем годым йоча хорышто муренам. Шке илышем шофёр пашалан пуэнам. Республик мучко почтым шупшыктенам. Кок эргым уло: Дмитрий (1978 ийыште шочын), Владимир (1980 ийыште шочын). Коктынат Марий политехнический институтым тунем лектыныт, ММЗ заводышто инженер-конструкторлан пашам ыштат.

Дмитрийын кум йочаже уло: Егор (шочын 2000 ийыште), Кристина (2006 ийыште) да Доменика (2016 ийыште). Егорын кушташ-мураш талантше уло, Кристина Россий кӱкшытан конкурслаште мурен коштеш. Володя эргым але ӱдырым налын огыл.

Сергей изам электриклан пашам ыштен. Марина ӱдыржын кум йочаже уло: Кирилл (2003 ийыште шочын), Андрей (2006 ийыште шочын), Илья (2011 ийыште шочын). Сергей изам 2013 ийыште колен. Чылан Йошкар-Олаште илена».

Тыге Ефремовмытын тукымвож виянӧын толеш да кугезе кочан лӱмжым кӱшнӧ куча, тудын поро пашажым шарнен ила.

Чылан палена: Ефремов Тихон Ефремовичын илышыже трагически кӱрылтын. Тудым 1938 ийыште май тылзыште шояк титаклымаш дене арестоватлат да октябрь тылзыште лӱен пуштыт.

1956 ийыште Марий АССР-ын кӱшыл судшо тудын лӱмжым реабилитироватлен. Теве тыгай илыш корныжо лийын Тихон Ефремович Ефремовын.

Унчо кундемысе калык, шке пагалыме енжын пашажым кӱкшын аклен, 1993 ийыште Унчо селан тӱҥ уремжым Тихон Ефремов лӱмеш лӱмден, а 2008 ий идым тылзын 1-ше кечынже Сеҥымаш площадь воктелан мемориал стелым верандeн, 2010 ий гыч Г.А. Макарован инициативыже почеш кажне кум ийлан «Ефремов лудмашым» эртара. Тале сотемдарчын 150 ияш лӱмгечыже вашеш 2018 ийыште В.М. Васильев лӱмеш Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институтын «Калык йӱла да кызытсе жап» теме дене эртаралтше регион коклaсе кӱкшытан конференцийын пашашкыже уло кумылын ушненна, умбакыжат ончыкылык тукым Туныктышынан пашажым шымлаш да аклаш тӱҥалеш манын, ӱшанена.

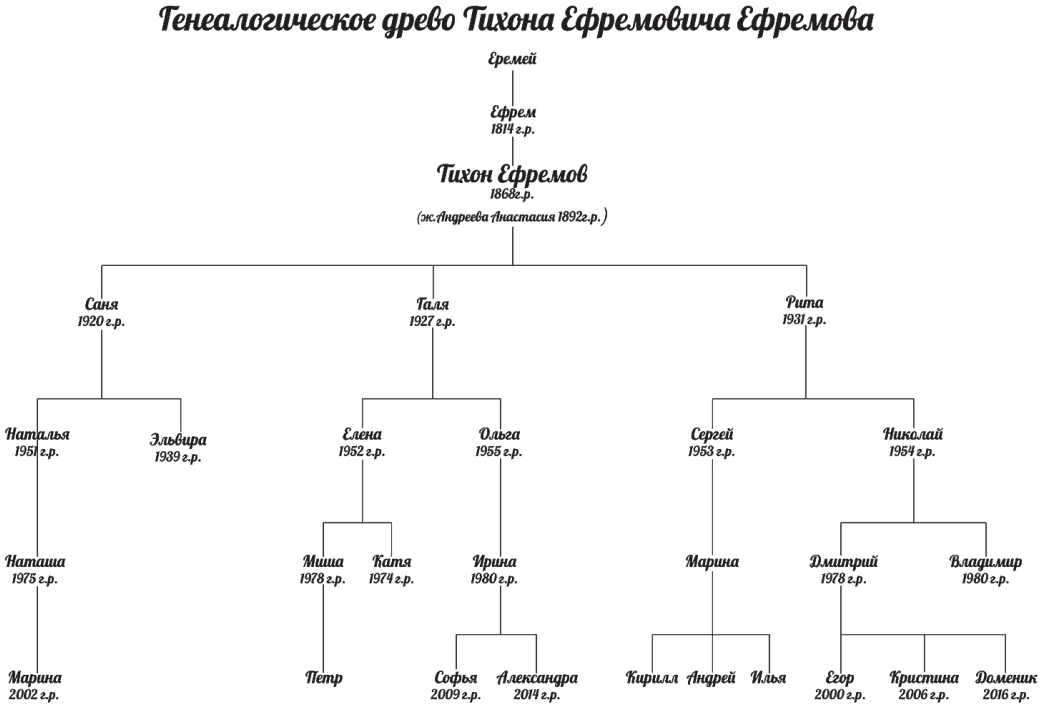
ЛИТЕРАТУР

1. Автобиография Ефремова Тихона Ефремовича, кандидата партии с 17 июня 1920 года по 27 февраля 1924 года. Копия снята 10.11.1992 в партархиве из личного дела Т.Е. Ефремова.

2. *Сануков К.* Мурыжо илаш кодын // Морко мланде. – 1992 ий 10 март.

3. *Макарова Г.А.* Предки и потомки Тихона Ефремова // Ефремов Т.Е. Рассказы и сказки. – Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стринг», 2016. – С. 74–83.

Фото-влакым еш архив гыч налме

Аксюбина Л.И., Александрова Л.Н., Евсеев И.М., Иванов А.В. ямдыленыт.

Т.Е. Ефремовын ешыже. 1922 ий.
Шинчат: Настачи (Вӧдырын ватыже), нунын Миклай эргышт ден
Зина ӱдырышт, Тихон Ефремов Саня эргыж дене, Вӧдырын аваже.
Шогат: Тихон Ефремовын Вӧдыр шольыжо, Меленчи (Тихон Ефремов ден
Вӧдырын Марпа акаштын эргышт), Тихон Ефремовын Настя пелашыже

Александр Тихонович Ефремов (1920–1985). 1945 ий

Галина Тихоновна Ефремова (Горохова) (1927–1980) – пионер лагерьыште (кокымшо радамыште пурла могыр гыч визымше). 1946 ий

Маргарита Тихоновна Ефремова (Калишанина) (1931–2009). 1951 ий

Гороховмыт еш. Ашхабад, 1954 ий

Елена ден Ольга Гороховмыт. 1956 ий

Анастасия Андреевна Андреева (1891–1977), Тихон Ефремовын пелашыже,
Наталья уныкаж дене пырля. 1956 ий

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ Т.Е. ЕФРЕМОВА

ЧЕРЕМИСЫ-ЯЗЫЧНИКИ. РОЛЬ ПЕСЕН У ЧЕРЕМИС В ИХ ПЛЕМЕННОЙ ЯЗЫЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Ни один языческий праздник у черемис не обходится без песен, чем особенно характеризуется их племенная языческая жизнь. Поют у черемис не только во время обыкновенных деревенских праздников, но и во время разных других торжеств и во время поминовения. Поют мужчины и женщины. Для пения девушек-невест есть особый праздник Шорык-йол, когда они поют всевозможные песни в особых собраниях черемис, ревностно приготовляясь к сему недели за две.

Напевов песен у черемис очень много, причем каждый черемисин и каждая черемиска имеют еще свой излюбленный напев. Следует заметить, что ни один праздник не обходится также и без игры на гуслях и волынке (*шӱвыр*). Каждый черемисский праздник очень богат впечатлениями для черемис, как для взрослых, так и для детей: целую неделю после него они находятся под влиянием праздника, рассказывают друг другу о разных бывших на празднике эпизодах. Особенно это нужно сказать про праздники: 1) Агапайрам (диал.; лит. Агавайрем. – *Л.Г.*), 2) Семык, 3) Сӱрем и 4) свадьбы.

1. На *Агапайрам*е, бывающем всегда ранней весной на поле, старики-черемисы совершают первое хлебное моление, моление о плодородии. Молодежь играет в раскрашенные яйца; местами качаются на качелях, – и под конец устраивают бега на призы. По возвращении в деревню большими группами переходят из избы в избу. Песни, игра на волынках и праздничный гул раздаются тогда по деревне от зари до зари. Зеленеющая природа, обновляюще действующая вообще на людей в это время года, усиливает настроение черемис и торжественность самого праздника. Агапайрам черемисам до того мил, что на счёт его составилась поговорка: «Умер бы, да Агапайрам останется!».

2. Во время *Семык*а, бывающего с самого расцвета природы, черемисская деревня вновь оглашается песнями: старики поминают умерших предков, а молодежь выходит на встречу *Семык*а и затем в продолжение праздника по вечерам до глубокой ночи играет на улице.

3. Во время *Сӱрем*а старики-черемисы справляют второе и последнее хлебное моление на поле; молодежь же устраивает скачки на лошадях,

трубит в саженные самодельные трубы, которых бывает штук 5–10 для одной деревни.

В конце *Сӱрем*а верховые начинают кружиться с криком вокруг народной массы. Можно представить себе, какой шум должен стоять кругом! Дальнейшее празднество *Сӱрем*а сопровождается тем же неминуемым пением песен: как только черемисы вернутся домой, опять раздаются песни там, где есть гости.

4. Но ничто не производит такого сильного впечатления на душу черемисских детей, как свадьбы, устраиваемые с шумом. Песням и музыке здесь отводится самое широкое место. Бывает момент, а именно во время провода невесты, когда начинают играть сразу на двух волынках и бить на двух барабанах, оглашая воздух версты на две-три кругом, и тем самым собирая вокруг себя со всех сторон народ.

Какое сильное впечатление производят черемисские свадьбы на молодые души черемисских детей – мальчиков и девочек, доказывает то обстоятельство, что они, оставаясь одни во время страды дома, по целым дням только и поют свадебные песни, взбираясь на телегу и тарантас, бренча в колокольчики, играя в свистульки вместо волынки, хлопая в ладоши и стуча в такт вместо барабана, – воображая себя участником как бы настоящей свадьбы: кто сватом, а кто свахой. Тут бывают также жених и невеста.

Так языческая форма жизни черемис впитывается в плоть и кровь детей с самого раннего их возраста.

Вследствие такого сильного впечатления от свадеб в кукольных играх девочек первенствующую роль играют свадебные поезды. Вдохновляющей силой этих кукольных свадеб детей, приводящей их в иллюзию свадьбы, опять же являются песни.

В будничное время взрослые черемисы поют песни мало, а иные и вовсе не поют их. Свое время у черемис – песням, свое время – сказкам, свое – загадкам и свое время в «трубу трубить» в осенние темные ночи. Так сложилась жизнь черемис исстари, так она продолжается и до сего времени.

Мотивы черемисских песен, равно как и слова песен, распределяются сообразно назначениям на мотивы религиозные, праздничные, свадебные, посиделочные, рекрутские и т.п. Напевы имеют ещё и дальнейшие подразделения: приветственный, благодарственный, из свадебных – первая песнь по приезде к невесте, прощальный за последнюю кашу; есть особый напев песни – поминальный (буквально: покойницкий).

Правда, в самые важные моменты религиозных молений черемисы голосом не поют. В эти моменты моления лишь гусляр наигрывает старинные грустные напевы; но по возвращении домой, когда наступает хлебосольная часть, вполне поощряется пение соответствующих песен – преимущественно гуслевых напевов, религиозных. Этих напевов в Уньжинском районе насчитывается четыре.

Замечу мимоходом, что свои религиозные мелодии черемисы разыгрывают на гуслях на минорном строе, на минорной гамме без секунды. Игра производится двумя руками играющего на четырех струнах, по две струны на каждую руку. Характер игры – синкопами и посредством переборов между ними, почему мелодия получается непрерывною, – причем 1/4 ноты часто раздробляется на 2/8.

Из религиозных мелодий особенно любимыми у черемис считаются следующие: «кумалтыш муро» – молельные напевы, «Мӱгыш Он муро» – песнь пчелиного хана, «Тотара кугызан мурыжо» – песнь дедушки Тотары.

Некоторые напевы связаны с древними преданиями.

Напев дедушки Тотары связан с преданием из эпохи взятия Казани русскими. В 1552 дедушка Тотара, как чудный гусляр, был любим и русскими, и татарами. В последний момент он находился в стане русского войска. Когда русские делали подкоп под казанскую татарскую крепость, то впереди стоящий стан татар не давал возможности вычислить расстояние до крепости в целях удачной кладки для взрыва пороховых бочек. И вот, когда идти под стрелы татар никто не решался, выступил вперёд дедушка Тотара со своими звонкими гуслями по направлению к Казани. Сам наигрывал на гуслях и сам же приплясывал пред татарами, и в то же время считал число своих шагов вперёд и взад… Сделав подкоп, русские подкатили пороховые бочки в то место, которое указал им дедушка Тотара. Взрыв был очень удачный!.. Этим дедушка Тотара оказал великую услугу русскому царю. На память об этом событии между черемисами и осталась старинная гуслевая мелодия дедушки Тотары.

Происхождение «Мӱгыш Он муро» такое. Раньше Мӱгыш Он жил в местном черемисском крае. Когда он находился здесь, то водилось очень много пчёл, и черемисы много добывали мёду, делали из него медовщину, пили, благодушествовали, – и было им хорошо. Но с некоторого времени пчелиному Ону неудобно стало жить здесь: стали нарушаться благоприятствовавшие условия, и к тому же он не стал встречать должного к себе почтения и со стороны пчеляков. Тогда он переселился в Ипон (Упа) – уфимский край. Перед переселением он спел свою жалостную прощальную песнь, и с этого времени осталась песнь пчелиного хана. Между прочим этот мотив любят и считают нужным знать черемисы-пчеловоды. «Нынешние пчелы, – говорят черемисы, – остатки от тогдашних пчел».

Что касается действия на черемис их старинных песен, напевов, напевов даже без слов, то оно – очень сильно: черемисы плачут, когда слышат хорошую песню. Сыграл гусляр хороший напев – черемисин плачет, особенно под влиянием медовщины или винных паров. Выводит волынщик какой-нибудь старинный напев – плачет. Спел гость хозяину благодарственную песню

с выражением какого-либо похвального уподобления – хозяин-черемисин плачет. Всё это в общей совокупности есть то, о чем глубокий знаток души инородцев, незабвенный Н.И. Ильминский, говорил так: «Как бы ни были просты и неразвиты понятия и верования инородцев, но они составляют всю сущность их мышления и основу их нравственности. Они не сознательны, но глубоки и любимы, как наследие отдалённейшей старины».

Ни напевы у черемис, ни слова и никакая их поэзия не существуют на письме или в нотах: всю свою племенную поэзию, все свои идеалы они носят в себе: в голове и в сердце, в мыслях и чувствах. Эти чувства, поэзия и идеалы, конечно, относительные: когда нужно, они оживают, а когда не нужно, замирают. Особенно сильно оживают у черемис языческие чувства, обновляются и доходят до прежней силы в период языческих черемисских праздников, начиная с весны и продолжаясь до начала июля, когда прекращается учебная жизнь народных и инородческих школ, вместе с чем прекращается и фактическое миссионерское воздействие миссионеров, ибо наступает вакат. Всё, что было создано зимой пастырством и школой, летом разрушается язычеством.

Так продолжается черемисское язычество из года в год: зимой оно засыпает, весной просыпается, оживляясь в праздниках, причем главной силой в язычестве служат именно черемисские песни.

Всё это наводит на мысль, что в деле просвещения язычествующих черемис христианством следовало бы иметь в виду указанные отличительные черты характера черемис, любовь их к пению: основать и провести на ней следовало бы всю богослужебную часть христианства.

Инородческое обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник» за сентябрь 1913. Кн. 4. Казань, 1913. С. 261–266.

ЧЕРЕМИСЫ-ЯЗЫЧНИКИ. О ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЕ ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ В ДЕЛЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ ЧЕРЕМИС

Из истории православно-христианской миссии среди инородцев мы видим, что из бывших учеников инородческих школ, а также из среды самих инородцев сохраняют связь с церковью те, которые тем или иным способом в свое время были привязаны к церкви: певчий, солист, стихарный, сторож, попечитель и церковный староста; но наиболее могущественным и верным средством привязывания к церкви учеников-детей служит, несомненно, клирос, понимаемый в строго церковном смысле. Тот, кто находил на клиросе удовольствие своим духовным требованиям, был восхищаем то минорным – умилительным,

то мажорным – торжественным пением во время богослужений, с сознанием красоты сочетания звуков, переживая святые чувства – тот никогда не позабудет этого самого клироса и всего с ним связанного. Возможно ли вычеркнуть прошлое из жизни? Может ли настоящий певец разлюбить свое пение?

Церковные напевы следует стараться внедрить в плоть и кровь учеников чермисских детей, чтобы эти напевы постоянно носились в их сознании, вытесняя собою мотивы племенно-языческие. Пишущему настоящие строки кажется, что одним из стимулов быстрого просвещения чуваш было именно выдающееся развитие среди них церковного хорового пения – в школах и церквах вследствие, так сказать, музыкальности чуваш. Можно смело сказать, что в способности пения черемисы немногим чем уступают чувашам, но сказанная сторона способностей черемис еще остается без должного внимания и какого-либо возделывания.

Смотря на церковное пение с психологической стороны, можно сказать, что подобно всякому прочно приобретенному знанию, как, например, твердо заученному наизусть хорошему стихотворению, псалму или молитвенному тексту, приобретенный и усвоенный учениками церковный напев должен все время носиться в среде и мыслях ученика. Так как раз приобретенное знание не может остаться в человеке в абсолютном покое, то время от времени, вследствие соответствующих ассоциаций, церковные напевы, с присущею им умилительностью, должны служить духовною пищею для души человека, особенно с осмысленным содержанием слов, волнуя сердце и возбуждая его к высшим чувствам и придавая человеку то или иное настроение, и во всяком случае настроение, соответствующее целям христианства и церкви. Действительно, церковные напевы могут внушить человеку то или иное настроение и даже прослезить более или менее чувствительного человека, и здесь уже зачастую не нужно бывает ни книг, ни струн, ни инструмента, если человек научится владеть своим голосом и усвоил наизусть церковные напевы с текстом.

Никогда не забуду в своей жизни двух случаев, подтверждающих мои мысли: 1) два мальчика-ученика из черемис, лет 9–10, сидели на соломе, на задах двора, и силились петь «Святый боже» на черемисском языке по памяти, оставшейся после спевки в школе; 2) ученица-черемиска во время сбора грибов в лесу пела дискантом, как умела «Хвалите имя Господне!». Эти лица впоследствии сделались христианами. Христианство привилось к ним так же, как пристало к ним и церковное пение, семена церковности перешли к ним и растворились в их духовной природе вместе с мелодическими напевами «Святый Боже» и «Хвалите имя Господне!».

Усвоенные напевы песнопений, соединенные с былыми впечатлениями, в бездействии не улежат в памяти человека. Порой он сам превратится в живой инструмент, созданный Господом Богом. Дома ли, в поле, в дороге, на лугах,

в лесу, человек, знающий пение, не утерпит, чтобы не спеть чего-нибудь. И польется у него глас за гласом, песнопение за песнопением, и кто тогда может постигнуть его чувства? И взволнуется тогда его сердце чувствами неземными, и ему, по словам поэта, и верится, и плачется, и так ему легко, легко! Тогда поющий восчувствует и увидит в небесах христианского Бога. Поэт говорит, что есть сила благодатная в созвучии слов живых. Можно это и по-другому сказать: есть сила святая также в красивом сочетании тонов и в красивых напевах. Под влиянием пения облагораживается, очищается и возвышается душа человека. Недаром же мир звуков называется также небесным языком.

Если церковь Христова есть воинствующая, как противопоставление религии против религии, – то и применять нужно всю тактику войны для духовной победы. Если в данном случае миссионерство среди черемис мы понимаем в смысле победоносной борьбы с черемисским язычеством, растворившимся в духовной жизни их и разделившимся в их жизни на следующие проявления: 1) вера, 2) язык, 3) обряды, 4) праздники, 5) пение, – то мы логически должны выдвигать в последовательном порядке: против веры – веру (христианскую), против языка – язык, против обрядов – обряды, против пения – пение, и даже против языческих имен – христианские и т.п. Иначе черемисское язычество, уничтожившись в голове черемисина, останется в сердце его; уничтожившись в сердце, останется в языке; уничтожившись в языке, останется в их поэзии – пении. Ясно, что со сказанной точки зрения церковное пение является одним из могущественных средств христианского воспитания детей этих инородцев. Полюбит черемисский мальчик церковное пение – полюбит и саму церковь. Еще будет лучше, успех будет еще вернее, если в школах и церквах будет практиковаться массовое пение, сначала соединенными учениками из всех школ одного прихода, а затем с участием и вообще грамотных прихожан, – так называемое народное пение.

Церковное пение также бесконечно превосходит племенное черемисское пение, как христианство бесконечно превосходит черемисское язычество. Церковное пение в глазах черемис есть то бесспорное хорошее начало, которое одинаково приятно как крещеным черемисам, так и черемисам-язычникам. Хорошее пение есть поистине магнит церкви, притягивающий к себе черемис-молящихся, взрослых и малых, мужчин и женщин. Лучшими годами Уньжинской центральной черемисской школы были перед глазами черемис те, когда здесь процветало церковное пение, худшими же годами в жизни миссионерских школ будут те, когда в них оскудеет пение. Церковное пение есть мост для перехода черемис от язычества в христианство. Пишущий настоящие строки сам обязан своей судьбой церковному клиросу…

Существующее нельзя сделать несуществующим, а черемисское язычество нельзя мгновенно обратить как бы в небывшее. Черемисское язычество,

к сожалению, еще глубоко сидит в черемисине: в его плоти и крови, во всем его существе. Но язычество нужно во что бы то ни стало пересилить христианством, как великой силой – силу малую.

Состояние язычествующих черемис в отношении христианской веры представляется мне пока как бы в положении на весах, на одной чашке коих – христианство, а на другой – язычество, которым все еще, к сожалению, перетягивается христианство. Нам, инородческим деятелям, всемерно и неустанно нужно стараться побольше класть церковного груза в христианскую чашу, чтобы она, перетянув окончательно языческую, опрокинула из чаши все черемисское язычество.

Таким образом, все вышеизложенное показывает, что, принимая во внимание противостояние двух религий в языческом приходе, иногда даже и трех (с мухаммеданством) и, так сказать, столкновение и состязание их друг с другом, в данном случае язычества с христианством, – нужно так поставить воспитание молодого поколения черемис, чтобы свойственное ученикам, этим детям язычества, воображение всегда витало именно около церковного клироса, чтобы присущая этим подросткам мечта и соревнование находили бы удовлетворение на клиросе, и чтобы переживаемые ими при пении на клиросе чувства были сильнее, чем чувства их во время племенных языческих празднеств, и наконец, чтобы воспоминания об истинных чувствах возбуждали желаемость повторения этих чувств. При этих-то условиях и не будет пустовать клирос, и он тогда не будет забыт учениками во всю жизнь. Но если сила указанных чувств святости и красоты, зарождающихся при богослужении и церковной жизни, сила христианского пения, не пересилит собою чувств языческой жизни детей черемис, силу их языческого пения, силу их чувств при языческих торжествах и празднествах – то до тех пор и просвещение инородцев-черемис не пойдет в желаемом направлении или темпе…

Инородческое обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник» за сентябрь 1913. Кн. 4. Казань, 1913. С. 269–273.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НЕОБХОДИМОСТИ ЖЕНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ЛУГОВЫХ ЧЕРЕМИС

Черемисские женщины далеко от своей родины не отлучаются. Большинство черемисских женщин восточной половины Царевококшайского уезда не бывало в своем губернском городе Казани и не имеет о нем никакого представления, несмотря на то что расстояние до Казани только 70–75 верст. Мало

того, есть такие женщины, которые не бывали дальше 15–20 верст от родного крова, ибо они домоседки. Отсюда понятна и их умственная отсталость, вследствие которой черемисские женщины служат сильным тормозом в деле скорейшей христианизации черемисского населения.

В патриархальном быту черемис, по установившейся традиции, как и у других племен, работы и заботы в домашнем обиходе между мужчинами и женщинами распределяются так, что некоторые работы исполняются только мужчинами, а другие – только женщинами, т.е. женщины свои обязанности исполняют помимо мужчин, а мужчины свои помимо женщин. Приготовление праздничных кушаний, уборка дома, стирка белья, топка бани – все это зависит только от женщин. Бывает даже так, что и в некоторых случаях неисполнения правил христианской жизни жена ссылается на мужа, а в других – муж на жену. Так как самым отсталым элементом среди черемис являются женщины, то язычество держится более и сильнее всего именно среди женщин. Захотят черемисские женщины затопить баню, приготовить бельё – и будет баня, не захотят – не будет. Православные топят баню в субботу, а черемисы, под влиянием мусульман, в четверг вечером, под пятницу. Скажешь черемисину: не в четверг бы надо мыться в бане, а в субботу вечером для воскресенья – и он отвечает: это бабы сделали так, а не я. Равным образом, захотят женшины приготовить праздничное кушанье по-мусульмански в пятницу – состоится пятница, – и наоборот. Много силы в их руках. Представляется так, что, если бы черемисские женщины запротестовали против празднования языческого Семика: не сварили бы пива и не приготовили нужных кушаний, то поневоле не состоялся бы и самый Семик, или наоборот: добрый черемисин из «начинающихся христиан» не думал «делать пятницу», а предполагал «делать воскресенье»; но жена его по-мусульмански в пятницу давно уже испекла блины: ешь, говорит она мужу, блины, коли тебе испекли, – а в воскресенье мне некогда. И черемисин поневоле подчиняется ходу дела: идет в четверг в баню, переменяет бельё, ест блины. Блины на столе: но как же есть блины пред женой, пред семейством, не помолившись по-своему, по-язычески? Черемисин и помолится по-своему пред едой блинов, и получается семейный черемисский праздник – пятница. Таким образом составляется языческое распределение недельного времени, вопреки православному распределению его. Одним словом, против жены, помимо жены и без жены черемисину ничего нельзя делать: жена его входит в добрую половину его дела; его жизни, а в языческих праздниках тем более. Или ещё пример: «начинающийся христианин»-черемисин не хотел делать поминки по языческому обряду в великий четверток; но жена его давно уже делает приготовления к ним помимо мужа: вымела пол в избе, нарядилась в белое праздничное одеяние и вся раскраснелась, стряпая против жарко натопленной печи; постелила белую скатерть на стол и поставила

блины, творог, ватрушку, сырник, пиво и проч. Как можно, говорит она мужу, пропустить такой народный праздник – «поминки»? Что скажут пришедшие к нам по давнишнему обычаю «старые» люди, родители твои, родственники и соседи? Что скажут живые твои родственники, соседи и однодеревенцы? Ведь, наконец, «старые» люди (покойники), оставшись без угощения, не оставят тебя без наказания: они нашлют на нас какую-нибудь беду.

Слушая жену и видя всё приготовленное на столе, черемисин ничего не может сделать, как только предпочесть грозящему конфликту с женой семейный мир, – и он начинает поминать опять по-старому и принимается за аппетитную еду вместе с усопшими, невидимо тут присутствующими.

Черемисские женщины – это те бесчисленные и беспрерывные капли в быту, которые, непрерывно капая, могут или продолбить камень язычества в пользу христианства, или при оставлении их без христианского воздействия, могут пробить крепость христианства своих мужей в пользу язычества. Сплошь и рядом приходится слышать от черемис такие сожаления: сам я могу перейти в русскую веру, и сына уговорить можно, – но не согласится на это жена.

Таким образом, чем больше думаешь о коснении черемис в язычестве, тем больше приходится убеждаться в том, что в деле просвещения черемис весьма сильным тормозом служат в настоящее время черемисские женщины. Если окинуть мысленным взором весь тот широкий переворот, который совершили для своего племени центральная крещено-татарская и симбирская чувашская школы, то придется сознаться, что переворот сделан не одними мужскими школами, но и параллельными женскими, которые всегда имелись при сих школах.

По какому-то печальному недоразумению до сих пор нет ни одной женской школы с общежитием для девиц луговых черемис, школы в духе христианско-просветительной системы Н.И. Ильминского; несмотря на очевидность пользы такого общежития, нет подобной школы нигде во всём Царевококшайском уезде. Говорят все: язычество, язычество! Вот сегодня 25 мая, когда пишутся настоящие строки, черемисы празднуют свой Семик. Наблюдающий видит, как для встречи Семика впереди всех бегут в поле не парни, а девицы. Само собою понятно, что при других условиях они же могли бы по-другому повернуть дело: не идти встречать Семик. Нечего говорить, что тоже самое может быть и в отношении всего языческого миросозерцания черемис.

Когда переживаешь много впечатлений от языческих праздников черемис, и наблюдаешь за выдающеюся ролью, какую играют при этом черемисские женщины, то неминуемо возникает вопрос: почему же в самом деле так мало обращается внимания на женское образование черемис? Почему не открываются общежительные школы для черемисских девиц? (курсивом выделено

нами. – *Л.Г.*). Вот когда, думается, действительно ученицы-черемиски могли бы послужить тем малым квасом, который всё тесто квасит, и тем малым стадом, которое безбоязненно могло бы пастись на пажити Христовой!

По своему мягкосердечию черемисские женщины никогда не возражают христианскому проповеднику, из чего можно бы вывести даже, что они склонны к христианской вере, но не знают лишь учения этой веры, и не воспитаны в ней…

Итак, настанет, по-видимому, необходимость обращения в деле просвещения черемис особенного внимания на женскую половину, прежде всего путем открытия для черемисских девиц общежительной школы. Такую общежительную школу следовало бы открыть в первую очередь при существующей Уньжинской центральной школе, по примеру школ Казанской крещено-татарской и Симбирской чувашской.

Инородческое обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник» за март 1913. Кн. 2. С. 113–116.

ОПИСАНИЕ СТАРИННОГО МАРИЙСКОГО ПРАЗДНИКА ШОРЫК-ЙОЛ С РОЛЬЮ ВАСЛИ КУГЫЗА И ДЕВИЧЬИМ ПИРОМ

Оглавление

1. Предисловие (общие замечания)
2. Шоруньжа. Географические и исторические сведения
3. Перечень старинных праздников
4. Шорык-йол пайрам
5. Ожидание праздника
А
6. Утро Шорык-йола
7. Вечер Шорык-йола
Б
8. Васли кугыза и его свита
9. Васли кугыза наряжается
10. Васли кугыза ходит по домам
В
11. Девичий пир
12. Порядок пира
13. Обстановка Девичьего пира
14. Пир с пением девиц

15. Пир с пляской девиц
16. Модыш (койдарчык)
17. Сравнение с описанием Яковлева Г.Я.
18. Некоторые выводы
19. Два отрывка из дневника 1898 года
20. Девичьи пиры у чуваш (сравнение)

Предисловие (общие замечания)

Предлагаемое вниманию читателей описание старинных марийских языческих праздников сделано так, как они совершались в с. Шоруньже Моркинского района МАО, начиная с первого праздника *Шорык-йол* (Овечья нога) и кончая последним – *Сӱрем*, и в той последовательности, как они совершались один за другим в действительности.

Село Шоруньжа в свое время была довольно значительным пунктом. На ней нельзя не остановиться. Она заслуживает того, чтобы об ней дать некоторую историческую характеристику.

Это для того, чтобы показать, от какого именно пункта в историческом смысле дается описание старинных марийских праздников и насколько должна быть точна подлинность описываемых праздников.

Замечу, что в круг шоруньжинских марийцев входят ещё четыре деревни Шиньшей и пять деревень Варангуж.

Вся группа этих марийцев по головному украшению женщин относится к *шымакш*у (*шымакшан-шамыч*), в отличие от шарпана и сороки.

Поэтому, когда я, для краткости, буду писать про Шоруньжу, то включаю в это понятие, некоторым образом, и Шиньши с Варангужами, так как праздники и обычаи всех этих марийцев совершенно одинаковы.

Село Шоруньжа (географические и исторические сведения)

Село Шоруньжа находится на восточной границе МАО, к концу главного марийского лесного массива, который с северной стороны огибает Шоруньжу своим протянувшимся концом, находится в смежности с Татреспубликой, в 35 км от Морков, в 75 км от г. Казани – почти прямо на север, в 10 км от р. Ашит, в 15 км от верховья р. Илети и 17 верстах к юго-западу от завода «Мариец». 60–70 лет назад Шоруньжа была со всех сторон окружена лесом, а ещё раньше она находилась прямо в дремучем лесу.

Первые поселенцы её, как показывает и само название Унжа, были пришельцы с реки Унжи Ветлужского уезда Костромской губернии. Прибыв сюда издали, новые поселенцы мари первым долгом надавали здешним рекам,

озёрам свои привычные названия: река Унжа, Иле, Шора, Талмаш, Чыгылдым-Шор и проч.

Однако теперешняя Шоруньжа есть вторая Унжа, а подлинная Унжа – первая, старая, находилась ещё глубже в лесу, в шести километрах от современной. В старой Унже, на р. Унжинке, было 66 дворов.

По преданию, сюда привлекло поселенцев обилие прекрасного леса, рек, обилие пчёл и притом обилие хороших деревьев для бортей, которых на каждой сосне выдалбливали по три и четыре штуки. Первый поселенец мари, один из тех братьев, сначала лишь находом развел много бортей и много пчёл; потом он надумал поселиться совсем. Для этого он стал поджигать в подходящих местах лес. Когда он опалил, оголил огнём достаточное место из-под леса, то принес от своего брата семь фунтов ржи и посеял хлеб. С этого и началась старая Унжа среди дремучего леса.

Здесь много было всего того, что было нужно для марийской лесной жизни: много зверей, дичи, много рыбы в реках, каковы Унжинка, Шора, Иле, Илеть, а также много пчёл, не говоря уже о разных ягодах и грибах в лесу. Рыб, птиц и мелких зверей было так много, что марийцы ловили их почти голыми руками.

В восьми километрах от теперешней д. Шоруньжи есть довольно большая татарская деревня, которая и теперь называется *Ур* – по-марийски *Уръял*. В ней в старое время производилась специальная закупка беличьих шкур по одной копейке штука. Отсюда и марийское название копейки: *ик ур, икыр, игыр*.

Сохранилось предание. В Старой Унже процветало и пчеловодство. В этой деревне жила одна старуха Ант-кува, у которой было много пчёл и которая в праздники хвалилась, пела и говорила: «Скорее вода в Унжинке высохнет, но моя медовщина в бочке не кончится!».

Однако ничто не вечно в жизни людей: недолго пришлось лакомиться медовщиной и Ант-куве. Она женила своего сына. В одно утро молодая сноха пошла на ключ за водой. Смотрит – на ключе, близко, плавает утка, красивая, перья так и блестят. Сноха подумала, что это дичь: взяла коромысло и ударила утку.

Дома молодушка рассказывает матери, как новость, о приключившемся на ключе, и подает ей, как сюрприз, убитую утку. Мать так и вскрикнула без ума: «Ах, что ты наделала, сношенька, что ты наделала?! Теперь я пропала, пчёл не будет. Ведь это не дичь, а покровительница (мать) моих пчёл!».

Пчёлы у Ант-кувы стали убывать и, наконец, вовсе кончились. А вода на реке Унжинке течёт и до сего времени…

Сама Старая Унжа впоследствии частью вымерла, частью жители переселились в новую Унжу, за рекой Шорой (Шор-Унжа).

По преданию, Старая Унжа вымерла (кончилась) потому, что была проклята Овдою. Что ни день, у одного марийца из старой Унжи белая лошадь

возвращалась с вольной пастьбы в лесу вся изъезженная, в мыле. Думая, что кто-то ездит на его лошади, хозяин-мариец раз вымазал спину лошади серой. Вечером смотрит хозяин – возвращается лошадь, но не одна, а на ней сидит Овда, да задом наперед, приставшая к сере. Марий в сердцах сбросил Овду с лошади и стал бить её нещадно до того, что Овда стонала, кричала и, наконец, сказала от нестерпимой боли: «Пусть в этой деревне из 66 дворов не останется и шести!»…

В настоящее время на лесной поляне у реки Унжинки едва заметны лишь места домашних строений д. Старой Унжи. А поля и луга заросли лесом. Недалеко от места Старой Унжи находится старое кладбище Тошто Унчо шӱгарла, которое тоже в лесу и тоже заросло лесом.

Пчеловодство (или даже просто обилие вольных пчел) процветало не только в Старой Унже, но и новой Шоруньже, в этой новой даже больше.

Здесь, недалеко от Шоруньжи, была и есть возвышенность Шӱргӧ и деревня Шӱргӧ, что значит самая прекрасная земля, цвет земли, «лицо» земли. Здесь в свое время росли дуб, липа, орешник. А марийская деревня *Шӱргӧ* по-татарски называется *Шäм* (воск), так как здесь в большом количестве собирали воск (пчелиный).

Из этих данных ясно видно обилие здесь пчел, процветание пчеловодства. Оно было до того исключительно, что все говорили, что в здешней местности обитает сама царица (богиня) пчел – *Мӱкш он*.

Однако и это процветание было временно. Впоследствии, с упадком пчеловодства, сами же здешние марийцы начали говорить, что царица пчёл улетела в Ипон, жалостно пропев свою прощальную песнь. Улетела она потому, что обыватели зазнались, стали злоупотреблять продуктом пчёл – медом, напиваться медовщиной до потери разума, ссориться и драться и делать друг другу зло и тем самым причинять огорчение царице пчёл.

В настоящее время на месте медовой Шӱргӧ – там, где шумела густая лиственница и гудели миллионы пчел, там лишь чистые и ровные поля. И только некоторые жители держат пчёл на своих огородах.

Вот и мелодия прощальной песни царицы пчел:

Эту мелодию до последнего времени пели пчеловоды. Между прочим эту песню пел и передавал легенду о царице пчёл гр-н деревни Сапуньжа Онис Метри (Димитрий Анисимов), родной дедушка по матери тов. Петрова Ивана Петровича, председателя Марийского облисполкома.

Хотя выше мною и было сказано, что уньжинцы – это потомки переселенцев с реки Унжи Ветлужского уезда, но это только в отношении первых переселенцев. Впоследствии времени сюда стали поселяться некоторые мари и из других местностей, напр., из-под Казани.

И вот, взяв в совокупности весь круг уньжинских, шиньшинских и варангужских мари, можно сказать, что они, эти последние – остатки от переселения той довольно большой полосы марийцев, которые до падения ханской Казани жили вплотную на север от г. Казани, километров на 80 вдоль и поперек. В эпоху падения Казани и несколько ранее самого падения вся эта масса марийцев, кроме уньжинской группы с Шиньшами и Варангужами, переселилась в нынешние Сернурский и Мари-Турекский районы.

И хотя в 18 верстах от Казани остались еще ковалинские марийцы и затем кукморские, паратские и проч. марийцы, но они относятся к другой полосе, к другой группе марийцев – «шарпанан-шамыч».

Там, где теперь находятся большие татарские деревни: Атня, Менгеры, Кошары, Ашит, Тазлары, Визым, Шаши, Ташкучи и мн.др., а также там, где теперь находятся русские селения – Алаты, Мамонино, Каймары, Сухая река и др., там раньше жили марийцы «шымакшан-шамыч».

До последнего времени татары и русские показывали места, где у марийцев в старое время происходили Ага пайрам, Семык и моления. В настоящее время некоторые старики из татар показывают еще места старых марийских кладбищ. Однако старые марийские места уже забываются.

Выше было упомянуто с. Алаты. В эпоху основания Казани, напр., старой Казани – Иске Казан, на реке Ашите была попытка основать г. Ала-тау – «пестрая гора» (меловая). И вот предание марийцев говорит, что этому основанию воспрепятствовал основатель д. Варангуж оза марий Варанғыж, который зимой ходил по снегу не иначе как на лыжах «свищ» – «шӱшканече».

Марийцы же Уньжинского круга, т.е. вместе с шиньшинскими и варангужскими, препятствовали постройке чёртовой церкви – «ия черке» на р. Ашите (Потанишинская). Но она оказалась уже выкладенной чертями в одну ночь – до 12 часов, прежде, нежели один мариец успел пропеть по-петушиному, забравшись на прясло, чтобы расстроить кладку церкви. Марийцы говорили, что эта церковь складена чертями из диких камней.

Пишу об этом потому, что марийцы уньжинского круга некогда числились прихожанами именно этой чёртовой церкви, Потанишинской, километров за 50 больше. Попы приезжали в Унжу только несколько раз в году. Покойников марийцы копили зимой человек до 10 и хранили их до попов в покойницкой часовне, каковая ставилась тогда на каждом кладбище; а летом попы отпевали человек 10 умерших, над могилами, – уже похороненных раньше.

А младенцев крестили тоже сразу – штук по 20 разного возраста, от года-

полгода до трех и более лет, а потому с разными трагикомическими приключениями.

Само собою разумеется, что вся эта процедура попов была только профформой дела, предлогом для поборов денег, и не только не имела никакого назначения на внутреннюю племенную жизнь марийцев, но, напротив, вселяла чувство ненависти к поповщине.

И вот потому, что круг шоруньжинских марийцев есть остаток от старинной большой полосы марийцев на север от Казани, потому, что этот круг был довольно изолированный и замкнутый от постороннего влияния, в Шоруньже во всей первобытности сохранилось марийское язычество и старинные марийские праздники. Здесь жило то, чего уже не было у других марийцев. Достойно внимания то обстоятельство, что уньжинские марийцы, среди которых было много некрещеных мари, всегда были против церкви и поповщины, конечно, главным образом, по причине крепкой сохранности язычества.

По этой же именно причине Шоруньжа долгое время была предметом внимания, как от начальства, так и ученых[20].

1. В 1871 году здесь было открыто одноклассное министерское училище, преобразованное потом в двухклассное.

2. Здесь же впоследствии был открыт ещё и двухгодичный 3-й класс, в связи с чем вся школа была названа Уньжинской Центральной Черемисской школой.

3. Здесь родились первые переводы книг на луговом наречии марийского языка.

4. Здесь составлена редкая книга «Религіозные обряды черемисъ» (Яковлевым).

5. Сюда приезжали ученые лица, а некоторые даже и жили – Мункачи, В. Поркка, проф. Кузнецов, проф. Смирнов, Хамаляйнен, Ашмарин Н.И. и др.

Из Унжинской школы вышли многие теперешние деятели в МАО…

Однако надо приступить к описанию праздников. Оставшаяся часть исторических сведений относительно Шоруньжинского круга мари будет доказана при описании марийского праздника Семык.

У мари нет своего календаря. А потому праздники их располагались по русскому календарю, по церковному. При этом некоторые марийские праздники совпадали с церковными, но содержание их (первых) было совершенно самобытное, языческое.

В нижепомещенном перечне праздников указываются и те особые дни, которые тем или иным способом оттенялись и почитались между другими днями. Но эти дни поставлены без нумерации.

---

[20] этнографов.

Вообще праздники для описания взяты только общественные. Кроме того, бывали частные, семейные праздники, например, по случаю частного домашнего моления или частной поминки по окончании полевых работ осенью. Таковые дни вовсе не упомянуты в перечне.

Перечень старинных марийских праздников, которые совершались в Шоруньже:

1. «Шорык-йол» (овечья нога) – символический обрядовый праздник.
2. «Йумо чыкымэ» (погружение бога) – поминально-престольный праздник по прежнему приходу к с. Шиншам, но в сущности вовсе не религиозный, а исключительно гостевой.
3. Ӱарньа – (пуртышыжо, лектышыжо) – масленица.
4. «Кон кэчэ» – день покоя – в среду перед б. Пасхой.
5. «Сорта чӱктыш» – 1-я поминка в четверг перед б. Пасхой.

«Йумын айар кон кэчэ» – день строжайшего покоя накануне Пасхи.

6. «Кугэчэ» – великий день – Пасха.
7. «Ташлама» – не бросай, второй день Пасхи.

«Кугэчэ лэктыш» – исход Пасхи.

(попразднество)

8. «Ага пайрам» – пред весен. севом.
9. «Изи ага пайрам» – после весен. сева.
10. «Сэмык» – Семик, в среду пред. б. Троицей.
11. «Сорта чӱктыш» – 2-я поминка в четверг пред. бывш. Троицей.
12. «Мландэ иланымэ кэчэ» – день зачатия земли – второй день после Троицы.
13. «Индэш кугарньа» – девятая пятница после Пасхи.
14. Петро – Петров день 29/VI ст. стиля.
15. «Сурэм» – гонка лошадей, с изгнанием шайтана.

Как видно из перечня, всех праздников и особых дней насчиталось 15. Но это простое перечисление праздников имеет такой внутренний смысл, так протекают праздники, так развертываются, что каждый последующий праздник повышал настроение участников гораздо сильнее предыдущего.

Говоря сравнительно, праздники марийские, в данном случае уньжинские, повышались в настроении и силе так же, как крещендо, развертывалась, расцветала и украшалась сама природа, начиная с первой зелени и с первого пения жаворонка вплоть до полного расцвета. Настроение народа доходило до высшего апогея к большому полевому празднику Сӱрем, который был последним, заключительным праздником с гонкой лошадей и изгнанием из жилищ и деревень шайтана.

После этого праздника с начатием сенокоса и страды настроение переменялось в сторону бесповоротного труда и уже не поднималось в сторону увеселений целый год.

Указанное нарастание настроения наглядно видно вот из чего: например, Сорта чӱктыш и Кугече праздновались по-семейному и по родам, дома, в деревне. На Ага пайрам население уже выходило на открытое поле целыми деревнями. А на шумный Сӱрем марийцы выезжали уже целым округом до 10 деревень в самом парадном виде, если так можно выразиться.

При всем том жизнь марийцев так тесно сочеталась с этими праздниками, что именно в период этих праздников происходили сватания, женитьба и выход замуж, с довольно шумными свадьбами. В это же время развивались главным образом и все виды марийского искусства.

Одним словом, означенный период праздников был самым возвышенным, самым поэтическим и даже лирическим временем жизни марийцев.

Пишущий настоящие строки, как родившийся и выросший в с. Шоруньже, сам погружался в эти праздники в детские и юношеские годы – с 1875 по 1893 г., а затем, побуждаемый полученным средним образованием и служебным положением, он вновь и вновь, с 1900 по 1914 год наблюдал и изучал эти праздники, и уже для научно-исторических целей.

Следует сказать, что я очень рано научился марийской национальной музыке – шӱвыр и кӱсле. Это обстоятельство меня увлекало в большее участие на праздниках и свадьбах, нежели это было бы без умения играть на волынке, так как без волынки раньше не обходилась ни одна свадьба, ни один марийский праздник.

Шорык-йол пайрам (Праздник «овечьей ножки»)

Шорык-йол – зимний праздник. Он происходил в декабре месяце, в пятницу[21], между 21 и 27 числами, и большею частью несколькими днями раньше бывш. церковных святок, что и приводило в бешенство попов.

Название праздника «Овечья нога» произошло от того, что в день праздника поздно вечером, после вечерних блинов и печеных орехов из теста, в темноте без фонаря марийские женщины выходили в хлев и там ловили за ножки овец и, поймав овец, произносили слова «йыгырым-йыгырым» – «двойни-двойни», т.е. выражали желание, чтобы ягнята родились не по одному, а двойнями. Чем ловля происходила удачнее, тем более это считалось лучшим признаком, не только в отношении овец, но и вообще, так как приплод, прибыль овец, как увидим далее, являлся символом приплодия вообще домашних животных (лошадь, коза), символом плодородия, символом произрастания злаков и общей производительности в хозяйстве.

Нужно полагать, что в данном случае для названия праздника овца взята

[21] и субботу

потому, что праздник происходил в самое холодное время, потому, что овца является концентрированным предметом удовлетворения насущных нужд марийцев, каковы: шуба, кафтан, шерсть, онучи, чулки, мясо, сало и даже освещение в виде сальных свеч.

А может быть, это, т.е. название праздника, посвященное овце, есть отражение того отдаленного времени, когда прапрадеды теперешних марийцев в какой-нибудь азиатской степи занимались овцеводством.

Праздник Шорыкйол бывал полный и неполный. Полный – с инсценировкой Васли кугыза и проведением Девичьего пира, неполный – без них, но с соблюдением всех других символических обрядов.

Мы имеем в виду полный праздник, так как неполный бывал случайно, вследствие неблагоприятного момента, например, неимения нужного комплекта взрослых девушек, болезней или смертных случаев в домах взрослых девушек, когда в знак траура не принято ни петь, ни плясать.

Однако в Унже Шорык-йол всегда устраивался полный, если не в одной части селения, то в другой, так как селение разделялось на четыре участка.

Ожидание праздника Шорык-йол и приготовления к нему

Время заунывного трубления марийцами в «шыже пуч» в длинные темные осенние ночи прошло. Минул также и период долгих ночных сидений, период сказывания сказок и загадок при свете березовых лучин.

С наступлением белоснежной зимы настроение марийцев, этих жителей леса, изменилось к более бодрому.

Уже замерзла известная марийцам река Волга: «*Ынде Юл вӱд кылмен*», – говорят они после 1 декабря[22]. Уже были проведены необходимые зимние хозяйственные работы и довольно удачно – зимние виды охоты и рыболовства. Наконец, произошел и зимний поворот солнца (*кече тарваныш*), поворот солнца к лету[23]. Уже моментами начало показываться и голубое небо. Приближается праздник Шорык-йол, начали говорить и о нем.

Шорык-йол, Шорык-йол! Как много говорил он детям, как много дум наводил он! В воображении детей Шорык-йол рисовался не в виде овечьей

[22] Следовательно, эти марийцы жили когда-то около Волги.

[23] В теперешнее время, по моим наблюдениям, ни моментом солнцеповорота, ни днями равноденствия не интересуются, по крайней мере, не говорят об этом. Раньше марийцы очень наблюдали за этими моментами. Мой неграмотный отец точно наблюдал не только за поворотом солнца, но и за долготою дня, особенно к весне. Сплошь и рядом он, бывало, говорил: «Ынде кандаш перыш, индеш, т.е. ударило 8 ч., 9 ч., 10, 11, 12 и т.д. до 15, 16, – вплоть до летнего поворота солнца.

А татары говорили: «инде тугыз бярде, он, он-быр, он-ике…», – т.е. уже ударило 9 ч., 10, 11, 12 (чётные часы продолжительности дня).

ноги, а в виде целой серии интереснейших картин в продолжении целых двух-трех дней. Дети уже одолевали родителей вопросами: скоро ли будет Шорык-йол? скоро ли придет Васли кугыза? где он сейчас? – Отвечали: Васли кугыза ещё далеко находится; он не скоро придет, он находится ещё в Симбирской губернии…

Однако вскоре начали говорить, что девушки пиво* будут варить, и что Шорык-йол будет через пять дней, в пятницу.

Глядь – девушки уже ходят по домам и собирают солод, овсяной муки, масла и дрова. Найден и дом, где девушки будут поить пивом, петь шорыкйольские песни и плясать шорыкйольскую пляску. Говорили, что «*Йыгнаш кува пурта*» – пускает в свой дом Игнатьева жена.

Итак, вопрос решен: Шорык-йол будет скоро. Значит, всем предстоит роль: девушкам удачно сварить пиво, успешно провести свой девичий праздник, хорошо попеть, хорошо поплясать и заслужить хороший отзыв. Парням – забавнее понаряжаться, показать свое остроумие, ловчее поплясать, а также получить одобрение. Что касается Васли кугыза, то это – дело старших, взрослых мари, которые и исполнят свой долг в свой момент.

Утро дня Шорык-йола

Наконец наступил и день праздника Шорык-йол. С рассветом дня все деревенские жители-марийцы, с лопатой в руке, выходили на озимое поле, каждый на свою полосу, чтобы устроить из снега кабанчики, кучки, по-марийски «шорык-йол каван». Не проходило и часа времени, как на гладком и пустом снежном поле там и сям появлялись целые рощи этих снеговых кучек. Кучки не голые, а с воткнутыми на верхушках кучек пучками ржаной соломы с колосьями, конечно, обмолоченными: это для связи с рожью. Значение снеговых кучек на озимом поле, и при том у каждого обывателя на своей полосе – это символическое выражение желания, чтобы предстоящим летом был хороший урожай хлеба и чтобы каванов наставить столько, сколько сделано кучек на полосе.

Таким образом кучки на полосе делались по 7, 9, 11, 13, 15, непременно нечётным числом, с лихвой против четного числа, против прошлого года, и остатком от предстоящего (будущего) годового расхода.

Кучки делались не одинаковые по форме и величине, как и сами делавшие лица были разные. Кучки некоторые лица делали довольно крупные, высокие и ровные, с некоторой отделкой. Другие делали кучки небольшие в тех соображениях, чтобы полевым ветром их не свалило. Третьи делали кучки кое-как: маленькие, небрежно, для проформы. Многие из этих кучек потом виднелись на поле до самой весны.

---

* Имеется в виду квас домашнего производства, безалкогольный напиток из солода.

Затем, по возвращении домой, такие же кучки делались каждым домохозяином на гумне, около хлебных кабанов от прежних годов.

Следует отметить, что, вопреки обычаям всех праздников, блины в день Шорык-йола пекли не утром, а вечером, при огне. Старшие в доме, главы семьи, старики и старухи, воздерживались от пищи до звезды. Молодые люди ограничивались тоже лишь холодной пищей, кто чем умел. Хотя принимать пищу в этот день очень-то не возбранялось, но до вечерних блинов день проходил без капитального питания.

Люди были заняты не пищей и питанием, а совсем другими заботами и работами: символами обновления жизни, символами урожая, приплода домашних животных, плодородия, прибыли и вообще удачи в жизни и хозяйстве. В домашнем обиходе не оставался не тронутым ни один предмет. Всё как бы сопоставлялось с поворотом солнца: раз тронулось само солнце, пусть тронется всё! И вот старики и старухи пересчитывают свои деньги – в желании, чтобы в предстоящем году был приток в деньгах[24]. Женщины и взрослые девушки перебирали в сундуках бусы и украшения и перебирали всю одежду в клети – в тех видах, чтобы в предстоящем году была удача в приобретении себе нарядов, вышитых рубах, *шовыр*а, украшений и т.п.[25]

Затем члены семьи поднимались на чердак, на подоловки строений, и там переставляли с места на место или же просто потрясали серпы, косы, веники и все этим подобные предметы.

Когда перебирание предметов кончалось в доме, выходили на гумно и огород и там трясли конопель, который обыкновенно у марийцев висел либо на особой перекладине (кыне кашта), или просто на прясле, приговаривая, чтобы в предстоящее лето конопель уродился высокий и волокнистый.

Если у кого в усадьбе были малинник, смородина, черемуха, яблони, то тоже подходили к кустам, лазя по снегу и сугробам, и поочерёдно трясли ягодные кусты, черемуху и яблони, приговаривая: пусть нынче хорошо уродится малина, смородина, черемуха, яблоки и всякие ягоды и плоды.

Мужчины семей перебирали дома свои орудия и сбруи, чтобы предстоящий год давал удачу увеличить и улучшить их. Пчеловоды дотрагивались своих ульев, а бортевники перебирали свои бортевые принадлежности (вопш кандыра, йолкошарге, ленге). Охотники – свои орудия, рыбаки перебирали свои снасти[26]. Итак, все нужные вещи перебраны. Говорили при этом, что медведь и тот переваливается в это время на другой бок.

---

[24] Обязательно пересчитывал свои серебряные и медные деньги и мой отец Ефрем Степанович. Он держал свои деньги в очень маленьких горшочках и хранил в подполье, в ямах. Ясно, что на случай пожара.

[25] У меня были три снохи; всё, что здесь указано, они исполняли.

[26] У меня были три брата старше меня: старший, Николай – земледелец, средний, Михаил – охотник и пчеляк-бортевник, младший, Григорий – страстный охотник и рыбак. Оба имели все нужные снасти.

Обряды праздника Шорык-йол совершались и у козьмодемьянских марийцев. Вот как описывает их, например, Яковлев Г.Я. в своей книге «Религіозные обряды черемисъ» от 1887 года. Но само описание было сделано в 1883–1885 годах.

«В самый день черемисского праздника Шорык-йол[27], в пятницу, бывало, как только петухи запоют, рано утром черемисы возьмут лопаты, пойдут каждый на свое гумно и пригребут снегу на току кучками в виде как бы ворохов зерна, несколько десятков кучек, которые называли «кышыл», т.е. ворох или копна, т.е. кладь хлеба. Бывало, дедушка мой и бабушка в этот день рано утром принесут денег на стол, копеечных, двух и трёхкопеечных монет, считая их рублями; или же принесут рублей 10 медных денег; из них изображают сотни и тысячи рублей. Затем посылали нас, ребят, в сад под яблони, и мы ходили выше колен в снегу, трясли сучки у яблоней, приговаривая, что падает множество яблок; изображали из себя, будто собираем яблоки. Затем ходили в овчарню, где хватали овец за ноги со словами «*дигир потям ыштыже, шарык тӱлыжӧ*», – чтобы овцы принесли ягнят двойнями и расплодились бы.

В этот праздник у нас всегда варили пельмени, в которые клали копейки и нарочно из лыка сделанные маленькие лямочки, какими водят телят, и обротьки (уздечки). Когда станут есть, если кому попадались деньги, то говорили, что он будет счастлив на деньги, будет богат; если же кому попадалась обороть или лямочка, говорили, будто этот будет счастлив на скотину, скот расплодится у него.

Так как Козмодемьянские черемисы все без исключения пировали праздник Шорык-йол[28], то они вечером все собирались в один конец деревни и, начав пировать с крайнего дома, ходили по порядку во все дома, не пропуская ни одного. Бывало, в который дом придут пировать по порядку, там водили ребят в овчарню хватать овец за ноги для того, чтобы овцы принесли двойни и расплодились.

Старинные Козмодемьянские черемисы придерживались таких суеверий и думали, будто бы, если в этот день станут считать деньги – разбогатеют; если будут прикасаться к скотине со словами, чтобы расплодились – и расплодятся; на гумне если будут пригребать снежные вороха – уродится хлеб и т.д.».

Вернёмся к Шорык-йолу луговых марийцев, уньжинских, – к вечеру дня.

Вечер праздника Шорык-йол

Тем временем наступал вечер, и женщины начинали печь блины и непременно орехи из теста. Состоятельные марийцы клали в тесто масла и мёду и получались очень вкусные искусственные орехи.

---

[27] в подлиннике «Шочьял».

[28] (Рождество).

Надо сказать, что прием пищи (блинов) в этот вечер происходил ранее обычного – при первом огне, причём вопреки всем другим случаям, пред блинами в этот вечер не бывало никакого молитвословия, тогда как в другое время молитвословие над блинами продолжалось не менее 40–50 минут; и особенно увлекался продолжительным молением мой отец, старик 60 лет, так что снохи наши сердились за то, что из-за долгого моления совершенно остывали горячие блины. (Моление, разумеется, языческое.) Вместо моления в данном случае указывалось только то, что сегодняшние блины посвящены Васли вечеру: «*Васли вечер лӱмеш меллам кӧштын улна*». Пусть это будет угодно Васли кугыза, пусть это будет приятно ему…

Что же это значит? Это значит, что настоящий Васли вечер является предрекающим на блага предстоящего лета и что осуществителем этого является Васли кугыза, который в то же время может повернуть предречение в ту или другую сторону: высказанное-де им не перевернёшь в другую сторону. Впрочем, об этом после.

После блинов начиналось всеобщее движение: происходила беготня из дома в дом; из клети приносили лесные орехи, сохраненные специально для этого вечера, и начинали гадать на орехах «*Утем тӱвал?*» (чет или нечет?). В это именно время происходило главным образом и хождение марийских женщин в хлева – ловить овец в темноте за ножку и трясти, говоря: «йыгырым-йыгырым», т.е. двойни-двойни[29], о чем было сказано и выше.

Вскоре ребятишки приносили известие, что в таком-то скотном доме «начали наряжаться Васли кугыза-шамыч, но туда не пускают».

Оказывалось, что, действительно, в одной скотной избе собрались взрослые марийцы и стали готовиться к исполнению прадедовского обычая: подобрать для Васли кугыза свиту, нарядиться и обойти дома своего участка (конца селения), – участка в том смысле, что Шоруньжа разделялась на четыре части: верхний конец, средняя часть (*кыдал сола*), нижний конец и заречная сторона (*Эҥер ӱмбал*). В благоприятные годы девушки варили пиво во всех четырёх частях деревни и шорыкйольские обычаи исполняли в четырех пунктах.

В скотской избе наряжались потому, что нужно было, насколько возможно: 1) сохранить тайну персон из свиты Васли кугыза; можно запираться в скотской избе и не пускать посторонних, а во 2-х, во время наряжения много получалось мусора: солома, мочала, верёвки, сажа. (В иных местах будто бы наряжались в бане. Но это не Васли кугыза, а модыш – совсем другое).

Васли вечер и Васли-кугыза

(Он наряжается)

Васли вечер, ясно, это значит вечер, посвященный Васли кугызе. Но кто же такой был сам Васли кугыза? Кого он изображал? – Васли кугыза, по сознанию

[29] При этом обязательно разминали и вымя овцы.

марийцев, было, как сказано и выше, лицо, предрекавшее на блага предстоящего лета, предстоящего года. Предсказывалось, конечно, всегда лучшее, приятное, а не плохое. Но Васли кугыза мог произнести и отрицательное. Он был не только просто предсказыватель, но лицо, слово которого должно было непременно исполниться. Сам по себе Васли кугыза – совершенно нейтральное лицо, даже он не здешний, а чужеземный человек, случайно попавший сюда, хотя именно в момент Васли вечера, в момент особой озабоченности марийцев, в момент гадания о предстоящем годе. И вот, разрешителем этих вопросов и является Васли кугыза. Это он открывает завесу будущего по всем частям семейной и хозяйственной жизни, и даже общеполитической (*саман*). Васли кугыза не заинтересован в дурном предсказывании: он заинтересован трудолюбием, удачей жителей.

Мы в детстве так и думали, что Васли кугыза со своей свитой издалека приходит и далеко уходит вперёд, – тем более, что так говорили нам и родители. Даже тогда, когда впоследствии мы знавали уже поименно, кто наряжен в образ Васли кугыза и прочих членов его свиты, даже и тогда они производили на нас впечатление чужеземных: так они говорили как-то по-особенному, другим голосом, серьезно, говорили не как здешние, а как чужие и дальние, власть имущие…

Васли кугыза не один, а у него определенная свита. Вот состав этой свиты: 1) Сам Васли кугыза, 2) Васли кува, 3) казак (савус), 4) лошадь, 5) коза и 6) мальчик-погонщик. Как они наряжались?

1. Вот Васли кугыза: на нем обязательно вывороченная шуба. На голове большой чубук из бересты, вместо волос на верхнем конце чубука мелкие мочала. На месте глаз и рта дыры в чубуке, а на месте носа пришит искусственный выпуклый нос из бересты. Пояс или из соломенного жгута или же из старой толстой веревки. За поясом у Васли кугыза изображение мужского полового органа, сделанное из дерева и привязанное веревкой от лаптя. В руке вместо нагайки соломенный жгут. Руки в саже. Васли кугыза – самая крупная и внушительная персона.

2. Вот вам Васли кува: она старая марийка лет 45, в «шымакше». Одета она во всё старое, безо всяких украшений. Лицо вымазано сажей. Вместо грудей под вывороченный шовыр напичкана тряпка, вместо живота – вложенная подушка, вместо пояса – соломенный жгут или старая толстая верёвка. За поясом у Васли кува с передней стороны старый лапоть, символизирующий женский половой орган, привязанный лаптевой же верёвкой. В руках обязательно пряжа с прялкой и веретеном. Роль у Васли кува была такая: когда начинали ходить по домам, в каждом доме она садилась всегда на определенное место – на передней лавке между женским углом и красным, в конце хлебного стола (ӱдырамаш тӧр ден пӧръеҥ тӧр коклаште: ожно тушто изике шога ыле);

в каждом доме непрестанно пряла пряжу, плясала по-старинному со своим стариком; в заключение первая бросалась на пол вверх лицом и раздвинув ноги. А старик ложился на нее и покрывал её, показывая форму схождения мужчины и женщины… Следует отметить, что Васли кува бывала всегда из переодетых мужчин.

В Шоруньже несколько лет подряд, в 80-х годах XIX столетия, Васли кува изображал проживавший здесь и почти очеремисившийся татарин Сафа (Сапи).

3. Третья крупная фигура – это лошадиное чучело. Брали большой холщовый полог, накинутый на толстую палку. На переднем конце палки устраивалась лошадиная голова, с уздой и колокольчиками на шее, а на заднем конце палки – хвост. Под пологом находился человек с палкой на плече: он и ходил, изображая собой лошадь. Но лошадь эта походила скорее на верблюда, нежели на лошадь, и тем самым чучело возбуждало больше интереса для публики, особенно у детей. Животина мотала головой и бряцала колокольчиком.

4. Четвёртая фигура – это коза. Мальчик лет десяти покрывался простыней[30] и он держал в руке козлиную голову с рогами, сделанную из дерева. Когда козлиные челюсти поднимались верёвкой, то коза будто бы щелкала челюстями, а мальчик, покрытый простыней, прыгал и кричал по-козьему: мя-а-а! мя-а-а!

5. Пятая фигура – казак (савус) и

6. Шестая фигура – мальчик-погонщик.

Они наряжались так же, как и Васли кугыза, в чубуке и проч., но были менее солидны и без подвешенного мужского полового органа[31]. Казак – это посредник между Васли кугыза и домохозяинами. Казак первый входит в дом и спрашивает у хозяина разрешение войти к нему Васли кугыза. Цель же поочерёдного посещения домов – это визит и приветствие дальних людей с праздником, ответы на вопросы хозяина об урожае предстоящего года, о «самане» и проч., и попутно: поощрения хозяев за труды и порицание за бездеятельность, если таковая будет обнаружена.

Ну вот, все шесть фигур свиты Васли кугыза готовы к делу, и они гурьбой направляются в первый дом. За Васли кугыза обычно ходила толпа ребят и девушек, тех девушек, которые варили пиво. Они ходили за гурьбой для приглашения домохозяев на свое пиво (девичье). Но приглашали они после того, как кончал свою программу в каждом доме Васли кугыза и уходил в следующий дом.

---

[30] Или же он надевал ржаной мешок с распоротым дном.

[31] Берёстовые чубуки с мочалами вместо волос, деревянный мужской член и козлиная голова употреблялись старые из года в год, а не делались каждый год вновь.

Здесь я приведу для образца только один пример, одну инсценировку в первом доме, ибо в других домах повторяется почти тоже самое, хотя с другими хозяевами. Разнообразие вносится лишь от изобретательности домохозяев и остроумия Васли кугыза.

Хождение Васли кугыза по домам

Когда приходят к воротам домохозяина, то первым делом в дом идет казак – за разрешением войти в дом этого хозяина. Надо заметить, что все члены свиты Васли кугыза говорят поддельным голосом[32].

Казак: Здравствуй, хозяин!

Хозяин: Здравствуй, здравствуй.

Казак: Васли кугыза просит от тебя разрешения зайти в твой дом. Он желает повидать тебя. Можно ли зайти?

Хозяин: Можно-можно, пусть зайдёт, – добродушно отвечает хозяин, сидящий за хлебным столом под красным углом (*мӧр*), – наверное, пришёл издалека, устал, пусть зайдёт[33].

Следует сказать, что хозяева уже ждали Васли кугыза, потому что он проводил не простое только посещение, но и ревизовал хозяйственную и рукодельническую работу хозяев. Потому для Васли кугыза мужчины заранее развешивали новые лапти, веревки, исправленные хомуты, седелки, заячьи и беличьи шкуры. А женщины и взрослые девушки развешивали пряденые нитки, полотенца, холсты, вышивки и новые рубашки.

В сенях шум. Первым входит Васли кугыза, потом его старуха, казак, лошадь, коза, которая начала щелкать челюстями в сенях и кричать по козлиному мя-а-а! За ней мальчик-погонщик и толпа. Наполнялся весь дом.

Члены свиты Васли кугыза размещались таким образом: сам Васли кугыза вставал впереди всех, прямо против хлебного стола, за которым напротив сидел хозяин. У Васли кугыза на своем месте деревянный мужской член, который висит до того открыто, что задевает и стукает об стол[34]. Позади его вставал казак. Васли кува садилась на передние нары, близко к женщинам,

---

[32] Так как описание действий касается давно минувшего времени, а писать приходится сейчас, то единство глагольного времени трудно выдерживать: невольно проникает и настоящее время.

[33] Не каждый хозяин так скоро соглашался. Некоторые спрашивали: сколько их человек? что будут делать? прилично ли будут вести себя? и т.п.

Хозяин: Ну, ладно, дам вам одну половину, зайдите.

Казак: нет, одной половины мало: дай три, хватит, спасибо.

[34] Мы, марийские мальчуганы, относились к мужскому члену Васли кугыза совершенно спокойно: раз старшие так делают, значит, так и надо.

и тотчас начинала прясть свою пряжу. Лошадь на середине, коза около лошади, с правой стороны, тут же мальчик-погонщик.

Васли к.: Здорово хозяин! С праздником! Как поживаете?

Хозяин: Спасибо, живем по-меленько.

Васли к.: Вот мы пришли.

Хозяин: Как же, ходить надо, ходить. Садитесь за хлеб-соль.

Васли к.: Да, без хлеба нельзя жить. А хлеба у вас хватит до нового?

Хозяин: Наверно, немножко не дотянем. А вот вы скажите: откуда пришли и куда направляетесь?

Васли к.: О, мы издалека, из Симбирской губернии, идем далеко, за Вятку.

Хозяин: Да, ваш путь длинный. Вы везде бываете, много знаете. А вот скажите на счёт «самана»? Всё ли спокойно на свете? Про войну не говорят ли? Не надо бы.

Васли к.: О, нет, все спокойно, войны не будет!

Хозяин: Вот спасибо за доброе слово. Скажите, какой будет урожай нынче?

Васли к.: О, рожь будет вот какая, – и показывает метра полтора на вышину ржи.

В это время лошадь мотает головой и бряцает колокольчиком, а коза щелкает деревянными челюстями и кричит: мя-а-а! Васли кува прядет что есть мочи.

Хозяин приглашает отведать хлеба-соли и других членов свиты.

Все садятся[35] по очереди за стол, отведывают хлеба-соли и благодарят, кивая чубуком и как бы говоря, чтобы уродился хлеб, и опять показывают вышину ржи.

У Васли кугыза есть табакерка. Он очень любезен, подает свой табак нюхать хозяину, а сам чихает. Хозяин берет, благодарит и нюхает, а в табакерке оказывается вместо табаку зола. Но юмор происходит с обоих сторон: хозяин наперёд знал, что тут зола, но не конфузит Васли кугыза, берет золу, пробует, глядит на нее и говорит: никак это особенный табак. А сам чихает – апчхи! Хохот.

Васли к.: Да, этот табак особенный, такого табаку вы ещё не видали – апчхи! Опять хохот.

Вступают в речь женщины:

– Скажи, Васли кугыза, хорошо ли уродится нынче (т.е. предстоящим летом) конопель?

Васли к.: О, конопель вот какой вырастет! – опять показывает рукой Васли кугыза.

Начинается ревизия.

Васли к.: Вот что, хозяин, где твоя работа? Покажи, где новые лапти? А то вот тебе! – показывает соломенный жгут.

---

[35] Т.е. Васли кува, казак и мальчик-погонщик, кроме козы и лошади.

Хозяин: Есть-есть, вот лапти, веревка, – работаю я. Вот ещё беличьи шкурки, заячьи…

Васли к.: А ну-ка, хозяйка, где твоя пряжа? Где шерсть, где нитки?

Женщины: Вот, вот, есть, гляди. – И указывают на заранее развешанные предметы рукоделия.

Васли к.: А к овцам в хлев ходила?

Хозяйка: Как же, ходила, ходила.

Бывает так, что, если какая-либо хозяйка не догадалась развесить предметы своего рукоделия, то Васли кугыза на самом деле публично хлещет ее соломенным жгутом при всеобщем хохоте толпы.

В связи с удовлетворительным результатом проверки доказательства трудолюбия мужчин и доказательств рукоделия женщин и сообразно возрасту и положению членов семьи, Васли кугыза предсказывает в виде шорыкйольского сюрприза насчет прибыли в данной семье и сулит – кому в этом году родить сына, кому дочь, кому жениться и кому выйти замуж.

Программа Васли кугыза в этом доме кончается. На заключение он просит у хозяина разрешения повеселиться – поплясать.

Хозяин разрешает. Тотчас же соскакивает со своего места Васли кува, моментально начинает играть волынка, и Васли кугыза со своей старухой начинает среди избы плясать, плясать по-старинному.

В самый разгар пляски Васли кува вдруг бросается на пол, ложится вверх лицом, раздвинув ноги. Васли кугыза бросается на нее и показывает вид совокупления, причем казак и мальчик начинают хлестать Васли кугыза соломенным жгутом, коза тоже подходит туда и кричит во всю мочь, а лошадь тревожно топчется на месте, мотает головой и брячит в колокольчик[36].

После этого Васли кугыза как ни в чем не бывало начинает благодарить хозяина за гостеприимство и прощаться, а хозяин благодарит Васли кугыза за деловые наставления в жизни и добрые предсказания. В знак теплого прощания Васли кугыза пожимает руку хозяину, но рука оказывается вымазанной сажей. Хохот. Другие члены свиты не прощаются с хозяином в руку, лишь мотают ему чубуком, и лошадь – своей мордой. А коза щелкает челюстями и кричит по-козлиному.

Все уходят, остаются лишь те девушки, которые варили пиво. Вот они теперь и приглашают хозяев к себе пиво пить, приглашают деловито, как во имя соблюдения с обоих сторон прадедовских и праматерных обычаев. Хозяева обещаются и, действительно, идут пить пиво, потому что момент подсказывает им, что на самом деле девушек надо поощрить, нужно посетить пир, тем

[36] Обрати внимание на это же, только несколько в ином виде, в описании проф. Кузнецова на стр. 147.

более, что все девушки, варившие пиво, не чужие, а соседские, некоторые свои же дочери, племянницы, сестры и проч.

Так ходит Васли кугыза из дома в дом до конца своего участка, исполняя прадедовский обычай без вариантов и в вариантах, как было сказано и выше в зависимости от изобретательности и остроумия хозяина и Васли кугыза[37]. Но пропустить или комкать программу нельзя, всё надо выполнить как было истари, особенно нельзя было пропустить последний обычай стариков на полу. Хождение Васли кугыза по домам оканчивалось не ранее 10–11ч. ночи.

С последним домом порядкового обхода роль Васли кугыза и его свиты оканчивалась. Все раздевались в той же скотной избе и прибирали вещи. Если не в тот же вечер, то на другой день утром, берестовые чубуки с мочальными волосами (маски, коих три), козлиная голова из дерева и деревянный мужской член относились на подоловку и там хранились они до будущего года. Выносить их куда-либо в другое время и показывать строго воспрещалось. Бывало, мы, ребята, в детстве во время игр, лазя на чердак, наталкивались на эти маски, но мы не трогали их, потому что, во-первых, воспрещено было трогать, а во-вторых знали, что во время Шорыкйола всё это будет на деле.

Следует наперед сказать, что в промежутках Девичьего пира тоже бывали сцены, но действующие лица на этих сценах уже не Васли кугыза, а люди «модыша» (*койдарчыка*), *модыш*а не из старинной жизни, а из современной, на современную злобу. А Васли кугыза со своей свитой уже ушел далеко-далеко по своему маршруту и вернётся только через год. Так объясняли нам, маленьким, наши матери, так мы и представляли Васли кугыза. Нам жалко было его и его товарищей и чуть не плакали, что оставили нас и уехали так далеко…

К тому времени, когда Васли кугыза кончал свой обход домов, начинали собираться гости в тот дом, где было приготовлено девичье пиво.

Девичье угощение пивом (Девичий пир)

В чём же состоял Девичий пир и какой был в нём порядок?

Девичий пир в общем и целом состоял из сплошного угощения гостей пивом. Но это угощение распадалось на особые отделы, коих, главных, было три:

---

[37] Так, например, некоторые хозяева ещё спрашивали Васли кугыза, указывая на его деревянный мужской член:

– Это что такое у тебя и для чего он привязан?

Васли кугыза ловко изворачивался и ловко давал ответ.

Или ещё спрашивали:

Хозяин: Скажи, Васли кугыза, кого бабы будут рожать больше – мальчиков или девочек?

Васли к.: Бабы будут рожать ровно столько тех и других, что не будет недостатка ни в мужчинах, ни в женщинах.

Вообще половой вопрос в программе Васли кугыза имел тоже должное место.

1. Угощение пивом в связи со специальным пением девушек. Пели только те девушки, которые варили пиво.

2. Угощение пивом в связи со специальной пляской девушек. Плясали только те девушки, которые варили пиво.

3. В промежутках угощения инсценировки с выступлением импровизированных актёров. В эти же моменты выступали со своей пляской любители-мальчики, как, например, я, Ефремов Т.Е., выступал много раз и получал похвалу.

Пение и пляска разграничивались, потому что при плясках играла волынка, отбивали ногами (об пол) барабанный ритм, хлопали в ладоши. Петь в это время было трудно и не слыхать никому. А пели девушки именно для слушания.

Порядок угощения пивом в связи с пением девушек

1. Первым долгом девушки намечали лиц, кому подавать пиво и перед кем петь песню.

2. Затем этим лицам девушки подавали по чашке пива, становились напротив же их и начинали петь.

3. Те слушали песни, реагировали, кто как умеет, и прихлёбывали под пение пиво.

4. Девушки пели свои песни и поодиночке, и попарно, и по трое: одному человеку, двоим и сразу троим, смотря по тому, как складывалось наличие гостей.

5. Девушки предпочитали петь преимущественно попарно – двоим гостям: это было им удобнее – и не стеснительно, и легче.

6. Каждая девушка пела только тому и перед тем человеком, кому она принесла чашку пива и от кого ожидала ответного денежного внимания.

7. Пред одним и тем же гостем, с подачей пива, по очереди пели все девушки, которые варили пиво: дочь, сестра, племянница родная, соседка и проч.

В Унже на это пивопитьё тратили ровно два вечера. Такое проведение происходило самым естественным образом, так как в первый вечер (пятница) многие должны были выехать на Атнинский базар. Они так и говорили: «Я приду пиво пить после Атнинского базара, сейчас у меня денег нет». Обычно второй вечер проходил даже удачнее первого, ибо весь народ был дома, все были с деньгами. Девушки об этом тоже знали, у них более повышалось настроение, и тем более, что в первый вечер они получили хорошую практику: делались смелее, находчивее и т.п.

Следует сказать, что праздник Шорык-йол, точнее Девичий пир, оригинален ещё в том отношении, что мотив девичьих песен и форма пляски (в одно

лицо) каждой девушкой по отдельности, во весь год употребляются только один раз – во время Шорыкйола и более никогда. Если бы кто-либо вздумал спеть песню шорыкйольским мотивом в другое время, например, летом, сейчас бы его прервали, сказав: «*Эй, ушдымо, кеҥежым Шорык-йол мурым мурат мо?*» – «Эх ты, глупец, разве летом поют шорыкйольскую песню?».

В довершение ясности нельзя не сказать здесь ещё о некоторых этических сторонах обычая, которые заставляли дарить девушек за пиво и пение деньгами. Во-первых, девичье угощение здесь пивом было не ограниченное, т.е. не скупое, не по норме; но в то же время не даровое: сколько-нибудь надо подарить деньгами. Здесь никто не спрашивает денег, никто не назначает размер их, но зато никто и не отказывается давать и никто не отказывался принимать. Всё делалось как-то само собою – для взаимной приятности. Когда пара девушек намечала вновь вошедших гостей, то первым долгом подносили им по полной чашке пива, надо сказать, пива хорошего, густого и пенистого. Те брали пиво и держали в руке до тех пор, пока девушки не пропели одну из намеченных песен. О чём же пели девушки? Что они преподносили гостям в своих песнях? Какие идеалы их занимали? Для этого у девушек был целый цикл специальных шорыкйольских песен, образы коих будут показаны ниже… А теперь изобразим обстановку.

Обстановка девичьего пира

Изба полна гостями. Выступающие девушки в лучшем одеянии. На середине стола хлебная чашка. На переднем конце стола блины и кое-какая закуска – творог, капуста. На другом конце стола большой леҥеж (лянгус) с пивом, которого всё время приносят из подполья. На лянгусе недогорелая восковая свеча: какой-то приглашенный старик уже совершил молитвословие[38]. Поздний вечер – около 11 часов. Горит лучина.

Собравшиеся люди образуют как бы круг. Женщины и девушки в своем углу против печки: кто сидит, кто стоит. Мужчины сидят на лавке, слева от стола, вдоль стены. Есть люди и за дверью, и около печки. Где толпа – там оживление: шутки, острота, смех; но в то же время все в ожидании начала угощения пивом.

Здесь я приведу для образца приблизительную процедуру угощения пивом, с пением одной пары девушек – одной паре гостей-мужчин. Затем особо укажу, какие слова поют девушки отцу, матери и брату, снохе.

---

[38] Это уже по инициативе девушек и яко бы для их благополучия, так как блины девичьи, а не для Васли кугыза, блины которому были вчера. См. стр. 133.

Пир начинается
(Пир с пением)

Вот две девушки пошептались между собой, подошли к столу, налили две чашки пива. Затем подходят и подают пиво одной паре мужчин, сидящих на лавке около упомянутой стены.

Первый из мужчин: «О, хотите угостить? Очень приятно. Попробуем».

Второй, соседу: «А ты пока подожди пить-то: ведь ещё будут петь». – Сам тоже берёт чашку пива.

Первый: «Знаю, знаю, подожду, сначала послушаем, а потом попьём».

Подав пиво, девушки встают тут же напротив, и поют:

Первая песнь:

Под горой стоящая сосна
Наравне с горой стоит.
На горе берёза
Наравне с солнышком стоит.
За сараем ива
Наравне с сараем стоит.
Здесь сидящие братья
Наравне с барами живут.

Первый: «Ой! Надо поважнее сидеть. Слышишь? Нас поставили наравне с господами. Спасибо-спасибо, сестры, за доброе слово. Теперь будем пить. Прихлёбывает. Ну и пиво!»

Второй: Пьёт. «И пиво вкусно, и пели хорошо: нам сразу две приятности. А-а! Сладко».

Девушки поют вторую песню (мотив тот же):

Тошкалтыш йымал ола комбыжо
Кок ош муным мунчалын.
Иктыжым пыштэн улыт кинде перкелан,
Весыжым пыштен улыт шийвундо перкелан.
Иктыжым пелештеныт кинде перкелан,
Весыжым пелештеныт шийвундо перкелан.

Ой, изайна-шамычна дыр,
Илышда тендан пиалан лийже:
Кинде перкеанат те лийза,
Шийвундо перкеанат те лийза!

Под лестницей пестрая гусыня
Снесла два белых яйца.
Одно положили для прибыли хлеба,
Другое положили для прибыли серебряной казны.
Первым яйцом молили о прибыли хлеба,
Вторым яйцом молили о прибыли денег.
Ой вы, братцы наши,
Будьте счастливы в жизни:
Будьте вы имеющими прибыль хлеба,
Будьте вы имеющими прибыль серебряной казны.

Первый: «Вот, товарищ, ещё тебе приятность, сюрприз: у нас и хлеба будет много, и серебряных денег. Чего ещё надо?».

Второй: «Понимаю, понимаю, на что намекают. Что ж? Не жалко, приготовлено. Оба прихлёбывают пиво».

Девушки поют третью песню (мотив тот же, шорыкйольский):

Вӱташ петырыме шем ушкалет
Вӱд гыч лекше вӱд ава гае;
Вӱташ петырыме шем алашат
Мланде гыч лекше мланде ава гае.
Ты шинчалше иза-шамыч
Четлыкеш петырыме мӱкшава гае.
Юмо гае поян лийза,
Пиамбар гае пиалан лийза!

В хлеве запертая твоя черная корова
Как из воды вышедшая мать воды;
В хлеве запертый твой мерин
Как из земли вышедшая мать земли.
Здесь сидящие наши братья
Как пчелиные матки в клетке.
Будьте богаты как боги,
Будьте счастливы как пророки!

Первый: «О-о! Всё выше и выше поднимают нас».

Второй: «Скоро до неба поднимут! После этого как не попьёшь пива?». Пьют.

Первый: «Хорошо, что сегодня не поехал на Атнинский базар, этих песен я не услышал бы сегодня».

Второй: «Сперва я тоже хотел было отложить на завтра, спать хотелось. Но жена говорит: иди да иди. Теперь я и сам рад, что пришёл».

Первый: «Совсем хорошо стало на душе, и спать не хочется. Вот что делают девушки!».

Второй: «Я выпил всё пиво», и кладёт серебряные монеты на ручку чаши, так как деньги не принято давать девушкам в руки. Потом переворачивает чашку ручкой к девушке и подаёт ей. Тоже делает и второй товарищ, и говорят: «Спасибо, сёстры, будьте здоровы, выйти вам замуж, да за хорошего…».

Получив пустые чашки с положенными на ручки серебряными монетами, девушки идут в свой угол с тем, чтобы начать петь другим парам. А другие пары девушек поют опять другим парам гостей и т.д.

При этом текст песен девушки вновь приспосабливают тому, кому они поют, определяя в то же время и своё родственное отношение к ним.

Вот, например, песня, которую поют девушки отцу и матери:

Ошыт[39] *вӱдетын покшелныже*
Кугу шудет кушкылден:
Тудо шудетын вуешыже
Йӱксӧ, толын, пыжашым оптен.
Комбыжо толын – мунчалын,
Лудыжо толын – игым луктын.
Йӱксӧ игыланат ида уж –
Тендан игыда лийылдалына!
Комбо игыланат ида уж –
Шкендан игыда улдалына!

На середине Ашитской реки[40]
Большая трава выросла.
На вершине этой травы
Лебедь, прилетев, свила гнездо.
Гусыня, прилетев, снесла яйцо,
Утка, прилетев, вывела детей.
Не считайте нас за детей лебедя,
Мы – ваши дети.
Не считайте нас за детей гуся,
Мы – ваши дети!

---

[39] Ошыт – Ашит (ош вӱд).

[40] Река Ашит – на севере Татреспублики. Вдоль реки Ашит раньше жили марийцы. Вдоль реки – меловые горы, от этого и вода Ашита белая. Она впадает в р. Илеть. Ашит по-марийски Ошыт – Ош вӱд. Так и говорят, что вода Ашита вливается в Илеть белой полосой. См. выше стр. 125.

Вот песня, которую поют девушки брату и снохе:

Лапын-лапын койдалеш –
Завод шындаш келшалеш:
Кӱкшын-кӱкшын койдалеш –
Полат шындаш келшалеш.
Суран тӱран портышыжым
Тӧреш шараш келшалеш:
Изай дене енгажым
Тӧреш шындаш келшалеш!
Йӧратеда гын, шалт йӱлдалза,
Ода йӧрате гын, шалт шындалза!

Низко-низко виднеется –
Завод поставить прилично.
Высоко-высоко виднеется –
Палаты поставить прилично.
Войлок, по краям кожей обшитый,
Впереди постлать прилично.
Своего брата со снохой
Вперед посадить прилично!
Если нас любите,
До дна допивайте!
Если же не любите –
Со стуком поставьте!

В конце концов получается такой круговорот в угощении и пении, что все девушки, варившие пиво, попоили всех гостей и попели всем. Если, например, поющих девушек было 10, а гостей 30, то, значит, мне поочередно пели 10 девушек; также и другим. А все 10 девушек всем 30 гостям пели 300 раз! Но по желанию и соглашению некоторые девушки могли петь одному и тому же гостю и два раза. И это только в один вечер. Угощение другого вечера считается особо.

Кроме того, в виде исключения, в виде особого почета и выделения гостя, иной раз две девушки пели одному и тому же лицу, вручив ему сразу две чашки пива. При этом гость одну чашку держал у себя в руках, а другую ставил на стол около себя. Пил он попеременно то из этой, то из другой чашки. Это выходило довольно курьезно, но зато забавно и памятно.

Пляска девушек на Шорык-йоле

(Пир с пляской)

На своём пиру в праздник Шорык-йол марийские девушки плясали по одной. Да иначе и нельзя было, потому что девушки при шорыкйольской пляске вертелись, как волчок, на одном месте – то в одну, то в другую сторону, при-

чём тоже поочерёдно то одной рукой, то другой подпирали свою талию (на подобии Ꝑ и наоборот ꝺ), а другую поднимали вверх, перегибая кисть пальцев, украшенных кольцами и перстнями, а рука – браслетами. Чтобы не закружилась голова, девушка то в ту, то в другую сторону вертится пополам, переменяя также и положение своих рук. Кому же она пляшет? Опять же только тому и пред тем, кому она подала пиво и кто будет пить у нее пиво.

Вот образчик.

Одна марийская девушка, наметив одного вошедшего гостя, пред которым она ещё не плясала, наливает ковш пива и подносит этому лицу. Тут ни уговаривать, ни отказываться не приходится: и традиция, и этика всем ясна. Бери пиво, гляди с чашкой пива пляску, выпей в конце, клади на ручку ковша денег, сколько можешь, и подай обратно ковш. Так и делает принявший сейчас пиво. Мало того, он считает за честь то, что девушка обратила на него внимание – подает пиво и хочет плясать специально для него, так как в кармане у него уже приготовлена некоторая сумма денег. Итак, чашка пива в руке гостя. Кругом люди. Тотчас начинает играть волынка, кто-нибудь из присутствующих отбивает ногами ритм, хлопая руками, и девушка начинает плавно плясать, кружиться. Гость прихлёбывает пиво, лицезреет пляску и похваливает: «Очень хорошо пляшет сестрица! Гляди-ка, гляди-ка, что она делает. Когда она научилась так плясать? Ровно пружина. Как не присвататься женихам? Да, она перегнала маму. «*Ачаж дечат мастар, аваж дечат мастар!*» И всё в этом роде. И действительно, несмотря на кажущееся отсутствие простора для движения, девушка успевала, вертясь на месте, обнаружить гибкость стана, эластичность движения, симметричность кружения и т.п.

Девушка и волынщик перестали.

Гость: Спасибо, сестрица, за пляску, жениха тебе желаю! Кладет на чашку монеты, и девушка уходит в женский уголок.

Тем временем уже приготовились плясать другим гостям и другие девушки из варивших пиво. Таким образом, пляски для девушек получается тоже много. Если, например, девушек 10 человек, а гостей 30, то одна и та же девушка пляшет не менее 30 раз, а все девушки не менее 300 раз. Конечно, волынщику здесь приходится играть много. Но за то он пользуется особым положением: его, как гостя, угощают блинами, орехами, а иногда и вином. Кроме того, платят немного деньгами, если он этого просит.

Модыш (инсценировка)

В промежутках пения и плясок девушек в оба вечера на Шорык-йоле происходит модыш (сценическое представление). В то время как девушки поют или пляшут на своём вечере-пиру, мужская молодежь собирается в какой-нибудь скотной избе (в некоторых местах в бане) и там наряжается.

Этнограф С.К. Кузнецов в одном из своих очерков из быта марийцев даёт яркую картину марийского шорыкйольского «модыша». Так как это описание вполне подходит к данному вопросу, то я считаю его вполне достаточным для характеристики и не считаю нужным переописывать.

Вот описание *модыш*а: «Избушка на время превращается в театр, молодые люди в актёров, все гости в зрителей. Парни вышли из избы и отправились в баню, где заранее в изобилии приготовлен материал для переряжевания. Слишком неприхотливый костюм не требует большого времени для переодевания, и толпа появляется скоро на дворе, испуская пронзительные крики. С шумом и гамом, превосходящим всякое описание, врываются наряженные в избу. Толпа сторонится от них, расступаясь в обе стороны.

Что за костюмы!.. Один надел на себя мешок, разрезанный с двух сторон для прохода рук, на голове у него полотняная маска с отверстием для рта и глаз, усы и борода подведены углём. Другой – без всякого одеяния, кроме обуви. Он обвязан соломой так искусно, что незаметно – есть на нём какое платье, или нет… На других надеты вывороченные шубы, кисти рук, лица вымазаны у всех сажей до такой степени, что видны только одни белки глаз. Каждый из наряженных держит в руке по *саламат*у – соломенному жгуту в пол-аршина длины… Ворвавшись в избу, наряженные начали бешеную пляску… Размахивая саламатами, пляшущие стараются ударить всякого, кто подвернётся. Другая свободная рука, вся в саже, ходит по чужим физиономиям.

Вдруг среди пляски наряженный в соломенный костюм схватил одного из зрителей, повалил его на себя и растянулся с ним на полу. Остальные бросили пляску и начали колотить саламатами несчастную жертву[41]… Экзекуция кончилась, и наряженные снова принялись за пляску. Но вот часть их стремительно бросилась из избы переменять костюмы…

Дверь (снова) растворяется, и в избе водворяется тишина: вошел черемисин, изображающий станового пристава. Одет он в простой солдатский сюртук, сверху накинута дырявая шинель. Чиновника сопровождают два помощника в обыкновенных костюмах. Чинно обойдя комнату кругом, чиновник остановился и строго спросил по-русски: «Какой ваша празник?» «Наша Васли вечер празник!», – отвечают ему почтительно. Чиновник важно поворачивается и уходит.

На смену идёт другая группа ряженых в три человека. Один из них просто обёрнут рогожей, с непокрытой головой, другой в простой сибирке русского покроя, но с лаптем в руке, наполненным дымящими угольями; третий в обыкновенном костюме, но с лукошком. Обходя кругом избы, сибирка тычет чуть не каждому в нос лаптем, бормоча что-то про себя. Рогожа стоит посреди избы. Третий с лукошком подходит к хозяину и говорит: «Мука давай, мука!».

---

[41] См. для сравнения стр. 138.

На смену идёт новая толпа. Теперь пародируется рекрутский набор. Одетый в прежний солдатский костюм черемисин обратился в военного приёмщика. Его помощник притащил старый светец с подделанными граблями, которые так подвязаны, что грабловище свободно двигается, а колодка опускается и поднимается, смотря по надобности. Военный приёмщик и помощник меряют рекрутов, берут по пути взятки, женщины причитают, изображая матерей; дядька обучает новобранцев, угощая их зуботычинами и толчками в бока»[42].

Затем в разных комических видах инсценировали недоразумения пред царским судьей и вообще пред царскими чиновниками, из-за незнания марийцами русского языка. Пример:

Найден умерший человек. Приехал царский чиновник. Допрашивает, нужно марийцам объясниться. Но марийцы не понимают чиновника, а чиновник не понимает марийцев. «*Кӱвар дене колен кия, маныт*», – говорит один. Марийцы силятся доказать, что им ничего не известно и что они сами удивлены. Но вместо этого на вопрос чиновника «не убит ли кем умерший?» марийцы отвечают утвердительно: «Точно так, наше дело, точно так!».

Или еще. Входит в избу проходящий русский человек, спрашивает дорогу на Вятку – как идти? Марийцы смотрят друг на друга: кто может объяснить дорогу на русском языке? Один мариец выискался и говорит, размахивая руками: «Поёш, поёш, шопке боротым поспел; потом ишо поёш, парня мыгылдик воротил; туди пошел, сюди пошел, потом опет пошел»… Вошедший вытаращивает глаза, пожимает плечами и уходит. Хохот.

Вот еще точный монолог-тирада из шорыкйольского *модыша*, уже на татарском языке:

«Слушать! Чытыр-матыр указ, Казанский приказ: Чытырманда коян жяткан, чермыш атыб алган, татар жятыб калган. Шол коян терысын чермыш базарга чыгарыб саткан, татар алган; тон тыктырган, шол тоңне кийган: осыра да йыртыла, осыра да йыртыла!..» Хохот.

Сравнение (с описанием Шорык-йола Яковлевым Г.Я.)

После всего описанного о празднике Шорык-йол в Унже интересно сделать сравнение, как написал об этом же празднике луговых марийцев Яковлев Г.Я. в своей книге «Религіозные обряды черемисъ» от 1887 г. Вот подлинные его слова, помещенные им после описания праздника Шорык-йол козьмодемьянских марийцев:

«У луговых черемис Царевококшайского уезда и доселе существуют те же

[42] И.Н. Смирнов. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889. С. 117–118.

обычаи, но с небольшими (напротив, с большими) разностями[43]. Так же праздник Рождества Христова делают по-своему (?) в ближайшую пятницу к 25 декабря. В этот день также пригребают снежные вороха, или клади, только на поле (?), а не на гумне, как горно-козьмодемьянские черемисы (неправда). Луговые черемисы повсеместно не пируют праздник Шочьял (?) (Шорык-йол), но делают девичий праздник.

Девицы пред праздником со всех домов (? своего участка) собирают солод в один дом, там варят пиво и в самый день праздника собираются в этот дом. Туда же приходят пожилые мужчины и женщины, а девицы поют песни, пляшут и угощают приходящих пивом, а приходящие за угощение и пляски дарят их деньгами. При этом «для смеха» (?) переряжаются мужчины в женское платье, а женщины в мужское (неправда: женщины в мужское платье не наряжаются); иные наряжаются в стариков и старух (?), этих называют Васли кугузай (неправда: Васли кугыза), Васли кубай (неправда: Васли кува), т.е. дядюшка или старец Василий, тетушка или старушка Василиса (неправда: Васли кугыза и Васли кува – муж и жена, только возрастные – старик со старухой). В черемисском празднике Шочьял больше никаких выдающихся обрядов не бывает», – оканчивает свое описание Шорык-йола Яковлев Г.Я. Как раз наоборот. Странно, что живя в уньжинском большом «кунсткамере», г. Яковлев Г.Я. не заметил «слона» – не обратил внимания на смысл роли Васли кугыза. Берем факт: скорее же всего он был не в силе распутать этот смысл.

Крупные неправильности всего заметнее о Шорык-йоле следующие:

1. Вопреки всей очевидности слова «Шорык-йол», он этот праздник назвал «Шочьял».

2. Совершенно языческий праздник Шорык-йол он отождествил с церковным праздником Рождества Христова.

3. Не верно, будто луговые марийцы на гумне не пригребали снежные кучки. Пригребали, и при том в нескольких шагах от него.

4. Женщины для инсценировок не наряжались в мужскую одежду, и вообще женщины в инсценировках не принимали участия.

5. Не верно, что Васли кува есть Васли кубай, а Васли кубай есть тетушка или старушка Василиса.

6. Напротив, Васли кува, без имени, есть жена Васли кугыза. А так как они не молодые, то старик со старухой – Васли кугыза и Васли кува.

Итак, Яковлев написал это в то время (1880–1885), когда во всех сценических представлениях на Шорык-йоле самое активнейшее участие принимал, вместе с нами, марийскими парнями, его шурин Удюрминский Никодим Трофимович, проживавший у Яковлева в качестве воспитанника.

---

[43] Слова в скобках и вопросы (?) мои – Ефремов.

Между тем значение роли Васли кугыза гораздо глубже и не в той области, которую указывает Яковлев (для смеха?).

Одно дело – действительно комические инсценировки «модыш», впоследствии, в промежутках Девичьего пира, да и то не без определенного смысла, и совсем другое дело – обхождение Васли кугыза домов в самом начале вечера, с его прогнозами и предсказываниями о предстоящем годе.

Правда, в лице Васли кугыза и в его хождении по домам усматривается большое сплетение древнего с новым и языческого с христианством, но, тем не менее, этим не уменьшается, а увеличивается значение попытки приоткрыть завесу будущего года. Первый вопрос, который приходит в отношении Васли кугыза, такой: В самом деле, почему шорыкйольский кугыза назван Васли, а не по-другому? Дело, оказывается, вот в чем. Праздник Шорык-йол бывает в последний месяц пред новым годом – в декабре, и даже в последние дни. И вот, как раз в новый год и обычно накануне – с вечера, начинается празднование (чествование) памяти Василия Великого. Он поставлен, по календарю, во главе нового года – 1 января, он велик, он покровитель этого года, следовательно, он дает направление этому году[44]. Кого же просить, кого же и чествовать ради блага этого года, как не Васли кугыза?

С другой стороны, Васли кугыза со своим небольшим караваном напоминает трех волхвов-мудрецов с востока, пришедших некогда в Вифлеем. Может быть, отсюда и причина фигурирования на празднике овец, ягнят и козы.

Следовательно, так или иначе Васли кугыза – это мудрец в древнем виде. И как таковой свою мудрость применяет и для запросов современности, в данном случае на Шорык-йоле.

Некоторые выводы от праздника Шорык-йол
(С точки зрения тогдашних мари)

Итак, долгожданный зимний праздник Шорык-йол у марийцев был и прошел. Прошел, оставив после себя разнообразные впечатления. В то же время прошел и старый год, которому Шорык-йол подвел итог. Мало того, многие добрые наметки сделаны и на предстоящий год, что еще важнее. Об этом позаботились и сами заинтересованные марийцы, много указаний получили они и от мудрого Васли кугыза. Еще что получили от Шорык-йола?

Шорык-йол дал большую пользу и в общественно-воспитательном смысле, в меру тогдашних племенных потребностей. Пир на девичьем празднике был не только местом безотчетного веселья, но и небольшой участковой выставкой девушек. Каждая подрастающая девушка и девушка-невеста на девичьем празднике выявлена так, как она есть в действительности. Она и не могла

[44] Всё это по мнению тогдашних марийцев.

не выявиться, так как все делалось открыто, на глазах общества. Нужно было показать себя в умении соблюдать всю племенную этику: одеваться, говорить, подавать пиво, петь, плясать. Это они показали.

Если женская молодежь выявляла себя в своей женской области, то мужская молодежь выявляла себя в своей мужской области – в сфере мужества, ловкости, остроумия.

Иначе сказать: родители радовались, глядя на детей, дети старались радовать родителей.

Каждый активный участник Шорык-йола получал от присутствующих ту или иную оценку.

Дело не обходилось и без таких деталей: каждый жених примерял себя к какой-нибудь девушке-невесте и каждая девушка-невеста примеряла себя к какому-нибудь молодцу-жениху[45].

Кратко сказать: люди на Шорык-йоле ели, пили, веселились и поучались и эти двигали вперед свою жизнь…

Таковы в нескольких словах общие выводы от праздника Шорык-йол, праздника в исходе старого года и уже после поворота солнца в преддверии нового года.

Отрывки из заметки в дневнике 1898 года, сделанной под впечатлением хождения по домам Васли кугыза – в день празднования Шорык-йола в декабре

1. О, Шорык-йол, Шорык-йол! Кто определит то время, когда ты возник? Его невозможно определить. Ты возник в то время, в то седое время, когда у черемисского племени не было никакой культуры, никакой школы. Между тем каким бы то ни было образом нужно было учить жизни новое поколение. Шорык-йол есть своеобразная школа племенной жизни черемис и в некоторой части – проверка жизни.

Смысл Шорык-йола – это 1) есть желание провидеть будущее, и если непостижимо угадать его в действительности, то, по крайней мере, пожелать, чтобы будущее было благополучно, склонить его к лучшему, даже самим пророчить, чтобы было впереди хорошо;

2) Шорык-йол есть первобытная школа, первобытный способ воспитания нового поколения. Если Васли кугыза одевался в странный костюм (и т.д.), то это только для более сильного впечатления, сильного выражения своих желаний, своих стремлений – выражения от лица дальнего, беспристрастного человека.

---

[45] Этим и объясняются последующие признания молодых: «она мне понравилась на Шорык-йоле», или «он мне понравился на Шорык-йоле».

Васли кугыза имел право сказать всё: если не словами, то мимикой, если не естественным голосом, то искусственным, и если не прямо, то иносказательно.

С другой стороны, и сами хозяева, решительно не зная о будущем, желали слышать хорошие, утешительные вести, хотя бы от импровизированного чужестранца – в дополнение и подтверждение к своему собственному… (далее лист дневника вырван).

2. Если мы припомним старинную лесную разбросанную жизнь черемисского племени, становится понятным стремление их объединиться и воздействовать друг на друга.

Представьте себе, с чего началось такое объединение.

Представьте необозримые темные леса и в них разбросанные в разных местах черемисские *илем*ы. По словам самих черемис, дорог в лесу тогда не было, а были только тропинки, а в болотистых топких местах только жерди. Ни телег, ни саней не было, а было для лета и зимы только одно «имне гӱр» (кнер) – лошадиный лубок.

По причине неимения дорог, а вследствие этого неимения телег и саней, свадьбы происходили верхом на лошадях: невесту, ее имущество привозили верхом, да часто обходным путем, так как свадьбы главным образом происходили в начале лета. Было такое время, что приданое невесты привозили верхом на лошадях не в мешках или сумках, а в липовых кадках, навесивши по обе стороны лошади по одной кадке с каждой стороны.

Всё, что было перед глазами черемис – это лес. Все наблюдения, какие он мог делать – это над лесом, над лесной природой. Все блага, какие мог получить черемисин – это от леса и воды. Всё, что приходило к нему со вне, как отголосок от жизни других народов, это было еще чуждо ему. Встречного стремления к ним он не имел. Лишь бы не нагрянули неожиданно чуждые люди и не разгромили бы *илем*ы, а остального более ему ничего не надо.

Однако черемисин чувствовал племенные интересы, необходимость объединения черемис, необходимость своей общественной жизни. Отсюда праздники вроде Шорык-йола с Васли кугыза, отсюда Семык и проч.

Девичьи пиры у чуваш
(Сравнение)

Девичьи пиры были и у чуваш, и даже у некоторых крещеных татар, которые жили около чуваш (см. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. – Казань, 1875. – С. 277). При сравнении оказалось, что некоторые моменты сходятся, но большею частью не сходятся.

Сходятся:

1. Общая подготовка к Девичьему пиру – сбор солода, хмеля, дров и проч.

2. Репетиция девушек в пении и пляске.

3. Традиция в отношении мотива девической песни, который, по удостоверению местных стариков, остается неизменным с незапамятных времен. К сожалению, мотив этой песни Золотницким не приведен в нотах.

4. Вариант девической пляски, при котором чувашская девушка, как и марийская, тоже повертывается на пятах из стороны в сторону на одном месте, не поднимая ног.

Не сходятся:

1. Чувашские Девичьи пиры не были связаны с праздником, похожим на марийский Шорык-йол, с Васли кугыза и проч.

2. Как показывает и самое название, Девичьи пиры у чуваш бывали почти только для своих и приглашенных девушек, безо всяких других обрядностей. Между тем марийские девушки поили своим пивом всех, хотя не без мысли получить монетки. Самые близкие родственники, и даже отец и мать, и то дарили деньгами, и даже больше других.

3. Чувашские Девичьи пиры начинались в декабре до Рождества и продолжались до Масленицы – в разных местах. А марийский Шорык-йол продолжался определенно только два дня, в пятницу и субботу, определенно в третью пятницу после Зимнего Николы в декабре.

4. Чувашские девушки плясали группой, а марийские по одной, и не по всему полу, а на одном месте, повертываясь на пятах, как сказано было выше, из стороны в сторону.

5. У чуваш не видно строгого разграничения пения от пляски. Получается впечатление, что как будто они пели и плясали одновременно, приплясывая под такт пения.

6. Девушки-хозяйки у чуваш и приглашенные девушки пели и плясали только адресуя друг другу, а не посторонним.

7. Девушки-хозяйки у чуваш плясали одни и вместе с приглашенными девушками, а у марийцев плясали только те девушки, которые варили пиво, – учредительницы праздника.

8. На чувашском Девичьем пиру никаких сценических представлений не происходило.

9. В описании праздника у чуваш сказано, что девушки-хозяйки не угощали пивом никого из посторонних: желающие выпить непременно должны были заплатить деньги.

10. Собравшийся народ у марийцев служил для девушек-хозяек первостепенным объектом внимания.

11. В отношении угощения пивом посторонних за деньги, побор денег у чуваш отзывается бесцеремонностью и походит на вымогательство: «Акча бермясан – чыгыб кит!» – «Не дашь денег – пошел вон!».

12. Дарение монет за пиво марийским девушкам было совершенно добровольное, как было сказано и выше.

Сделав настоящее сравнение, в конце концов я пришел к следующему заключению:

Описанный этнографом Золотницким Н.И. праздник под названием «Татарско-чувашские девичьи пиры» не есть соответствующий марийскому Девичьему пиру в день Шорык-йола, а совсем особый, или же разновидность шорыкйольского. По моему мнению, у чуваш в других местах был другой девичий праздник, уже соответствующий марийскому и происходивший также в третью пятницу после Зимнего Николы.

НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 528. 1936 г.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ, СОБРАННЫЕ И ЗАПИСАННЫЕ Т.Е. ЕФРЕМОВЫМ

ИЯГОМЫЖ
СКРИПКА

Ик ялыште ик поян
Колен колтен кенета.
Поян мыняре поян гынат,
Ок лий кодаш тойыде.

Кӱнчат тудлан ик шӱгарым –
Шӱгар лектеш пундашдыме.
Кӱнчат адак вес шӱгарым –
Шӱгар садак пундашдыме.

Кум шӱгарым кӱнчыменге,
Адак пундаш лийдымылан,
Волтен колтат пояным
Пундашдыме шӱгарыш.

Лачак тудо верышкет
Мия комыж мастарет.
«Айда, – маныт, – тый кертат,
Волен ончо шӱгарыш.

Волаш тыланет лӱдшаш огыл –
Комыж шокташ мастар улат:
Йыгаш веле тӱналат –
Иктат тыланет ок логал».

Кум-ныл сапым кондатат,
Кылдат комыж мастарым,
Пундашдыме шӱгарыш
Колтат волтен, ужын кӱзаш.

Ышке вола, ышке шокта –
Шӱгар пундаш мӱндырнӧ.
Волен-волен, куэ вуйыш
Миен шинче шоктышет.

Жил один мужик богатый,
Был богач и помер вдруг.
Схоронить бы, хоть не брат он,
Не таскал на пашне плуг.

Роют справную могилу –
Да бездонная она.
А за ней еще могилу –
И опять она без дна.

Так вскопали три могилы,
Все бездонны, нет конца.
И в могилу опустили,
Пригорюнясь, мертвеца.

Тут к могильщикам приходит
Мастер – ковыж за спиной.
Говорят ему: «Ты сможешь
Мертвецу найти покой.

Ведь тебе не страшно будет:
Ничего там не видать.
И деревня не осудит,
Лишь начнешь во тьме играть».

Вожжи крепкие приносят,
Привязали – и во тьму
Опускают, сверху просят:
Посмотри, как там ему?

Вниз спускается, играет,
Дно могилы глубоко.
Верх березы ощущает,
Музыканту нелегко.

Куэ вуйышто сапым руден,
Умбак вола кидше ден.
Волен шуо такырышке –
Адак шокта комыжшым.

Шокташ гына тӱҥале –
Ия тӱшка толнат шуо.
Куштат веле кашак-ге,
«Шокто, – маныт – чарныде!»

Ноен кая ик тӱшка –
Толын лектеш вес кашак;
Карат веле шинчаштым,
Нӧлтат веле почыштым.

«Шокто, марий, шокто! – маныт.
– Куштен але темын онал!».
Моктат марийым, моктат мурым –
Марийым мӧҥгеш ынешт колто.

Кечат кумыт, йӱдат кумыт
Эртен кайыш куштымаште.
Ия куштен огеш тем –
Мастар лектеш каналташ.

«Поян еҥет кушто гын?» –
Кӧргыж дене шоналта.
Кудывечыш лектешат,
Поянетым ончылтеш.

Кушко онча – тушто имне
Йылме дене кутырат.
«Тый мом ончет, родо-таҥ?» –
Мастар дечын йодыт нуно.

Поян еҥым йодмылан
«Умбакырак кай, – маныт –
Тушто тые «сурым» ончо. –
Он твой богач.

С древа бережно спустился,
Ловко вожжи отвязал
И землице поклонился,
На ковыже заиграл.

Черти тут же прибежали,
Просят: – Ты играй, играй!
Круг сомкнув, затанцевали,
И кричат: – Не прекращай!

Вот одна исчезла группа,
Вот другая тут как тут.
И глаза таращат глупо,
И подняв хвосты снуют.

То ли просят, то ли лают:
– Ты играй, мариец, пой!
И, конечно, не желают
Отпускать его домой.

Так три дня прошло, три ночи,
Пляшут черти – не зевнуть.
Музыканту нет уж мочи,
Он выходит отдохнуть.

«Где же тот богач?» – подумал,
Выходя на некий двор.
Ищет взглядом, с тяжкой думой,
Не потупив ясный взор.

Огляделся, видит – кони,
Словно братья, говорят:
«Что ты ищешь? Мы не тронем».
Лишь глаза у них горят.

На вопрос: «А где богатый?»
Отвечают: «Коль пойдешь,
Серый конь стоит лохматый,
Там богатого найдешь.

– Тый улат мо поян ӧҥ? –
Йодеш марий имне деч.
– Мые, – манеш сур имне,
Савырналын шогалын.

Марий ойла толмыжым,
Поян ойла колмыжым.
Логалыныт шоныде
Нуно тиде верышке.

«Ой, таҥем-дыр, ой, родем!
Миен ойло эргымлан:
Намысыжым чарыже –
Йорло погым ынже нал.

Пашам шкеак ыштыже,
Йорло ӧнлан полшыжо.
Мый семынем ынже лий –
Мыйым имньыш савырышт.

Теве тыланет ош шовыч,
Теве адак шӧртньӧ шергаш.
Мӧҥгыш миен шуат гын,
Пуак тудым эргымлан.

Мыйын мутем колыштметлан
Тидыжымат каласем:
Мыйын кодшо погем гыч
Ик ужашым пужо т(ы)лат».

Комыж марий кайынеже, –
Ия-влакет огыт колто.
Йӧным муо шоктышет –
Кӱрлын кайыш комыж кыл…

– Шокто, шокто, марий таҥ!
– Кылже кӱрлӧ комыжын!
– Кылым весым кондена! –
Ия-влакет кычкырат.

– Ты богач? – спросил мариец.
– Я, но стал уже конем.
Разговор возник меж ними –
Музыканта с богачом.

Рассказал коню посланник,
Как попал сюда, зачем.
И богач о смерти ранней
Говорил ему меж тем.

И богач просил: «Ты сыну
Непутевому скажи:
Пусть не грабит бедных ныне,
Без греха чтоб честно жил.

Пусть работает до пота,
Помогает бедным пусть.
А не то, как я, без счета
В конском виде окажусь.

Вот платочек невесомый
С золотым кольцом, и знай –
Доберешься как до дома,
Это сыну передай.

И за то, что слушал здраво,
Не в моей теперь судьбе,
Я богатство там оставил,
Пусть он часть отдаст тебе.

Музыкант пошел, а черти
Преградили путь ему.
Вспомнил – выход есть от смерти –
Он порвал одну струну.

«Ты играй, играй, и помни –
Есть у ковыжа струна.
А другую принесем мы», –
Тьма их криками полна.

– Кылым весым кондашда
Тудо кылже черкыште.
Кылым пурен налашда –
Суралыме черк опса!

– Айда пырля каена! –
Ик ияже кычкыра.
– Опса черкын суралме гын,
Мый шалатем опсажым!

Черке деке миен шуыч,
Опсам ия шалатыш.
Пудыртымо опса йўкшö
Кўдырчö гай шергылте…

– Пуро, – манеш, – черкышке.
Ия марийым туш покта. –
Мыланемже, иялан,
Ок лий пураш кöргышкö.

Марий черкыш пурен кайыш,
Ок лек тужеч тўжваке.
– Кылет кондо, марий, лек! –
Ия ойла опса гоч.

Ия вуча тўжвачын,
Йўк ок шокто кöргö гыч.
Агытанат муралтыш,
Волгалташат тўнале.

Перен колтыш кугу чанг…
Толеш попет кумалаш.
Шинчам ыш лий кумен шукташ –
Чотыр[46] ия укат лие.

– Тыйже тыште мом толашет? –
Куж-ўп йодеш марий деч. –
Ужам, тые шолышташ
Толынат йўдым черкышке?

Чтобы взять струну другую,
Надо к церкви нам дойти.
Нам бы взять ее, тугую,
Только церковь взаперти!

– Так пойдем же вместе, братец, –
Черт один ему кричит.
– Дверь взломаю на закате,
Если не найдем ключи!

И дошли они до церкви,
Совершил чертяка взлом.
Дверь упала, свечи смеркли,
И с небес раздался гром.

– Заходи, – марийцу шепчет, –
И струну свою найди.
Ведь чертям у входа легче,
Мне нельзя туда идти.

Музыкант зашел без дрожи,
Не выходит, верь – не верь.
«Ведь тебе струна дороже!» –
Черт кричит ему сквозь дверь.

Черт все ждал его снаружи:
Тишь святая изнутри.
Уж пропел петух в окружье,
Простирался свет зари.

Медный колокол довольный
С колокольни прозвенел.
Поп пришел на богомольню,
Черт исчез, хоть не хотел.

– Что здесь делаешь, мариец? –
Поп спросил и подошел. –
Может, ночью, лихоимец,
Воровать сюда пришел.

[46] Чотыр – шемалге тўсан (брюнет)

– Уке, – манеш комыж марий, –
Толын ыльна ия ден…
Вара чыла нергеж ден
Марий ойла пытымеш.

– Пундашдыме шӱгарыште
Мый шоктышым кум сутка,
Ия куштыш кум сутка! –
Манеш поплан шоктышо.

Сутка кумыт манмылан
Онча кнагам толшо поп:
– Поян марийын колмыжлан
Лачак ынде кум ий шуын!

Тый шоктенат лач кум ий,
Ия куштен тунарак! –
Кынагашке пеш ончен,
Куж-ӱп ойла марийлан.

Тулеч вара марий комыж
Посна лӱмым нумалын.
Садден тудым кызытше
«Ия комыж» ман ойлат!..

Музыкант ему ответил:
– Приходили с чертом мы.
Говорю, святой, при свете,
Вот есть ковыж, нет сумы.

– Был в бездонной я могиле,
Трое суток я играл.
Я играл, что было силы,
И отряд чертей плясал.

Поп, узнав про трое суток,
Книгу божью полистал.
– Ты три года был, по сути,
В преисподне, как пропал.

Ты играл чертям три года,
В пляске столько же они. –
Поп сказал уже не строго –
«Только ковыж почини».

А теперь и вы узнали:
Может, с давней той поры
«Скрипкой чертовой» назвали
Инструмент сей для игры.

КОМЫЖ ШОКТЫШО
СКРИПАЧ

Шокташ мастар манмаште
Мастар уло комыжланат:
Кучалалеш йоҥежшым,
Йыгалалеш кок кылжым.

Комыж ӱзгар – нечке ӱзгар,
Тымык жапым йӧрата.
Садлан верчын комыж оза
Кас жапыште шокталта.

О ковыже говоря,
Мастер думает не зря,
В руку свой смычок возьмет,
Две струны, вдохнув, натрет.

Хоть капризный инструмент,
Любит тихий он момент.
И играют все на нем
Вечерами в основном.

Шонго кугыза конгамбач
Комыж йӱкым колыштеш.
Онын нӧлтен шӱлалта,
Эртышетым шоналта.

Шоктышетым, манат гын,
Шкеже тыге манылда:
«Мыйын тиде комыжем
Ший йӱк дечат ныжылге.

Кӱсле гае шерге огыл,
Ок магыре шӱвыр гай.
Ышке олян шокта гынат,
Шӱм кӧргышкет пуралеш.

Пылыш чарым ом кушкед,
Кутыршашым ом чаре,
Пусакышкем шинчымат,
Асылетым муралтем.

Комыжемын мурыжо
Марий илышым ончыкта:
Кугез коча годсетым
Негызшыге палыкта.

Комыж шоктыш – шӱвыр корно,
Шӱвыр мурым вошт сенга.
Шӱвыр дечын вараже
Йӱк муретым ныжгыкта.

Шӱвыр йӱкет козыра гын,
Комыж мурет спай посто:
Шар гыч лекше сай йӱкшӧ –
Пылыш чарлан мамык пун.

Комыж мыйын шке шотан –
Колыштметым йӧрата.
Тымык лийме семынет
Кычал пура шӱмышкет.

Мыйын лишне шоктымем
Мӱндыр гае тучыкта.
Оссо мурым шоктымем –
Тачысе гае, шонымкта.

На печи старик лежит,
Слышит – музыка звучит.
Глубоко старик вздохнет,
Память в прошлое вернет.

Музыкант, когда творит,
Сам об этом говорит:
«Ты послушай, звук у ней
Серебристей и нежней.

Он не дорог, кто возьмет,
Как волынка не ревет.
Мягко льется и легко,
Душу тронет глубоко.

Не прервет ваш слух и взор
И предметный разговор,
Мелодичной скрипки звук
Избавляет нас от мук.

Жизнь покажет непростую
Нам марийскую, родную,
Сквозь эпохи пронесет,
К нашим предкам приведет.

На мотив после волынки
Он ответит без запинки.
Ковыж ей в любой поре
Дарит нежности в игре.

Тембр волынки грубоватый,
У ковыжа мягче ваты.
Укрепляет ковыж дух,
Звук для слуха словно пух.

Но характер свой имеет,
Любит, если все добреют.
Слыша ноты из высот,
В душах он покоя ждет.

От мелодий вам легко,
И услышишь далеко.
Звуки давней старины,
Значит, думать мы должны.

Пылышым пыштен колыштат,
Изи годсет ушыш пура:
Кувáватым шарналтет,
Чӱчӱтымат шоналтет.

Колышо-влакет ушыштет
Илыше гае вел коштыт.
Ала-кунам эртыше –
Таче семын вел тучеш».

Йыге, йыге комыжетым,
«Ӱзгар шулдо» ман ит ман.
Комыжетше шулдо гын,
Комыж мурет пеш асыл!

И наматывать на ус,
Если есть и слух, и вкус.
Вспоминая своих предков,
Как листву упавшей с ветки.

Твои предки в твоих мыслях
Навсегда к живым причисли.
Время их прошло давно…
В явь тобой обращено.

Вы на ковыже играйте,
Никогда не забывайте.
Пусть недорог он, но ясно,
Что мелодия прекрасна!

НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 538.
1930 г. Ронгинский район, д. Кугенер

Перевод Г.Н. Смирнова

КӸСЛЕЧЕ КУГЫЗА ТОТАРА

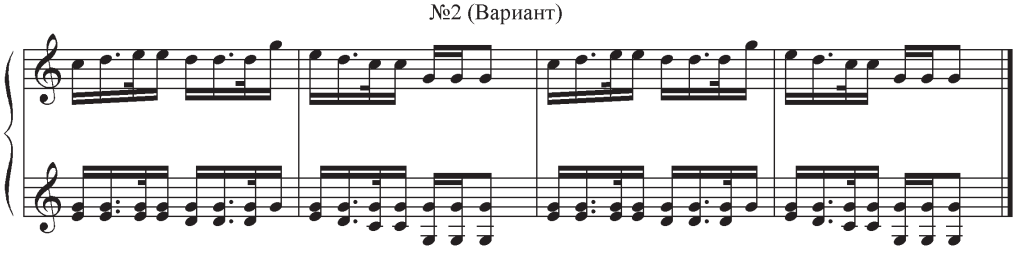
(*Озаҥ налме нерген тошто мут*)[47]

Тотара кугызан Озаҥ олам налме годым шоктымо мурыжо

№1

№2 (Вариант)

[47] Эта баллада в прозе опубликована в журнале «Инородческое обозрение» (1914).

Немнан кугез коча годым
Озаҥ ола мландыште
Илен ожно ик марий,
Тудын лӱмжӧ Тотара.

Тудо лийын кӱслече,
Шоктен тудо пеш чаплын.
Шинчен тудым суас хан,
Пален тудым руш тӧра.

Озаҥ мланде манмаште –
Оссек тушто марий илен;
«Озаҥ» лӱмжат туд олан
Озамбай гыч лийн кодын.

Ик ыжаплан Озаҥыште
Илен ятыр суас хан.
Вара тудын ӱмбакше
Толын Моско кугыжа.

Толын тудо шупшын налаш
Озаҥ олам ту хан деч.
Садлан верчын кугыжа
Шуко конден салтакым.

Ожно годым калык-шамыч
Илен улыт пуламан:
Могай калык виян лийын,
Тудо веле сеҥен илен.

Тунам лийын тыгай жап –
Моско кугыжа сеҥен толын;
Садлан верчын тыгыде калык
Моско велыш савырнен.

Салтак чарнен вӱд тӱреш,
Вес велыште хан Карман.
Пырдыж тудын чоткыдо –
Кузе налаш Озаҥым?

Было давних предков время,
Гуслей звончатых пора.
Под Казанью добр со всеми
Жил мариец Тотара.

Гусляром он был чудесным,
Слышали и млад, и стар.
Знал его владыка местный,
Знал и русский государь.

Земли те необозримы,
Не заглянешь через край.
У Казани было имя,
Имя это – Озамбай.

Лет немало было бранных.
Жил мариец, хлеб растил.
Древний град татарских ханов
Царь московский захватил.

Он пришел с огромным войском
Город, земли подчинить.
И нарушилось спокойство,
Оборвалась жизни нить.

Жили в прошлом все народы
В распрях, войнах, мир пылал.
Утекали в вечность воды,
Слабых сильный побеждал.

Время было в эти годы:
Лишь в лесах потухнет гарь,
Подчинив себе народы,
Побеждал московский царь.

Под Казанью войско встало,
За стеною – хан Карман.
Воинов его немало,
Как же взять теперь Казань?

Москон уло мастарже –
Мланде йымач кӱнчышӧ.
Ойлен улыт тыге шташ –
Нӧлтал колташ тар дене.

Ынде шуко ямдылме,
Вӱд йымачат кӱнчымӧ,
Уло Москон тар печке –
Пырдыжетым нӧлталаш.

Тиде чыла ямде гынат,
Ик шот уке пашалан:
Мыняре гын кок кокла –
Пырдыж йымак лач шындаш?

Пуа кугыжа уверым,
Увер тудын тыгае:
Лекше тышке мастар еҥ,
Висен кертше кок коклам.

«Тиде, – манеш, – кугу паша»;
Мутшым тудо ешара:
«Тиде пашам кӧ шукта,
Мые тудым пӧлеклем».

Ик кече эрта, кокытат –
Толын лекше еҥ уке.
Кугыжа онча, салтак вуча –
Озаҥ кокла ок висалт.

Мланде кӱнчаш еҥ лие,
Нӧлтал колташ тар уло,
Кок коклажым палашлан –
Мастар уке рушышто.

Иктат ыш лек манме годым,
Толын лекте Тотара:
«Мые, – манеш, – кок коклам
Висен пуэм ик шот ден».

У Москвы был мастер смелый
Рыть подкопы под землёй,
Порох поднести умело –
Взрыв покончит со стеной.

Всё готово: под водою
Сделан мастером подкоп.
Бочка пороха с собою.
Нет в округе тайных троп.

Но не ведомо другое –
Как измерить меж сторон
Расстояние большое,
Чтобы брешь пробить и склон.

Царь даёт приказ служивым:
Пусть найдётся мастер тот,
Кто измерит путь не криво,
До Казани кто дойдёт.

Это – трудная работа
И опасна – говорю.
Коль найдётся смелый кто-то,
Смельчака я одарю.

День прошёл, второй проходит,
Терпеливо войско ждёт.
Смотрит царь и не находит
Самодержца зло берёт.

Есть подкопщик, есть желанье,
И приказ уже готов.
Кто измерит расстоянье,
Если нету мастеров?

Ни один не отозвался.
Тут приходит Тотара,
Говорит: – Я б постарался,
Потерпите до утра.

Ончат пешак Тотарам,
Шонат сарлан толшо-влак:
Кузе тудо висен налеш
Озаҥ дене кок коклам?

Смотрят все на удалого,
Думы думают свои –
Как измерит, если много
Пядей вражеской земли.

«Кертатак мо тидым шуктен?» –
Йодеш туд леч кугыжа.
«Кертам, – манеш, – висен налаш»,
Мутым пуа Тотара.

– Что, и вправду ты поможешь? –
Строго спрашивает царь.
Тотара ответил: – Сможем,
Слово – дело, государь!

Ик кечылан Тотара
Каен колтыш мӧнгышкӧ.
Вашке тольо савырнен –
Нумал кондыш кӱслежым.

День прошёл, другой проснулся,
Тотара своей тропой
Быстро с гуслями вернулся
И весёлый, и живой.

Теве вучат Тотарам,
Эре йодеш кугыжа.
Вашке ынде сар тӱҥалаш –
Шукат огыл ыжапшат.

Тотару все очень ждали,
Царь выспрашивал, стращал.
Воевод, что ниц упали,
Посылал и возвращал.

Тотара шке кӱгыш ен,
Ош мыжерым чиялын,
Вуйыштыжо терк увыш,
Йолыштыжо ний йыдал.

Тотара высокий ростом,
И кафтан, как снег на нём,
Лапти лыковые просто,
Взгляд, искрящийся огнём.

Теве сакыш кӱслежым,
Теве пераш тӱҥале.
Йога веле мурыжо,
Йырваш веле шергылтеш.

Свои гусли он повесил,
Струны начали звучать,
Песня полилась по весям
И заслушалась вся рать.

Тунам але лӱймаш уке,
Сарже але тӱҥалде;
Садлан верчын Тотара
Висен кертеш кок коклам.

Глянул в сторону другую,
Глянул в эту, взор остёр,
И, со смертью озоруя,
Зашагал, моля простор.

Ышке шокта, ышке кая –
Суас велке тӱсыжӧ.
Ышке шокта, ышке чӱчка –
Кая тудо Озаҥ марте.

Сам поёт и сам играет,
В сторону татар идёт,
Да с приплясками шагает,
До Казани путь ведёт.

Суас тудым ужо гынат,
Огеш чаре Тотарам.
«Тудо, – манеш, – шкенан ең,
Кӱслем шокта мыланна».

Туге марий кӱсле дене
Хан ден рушын коклажым
Шоктен миен – шоктен чакнен,
Шоктен нале ошкыл ден.

Вуча кугыжа Тотарам –
Тудын мутшо пеш кӱлеш.
Чакнен шуо Тотара –
Кокла висам каласыш.

Ышке шыдан йӱкшӧ дене
Йодо кугыжа: «Лачак мо?»
Лӱдде ласка мутшо дене
«Лачак», – мане Тотара.

Мутет почеш тар печкем
Пуртен шындышт Озаҥ йымак.
Каласыме лачак лие –
Нӧлталт кайыш Озаҥет.

Ханет содор лектын куржо,
Миен пурыш кугыжа.
Тулеч вара Озаҥ ола
Моско кидеш лийн кодо.

Туге Озаҥ налме годым
Марий еҥат полшалын.
Тудо нерген таче мартат
Меже олял илена.

Палыктымаш:

Тидым возен пуменгем
Тудыжымат ешарем:
Тыгай мутым кужечын
Мые шкеже колынам?

Видят с крепости татары,
Но окрикнуть не хотят.
– Это наш идёт Тотара,
Нам играет, – говорят.

Так гусляр свой путь измерил
Между ханом и царём,
Каждый шаг чутьём проверен
До Казани гусляром.

Грозный царь Тотару важно
Ждал, узнал чего просил.
И марийский сын отважный
Расстоянье сообщил.

Разговор их был короткий,
И без страха был ответ:
– В песне нет неверной нотки,
И в шагах ошибки нет.

Бочку, следуя замеру,
Подложили под стеной.
Нет в истории примера,
Взрыв раздался роковой.

Город спешно хан покинул,
Не спасли стена и рвы.
А татарский край не сгинул,
Перешёл под власть Москвы.

Так при взятии Казани
И марийцы помогли.
Помним мы, живём без брани,
Чтим завет родной земли.

К сведению:

Написав ещё добавлю –
Где услышал я преданье.
Ничего тут не исправлю,
А продолжу лишь сказанье.

Морко район кӧргыштӧ
Куг-Унчыжо шинчалеш.
Тусо марий коклаште
Озаҥ урлыкат улдалеш.

Ожно годым туд Унчыштет
Чокий лӱман сокыр ыле.
Тудо шкеже ыш уж гынат,
Мастар ыле кӱслелан.

Тудо ыле чий марий –
Озаҥ марий урлык гыч,
Садлан лийын Чокиет
Шинчен тошто Тотарам.

Шокта ыле тӱрлӧ мурым,
Шокта ыле тоштымат.
Тудо муро коклаште –
Тотара кугызан мурыжым.

Сокыр шинчан Чокий кугыза
Кӱслем чынак йӧратыш:
Шоктымыжым колмешкыже
Ыш кудалте кид гычше.

Ышке шокта, ышке ойла
Коча дечын колмыжым.
«Тидым, – манеш, – Тотара
Озаҥ налаш шокталтен».

Чокий мутшым колынам,
Шоктымыжым ужынам.
Тачат мутшо шӱмыштем,
Шоктымыжо пылышыштем.

Чокий кугызан тиде мутшым
Илмем годым возымем шуо:
Тотара нерген лудшо-влак
Мутын тӱҥжым пален лийышт.

В стороне лесной, моркинской
Кугу Уньжа есть деревня.
Среди тамошних марийцев
Есть потомки предков древних.

В прошлом в этой самой Уньже
Жил слепой мариец Чокий.
Мастер был играть на гуслях,
Ум был острый и глубокий.

Был язычником по вере,
Молодым играл и старым:
Птахи слушали и звери.
Знал он старого Тотару.

Много было песен спето,
Их любили слушать пары.
Пел, играл зимой и летом
Песню дядюшки Тотары.

Если свет не видел Чокий,
Гусли он любил, поверьте,
Живы были в нём истоки,
Всё играл до самой смерти.

Он любил послушать дедов,
Песни пел, лишь солнце встанет.
Тотара ему поведал
Песнь про взятие Казани.

Слушал Чокия я пенье,
Заслонившее от худа.
В моем сердце те мгновенья
Будут вечными как Чудо.

Это славное преданье
Про Тотару я услышал.
Записал, хотел – с тем знаньем
И читатель к миру вышел.

НРФ МарНИЯЛИ. Оп. 1. Д. 529. 1936.

Перевод Г.Н. Смирнова

МАМАЙ

Тошто марий илыш гыч ойлымо мут
Сказание о древней жизни мари

Тошто илыш ойлымаште
У илышым ончет гын,
Марий калык шук ончык
Почылт шуын тымарте.

Говоря о прошлой жизни,
Как марийский жил народ,
Не забудем – мы в отчизне
Смело движемся вперед.

Тошто илыш – черлылык,
Совет илыш – тазалык.
Тошто илыш – пычкемыш,
Совет илыш – волгыдо!

В прошлом жизнь была в болезнях,
Сильных – будущее ждет.
Время мрачное исчезло,
Смело движемся вперед!

Марий кузе илыме
Тошто мут гыч пеш пале.
Тудым изиш палыкташ
Ойлен нална ик мут гыч.

Как марийцы в прошлом жили –
Из преданий знаем мы.
Чтоб об этом не забыли,
Извлечем одно из тьмы.

Керек-могай калыкат
Илаш тӧчен ик верыште.
Куснен коштын вес верыш,
Ӧрдыж калык шӱкен гын.

Как любой народ, на месте
Жить старался на одном.
А теснил чужой – без мести
Расселялся на другом.

Мемнан шӱмбел калыкнат,
Оссо кугез кочана
Шке илыме курымыштышт
Илен улыт тӱрлӧ вере.

Наш народ в былое время
На раздольях мирно жил.
И бросал он в почву семя,
И потомков там растил.

Моско вел гыч Юл деке,
Юл вӱд мучко Окашке.
Юлым вончен тембаке
Толын улыт йӱд йымак.

От Москвы до вольной Волги,
И от Волги до Оки
Шли на север жить надолго,
Отчужденью вопреки.

Молан куснен манат гын,
Руш поп дечын лӱдмыж ден.
Йӱла марийын шкенжын лийын,
Шӱмбел тудым арален.

А зачем в бега пустились?
От попов мари ушли.
Ведь своим богам молились,
Веру в душах берегли.

Моско рушым кодыменге,
«Утем ынде», шоныш марий.
Кугу Юлым вончыменге,
Тура тольо Вятке руш.

Тиде паша жапыште
Илен улыт кок марий:
Пижме вӱд ден Корка он,
Яраныште Мамай он.

Пелйӱдйымал велыште,
Руш ден лийше сар годым,
Одо дене кредалмаштат
Нуно марийым вуйлатеныт.

Нуно илыме годымак,
Тудо илем мландыштак
Марий шот ден кумалаш
Лийын карт ен Яшпатыр.

Илем нунын пеш чевер –
Эре тӱва, эре шӱргӧ:
Тыштат-туштат кугу тумо,
Тумет воктен пӱкшерме.

Илемыштет кайык шуко,
Кенежымет саска шочеш.
Вӱд дек волет кол кучаш –
Нумал толат кертметым.

Тумерышкет пурдалат –
Тумо еда кум вовыш[48].
Кӱлеш годым шерым ыштен,
Чонжым шӱмбел паремда.

Пайрам-влакет шуэшат,
Йоча рвезет куанат,
Кугуракет кутырат,
Шонгыракет подылыт.

Через Волгу от московских –
Чтоб язычество сберечь.
Шло навстречу с Вятки войско,
Чтобы выход им пресечь.

Жили два вождя марийцев
В это время, почитай:
Вождь Корка у водной Пижмы,
А в Яранске вождь Мамай.

Шла борьба за эти земли, –
Верховодили они.
Рус идет, удмурт не дремлет,
Там чужак еще в тени.

Чтил мариец поклоненье
Лесу, небу – как венцу.
Верил слову при моленьи
И Яшпатыру жрецу.

Красота была повсюду –
Ширь полей, река, леса.
Там орешник рядом с дубом
Слышал птичьи голоса.

Много птиц в лесах лесистых,
Ягод, звери в чащах есть,
Рыбы в реках серебристых –
Всех богатств земли не счесть.

А зайдешь в дубняк – в избыток:
По три борти на дубах.
Сваришь к празднику напиток –
Сласть в душе и мед в усах.

Начинали праздник деды,
Веселилась молодежь.
Старшие вели беседы,
Колосилась в поле рожь.

[48] Вовыш – вопш

Теве тыгай илемышкышт
Йӱдйымачын рушет-влак,
Йолташыштым лыҥ погем,
Тӱҥалыныт марийым ишаш.

Мландым кодаш пеш йӧсӧ –
Корка сарым тӱҥалеш.
Шкеже пеш чот тӧча гынат,
Чама уке руш сеҥаш.

– Шӱмбел родо, ой, Мамай!
Колто мыланем полышым! –
Тыгай мутым ӧрмыж ден
Корка колта Мамай дек.

– Содорракак от колто гын,
Марий мландым руш налеш! –
Колта адак ешарен
Корка тушкак ойгырен.

Корка йодмым Мамай он
Яшпатырлан каласа:
– Айда Корка сеҥыже,
Айда пуэна полышым!

– Уке, – манеш Яшпатыр, –
Туге вашке ок келше.
Пылпомышто Юмо уло,
Тудлеч йодман ончычын.

Рушым сеҥаш сарыште
Латкок тагам кумалман.
Тага шуэш шыжылан,
Ту жап марте вучыман!

Корка вуча – полыш уке,
Марий тӱшка пудыраныш.
Ӧртышт лектын ватыштын,
Шортын шинчат йочашт-влак.

С мест обжитых, в жизни важных, –
Не прибавить, не избыть, –
Предков, воинов отважных
Стали русичи теснить.

Тяжко Корке, но за землю,
За родную сторону,
Всем богам природным внемля,
Начинает он войну.

Шлет Корка Мамаю вести:
– Помощь мне сюда пришли!
Друг Мамай, мы будем вместе,
Близко русы подошли!

Не пришлешь – они захватят
Землю нашу, – много их.
Полегло немало братьев
Наших сильных и лихих.

Просьбу выслушал Яшпатыр
У Мамая от Корка,
Слыша грома перекаты,
Взгляд поднявши в облака.

– Нет, – Яшпатыр тихо молвил, –
Бог не слышит в небесах.
Просьба наша там безмолвна,
Поживем пока в лесах.

Кугу Юмо мы приносим
Жертвы, чтобы побеждать.
А баранов только в осень,
Надо осень подождать!

Ждет Корка, в смятеньи войско,
Помощи всё нет и нет.
Плачут дети, жёны стойко
Переносят горечь бед.

Полыш ыш тол Мамай деч,
Тудым ыш пу Яшпатыр.
Рушет сеҥыш марийым,
Вуйжо пытыш он Коркан.

Вӱрет почеш вӱр йога,
Орлык кайыш кӧргышкӧ.
Ик могырым сеҥыменге,
Рушет кая вес тӱрыш.

Карт кугыза Яшпатыр
Вуча таган кушмыжым.
Таче кӱэштын кочкашыже –
Луга мелна руашым.

Яшпатырна ышат шиж –
Руш тундек толынат шуын.
Юмын картет ӧрмалгыш –
Кушко лектын куржшаш?

Руаш вочкым руалтен,
Лектын куржеш пӧрт гычын.
Кудопечеш шунгалтешат,
Шыжалт кая руашыже.

– Ой, руш сеҥа марийым! –
Картет магыра кийшыжла. –
Ола-була руашем,
Ола лиеш верешет!

Латкок тага пасушто,
Картлан Юмо ыш полшо.
Рушет-шамыч авырышт –
Йомо вуйжо Яшпатырын.

Марий йочам она ойло,
Она ойло вате-влам.
Черетыште кугу ойго
Мамай он дек шуале.

Не помог Мамай, нет силы,
А Яшпатыр ждал пока.
И марийцев победили,
И погиб в бою Корка.

Кровь лилась, мечи сверкали,
Шли враги наверняка.
Словно тучи опускались,
Устремляя вглубь войска.

Жрец Яшпатыр ждет баранов
До двенадцати голов.
Он готовит пищу рано –
Месит тесто для блинов.

Так Яшпатыр не заметил,
Как враги пришли к нему.
Растерялся на рассвете –
Нет лазеек ко всему.

Покатилась бочка с тестом,
В страхе выбежал во двор,
Словно курица с насеста.
И упал, не дав отпор.

– Победили нас, побили! –
В тесте карт лежит кричит, –
Город будет в этом месте!
Опустите здесь мечи!

На лугах паслись бараны –
Не услышал карта Бог.
И смертельны были раны, –
Бог и карту не помог.

Про детей не говорим мы,
А про женщин помолчим.
Горе шло с огнем и дымом
И к Мамаю, и к другим.

Шукат ыш лий кечыже –
Мамай родо кучалте.
Онжо марте шумешке
Шем мландышке уралте.

Марий калык вуйлыкшым,
Ӱшаныме Мамайжым
Утлен каен кертдымашлан
Велен улыт шыште ден.

Тудын тыре шӱгарже
Лийын тӱва волмаште.
Тушто марий вуйлыклан
Орлык лийын пеш кугу.

Тайыл почеш кугу пӧрням
Колтен улыт Мамайлан.
Пӧрня тудлан логалде,
Волен пытен тӧштылын.

Мамай вуйлык йӧслана,
Кӧргӧ йӱла тул гае.
Воткенысе руш-влак деч
Шокташ йодеш иктажым.

Пучым йодеш – огыт пу,
«Кӱслем» мане – ышт кондо.
Кум ганажлан йодын налын –
Шӱвыретым шокталтыш.

Шӱвыр мурет пеш ойган,
Марий чоным когарта.
Тудын ойган мурыжым
Тачат ойлен шокталтат.

Йонгалт кайыш шӱвырет,
Шӱмжӧ кӱрлӧ Мамайын.
Шӱргӧ мучко шинчавӱдшӧ
Йоген вола ӱлыкӧ.

Русичи вождя поймали,
Не прошло и десять дней.
И живого закопали
В рост, от горла до ступней.

Воском узника залили,
Погубив былую стать.
Били, голодом морили,
Чтоб не смог народ поднять.

Безымянная могила
Там, под склоном где-то есть.
Но в народе не забыли
Пострадавшего за честь.

Там, с холма, бревно скатили
На Мамая, вниз, как мяч.
Но бревно скатилось мимо,
Уловив в народе плач.

Муки тяжкие, страданье
Испытал он в тот момент.
И у стражников, в сознаньи,
Попросил он инструмент.

Просит он трубу – не дали,
Гусли просит – не дают.
Но волынку передали…
Заиграл он – слёзы жгут.

Все мелодии волынки
У марийцев душу рвут.
Ту мелодию и ныне
Здесь играют и поют.

Вот волынка прозвучала,
По щеке слеза стекла.
Горе сердце разорвало,
Скорбь народная пришла.

Кугу ойгыш вочшо Мамай,
Йомшаш жапшым ужынат,
Ышкаланже ышкежак
Тоймо мурым шокталта.

Мамай шоктен тып чарныш,
Кид гыч шӱвыр мучыштыш.
Вуйжым перен шалатен,
Пуштын улыт Мамайым.

Тудым тужеч лукдеак,
Урен улыт садалден.
Саман толын савырнен,
Черке шинчын ӱмбаланже.

Коеш кызыт тӱва вер,
Покшелныже черк уло.
Черк олтарын йымалныже
Мамай капет шогалта.

Моло колен кийыме гае
Мамай возын ок кие.
Яран мланде помышто
Тачат шога йолжо ден.

Тиде пашам палыменгe,
Меже тыге манына:
– Мамай йол ден шога гын,
Марий кертеш шке верчше.

Эй, Мамай, эй, родо!
Шочмо йолет ынже шӱй.
Эй, марий, эй, шӱмбел,
Шогал шого, ит кие!

Мемнан Совет илышыште
Пеш тӧр ыште мер пашам.
Мамай шогал шочмо семын
Эре шого йол ӱмбалне!

Все прошел он испытанья,
Словно час последний знал.
Сам себе через страданья
Похоронную сыграл.

И Мамай уж не играет –
Выпал инструмент из рук.
Кровь с чела его стекает, –
Он избавился от мук.

И засыпали землёю
С непокорной головой,
Воском залитым, и стоя.
Храм хранит его покой.

Холм на месте том высоком
Виден даже за бугром.
Там стоит Мамай глубоко
Под церковным алтарём.

Как монах не выйдет к встречным,
Как другие не лежит,
На земле яранской вечно
На ногах своих стоит.

Верим мы – узнав преданье,
Что потомки говорят:
За себя, в часы страданья
Все марийцы постоят.

Эй, Мамай, родной, пусть ноги
Никогда здесь не сгниют.
Эй, марийцы, все дороги
К свету в будущем ведут!

В наше радостное время
И в общественных делах,
Как Мамай, младое племя,
Будьте только на ногах!

Мамай шоктымо шӱвыр муро
Предсмертная мелодия Мамая

НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 539. 1929 г.
Оршанский район, д. Керды (Кӧрдӧ). Кугу Сорта.

Перевод Г.Н. Смирнова

УРАЛ КУРЫК (ОРОЛ КУРЫК)

Урал курыкышто ожно кӱртньӧ курыкат, шӧртньӧ курыкат марий кидыште улмаш, манып. Кид йымалне пого шуко лийын да, Семён лӱман ик чимарий торговатлыме пашам виктараш Москошко каен. Миен да Москошто поян руш купеч-шамыч Семёнетым ӱй ден, мӱй ден сийлен улыт. Пытартышыжлан тудым шыматен, руш верапан туныктен крештитлен улыт. Вара Семёнлан тӱрлӧ пӧлекым пуэн, ӱмбакыже чевер вургемым чиктен улыт да, мӧнгышкыжӧ куандарен колтен улыт. Садыге-садыге Семён лӱман марий Москошто шӧртньӧ курыкшымат, марийлыкшымат ужален толын. Толын шуын да, вучышо марий-шамычет тунамак Семёным ик курык ӱмбалан перен пуштын улыт…

Молан? Молан тудо Москошто шӧртньӧ курыкшыге, марийлыкшыге рушлан ужален… Тулеч вара Уралыште шӧртньӧ курык руш кидышке пурен. Пурен да, Семён вӱр йогымо верыште шуко марте руш-шамыч панихидым кумалыныт. Курыкшым «Гора-благодать» манын лӱмден улыт… Молан? Марийым ужалыше Семён марий руш поянлан кугу пайдам конден. Тудлан нуно кумалыныт. Лудшо-шамыч! Теве умылыза ынде калык коклам: марийын йоҥылышыжо руш поянлан пайдам пуэн.

Марийын тыгай йоҥылышыжо моло вереат шуко лийын манып. Ынде кынервуйым пеш пурлына да, ок лий. Садлан верчын теве каласена: тошто гае аҥыра ида лий, чоя лийза!

Йошкар кече. 1922 ий,
21 февраль

ЙОМАК-ВЛАК.
СКАЗКИ*

АЧА СУГЫНЬ
(*илыш йомак*)

Ик кугыза колаш возын. Эргыжым ӱжешат, чеверласа: «Эргым, – манеш, – чевер иле – мый колем; кум мутем шукташ ит мондо. Первый мут: шога шавалкатым яндар кучо, эре йылгыжше. Вес мут: таҥетлан ит ӱшане. Кумшо мут: ватетлан ит инане, – лучо йолыштымо пиетлан ӱшане». Туге манешат, кола.

Куралме жап шуо. Эрге вӱдым опта, помылам налеш, куралаш кая. Шога шавалкам нӧрта, йыга, куралеш, нӧрта, йыга, куралеш. «Мо тыгае? – манеш эрге. – Ача мут чынеш ок тол! Мый мушкам, а шавалкаш рок утларак веле пижеш, – яндар кучаш ок лий, ок йылгыж».

Шукат ыш лий, таҥже толеш, имньым йодеш. «Ош вӱлетым пу, куралам ыле», – манеш. «Мом ышташ? – шона эрге. – Ош вӱлем тӱжӧ, вашке чомам ыштышашлык. Адакшым ачийжат таҥлан ӱшанаш ыш шӱдӧ. «Вӱлем тӱжӧ, курал ок керт, пуаш ок лий», – манеш эрге. Таҥже сӧрвала: «Юмылыкет лийже, таҥлыкым ит кудалте, пу, шке имнем гай ончем», – манеш. Эрге ӧреш: от пу гын, таҥ куралде кодеш. Адакше ачан первый мутшат чыныш ыш лек. Мо лиеш – лиеш: эрге ош вӱльым пуэн колта.

Кечывал шуын. Мо тугае? Моло-шамыч кечываллан толыт, таҥ ок кой. Онча, онча – уке! А таҥже окна воктеч эртен кайышашлык. Эрге чытен ок керт. Лектешат, шыпак гына идым шеҥеч куралмаш верыш кая. Мия да, оргаж ора шеҥгек шинчеш. Ончалеш гын – мланде шемын коеш: кум кече куралшашым таҥ пел кечыште курал пыштен. Шкеже ик кӱжгӱ тоям кученат, ош вӱльым «шыроп» да «шыроп» веле кыра. Имне пеш ноен, лӱҥга веле. Изиш веле лие, торта коклашак ош вӱльӧ чомамат луктын кудалтыш. Эргын шӱмжӧ лектын вочшаш гай пыртка: ачажын мутшо ушыш пурыш. Таҥже, ночко чомам вес ора шенгек намиен кудалтышат, имньым кырен-кырен адакат куралаш тӱҥале. Эрге пӱйым пурлын пыкше чыта. Кудалтыме чомам шыпак гына миен налят, мӧнгӧ кайыш. Мӧнгыштӧ кӧргыжым луктын, кошкаш пӧрт коклаш луктын сакыш. Воктекше кандаш шӧран шӱштӧ лупшым конден сакыш. Шкеже таҥжым шудалеш: «Чыте, але ушетым пуртем», – манеш.

---

* Переводы сказок «Отцовский наказ», «Бедняк и судья», «Братья говорят по-русски», «Куйка» и рассказов «Дядя Серги», «Старик Паймыр», «Старик-волынщик», «Большая Шигаксола» на русский язык см.: Тихон Ефремович Ефремов. Рассказы и сказки / сост. Макарова Г.А; перевод с мар. яз. Сабанцев Г. – Йошкар-Ола: Издательство Марийского государственного университета, 2016. – 86 с.

Кастене таҥ толеш. Имне пеш ноен, пыкше ошкылеш. «Кечывалым молан шыч тол? – йодеш эрге. – Имнетын мӱшкыржӧ кушто? Молан шыч пукшо?»

«Пукшышым, пукшышым, – манеш таҥ. – Кечываллан мый урем гыч огыл, идым шеҥгеч тольым», – манеш таҥ, ондала.

Нойышо ош вӱльым эрге пукша, йӱкта, онча: имне тазаргыш, адак тоштыжо семынак йытыра лие.

Теле. Кече тарванен, Ӱярня шуэш. Эргын оньыжо шешкым пурта, веҥыжым, ӱдыржым (эрге ден ватыжым) сӱанлан ӱжеш. Эргын ватыже куаныш, шырга веле: сӱан вургемым, киндеркым ямдыла. Пел ияш эрге азаже уло.

Чиен лектын, тереш шичшаш годым марийже чарныш, ватыжлан каласа: «Мый ом кае, тый шкетак кае». «Каем, – манеш вате, – молан ом кае?». Вате утларак веле куаныш. Изи азажым пыштышат, онгырым мурыктен, кудал колтыш.

Эрге (марийже) пӧртыш пурышат, шӱкшӧ вургемым чия, мешакым сака – кӱчызӧ лийын, ватыже почеш сӱан ончаш кая, ачажын мутшым шынынеже: ватыжлан ӱшанаш лиеш, ок лий.

Оньо дек миен пура – пӧрт тич еҥ: сӱан лӱшка веле. Онча гын – эх, ватет пӧрт покшелне кушта: пӧръеҥет ваштареш шогалынат, кок кидшым шарен, мушкеш веле.

Лачак кӱчызым ужыт. «Шултышым пуза, пурам йӱктыза!» – маныт южыжо. – «Могай шултыш, могай пура кӱчызылан – шурен лукса!» – кычкыра сӱанвате, эше йолым тошкал колта.

«Кочмо-йӱмыжӧ тунарак огыл, малаш пуртыза, – манеш кӱчызӧ. – Чылан сӱаныш погынен улытат, пӧртышт тӱкылымӧ». «Йӧра, теве вольык пӧрт уло, мален лек», – маныт.

Кӱчызӧ миен пура гын, пычкемыште аза эргыже шортын кеча, пич кайышаш гае васара, йӱкшат йомын. Ача вет, эргыжым рӱпшаш тӱҥале. Изиш веле лие, чу! Кытыр-кытыр ватыже толын пура, кок моторым ӧндалын. Кӱчызем шып лие. «Кӱвар ӱмбалнат йӧра», – манеш сӱанвате. Лыве-лово кӱвар ӱмбак возыч. «Колышт, магырыше аза тыйын вет?» – манеш ик моторжо. «Ок кӱл мыланем, – манеш вате, – колыжо, ме весым кычалына». Толашышт, кынельыч, лектын кайышт. Азам малтышат, кӱчызӧ конга ӱмбак кӱзен возо.

Шукат ыш лий, вате адак кытыр-кытыр толын пура: ындыжым кум моторым ӧндалын. Адакат кӱвар покшеке возыт. «Чуза, – манеш ик моторжо, – тыште кӱчызӧ мала вет? Ял еда коштшыжла тудо карен, шаркален кертеш вет». – «Кӱчызӧ деч могай лӱдмаш! – манеш сӱанвате, – тӱгӧ луктын кудалтыза!» Йорган мутшым колыштыт, кӱчызым йол гычше кучатат, вуйжым изи тошкалтыш мучко «шолт-шолт» кырыктен, тӱгӧ луктын кудалтат.

Вольык пӧрт гыч нылытынат лектын кавармеҥгышт, кӱчызӧ эргыжым вашкерак налешат, мӧнгыжӧ лектын кая. Лачак ик лишыл ялыште эргын тулачыже

улмаш. Изи эргыжым тулачылан кучыкта да, ойла: «Ӱярня марте ашне, – манеш. – Ӱярнялан мый пайремыш ӱжам, тунам нумал мий!» – манешат, эрге лектын кая.

Сӱан пулама эртыш, вуй айныш. Вате вольык пӧртыш миен онча – аза уке. Ой, мом ышташ? Ачажлан кузе маншаш? Аваж ден коктын канашыштат, азан ачажлан тыге каласаш ыштышт: «Аза мончаш йӱлыш».

Жап шуо, сӱанвате савырнен толеш. «Сӱаным сай ыштышда?» – йодеш марийже. «Сӱанжым сай эртарышна да, ик кугу зиян лие: изи эргем арам лие – мончаш йӱлен кайыш», – манеш вате. Шкеже шортеш. «Кузе?» – «Тыге: сӱан почеш мончаш пурышна, – манеш вате. – Ала-кузе монча йӱлаш тӱнале. Ме ави ден пыкше куржын лекна. Тувыр-йолашым налын кертна, аза кодо: магырен-магыренак йӱлыш, лукташ ыш лий». Вате шортеш. «Пеш ойгырем, ит кыре», – манеш.

Ӱярня толын шуо: мунчалтат, кудалыштыт. Тыштат-туштат онгыр йӱк шокта, уна-шамыч толыт. Эргат чесым сай ямдылен. Ош вӱльӧ ден куралше танжат кудал тольо. Аза ден тулачат толын пурышт.

Уна-шамыч пӧртыш пурен шинчыч. Ӱстембал тич сий. Тӱжвач ончымаште чыла сай, чон кӧргӧ – керек-кӧнат шолеш: титакан титакшым шона. Танже кудалтыктыме чомам шона. Оза вате азажым палыш: пеш воштылеш, аваж дек мийынеже.

«Родо-шамыч! – манеш оза. – Пайремлан верчын мый тыланда ик йомакым ойлынем». «Ойло, ойло», – маныт чыланат.

Ойла: «Ик ача колаш возын. Эргыжым ӱжынат, чеверласа. – Эргым, манеш, – чевер иле, мый колем. Кум мутем шукташ ит мондо: шога шавалкатым яндар кучо, танетлан ит ӱшане – погетым ит пу, ватетлан ит инане – йолыштымо пиетлан ӱшане.

Куралме жап шуо. Эрге вӱдым опта, помылам налеш, куралаш кая. Шога шавалкам нӧрта, йыга, куралеш, нӧрта, йыга, куралеш. «Мо тыгае? Нӧртымӧ дене шога шавалкаш рок утларак веле пижеш, куралашат ок лий». «Уке, – мане эрге, – ача мут чын огыл. Сандене танжыланат инаныш, ватыжланат ӱшаныш». Чыныштыже, шога шавалкам вӱд дене мушкаш огыл улмаш, а ана тӱрыштӧ сӧремым курал ягылташ кӱлеш улмаш. Тунам вара анажат лопканеш, кужемеш улмаш, киндыжат утларак шочшашлык улмаш. Ача мут чын: танланат, ватыланат ӱшанаш ок кӱл.

– Ынде тыланда ик ӱзгарым кондем, – манеш эрге.

– Кондо, кондо, – маныт чыланат.

Ончат гын – пӧрт кокла гыч кошкышо чомам нумал пурта. Кидешыже кандаш тӱран шӱштӧ лупшым кучен. Шкеже тан шинчаш онча.

– Тиде мо? – йодеш оза танже деч.

– Пӱчӧ иге, нулыдымо пӱчӧ иге.

Тунамак чоман ик йолжым кӱрлын налешат, ӱстел тӧрешак танҥжым поньыжаш (кыраш) тӱҥалеш. – Теве, – манеш, – тыланет пӱчӧ иге, а? Ош вӱльым молан индырышыч? Чомам молан кудалыктышыч? – Кыра-кырат, ӱстел тӧр гыч шӱдырен, чумен-чумен, пӧрт гыч луктын кудалта.

– Тиде кӧн эрге? – йодеш оза ватыж деч. – Кандаш тӱран лупшым налешат, шелаш тӱҥалеш. – Теве тыланет монча, теве вольык пӧрт! Мотор ден коштат? Вес эргым кычалат?

Ватын чонышкыжо шуо. «Товат огым, товатат огым!» – васара вате. Кернак, туддеч вара вате сай илаш тӱҥале. Илен-толын тудо эрган-шешкан лие.

НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 534

НЕЗЕР ДЕН СУДЬЯ

Ожно икана ик поян дечын ик Незер имньым йодын кычкаш, пеш кӱлеш лийын. Поянын пуымыжо шуын огыл. Кузе ышташ? Шона: омытам, пӱгым ом пу, яра имньым веле пуэм. Кычкен ок кертат, имнем мӧҥгеш конден пуа.

Имньым Незер наҥгайыш. Кузе кычкаш? Омыта, пӱгӧ уке. Незер ыш ӧр. Терым имне почеш кылдышат, чодыраш кудале. Укшым, оргажым, пундышым оптен шындыш. Ну, опташыжат кугун оптыш: кылта орва наре. Кугу тоям налят, тер ӱмбак кӱзен шинче, имньым покта: «Нӧ!...» «Руч» да «руч» шупшеш имне. Уке, тер ок тарване. Незер адак покта: «нӧ-нӧ, ч-ч-ч, нӧ!» – имньым перен колтыш. Имне «руч» да «руч» адак пеш чот шупшыльо, почшо кӱрлын кайыш, тӱҥ гычак.

Пу тер чодыраш шинчен кодо: Незер поянлан почдымо имньым конден пуыш. Поян пудеште, нимоланат ок кӧнӧ. Шкеже тӧрыштӧ шинча, онгжым кыра, йолым тошка. «Имнем молан пужышыч? Почшым молан кӱрльыч? Вет тыйым казаматеш шӱйыктем!» – манеш.

Кернак, пашам поян судыш пыштыш. Коктынат кают. Вет ожно окружной суд ыле кугу олаште, лишне огыл. Кастене ик ялыш шуычат, малаш пурат. Незерым малаш вольык пӧртыш колтат. Пычкемыш. Незер пич мален колта. Йӱдым ала-мо тудым ӱпшынчеш, кочнеже ала-мо? Незер лӱдӧ. Кугу тоҥжым налят, пеш чот перен колтыш.

Эрдене пожалте гын, презе колен кия, вот томаша! Пижыт: «Презым молан пуштыч?» Адак суд. Незерын кок энгек лие. Ынде тудлан судышто чот логалеш маныт.

Кастене малаш адак ик ялыш пурат. Ындыже Незерым вольык пӧртыш огыл, шӧлдыраш кӱзыктен пыштат. Нойымыж дене Незер пеш чот мален колта. Шӧлдыра гыч волымаште лачак аза мала улмаш. Пычкемыш. Йӱдым, тӱгӧ лекташ волымыжо годым, омо юаж дене Незер азам тошкал колтен. Эрдене

кынелыт гын, аза колен кия, нержат лаштырген. Незерым пӱтырен кучышт: «Азам молан пуштыч?» Адак суд. Ынде Незерын кум энгек, кум суд лие. Суд почеш суд! Нылытын кает, чыланат ойлат: «Незер казаматыш шичде ок код, шындат!» Поян ок чарне: «Пижыктена, – манеш Незерлан, – чот пижыктена!»

Незер гын, мо тыгае? Нимомат ок ойло, ойгырымо гаят ок кой. Туге гынат, шке семынже ала-мом шона, ала-мом ямдыла.

Кугу судышко миен шуыч, пурен шогальыч. Суд але тӱҥалын огыл. Незер эре судья воктен шӱмылтылеш, йырже пӧрдеш. Судьялан ончыктен, пурла кӱсенжым пералта: окса гае «сыр-сыр-сыр» шоктыкта. Судья умылыш, палылан шинчам кумалтыш: «Незер мыланем оксам конден», шона. Ну, туге лийменге, вет Незерым кузе-гынат утараш кӱлеш. Чын, тугак лие: зиян ужшо еҥ Незерым титакла, судья утара, поян еҥ, презе оза, азан аваже чот титаклат, титаклымышт чын гаяк чучеш. Уке, судья вес йӧным муэш, утара. Вет тудо Незер деч оксам (взяткым) налаш шона.

Эн первыяк поян шогале.

Судья: Мом каласет? Тӱҥал.

Поян: Тӱҥалам. Молан Незер мыйын имнем пужыш? Молан почшым кӱрлын? Имнем сай ыле. Чот титакле, петырен шынде!

Судья: Титаклаш ок лий. Молан тый омытам, пӱгым пуэн отыл? Пуэн отылат, терым имне почеш пижыктен. Пуэт ыле гын, имне почет ок кӱрл ыле. Незер огыл, тый шке титакан улат.

Поян деч вара презе оза лектын шогале.

Судья: Паша кузе лийын, ойло.

Презе оза: Ойлыде. Презым Незер молан пушто? Ушкалаш ыле. Кушкеш ыле, шӧр, ӱй лиеш ыле. Незер перен пуштын. Чот титакле!

Судья: Титаклаш ок лий. Незерым молан вольык пӧртыш колтенат? Йӱдым шкетак лӱдын. Лӱдмыж дене перен колтен. Шке пӧртыштет малтет ыле гын, презет ок коло ыле. Незер огыл, тый шке титакан улат.

Эн вараже азан аваже шогале.

Судья: Тыйже мом каласынет, ойло? Ну?

Азан аваже: Ойлашак толынамыс. Вет азам арам лие, тошкал пуштын. Кугу лиеш ыле, властьлан полша ыле, мыйымат онча ыле. Молан шекланен огыл? Айдеме вет аза! Чот титакле, ит колто!

Судья: Титаклаш ок лий. Азатым тый молан шӧлдыра гыч волмашеш пыштенат? Тулым молан йӧрыктенат? Азатым тушан от пыште ыле гын, я тулым от йӧрыктӧ гын, азат тачат ила ыле. Незер огыл, тый шке титакан улат.

Суд пытыш, титаклыше-шамычет чыланат лектын кайышт, ик Незер веле шкетак кодо.

Судья Незер ӱмбаке онча, кид лӱгыштымӧ гае, кок кидкопажым ваш йыга, окса пуымым вуча. «Шанге пералтыметым», – манеш.

Кӱсен гычше кӱйым луктын, кормыжышкыжо кучышат, Незер каласа: «Ну, – манеш, – судья, йӧра мыйым шыч титакле. Титаклет ыле гын, теве тиде кӱ дене сангатым шелам ыле. Шкаланет шке таум каласе: шым кудалте, эсен кодыч. Туге мо?».

Судья шинчам карыш: нимомат каласен ыш керт.

10.04.1936

Ронго район, Лай-сола ялыште илыше 65 ияш кугыза Полушин Н.Л. каласен пуэн.

НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 537.

КУМ ИЗАК-ШОЛЯК РУШЛА ОЙЛАТ

Ик марийын кум эргыже улмаш: Кугерге, Изерге, Кыдалаш. Кумытынат плотник улыныт. Шке илыме ялыштышт нунылан паша уке, кайынешт нуно ӧрдыжкӧ. Товар уло, моло уло, икте ок сите: ик мутымат рушла огыт мошто. Мом ышташ? Кузе кайышаш? Канашат.

Кугерге изашт ойла: рушла тунемаш мый йӧным муым. Мемнан ялыште руш апшат уло, апшаткудыжо корем йымалне. Кудо шенгекше йыштак миен шогалшаш, апшат ойлымым колыштшаш, вараже мутшым мондышаш огыл. Вет мыланна шуко тунемме ок кӱл.

Иза ойлымо келшыш, рушла тунемаш лийыч. Тыгеже – ӧрдыжыш каяшат шуко жап огыл…

Первый эр.

Эрдене эрак кынелят, Кугерге апшаткудо шенгек куржеш. Миен шогале. Апшат але толын огыл. Тарзе ден коктын апшатат толын шуыч. Почын пурышт, пэркалаш тӱнальыч. Вет коктын лийменге, паша годым мом-гынат ойлет. Апшат дене тарзыжат кутырат. Апшатет ойла: «Мы-мы, – манеш тарзылан, – мы-мы»[49]. «Теве рушла мут «мы-мы», – манеш Кугерге. Толмем йӧршӧ лие, рушла тунемым: мы-мы. Вет мыланем шуко мут ок кӱл. Туге манешат, мӧнгышкыжӧ куржеш. Шкеже куаналын.

– Мыйын лие, рушла тунемым», – манеш Кугерге.

– Кузе?

– Апшат тыге ойлыш: «мы-мы», мане, «мы-мы», рашак кольым. Ынде тыланда черет.

Вес эр.

Тиде эрыште Кыдалаш эрге кая. Апшаткудо шенгек миен шогалешат, рушла мутым вучен шога. Тарзе ден коктын апшатат толын шуыч, – апшаткудо омсам комдык почын шынден, перкалаш тӱнальыч. Шкешт ойлат: «Да, да, – манеш апшат, – да-да!»

[49] Туге шоктен.

«Да-да, – манеш Кыдалаш эргат, – да-да!» Мыйынат лие, мыят рушла тунемым. Куржеш мӧнгышкӧ. Пеш йывыртен.

– Тунемыч мо? – йодыт изаж ден шольыжо. – Тунемым. – Кузе? – Апшат тыге ойлыш: да-да, – мане, – да-да. Тиде мыланем сита. Ынде Изергылан черет.

Кумшо эр.

Ындыже Изерге кайыш. Тугак апшаткудо шенгек миен шогале, тугак рушла мутым вуча. Тугак тарзе ден апшатат толын шуыч. Ышташ тӱҥальыч, ойлат, шергылтарат веле. «Так и надо, – манеш апшат, – так и надо».

«Так и надо, – манеш почешыже Изергат. – Тунемым вет?». Тидыжат куржеш мӧнгышкӧ, тидыжат куанен.

– Тунемыч мо? – йодыт мӧнгыштӧ.

– Тунемде.

– Кузе манат?

– Так и надо, так и надо, – манам апшатла. Тиддеч утлаже мыланем ок кӱл.

Паша лие: кум изак-шоляк кумынекат рушла тунемыч. Ындыже пашалан ӧрдыжыш веле кайышаш.

Нылымше эр.

Чынак, эрдене эрак кум изак-шоляк кыдалеш товарым чыкышт, кинде котомкам тупеш сакышт, ӧрдыж пашалан лектын кайышт. Кает. Ятыр мӱндыркӧ шуыч. Адак ик жап кайымеке, ужыт, ой, мо тиде? Корнышто колышо кия! Сайрак ончат: шӱшкыл кодымо, тока веле, але капшат йӱкшен огыл гае. Йырваш ончалыт – иктат уке; айда колышын оксажым кычалыт: кӱсеным, помышым, йолаш пундашым пургедыт, пеш вашке пойынешт.

Чу! Онгыр йӱк шокта, ала-кӧ кудал толеш: кок имнян, ямшыкан (ямщикан). «Чурк» лийын кайышт кум изак-шолякем.

– Кӧ толеш гын? – шонат. – Ой, кокардан, становой, очыни: полдышыжат коеш…

Становой чарнен шогале, орваже гыч волыш, колышо еҥым ончаш тӱҥале, савыркала. Изак-шолякем чытырат.

«Кто убил?» – кычкырале становой. «Мы-мы, – манеш Кугерге, – мы». Становой шона. Изиш лиймеке, «Значит, вы убили?» – йодеш становой. «Да-да, – манеш Кыдалаш эрге, – да». «Зачем же убили?» – адак йодеш становой. «Так и надо, – манеш Изерге, – так и надо».

Становоет кумыныштымат пӱтырен кучыктышат, казаматышке намиен шындыктыш.

Марийын ожнысо пычкемышлыкше теве туге ыштыктен.

05.04.1936

Тиде йомак Ронго район Шӱдӧ-сола ялыште возен налме. Каласен пуэн Гриша Радиков.

НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 535.

КУЙКА

Илен улыт кува ден кугыза, шонгат огытыл, рвезат огытыл: икмарда. Икшыве уке. Ожно вет чодыра кугу: марий коштеш чодырашке, вате кодеш суртышто. Вес тӱрлын каласаш гын, марий тунемын чодыраш кошташ, вате тунемын «моторым» кондаш. Илат, илыде ок лий. Лачак шудо жап шуо. Кува черланыш, вӱрым шӱведа: шудым солен ок керт. Мом ышташ? Шудым солыде ок лий, ялче кӱлеш.

Имньым кычка да, кугыза ялчым кычалаш кая. Чодыра, корно осал. Каякая, ик еҥым вашлиеш.

– Тр… шольым, кутырет?

– Кутырыде?

– Мый тарзым кычалам, ала кӧнет?

– Кӧнем.

– Лӱмет кузе?

– Куйка.

– Ой, лӱмет сай огыл, ом тарле.

Ойырлат. А Куйка чодыра кӧргӧ гыч кугыза ончыко куржешат, адак кугыза ваштареш толеш.

– Тр… шольым, мый тарзым тарлынем, ала кӧнет?

– Кӧныде.

– Лӱмет кузе?

– Куйка.

– Ой, лӱмет ок келше, ом тарле. Чеверын!

– Шкат чеверын.

А Куйка чодыра кӧргыш куржешат, адак кугыза ончык лектын толеш.

– Тр… шольо, мыланем ялче кӱлеш, ала тарлалтат?

– Тарлалтде.

– Лӱмет кузе?

– Куйка.

– Мо тыгае? – ӧреш кугыза. – Кум еҥым вашлийым – эре Куйка. Ужамат, тарлыде ок лий: эре тыгай лӱман улыт. Кӧнышт, савырнышт, кайышт.

– Теве, кува, мый тарлышым, – манеш кугыза пӧртыштыжӧ. – Куйка лӱман.

– Ох, йӧра, ох, йӧра, – йыҥыса кува, шкеже вӱрым шӱвал колта.

Куйка замат палыш: кува вӱрым огыл, йошкар поланым шӱведа.

Куйка чыла суртым ончен савырныш: уло пӧртйымал, уло омсаже, кудывече гыч пурыман.

Эрдене кугыза ден ялче олыкыш кают.

– Тр… кугыза, шогал, – чара Куйка, – шорвондо мондалтын. Тый кае, мый налын мием.

– Йӧра, – манеш кугыза. – Шуко ит шого.

– Замат (чечас).

Куйка эше эрденак ужо: мелна руаш вочкым кува клат гыч пӧртыш конден шындыш.

Куйка мӧнгеш толят, пӧртйымак шылын шинче. Колыштеш – моторет толынат пурыш, паша лийынат кайыш; кува куршталеш веле: мелнам кӱэштнеже, сийлынеже. А мотор вашка, кайынеже.

– Шого, шого, – чара кува, – замат шуктем, теве ӱемат лева.

– Ок лий, пеш вашкем, – манеш мотор. – Кернакак ок лий.

– Ну, туге гын почешет олыкыш намием.

– Корным от му.

– Теве олым уло, олымым шавен кае.

Куйка лекте, шорвондым нумале. Онча – кернакак, корно мучко олым шарыме. Куйка олымым еҥ корно гыч пога да, шке корнышкыжо шава.

Кечывал шуэш, кува мия, але мӱндырнӧ: ош шовырым чиен, чевер ӱштым ӱшталын.

– Кугыза, ончал, – ӧрыктара Куйка, – куват толеш, обедым конда!

– Уке дыр, манеш кугыза, – кува кия, кузе толеш? Кузе конда?

– Толеш, толеш, сайрак ончо, тыйын куватак.

Кугыза пала: кернак, кува толеш, обедым конда.

– Обеде кочкаш пошкудым ӱжман, – манеш Куйка, – теве ужат, каваным оптат, ӱжын толам?

– Ӱж.

Куйка куржын мия, «мотор» каван вуйышто.

– Каласаш тольым, каласаш, – манеш Куйка (шке ойла, шке шӱлыштеш). – Кугыза пеш сырен тыланет, пеш, шаньык ден кутанетым шуралтынеже: эрдене тый куваж деке миенат улмаш. Шеклане!

Куйка кугыза дек куржеш, кугызалан ойла: «Пеш вашке тыйым каван опташ шӱдышт, айда, шаньыкетым кучат, курж!»

Кугыза куржеш, кидыштыже кӱртньӧ шаньык. Мотор онча – кугыза куржеш, пеш сырыме гае: шаньык дене солкала. «Очыни, шуралташак толеш, ала мо?» – шона мотор…

Айда тӧршташ каван вуй гыч, айда куржаш чодырашке, йол веле модеш. Мотор веле огыл, чыланат куржын пытышт.

Кугыза шона: мо томаша? Молан куржыч? Толеш Куйка дек, кува уке.

– Кува кушто?

– Кува куржо мӧнгышкӧ.

– Молан?

– Пӧртшӧ йӱла ала-мо, шикш пеш кӱза.

Куйка кугызамат ондалыш: кува почеш кугызажат куржо.

Шкетак кодмеке, Куйка мелна кӱмыжым почо, ӱйым лукто, шарлен шинче, утымеш кочко… Вот ялче!

10.03.1936.

НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 536

ШЎВЕДЫМЕ МУТ. НАГОВОРЫ

Тетрадь 1
7 текстов наговора, записанных в д. Верхнем Кадаме
(ныне Пектубаевского района Марийской автономной области)

1. Ия ваштареш тўҥ шўведыш. Йӧра: ия логалмылан, локтымылан, пошармыланат

Осал тушманлан ме ваш шогалына: ме тудлан шкаланже кугу пашам муына, тудым чактарена, сеҥена, – ме тудлан тыге каласена:

«Кутко дене ший-шӧртньӧ вургемым чиен шогалже, теҥыз пундаш ошмам шинча комдышыжо дене коштал лукшо. Тулшол, лӱмегож, пызле, шуанвондо дене канат керемым пунен кертше; кӱш кӱзен – кече рӱдым, тылзе рӱдым, шӱдыр рӱдым шергалтен волтыжо; мланде рӱдым, теҥыз рӱдым, 77 пушенге рӱдым иктышке солалтен пышкемден шындыже. Кунам тидым чыла ыштен шуктен кертеш, тунам иже …лан ия логал кертше. Фу, тьфу!»

Осал иям адак заставитлена, адак ыштыктена:

«Кутко дене ший-шӧртньӧ вургемым чиен шогалын, шке туп корем коваштыже дене, йол лундо коваштыже дене 77 ший-шӧртньӧ шӧрмычым, 77 шлиям ыштыже; 77 маскам 77 пушенге вож гыч кучен лукшо; 77 маска йол лундыжо дене 77 ший-шӧртньӧ шогам ыштыже, 77 маска ӧрдыж лужо дене 77 ший-шӧртньӧ шӱре варам (каштам) ыштыже, 77 маска пӱ дене 77 ший-шӧртньӧ шӱре ӱйым ыштыже; кече лечын лупшым йодын налже, юмо дечын шонанпылым налже; 77 маскалан пӱгым руалын, кычкен шогалтыже; пӱтынь калык илемыште уло мландым чыла куралже, кум тӱрлӧ шурным ӱдыжӧ, тиде шурныжым ик шагатыште кӱыктен шогалтыже; вара полтым пыштен, пурам, йӱыш-кочкышым ыштыже. Кунам тидым чыла ик шагатыште ыштен шуктен кертеш, тунам иже осал тушман толын логалын кертше.

Осал иям эше заставитлена:

Салтак армий лӱен шогымаште кӱшыч кайыше пульым, топым, тар шикшым кунам шке шӱлышыж дене пуал чактарен кертеш, тунам иже осал ия толын пурен пижын кертше. Фу, тьфу!

Эше заставитлена осал иям:

Кӱдырчым, волгенчым, 77 кайыквусым, 77 мӱкшоным, теҥыз вӱдым, Кам вӱдым, Юл вӱдым, Какшан вӱдым кунам шке шӱлышыж дене пуал чарен кертеш, тунам иже осал ия толын логал кертше.

Эше заставитлена:

Теҥыж вӱдым, Кам вӱдым, Юл вӱдым, Какшан вӱдым шке туп коваштыж дене кунам кӱварлен кертеш, тунам иже осал ия толын логал кертше. Тьфу, фу, тьфу!

2. Вуверлан, вувер логалме деч

Вуверым шкенжым заставитлена, вуверым шкенжым сеҥена, вуверлан тидым каласена:

Ший завод, шӧртньӧ завод, вӱргене завод, чойн завод, вурс завод, вулно завод шокшо возак пундашым, возак тул шекшемым вувер кунам кочкын нелын кертеш, тунам иже тудо толын логал кертше. Фу, тьфу!

Кече рӱдым, мланде рӱдым, 77 пушенге рӱдым, 77 укш рӱдым кунам луктын налын нелын кертеш, тунам иже осал вувер толын логал кертше.

Эше заставитлена осал вуверым:

Пӱтынь салтак армий лӱен шогымаште кӱшыч кайыше пульым, топым, лӱйымӧ тул шешкемым, тар шикшым, 77 паровик тул сескемым кунам кочкын нелын кертеш, тунам иже осал вувер толын логал кертше. Фу, тьфу!

3. Савырыме

Эрат-касат опса кылым кузе шупшыт, N-ат шӱм-кылже тугак эре шупшылт шогыжо.

Конга ден окна кузе ваш ончен шинчат, N ден N-ат тугак ваш ончен шинчышт.

Узо черке дене ава черке крес кузе ваш ончен йылгыж шинчат, «нунат» тугак ваш ончен воштыл шинчышт.

Ончыл оравам шенгел орава кузе поктен мия, тугак N-ат N почеш поктен мийыже.

Авагашта тувраш оҥам кузе шке пеленже пижыктен кия, тугак N-ат N-м шке декше пижыктыже.

Тулшол ден ломыж кузе ваш йылгыж ӧлтал кият, нунат тугак ӧлтал кийышт.

Кок жава кузе ваш пижын кият, нунат тугак ваш пижын кийышт.

Ший завод, шӧртньӧ завод, вӱргене завод, вурс завод, той завод, вулно завод кузе велыктен пижыктен шындат, тугак N дене N-ат шӱм-мокш кылышт ваш пижын шинчышт.

4. Чоным пушындарыме (йӱкшыктарыме)

Эр покшым, эл лупс, эр саска кузе йӱкшен лып лийын шинчеш, тугак тиде N-ын шӱм-мокш кылжат лып пушнен шичше.

77 мӱкш-он кузе шке йӱкышт дене ызген-мурен лып пушнен шинчыт, тиде N-ын шӱм-мокш кылжат тугак лып пушнен шичше.

Иган комбо, иган лудо, иган чыве кузе шке йылмышт дене кычкырен лып пушнен шинчыт, тугак N-ат шӱм-мокш кылже лып пушнен шичше.

77 кайыквусо шке йылмышт дене ваш кычкырен погынен кузе лып пушнен шинчыт, тугак N-нат шӱм-мокш кылже лып пушнен шичше.

5. Шинча вочмылан

Шем шинча, шара шинча, канде шинча, нарынче шинча, ужар шинча, йошкар шинча Кам пундашым, Юл пундашым, теҥыж пундашым кунам шинча сортаж дене керлын луктын налын кертеш, тунам иже шинча пернен, шинча возын кертше.

Адак заставитлена:

Ший завод, шӧртньӧ завод, чойн завод, вурс завод, той завод, вулно завод возак рӱдӧ вошт шинча сортаж дене кунам керын ончен лектын кертеш, тунам иже шинча возын кертше.

Салтак армий лӱен шогымаште – кӱшыч кайыше пульым, топым, лӱйымӧ тул шекшемым, тар шикшым, 77 паровикым, 77 престол сорта тулым кунам шинча сортаж дене керын ончен чарен, йӧрыктен кертеш, тунам иже шинча вочмо лийын кертше.

Пӱтынь илем мардежым, 77 кайыквусым, 77 мӱкш оным, теҥыз вӱдым, Кам вӱдым, Юл вӱдым, Какшан вӱдым шинча сортаж дене керын ончен, кунам иканаште чарен чактарен кертеш, тунам иже шинча вочмо лийын кертше.

Вӱд шоҥ кузе шулен пыта, шинча вочмат тугак шулен пытыже. Эр покшым, эр лупс кузе шулен, кошкен пыта, шинча вочмат тугак шулен пытыже.

Фу, тьфу!

6. Серканайлан (родинке)

А.

Серканайлан каласена:

Серканайым ӱдыр вучен шога. Серканайым пӧръеҥ дечын ӱдыр деке колтена.

Юл вес могырышто, Юл вӱд гоч, мотор ӱдыр Серканайым вучен шога.

Мочаш пурен, мушкылтын, ош тувыр-йолашым чиен, тӱс вургемым – ший-шерым, аршашым, сывыным чиен, йошкар потам ӱшталын, рывыж упшым упшалын, вӱргенчыкым пыштен, йӱыш-кочыш чесым чыла ыштен, чырык аракам налын, ӱстембак ямдылен шынден, качым налаш лектын, менчаялташ вучен шога. Серканайым ме тиде ӱдыр деке колтена.

Палыктымаш:

Кӱлеш гае тучеш гын, адак кок вӱдым ушаш лиеш:

2) Кам вӱд вес могыр гыч, Кам вӱд гоч, мотор ӱдыр Серканайым…

3) Какшан вӱд вес могыр гыч, Какшан вӱд гоч, мотор ӱдыр…

7. Серканайлан (родинке)

Б.

Серканайлан каласена. Серканайым каче вучен шога. Серканайым ӱдыр дечын каче деке колтена.

Кам вӱд вес могыр гыч, Кам вӱд гоч мотор каче Серканайым вучен шога. Мочаш пурен, выньык ден кырен, мушкылтын, ош тувыр-йолашым чиен, кемым, шем шароварым, моло тӱс вургемымат чиен, кудыр упшым упшалын, йӱыш-кочыш чесым чыла ыштен, чырык аракам налын, ӱстембак ямдылен шынден, ӱдырым налаш лектын, ватылыклан менчаяш вучен шога.

Серканайым ме тиде мотор каче деке колтена.

Палыктымаш:

Кӱлеш гын, тыге адак кок вӱдым ушаш лиеш:

2) Юл вӱд вес могыр гыч, Юл вӱд гоч, мотор каче Серканайым…

3) Какшан вес могыр гыч, Какшан вӱд гоч, мотор каче…

Тетрадь 2

5 текстов наговора, записанных в Ронгинском районе МАО

1. ***Шинча вочмым, йылме пурылтмым шӱведыме***

77 тӱрлӧ шем шинчан еҥ ужын, шем шинчапунжо ден шем ерыште шем ошмам энгыралтен луктын, кунам лашкам ыштен пукшен-йӱктен кертеш, тунам иже тиде мыйын рвеземлан (ӱдыремлан, еҥемлан) шинча возын, йылме пурылтын кертше. Фу, тьфу!

77 тӱрлӧ шара шинчан еҥ ужын, шара шинчапунжо ден шара ерыште шара ошмам энгыралтен луктын, кунам лашкам ыштен пукшен-йӱктен кертеш, тунам иже тиде мыйын рвеземлан (ӱдыремлан, еҥемлан) шинча возын, йылме пурылтын кертше. Фу, тьфу!

77 тӱрлӧ йошар шинчан еҥ ужын, йошкар шинчапунжо ден йошкар ерыште йошкар ошмам энгыралтен луктын, кунам лашкам ыштен пукшен-йӱктен кертеш, тунам иже тиде мыйын рвеземлан (ӱдыремлан, еҥемлан) шинча возын, йылме пурылтын кертше. Фу, тьфу!

77 тӱрлӧ пырыс шинчан еҥ ужын, пырыс ерыште пырыс шинчапунжо ден пырыс ошмам энгыралтен луктын, кунам лашкам ыштен пукшен-йӱктен кертеш, тунам иже тиде мыйын рвеземлан (ӱдыремлан, еҥемлан) шинча возын, йылме пурылтын кертше. Фу, тьфу!

77 тӱрлӧ чодыра меранлан, чодыра маскалан, чодыра рывыжлан, 77 тӱрлӧ чодыра кайыклан кунам шинча возын кертеш, тунам иже мыйын тиде рвеземлан (ӱдыремлан, еҥемлан) шинча возын, йылме пурылтын кертше. Фу, тьфу!

77 тӱрлӧ возак пундашлан, конга пундашлан, помыла воллан кунам шинча возын, йылме пурылтын кертеш, тунам иже мыйын тиде рвеземлан (ӱдыремлан, еҥемлан) шинча возын, йылме пурылтын кертше. Фу, тьфу!

А тиде шинча вочмыжо, тиде йылме пурылтмыжо шикш тӱтыра гае йомын пытыже, вӱд шоҥ гае шулен кайыже. Фу, фу, фу, тьфу!

Лопкажым покшеч шелам, кужужым кыдач кӱрлам! Фу, тьфу!

2. ***Парня пӱчмым шӱведыме***

77 тӱрлӧ кече рӱдӧ гыч, тылзе рӱдӧ гыч, шӱдыр рӱдӧ гыч кунам вӱр лектын кертеш, тунам иже мыйын парням гыч вӱр лектын кертше. Фу, тьфу!

77 тӱрлӧ конга пундаш гыч, возак пундаш гыч, помыла вол гыч кунам вӱр лектын кертеш, тунам иже мыйын пӱчмӧ парням гыч вӱр лектын кертше. Фу, тьфу!

Ӱй шоҥ кузе шулен кая, вӱр йогымат тугак шулен, чарнен шичше. Фу, тьфу!

Эр покшым кузе шулен кая, вӱр йогымат тугак шулен, чарнен шичше. Фу, тьфу!

№№ 1 и 2 записаны 20–21 февраля 1936 года
в д. Кӱрсола Ронгинского района МАО со слов
местной учительницы Глушковой Елизаветы Яковлевны

3. ***Вӱр чараш шӱведыме***

Шокшо салма пундаш гыч кунам вӱр лектеш, тунам иже вӱр лекше. Тьфу.

Шокшо кӱртньӧ гыч кунам вӱр лектеш, тунам иже тышеч вӱр лекше. Тьфу.

Апшат сандал гыч кунам вӱр лектеш, тунам иже тышеч вӱр лекше. Тьфу.

Апшат чӧгыт гыч кунам вӱр лектеш, тунам иже тышеч вӱр лекше. Тьфу.

Апшат тул логар гыч кунам вӱр лектеш, тунам иже тышеч вӱр лекше. Тьфу.

Вӱд шоҥ кузе шулен пыта, вӱр йогымат тугак шулен чарнен шичше. Тьфу.

Эр лупс кузе шулен пыта, тиде вӱр йогымат тугак шулен, чарнен шичше. Тьфу.

Кӱртньӧ ден вурс кузе тувырген шинчыт, тиде вӱрат тугак тувырген шичше. Тьфу.

Икияш воштыр кузе кушкын кая, тиде пӱчмӧ олмат тугак вашке кушкын шичше. Фу, фу, тьфу!

4. ***Пошарымым шӧраш шӱведыме***

Кунам 41 капка меҥгым иктыш ушен кертеш, тунам иже (тушман, осал еҥ) пошарен, овылен кертше. Фу, тьфу!

Эҥер мучашым кунам йогыдымым ыштен, пышкемден кертеш, тунам иже (осал еҥ) пошарен, овылен кертше…

Юл мучашым кунам йогыдымым ыштен, пышкемден кертеш, тунам иже осал еҥ пошарен, овылен кертше…

Теҥыж мучашым кунам йогыдымым ыштен, пышкемден кертеш, тунам иже осал еҥ пошарен, овылен кертше…

77 тӱрлӧ ошма меҥгым шогалтен, 77 ошма каштам пыштен, 77 ошма кӱварым шарен, 77 ошма тошкалтышым шогалтен, кӱдырчӧ юмо дек кӱзен, кунам пырля шинчын кудалыштын, олмышкыжо кӱзыктен коден, тусарен кертеш, тунам иже осал еҥ пошарен, овылен кертше. Фу, фу, тьфу!

5. ***Локтымым шӧрен шӱведыме***

Локтышо тушман кунам мардеж шӧрмычым налын, мардеж имньылан мардеж омытам чиктен, мардеж ӧрынчакым, мардеж сапым пыштен, мардеж пӱгым руалын, мардеж оравам кычкен, мардеж корно дене каен кертеш, тунам иже тудо локтен, овылен кертше. Фу, тьфу!

Тушман ю кунам чинче шӧрмычым налын, чинче имньылан чинче омытам чиктен, чинче шлиям, чинче ӧрынчакым, чинче сапым пыштен, чинче пӱгым руалын, чинче оравам кычкен, чинче корно ден каен кертеш, тунам иже тудо локтен, овылен кертше. Фу, тьфу!

Кунам локтышо ю, ший кӱмыж-совлам налын, ший ӱстел ӱмбалан Миколо юмо дене таҥым кучен, кочкын-йӱын, пушеҥге парча гыч пушеҥге вожышко ик часыште, ик минутышто вошт волен кертеш, тунам иже тудо локтен, овылен кертше. Фу, фу, фу, тьфу!

№№ 3–5 наговора записаны 14–17 февраля 1936 года
в д. Кугенер Ронгинского района, со слов местного
колхозника Епанова Федора Алексеевича

Тетрадь 3
Указание места, времени и лица, от кого записано, не сохранилось

1. ***Шинча вочмо, йылме пурылтмо ваштареш***

Ныллу ик корем вожым ик корем вожыш кунам «осал» ик минутышто солалтен, пышкемден кертеш[50], тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

41 вӱд вожым ик вӱд вожыш кунам ушен кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

41 пече ерым ик пече ерышке кунам ушен кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

41 пече чаракым ик пече чаракышке кунам ушен кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

41 пече уам ик пече уашке кунам ушен кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

41 черке кресым ик кресышке кунам ушен, пышкемден кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

41 чаҥ йылмым ик чаҥ йылмыш кунам ушен, пышкемден кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

---

[50] Палемдымаш: 1. «Кертеш» – сказуемый, тудын подлежащийже икана, тӱҥалтышеш веле шындыме – «осал».

2. Мут мучаш еда шӱведыше еҥ пуалеш, шӱвалеш: фу, тьфу!

41 черке сравочым ик черке сравочыш кунам ушен, кылден кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

41 престол сравочым ик престол сравочыш кунам ушен, пышкемден кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

41 сорта лампадкым ик сорта лампадкышке кунам ушен, пышкемден кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

41 пушенге вуйым ик пушенге вуйышко кунам иктыш ушен, пышкемден кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

41 юмын шӱдырым ик юмын шӱдырыш кунам ушен, пышкемден кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше. Фу, тьфу!

Эр ӱжара ден кас ӱжарам кунам иктыш ушен, пышкемден кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

Эр тылзе ден кас тылзым кунам иктыш ушен, пышкемден кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

Эр кече ден кас кечым кунам иктыш ушен, пышкемден кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

Кӱдырчӧ ден волгенчым кунам иктыш ушен, пышкемден кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше.

Юмын мландым кунам ваш ушен, шупшын шынден кертеш, тунам иже йылме пурылтын, шинча возын кертше. Фу, тьфу!

Шинчал кузе шула, шинча вочмат, йылме пурылтмат тугак шулен пытыже.

Сакыр кузе шулен пыта, шинча вочмат, йылме пурылтмат тугак шулен пытыже.

Эр лупс кузе шулен пыта, шинча вочмат, йылме пурылтмат тугак шулен пытыже. Фу, тьфу!

2. ***Локтымо ваштареш***

77 ош кече вуеш кунам 41 пышкемым ик минутышто пышкемден кертеш, тунам иже осал овылен, локтен кертше.

77 тылзе вуеш кунам 41 пышкемым пышкемден кертеш, тунам иже осал овылен, локтен кертше.

77 юмын пыл ден кунам тулыпым ик минутышто урген чиен каен кертеш, тунам иже овылен, локтен кертше.

77 ӱй пырче ден кунам ик минутышто мынерым куэн, ший вашкӱзӧ дене пӱчкеден, ший име, ший шӱртӧ ден тувырым урген шуктен, эр ӱжара нӧлталтме годым чиен кертеш, тунам иже осал овылен, локтен кертше.

Кунам юмын кечым шинча олмеш шынден ончал кертеш, тунам иже осал овылен, локтен кертше.

Кунам юмын тылзым шинча олмеш шынден ончал кертеш, тунам иже осал овылен, локтен кертше.

Шинчал кузе шулен пыта, овылмат, локтымат тугак шулен пытыже.

Сакыр кузе шулен пыта, овылмат, локтымат тугак шулен пытыже.

Эр лупс кузе шулен пыта, овылмат, локтымат тугак шулен пытыже. Фу, фу, тьфу!

(*Мут мучаш еда шӱведыше еҥ пуалеш, шӱвалеш: фу, тьфу!)*

3. ***Кинде перкем йодмо***

Ош кече тӱшка, тый лечет сӧрвалем: мыланем кугу пиалым пу! Ик тӱр гыч огыл, кум тӱр гыч йодам. Кинде перке аваем, перкем пу! Ик тӱр гыч огыл, кум тӱр гыч. Ик тӱр гычынже пураштем налаш. Кум тӱр гычынжат тичак темен пу.

Кинде перке аваем! Ший ӱштерет дене, ший кольмет дене перкем ӱштынак кондо. Ик тӱр гыч огыл, кум тӱр гыч куэнак кондо. Кормыж йымал пырчыжым, кылта йымал пырчыжым, шушла йымал пырчыжым, копна йымал пырчыжым ший краплят дене, ший тартишкат дене удырен шӱкенак кондо: мыйын пурашкем чужге муренак толжо.

Кинде перке аваем! Мыйын кинде йырем уда енглан волям ит пу. Аҥаштемат тений перкем пу, кышылыштемат, пураштемат перкем пу. Ший печет дене пече!

4. ***Имне куштылемдыме***

Лудо варашын лулегыже кузе куштылгын кая, мыйын имнемат тугак куштылгын кайыже. Кумыж лыге кузе куштылгын кая, мыйын имнемат тугак куштылгын кайыже.

Шумыр пыл кузе йогалтен кая, мыйын имнемат тугак йогалтен кайыже. Шумыр мардеж кузе пуал колта, мыйын имнемат тугак пуал колтымо гае, кудалже.

Йогышо вӱд кузе тӧрштыл йогалын кая, мыйын имнемат тугак йоргален, тӧрген кайыже.

5. ***Локтызо енглан мор***

Теҥыз покшелне кӱ. Тиде кӱм локтызо кунам лӱмдымӧ парняже дене, орйылме мучашыж дене, шинчагомдышыж дене чывыштен луктын кертеш, вара тудым шемер калыклан ончыктен, орйылмыж дене кутырен кертеш, тунам иже, тунам иже (кок гана) мыйын ушкалем локтен кертше. Фу, тьфу!

6. ***Ушкал шӧрым шукемдыме***

77 тӱрлӧ энгер вож гыч вӱд кузе ик энгер вожыш ушнен, шуйге мурен толеш, мыйын ушкалем водарышкат шӧр тугак шӧр корно еда шуйге мурен йоген толжо.

Кугу Какшан мучаште вынем уло, йӱдшӧ-кечыже тушто вӱд шуйге мурен шинча; мыйын ушкал водарышкемат шӧр тугак йӱдшӧ-кечыже шуйге мурен волыжо.

7. ***Шӧрвал умалтыме (возымо)***

77 тӱрлӧ вочкеш лугымо руаш кузе шуын шинчеш, тугак мыйын кӧршӧкешемат шӧрвал тичак мален (лийын) шичше.

Кузе колаче сукыр кӱэшат, кеп лиеш, мыйын шӧр ӱмбалемат тичак темын шичше.

8. ***Вуверлан, вувер кочмо деч***

Вуверым шкенжым заставитлена, вуверым сеҥена, вуверлан тиде пашам пуэна:

Ший завод, шӧртньӧ завод, вӱргене завод, чойн завод, вурс завод, вулно завод шокшо возак пундашым, возак тул шекшемжым вувер кунам кочкын нелын кертеш, тунам иже тудо толын логал кертше. Фу, тьфу!

Кече рӱдым, мланде рӱдым, 77 пушенге рӱдым, 77 укш рӱдым кунам луктын налын нелын кертеш, тунам иже осал вувер толын логал кертше.

Эше заставитлена:

Пӱтынь салтак армий лӱен шогымаште – кӱшыч кайыше пульым, топым, лӱйымӧ тул шекшемым, тар шикш кашакым, 77 паровик тул шекшемым кунам кочкын нелын кертеш, тунам иже осал вувер толын логал кертше. Фу, тьфу!

НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 532. 1936 г.

«Марла календарь» 1912 ийлан. С. 38–40.

УНЬЖЫ ШКОЛ

Уньжы школ (Уньжинская школа) кугу школ, 3 классан. Тушты мари ырвэзьы-шамычым туныктат. Нуны школым тунэм пытарат да учительлан шогалыт. – Село Уньжын (Уньжа) вэржы Царевококшайскій уъздын Шиньшинскій волостьыштыжы. Озанг (Казань) ола-дэч Уньжы йуд йымалны, коклажы 75 мэнгы, Уньжы-дэч Вятскій губерна мэжа мундыр огыл: 2 мэнгы вэлэ. Уньжы кугу чодра воктэн шинча. Калык-шамыч тышты мари улыт: чи мари-шамычат улы, а шукыракшы крешын мари. Уньжы воктэн адак суас-шамычат пэш шукы.

Эн первой Уньжы школым кугу ушан йын Николай Ивановичъ Ильминскій почын. Николай Ивановичъ илымыжы годым тӱрлы калыклан порым шукы ыштэн. Йумылан тау: тудын ыштымы порыжы мари калыкланат кодын. Мари калык-шамыч шукышт Христосын туныктымыжым шинчыдэ, пэш пычкэмышты илат. Нуны почылт огыт кэрт, чэры-гыч утлэн огыт кэрт; волгалт огыт кэрт, ончыкы эртэн огыт кэрт. Тидым кугу ушан йын Николай Ивановичъ пэш шинчэн да, мари калыкым чаманэн да, нунылан поры лижы манын, Уньжэш школым почын кодэн. Школым почаш шонымыжы годым эн лук, эн пусак, эн пычкэмыш вэрым кычалын. Тугай пычкэмыш вэрым Уньжым мун. Могай гына книга марла кӱлэш ліэш, тудым чыла Уньжы школэш лудын-лудын, тӧрлэн-тӧрлэн, рушла гычын марла йылмышкы кусараш шӱдэн. Кузэ волгыды шӱдыр йӱдым волгалтарен шога, тугак Уньжы школат мари-шамычлан полшэн, нунын пычкэмыш илышыштым волгалтарен шогыжы манын, почын.

Эн первой Уньжы школ ик классан гына мари пӧртштыгына ыльы. Тиды первой классжы 1871 и-шты почылтын. Второй классжы 1894 и-шты почылтын. Ындэ кызыт 1907 и-дэч вара Уньжы школ 3 классан. Кумышы классшым, эн кугужым, казна окса-дэны Озангысы Братство Святителя Гурія куча. Школым чаплэ манат гынат кэлша. Школ сурт чылажы кум кугу пӧрт: кокытшы кок пачашан, а иктыжы, эн кугу, эн кумдажы, ырвэзьы-шамыч тунэммы пӧртшы, – ик пачашан. Ӱмбалжы кӱртны-дэны лэвэдмы. Класс пӱлэм-шамыч (тунэммы пӱлма) нылыт. Чылаштат кугу, волгыды улыт. Класс пӱлэм коклашты тунэмшы-шамычлан кошташ кӱваран-тупрашан кок изи урэм улы. Класс-дэч молыжы адак улыт посна-посна: объды кочмы вэр, умалмы вэр, погым-ӱзгарым кучаш 2 амбар, моча, вӱта, нӧрэп, тавы, пакча. Школ кудывэчыштак ӧрдыжыштырак кугу чэркы улы. Школлан мо ӱзгар кӱлэш, туды чыла улы.

Унжы школыштты туныктышы-шамыч чылажы визыт (5) улы. Нуныын

коклаштӹ 2 священникъ. Тунэмшӹ ӹрвэзьӹ-шамӹч нӹл классӹштӹжат чӹлажӹ ліэда 120 йыӈ мартэ. Пэлӹ-дэч мӧнгӹжӹ Уньжӹн, а пэлӹ-дэч утлажӹ, шукӹракшӹ, чӹла ӧрдӹж-гӹч, тӱрлӹ уӭзд-гӹч толшӹ. Школӹштӹ мари-ӱдӹр-шамӹчат тунэмӹт. Кугуракӹштӹм III-й классӹштӹ тунэмшӹ-шамӹчӹм, 35 йӹыӈ мартэ, казна-дэнӹ пукшат: йӹыӈжӹ йӹыда 25 тэнгэм колтат. Кумлӹ вич ӹрвэзьӹ-лэч варажӹ тунэмам маншӹ-шамӹч шкэ оксаштӹм пӹштэн пурат. Тӱлаш 25 тэнгэ окса кӱлэш. Йужӹ ӹрвэзьӹ-шамӹч адак йалӹштӹ мари-дэкӹ пурэн пачэр-дэнӹ илат. Пачерӹштӹ посна-посна илӹшӹжат улӹ, адак ик пачэрӹштак пӹрльа тарлэн пӹрлъа илӹшӹ-шамӹчат улӹ. Тунэмшӹ-шамӹч школӹштӹ кэчӹн эрдэнӹ 6 шагатӹштӹ кӹиньэлӹт, а умалаш кас-дэнӹ 10 шагатыштӹ возьӹт. Мари калӹк-шамӹч шукӹ вэрэ Христосӹн тунӹктӹмӹжӹм шинчӹдэ пӹчкэмӹштӹ илат да, Уньжӹ школӹштӹ мари игӹшӹвӹ-шамӹчым верaлан и кумалаш сай тунӹктат. Йумӹм кумалмӹ паша тӹгайӹ: Йумӹм шукӹрак кумалат гӹн, молитва шомак көргӹшкӹ шукӹрак шӹиӈа, а шагал кумалат ган, шагал шӹиӈа. Садлӹ вэрчӹн Уньжӹ школӹштӹ тунэмшӹ-шамӹчӹм вӭраланат и кумалашат сай тунӹктат. Адак молӹ тӱрлӹ тунэммӹланат и рушла йӹлмӹланат шукӹ тунӹктат. Пэлӹжӹм кумалӹт, а пэлӹжӹм тунэмӹт манат гӹнат кэлша. Эрдэнӹ кӹиньэлӹн шӱргӹм мушкӹт да Йумӹм кумалӹт. Адак молӹ годӹм вот кунам кумалӹт: кочкаш-йӱаш шичмӹ-лэч ончӹч, кочкӹн-йӱн тэммэнгӹ; тунэмаш тӱиӈалмӹ годӹм, тунэм чарнӹмӹ годӹм. Эн пӹтартӹшӹжлан умалаш вочмӹ-лэч ончӹч кумалӹт. Эрдэнӹ-касдэнӹ кумалмӹ годӹм молитван пэлӹжӹм рушла йӹлмӹ-дэнӹ лудӹн-мурэн кумалӹт, а пэлӹжӹм марла йӹлмӹ-дэнӹ. Мари йӹлмӹжӹ-дэнӹ молитва шомак көргӹшкӹ шӹиӈӹжӹ ӹльӹ манӹн кумалӹт. Воскресеніе, альӹ молӹ пайрам шумэнгӹ, тунэмшӹ-шамӹч чӹланат Йумӹн черкӹшкӹжӹ пурат. Черкӹштӹ нунӹ лудӹт, мурат и черкӹ сомӹлкаланат полшат. Черкӹштӹ кумалмӹ годӹм приход мари-шамӹчат, мари ватӹ-шамӹчат пурат да, нунӹ рушла йӹлмӹм огӹт шинчӹ да, Йумӹ кумалмӹ шомак шӱмӹшкӹшт вочшӹ, көргӹшкӹшт шӹиӈӹжӹ манӹн, тунэмшӹ-шамӹч, Николай Ивановичъ шӱдэн кодӹмӹ ганак пэл кумалмӹм марла йӹлмӹ-дэнӹ лудӹт, марла йӹлмӹ дэнӹ мурат. Тудлан вэрчӹнак священникат шкэ черкӹ мутшӹм, проповѣдьшӹм рушла йӹлмӹ-дэнат, марла йӹлмӹ-дэнат каласа. Уньжӹ школӹм эн первой Николай Ивановичъ почӹн да, тудӹм мондӹдэ, кумалмӹ годӹм тудӹн лӱмжӹмат поминайтлат. Кугу Пӱтӹ годӹм тунэмшӹ-шамӹч пӱтӹм чот кучат, йазӹкӹм касарӹктат, Св. Причастіем подӹлӹт. Пӹтартӹш арньашӹжӹ, Кугэчӹ-лэч ончӹлсӹ Христосъ Йумӹнан орлӹкӹм чӹтӹмӹ арньаштӹ, тунэмшӹ-шамӹч чӹланат ойӹрлӹдэ Йумӹм кумалӹт. Тунам нунӹ черкӹштӹ пэш шукӹ лудӹт, пэш шукӹ мурат. 1) Тунам священникат мари-шамӹчӹм вӭралан марла мут-дэнӹ пэш шукӹ тунӹкта. 2) Йумӹн Кугу Кугэчӹжӹм, куанӹмӹ Пасха пайрамӹм, марла мурэн-мурэн ученик-шамӹч Уньжӹ чэркэшак ӹштат. – Кэрэк кэ мари гӹнат, рушла

йӹлмӹм ом шинчӹ, черкӹштӹ лудмӹм-мурӹмӹм ом умлӹ, марла кумалмӹм гӹына колам ӹльӹ манэш гӹн, Уньжӹшкӹ мижӹ. Вара туды Уньжӹ черкӹштӹ марла мурӹмӹмат, священникӹн марла йӹлмӹ-дэнӹ тунӹктӹмӹжӹмат колэш. Кугу пӱтӹ годӹм первой арньаштӹ и пӹтартӹш арньаштӹ товатлаш ліэш.

Уньжӹштӹ тунэм пӹтармэнгӹ, ученик-шамӹч экзаменӹш Озаҥэш Учительскій Семинаріяштӹ пуат. Экзаменӹш пумэнгӹ, учительлан кайат.

Уньжӹштӹ тунэмшӹ-шамӹч ӹндэ шукӹшт йӹнҥӹш лэктӹн улӹт. Нунӹн коклаштӹ улӹ ала мньарӹ: священник, діаконъ, псаломщикъ и учитель-шамӹч. Нунӹ илат и калӹкӹм вӹралан тунӹктат тӱрлӹ мари коклаштӹ, тӱрлӹ уҽздӹштӹ и тӱрлӧ губернаштӹ. – ЬІндэ сай йӹнг Николай Ивановичъ тӹнарӹ порӹм ӹштӹмӹжӹ вэрчӹн, Йумӹ тудӹн чонжӹм вэс тӱньаштӹ суапӹштӹ, шкэ волгӹдӹштӹжӹ, райӹштӹ шкэ Кугу престолжӹ воктэн ашнӹжӹ!

– Кэ тунэмаш Уньжӹ школӹшкӹ пурнэжӹ гӹн, тудлан кэнҥэжӹм, августъ тӹлзӹштӹ, прошеніем пуаш кӱлэш. Прошеніем возэн колташ адресъ тӹгайӹ: **Завѣдующему Уньжинской Центральной черемисской школой Царевококшайскаго уѣзда**. Прошеніем пумэнгӹ, сентябрь тӹлӹзӹн тӱҥалтӹшӹштӹжӹ экзаменъ ліэш. Экзаменӹм пуэн кэртат гӹн, кодат, – а от кэрт гӹн, укэ. Экзаменӹм пуэн кэртат гӹнат, казна ліэш гӹн казнашкӹ пуртат, а казна пӹтэн гӹн, вара шкэ оксатӹм тӱльаш логалэш. Учениклан, оксам пуэн казнаш пурэм манэш гӹнат ліэш, и пачерӹш шогалэш гӹнат йӧра. Молӹ тӱрлӹжӹ молӹ-дэнӹ тӧр ліэш.

Села Уньжи ***Священникъ Тихонъ Ефремовъ***

Кугу Шигак-сола: ойлымаш // У вий. 1929. № 3. С. 8–11.

Йэпрэмов. КУГУ ШИГАК-СОЛА

Кугу Шигак-солам шинчэда?

Марий кино-сӱрэт ышты̆мым колын улда?

«Марий Кужэр» лӱман кино-сӱрэт 1928 ийштэ, кэнгэжым, Кугу Шигак-солаштэ шочо.

Кино-сӱрэт ышташ каньылак ыш лий. Эрэ йӱр йӱрӧ; вара паша жап шуо: шудо солаш, тӱрэдаш тӱнальыч, – калык ыш йарсэ.

Кино-сӱрэт ышташ ойар, пэш чэвэр, тымык кэчэ кӱлэш, могай кӱлэш, тугай вэр, тарман, ӱзгар, вургэм; мыньарэ кӱлэш, тунарэ йынг. Йынг-влак мом ыштышашыштым ончыл-гоч шинчэн, шонэн, кэлыштарэн шогышо кӱлыт.

Шигак-сола кугу чодра покшэлнэ, тӱва чараштэ шинча. Йалыштыжат пушэнгэ шуко. Йуж йандар, шӱлаш куштылго. Мландыжэ ошман да, урэмыштэ йӱран годымат лавра ок лий. Ик сэмын манаш – Шигак-сола йӧра, сай.

Вэс сэмынжэ – тушто киндэ шагал: ӧрдыж йынлан илаш шэргэ. Путыракшэ вӱдышт шово, йандар вӱдышт укэ: шор[51], шукшан вӱдым йӱн илат. Саддэнэ мэ Шигак-солаштэ кас йыда, тылызым ончэн, тыгэ мурэн илышна:

Эй тылызэ, ош тылызэ,

Волгыдэт уло, шокшэт укэ;

Эй Шигак-сола, кугу сола,

Лӱмэт кугу, вӱдэт укэ!..

Миймэ почэш Шигак марий-шамычлан, кино-сӱрэтым кузэ ыштымым, молан кӱлэшыжым ынлыктараш логальэ.

Тэвэ нунын дэнэ эн пэрвой кутырмашна:

– Чӱчӱ родо! Мэ кино-сӱрэт ышташ толын улына, тый гайэт йынг пэш кӱлэш – полшо!..

– Моло-влак мом ойлат?

– Тый мийэт – вэсат мийа.

– Моло мийа гын, мыйат мийэм...

Вэсэ дэкэ мийэтат, каласэт:

– Тулар! Ӱжаш тольым, эрлалан мланна йынг кӱлэш, лачак тый кэлшэт: айда, мийэ.

– Мыньарэ пуат? – манэш.

– Вочшашыжым налат, йара огыт ыштэ. Мийэт?

– Кузэ лийэш... ончэна...

Кумышыжлан ойлэт:

– Йынгай! Мэмнан паша тыгай-тыгай: мланна ватэ-шамыч кӱлыт, тыйым лӱ-ӱмын ӱжаш пуршым, мийэт?

– Кэрэк, огым.

– Молан кэрэк?

– Воштылаш тӱналыт.

– Тидэ воштылшаш паша огыл: огыт воштыл.

– Огыт тэвэ – шымакшым шындэн ончо...

Шигак-солаштэ марий-ватэ-влак шарпаным пульчат, а кино-сӱрэтыштэ шымакшан ӱдрамаш-влакым ончыкташ кӱлэш. Нылымышыжым сӧрвалэт:

– Шэшкэ! Мланна ик рвэзэ ватэ кӱлэш, тыйым ӱжаш шӱдышт: айда, полшо.

– Моло укэ мо?

– Моло – моло пашалан, тый – тидэ пашалан.

– Ом йарсэ, пашам уло.

– Кӧнӧ, оксам пуэна.

– Ӱдрамашым тэ ала мом ыштынэда? Огым, лӱдам...

---

[51] Куп, йэр (шинчыше вӱд).

Шонго кувам ӱжат:

– Кувай! Тыйым ӱжаш колтышт, мэмнан пашалан кува кӱлэш. Полшэт? Оксамат пуэна.

– Шымакшым чиктэда?

– Чиктэна.

– Мый шарпанэм ом кудаш.

– Шарпаным кудашдэ шымакш ок кэлшэ.

– Ой ушдымо: ӱдыр вуйан лийам мо?

Йужгынамжэ тыгат лийэш:

– Йынгай! Кинолан полшаш мийэт?

– Мийэм гын – мийэм.

Эрлашыжым ончэт гын, йынгайэм шӧрлэн.

– Йынгай, тол, шымагышэтым шындэ.

– Мыйым ит кычкырэ, огым.

– Молан? Тэнгэчэ чийэм манынат ылыы-с?

– Манынам гын, мо...

Урэмыштэ аважэ эргыжым тунэмаш ужатымэ сӱрэтым савыктынэна. Ик кува полшаш толын. Мардэжан.

– Кувай! Шымакшым чийашэт кӱлэш.

– Кӱлэш гын, чиктэт.

– Ӱпэт укэ аман?

– Укэ гын, кушкыкто.

– Кузэ шындыман?

– Кэрэк кузэ шындэ.

– Шӱртэт уло?

– Укэ.

– Имэт?

– Куван имыжэ лийман мо?

– Шымакшэт кайэн возэш вэт?

– Возэш гын, мо.

– Сӱрэт пужла.

– Пужла гын, мо...

Тыгэ лиймылан мэ йӓл орол пӧртэш кок гана кугу погынымашым ыштышна, докладым каласэн пунчал мутым возышна, тулэч варажат пӧрт йыда ынгландарэн коштна:

«Эк, Шигак-сола марий-влак! – манна. – Айдыза шкэнан марий илышнам кино дэн ончыктэна. Чуваш-влак, суас, молат кино-сӱрэтым ала кунамак луктын улыт, мэмнан гына укэ ыльэ. Ындэ мланнат чэрэт шуо. Эй, родо-влак! Марийн пэрвой кино-сӱрэтым ышташ лачак тыланда – Шигак марийлан тура тольо. Айдыза, лӱмдам ида шӱыктӧ, сай шогыза, полшыза. Кино-сӱрэтыш логалыда гын, вара шкэндам шкэ ончэн илэда. Ӱмырлан икгана толын улна вэт?

Ӱжыда гынат, вэскана огына тол. Кино-сӱрэт ӱмыраш паша вэт: шкэ колэда гынат, тӱсда шочшыланда кодэш: ончэн, каласэн илат...»

Тыгэ ойлымо коклаштэ, мэ адак марий артис-влак дэн тӱшкан муралтэнат ончышна. Мурмынам йӧратышт, пачаш-пачаш йодыч. Кумылыштым мэ шуктышна.

Тылэч вара ижэ кино пашана вийнаш тӱҥальэ.

Кино-сӱрэт ышташ чыланат полшаш тӱҥальыч: рвэзыжат, шонгыжат, изижат, кугужат. Шӱкшӱ кува дэнэ шӱкшӱ кугызажат, торэш ышт лий. Жаплан ончэн марий ватэ-шамычат погынымашым ыштат, каҥашат, кидым нӧлтат, воштылыт, соват. Йужо вэрэжэ сырат, кычкырат, мушкындым рӱзат, кырэдалаш пижыт.

* * *

Кино-сӱрэтыштэ моло сӱрэт коклаштэ – Ага пайрэм дэнэ Сӱан ышталдыч.

Шигак-сола марий-влакым пэшак вурсаш ок кэлшэ, полшышт.

Тугэ гынат, нунын парньашт шкэ вэлыш путырак кадыр. Шигак марий-влак утларакшэ Моско артист воктэн шӱраҥыч. Молан манат гын, Моско артистын кӱсэн кӱжгӱ. Тый шужэт, кычалат – нымат укэ. Моско йодэш – чыла уло.

Миймэ сэмын тунарак огыл ыльэ, вара сэмынжэ тамым нальыч, Шигак марий-влак ватыштат оксам путырак йӧратышт.

– Шэшкэ! Эрлалан мланна кино-сӱрэт ышташ лу ӱдрамаш кӱлэш. Мийэт? – манат.

– Мыньарым пуат? – манэш тудо.

– Вочшашым налат.

– Мом ыштыктат?

– Паша куштылго. Мийэ.

– Пэрвой оксам пу.

Вэсыж дэч йодат:

– Мом шонэн шогэт, шэшкэ?

– Оксам огыт пу, оксам йодам.

– Пуат, молан огыт пу.

– Сӱрэтыш логалын от ул, маныт.

– Вара?

– Логалын ом ул гын, мый винамат мо? Мо, мый кэчэм эртэн, тыштак шогэнам – давай оксам!..

Вара сэмын кугу йынглан вэлэ огыл, азаланат оксам йодаш тӱҥальыч.

Икана мый урэм мучко ошкылам. Ик марий ватэ окнам почо да кычкыра:

– Пыртак шогал, тол лишкэ.

– Вара мом каласэт гын?

– Азалан оксам молан огыт пу, пуаш кӱлэш вэт?

– Пуаш ыштэн улыт гын – пуат, молан огыт пу.

– Мыйын азамлан пуэн огыт ул. Мый азам шокшышто кэчэ гут кэчэ ваштарэш кучэн шогышым, кэчэ пэрэн: укшинчэш, пушкэдэш, чэрланэн. Киноланда вэрчын ындэ азам кола. Пуза оксам!

Кас вэлэш урэм дэн ошкылам. Ончэм – ваштарэшэм чывэ гай изи ӱдыр куржэш. Ачажэ почэшыжэ ошкыл мийа.

– Куш куржыда тыгэ?

– Тӱвыс, – изи ӱдыржым ончыкта, – руш дэкэ ош окса налаш куржэш.

– Ош оксам!

– Шийэтым тугэ манэш. Аваж дэн пырльа киношт шогалын да, пырчат чараш ок лий, окса дэк ӱжэш.

Мый кӱшкӧ кайшым, нуно ӱлыкӧ. Изи ӱдыр эрэ куржэш. Ик марий ватэ мый дэчэм йодэш:

– Мом ойла тудо марийэт?

– Ӱдыржӧ киношт шогалын, ош оксалан кайат.

– Пойнэшт койэш, – манэш ватэ. – Тугэ гын, мӱшкырысэ азаштланат ош оксам йодаш тӱҥалыт.

Пашам ыштэн пытармэнгэ, мэ – 35 йыҥ утла – чыланат тужэч шаланэн пытышна. Ындэ Шигак-солаштэ кино-сӱрэт ыштышэ ик йыҥат укэ.

Ындэ Шигак-сола марий-влак кӧ дэч ош оксам погат гын?

У вий. 1929. № 4. С. 19–22.

Йэпрэмов. НУЖНА ИЙ

1922 ий. Тэлэ рӱдӧ. Чатлама йӱштӧ. Корно мучко кӱчызӧ. Чодраштэ пушэнгэ коклаштэ тыштат-туштат ала-мо ошын койэш. Мо тидэ? Чара ватыран пушэнгэ: шужышо марий-влакэт пушэнгэ шӱмым тӧргалтэн кайэн улыт. Йылмышт лийэш гын, чара пушэнгэ-влак ала мо тӱкын ӧпкэлат ыльэ дыр.

Йалышкэ шуат, урэмыштэ йыҥ ок кой. Йужо кудовэчыштэ садэ чара пушэнгэтын укшышт, оргажышт шога: шӱмжым, парчажым вольык пурэш.

Пӧртыш пурэт – киндэркыштэ ала мо: ала мэкш, ала рок? Йужо пӧртыштӧ тудыжат укэ.

Ойлаш тӱҥалат – пӧрт йыда пуал кийат, шукышт колэн улыт.

– Ончо тэвэ, – манэш олымбалнэ туртын кийшэ кугыза, – кодшыжат колэн пытэна.

– Эй, илышыжат! – манэш конга воктэн кугыргэн шинчышэ шонго кува, – тошто сэмын киндым икана гына тэммэш кочкашэт ыльэ!..

* * *

Кэрэк мньарэ йöсö ыльэ гынат, йўштö тэлэ эртыш. Лум шулыш, мландэ кошкыш. Лышташ шарла, ужаргэ сава. Киндан ий лийэш гын, куанышаш вэлэ. Укэ, тэний нымат ок куандарэ. Тэний ойго почэш ойго. Пайрэмат толэдыш. Укэ, пайрэмынат лўмышт вэлэ: ыштышэ шагал.

Йэмэлан ачажын, Стапанын, киндыжэ шукэртак пытэн: тўрлö шўкшакым кочмо дэнэ йэшышт чыланат чэрланышт. Эн пэрвойак Йэмэлан ватыжэ колыш. Таза, лöза ватэ ыльэ. Овдачи лўман изи ўдыржö кодо. Кочкаш укэ дэнэ тудат кошкен пытыш, лу дэнэ коваштыжэ вэлэ кодо. Изиш лиймэнгэ, шужымо денак, Йэмэлан аважэ колыш. Кызыт ындэ Йэмэла шкэжэ пэш чэрлэ: вўрым пушкэдэш, шогал шогэнат ок кэрт.

Тудо жапыштэ Йэмэла дэк ик кўчызö суас ватэ толын пура. Шкэжэ шужэн, пыкшэ кўчэн коштэш гынат, Йэмэлалан канашым пуа:

– Тый молан тыгэ öрын кийэт? Пий шылым коч: пушкэдышэт заман[52] чарна.

Шэм пийм шўшкылыт, шылжым кочкын пытарат. Кочкаш адакат укэ.

* * *

Изиш лиймэнгэ, Йэмэлан ачажэ, Стапан кугыза, шона-шона да, ўдыржым вўдэн Вäткэ бэлыш кўчаш кайа.

– Ачэй! мыйым шкэтэм кодэт мо? – Йэмэла ачажлан манэш. – Ватэмат колыш, авийат укэ, шкэжат ом кэрт, кузэ илэм?

– Эй, эргым! – Стапан кугыза манэш. – Тыштыжат пытышаш, туштыжат пытышаш. Чыланат колэн пытэна дыр. Мо лийэш-лийэш, кэртмэм годым кайэн кодам: чэрланэм гын, вара «кайэ» манат гынат, ок лий. Чэвэрын, ит öпкэлэ! – манэшат, Стапан кугыза ўдыржö дэнэ кок изи мэшакым сакэн, шортын-шортын лэктын кайат. Йэмэла шортын кодэш.

* * *

Йэмэла öрö: пэш ойгыра, пэш шона. Кузэ илышаш? Мо йöным мушаш? Мньарэ шона гынат – садак, нымо йöнат, нымо мучашат ок лэк. Ала иктажэ вэрэ суртшым пэтырэн кайа ыльэ – таза огыл. Таза лийэш гынат, чэрлэ ўдыржö ул о.

Совэт киндэ толын шуэш гынат, Йэмэла тунарэ ок öр ыльэ: шошым лавра, имньэ шагал, адак кондаш мўндўр дэнат (100 мэнгэ), тудо жаплан кукурузым кондэн ышт шукто.

---

[52] Пэш вашкэ.

Йэмэла утыр нэлэмэш, тӱгат лэктын ок кэрт. Пошкудат пуршо шагал. Нуно шкэштат пӧрт йыда пуал кийат. Шӱлэн-шӱлэн опсам комдык почын шында, лондэмэш шинчэш, вэс могырэшыжэ шӱкшӱ вэдрам шында, вара пыкшэ-пыкшэ тӱчыкта...

Вучыдымо годым ик пошкыдо ватэ толын пура. Йэмэлам ончалэш да, вигак каласа:

– Колэт вэт?

– Колэм, – манэш Йэмэла.

– Ӱдырэт?

– Ӱдырэмат кола, колшашна палэ.

«Колэм, колэт» манмылан тунам иктат ок ӧр: йал йыда, кэчэ йыда, пӧрт йыда тунам эрэ колат. Тойэн тойэнат шэрышт тэмын: шӱгарлаште шун йошкаргын вэлэ койэш, ӱмбаланышт кэрэдымэ тока ошын вэлэ койэш.

– Тэвэ мыйат колэм! – манэш ӱдрамаш. – Колмэм дэч ончыч иктаж вэрэ кайэн коднэм.

Ик мучэ вӱдым кондэн шында да, ӱдрамаш лэктын кайа.

* * *

Кэнгэж кэчэ пэш кужу: ик кэчыжэ арньа гайэ чучэш. Изи Овдачи кочкаш-йӱаш йодмым чарнэн, йӱк пумашат укэ, кап-кылжат ок тарванэ.

Кечывал эртыш. Йэмэлан пӧрт окна ӱмбалныже кайык пыжаш уло да, угыч лэкшыжэ-влак нэчкэ йӱкышт дэнэ аваштым кычкырат. Тудым колэшат, Йэмэла ӱдыржӧ дэк мийа: изи Овдачи, ачажым кодэн, ныгунам кыньэлдымашлан малэн колтэн...

Шып. Окна йандаштэ ик шыңа гына вичкиж йӱкшӧ дэнэ кычкыра, эрыкыш лэкнэжэ. Йэмэла тӱңшӧ гайэ шога. Икана ӱдыржым ончалэш, вэскана ончалэш: ӱдыржӧ выньэр гайэ ошо. Кизажым кучэн онча – йӱштӧ.

Овдачи лопка олымбалнэ, окна тураштэ кийа. Окна вошт кӱшӱчын, Овдачим шокшо кэчэ ончалэш.

– Чэвэрын ӱдырэм! Ындэ ават дэкэ кайшыч... Эк, мыйат тыгак лийам дыр! – манын пеңыжалтыш, Йэмэла мӱгыралтэн шортын колтыш.

Кэчэ вола. Андри жапат эрта. Йэмэла шона: кузэ тойшаш? Мо йӧным мушаш? Коладка вэрчын ок ойгыро: тунам коладкам ыштымаш укэ. Кэм ӱжшаш? Шкэ тойа ыльэ – йыжыңгэ укэ, ӱжэш ыльэ – йыңым муаш ок лий.

«Шого, – Йэмэла шона, – тоймым пэш вашкышаш огыл, кугу мо? Иктаж вич кэчэ кийа гынат, нымат ок лий».

– Варажэ кузэ илыман, мом кочман? – Йэмэла шона. Ушышкыжо пылшын колмо увэр пура: тэвэ Самар губэрнаштэ айдэмэ шылым шолтэн кочкыт... Тэвэ Ташкучышто... Тэвэ Ошытышто... Тэвэ Шэңышыштат ик марий колшо ватыжым падэштэн шолтэн кочкаш ойлэн.... Чын огыл мо? Овдачи колэн, садак

шўын пытышаш. Мўндўрч шонымыжым Йэмэла садыгэ эркын-эркын лишэмдыш: под, шокшо лэм, совла... – «Мый гына омыл вэт? Ала вийэм пура? Ала вара иктаж вэрэ кайэн кэртам? Тугэ шоналта да, Йэмэла ўдыржӧ дэк мийа, изи кизажым куча, чапажым...

Ўдыржым ончэн Йэмэла ӧрмалга: «Чу, тыгэ ок кэлшэ, сулык лийэш, йыҥ воштылэш. Насылэмын лўмжӧ шўэш». Тугэ Йэмэла икана ик тўрлын, вэс кана вэс тўрлын шона. Йэмэла пўжалт пытыш, мочаш пуршо гайэ лийэ.

Йэмэлан вуйыштыжо шонымаш орава гайэ пӧрдэш. Шкэ мутшым шкэ тэрга. Шкэ мутшылан шкэ ваштарэш ойла: «Мыйым пошкудо пукша мо? Сулык манын, шужэн колэм мо? Вэт ик тылзэ гыч у киндэ шуэш? Илэн толын адак йэшым погаш ок лий мо? Сита, шуко ойлышаш огыл! Вўд? Уло. Тул? Кум шыпкэ кийа. Шўнчал? Шўнчалат пычырик уло. Сава кўзӧ ўстэмбалнак. Подышко гын, тачак подышко.... Лачак кас лийшашлык, йыҥат вашкэ пуслана. Илышаш... тӧчышаш!..»

* * *

Кэчэ шинчын огыл гынат, кавам шэм пыл толын пэтырыш да, тўнат, пӧрт-кӧргат пычкэмышалт кайыш. Кудывэчысэ пушэнгэ вуйыш толын курныж кычкыра. Пий урмыжмо йўк шокта.

Йэмэла сава кўзым налэш. Ўдыржӧ дэк мийа. Кидшэ чытыра, шўмжӧ кылтка. Шортэш.

– Эй, ўдырэм-ўдырэм! Мыланэм ит ӧпкӧлӧ. Шужымо орлык дэнэ тыгэ лийна: уждымым ужна, колдымым колна, ыштыдымым ыштэна. Мыйым ит вурсо.

Шкэ ойла – шкэ кидшым шуйа. Пўчнэжэ – тувыр мэшайа. Тувырым корандыш. Вара ўдыржын икана ик кидшым, вэскана, вэс кидшым пулыш гыч пўчкын нальэ... Йэмэлан йыжыҥжэ пытыш, олымбал воктэн кўварышкэ волэн шинчэ.

Пычкэмышалтын. Йэмэлан пӧртыштыжӧ, возакыште, чыл-чыл тул йўла, подшат чыжгыжэш, под лэвэдыш воктэч шокшо пуш лэктэш. Кўвар ўмбалнэ ала кэ шкэдак ныл йолан мугылтата. Тидэ кэ? Тидэ – Йэмэла: кок йол дэн шогал кошташ вийжэ пытэн да, тудо ныл йолан нушкэш.

Йатыр лиймэнгэ, возакысэ тул йӧрыш. Пӧрт пычкэмышалтэ... Обэдэ кўын... Йэмэла ӧрмалгыш: кочшаш гын, альэ чытышаш? Кузэ тўҥалшаш?

– Ом коч, тамжым гына ончэм, – маньэ Йэмэла. Ик кид вургым нальат, пурльо, тамлэн ончыш... Коканалан пурльо, адак тамлыш. Кумганалан – кочко...

Рушто гайэ лийэ... Пэш кугу титакым ыштымыжла чучэш...

Тўнӧ, пычкэмыштэ, мардэж пуа, пушэнгэ лышташ ыжга; йалыштэ авытан мура.

Йэмэлан пӧртыштыжӧ нымат ок кой, «ой, ачи! ой, ави!» манын Йэмэлан пӧрдал шортмо йӱкшӧ гына шокта...

Шукак ыш лий. Йэмэлам кыльгыкташ тӱҥальэ, бакэн-бакэн укшыч пытарыш... Кызыт кочмыжо вэлэ огыл, ала могай тошто льувыражат лэктэ.

Изиш лимэнгэ, Йэмэлан адак кочмыжо шуаш тӱҥальэ, чыташат ок лий. Йэмэла под дэк мийэн вэс кидым нальэ, вэс кидым кочко.

Варажэ кочмаш вэрэшыжак туртын возо, игышывэ гайэ мален колтыш...

Эрлашыжым, кумышэшыжым йолжым кочко. Пытартышыжлан вуйым шолтыш. Вуй конражым чӧгыт дэнэ кырэн шалатыш. Вуй торыкшо лэктын возо, упшаш пурыш, тамылын чучо.

Икана эр дэнэ, ӱжара тӱр коймо годым, кочмо дэч кодшо ӱдыржын лужым, кӧргыжым погэн, лӱдын-лӱдын, шӱгарлаш нумал кайыш....

– Эк, нужна ий, тый пэш шучко улат!..

У вий. 1929. № 4. С. 31–33.

КОКША ВУЙ

(йомак)

Ик куван лийын шым эргэ, вэс куважын ик эргэ... Ик эргыжэ иктыньэкак улмаш, манэш, Кокша вуй. Чодра тунам мӱндӱр огыл, ик кэчыштэ пум руат: шым эргэтшэ – шым важыкым... «Кокшат» руа тунарак... Шым эргэт-влак кӧранат, Кокша румылан сырат, мийэн тулым чыкалтат, Кокшан пужым йӱлалтат. Кокша тудлан огэш чакнэ, шым эргылан каласа: «Шӱ укэштэ шӱэм лийэ, ындэ кайэм ужалаш». Тэрэш опта, имньым кичка, аваж тудым ужата: ик шонымашым вуйэш кучэн, шӱ дэн корныш Кокша кайа...

Корно кужу, йалла шуэ; ожно марий шала илэн. Тугэ гынат ик йалышкэ мийэн пура Кокша Вуй.

«Шӱмбэл родо, канаш пуро: иктаж корка пурам йӱат?» – Кокша Вуйын пылшышкыжэ мийэн пура ӱжмӧ шомак.

«Казна шийым нангайэм-ла! – Кокша вуйэт каласа. – Иктаж толын ончалэш гын, шинча возын, шӱ лийэш».

Корно кужу, йалла шуэ: ожно марий шала илэн. Тугэ гынат вэс йалышкэ мийэн пура Кокша Вуй.

«Шӱмбэл родо, канаш пуро: иктаж корка пурам йӱат?» – Кокша Вуйын пылшышкыжэ ӱжмӧ шомак шокталта.

«Казна шийым нангайэм-ла! – Кокша Вуйэт каласа: – Иктаж ончал колта гын, шинча возын, шӱ лийэш».

– Молан огыт? Тол, пуро! – шӱмбэл родым пэш ӱжыт. – Корка пурам йӱн лэктат, киндэ кугу огыл мо?

Тэржым кодэн пура да, Кокша пурам йӱлдалэш; шкэ йӱэш, шкэ онча – тӧрза гычын тэр койэш.

Тыгэ сийлалтмыжэ годым, Кокша Вуйын тэр дэкшэ ик кугыза мийа да, ончал колта «казна шийм».

– Ой, мом ыштэм, куш пурэм!? – Кокша лэктын кычкыра. – Ончалда да, шинча возо – казна шийэм шӱ лийэ!..

Ош кугызат ӧрмалга, «Титак мыйын» ман шога; ик тэр шийым пуа да, Кокша Вуйым ужата.

Шым эргэт-влак ваш лийыт, Кокшан шийжым ончалыт. – «Кушто муыч тынарэ шийым? Тый каласэ мыланна».

Кокша ойлаш ок ӧрканэ, тудо тыгэ каласа: «Тэвэ, – манэш, – пуэм йӱлалтышда, оптэн тудым кайышым... Ик йалышкэ пурышымат, мучко тыгэ кычкыршым: «Шӱ дэн шийым кэ вашталта? шӱ дэн шийым кэ вашталта?» Вара тугэ кычкырмэмлан ик кугыза тольо да, мыйын шӱэм йастарэн, шийым оптэн ужатыш»...

Тидэ мутым колытат, шым эргэт-влак таҥ ольат: «Айда пунам йӱлатэна, ший дэк мэат кайэна!» Иктым иктэ таратэн, куван шым эргэ-влакэт, шкэ пуыштым йӱлатэн, шӱжым оптэн наҥгайат. Ик йалышкэ шуытат, шымытынат кычкырат: «Шӱ дэн шийым кэ вашталта? Шӱ дэн шийым кэ вашталта?»...

– Шӱ дэн шийым кэ вашталтыман? Иктыж онталэн кайышат, адак весышт толыныт! – манытат, кидэш тойам налытат, шымыньэкат кырэн колтат...

* * *

– Кокша нэмнам мыскылыш, – шым эргэ-влак каласат. Кокшан аважым кучатат, кырэн пуштыт тунамак. Шортмо дэнэ мо ушна? Ойгырмо дэн мом муат? Кокша аважым сайын чикта, шындэн кайа ала кушко...

Корно кужу, йалла шуэ: ожно марий шала илэн. Тугэ гынат, ик йалышкэ мийэн пура Кокша Вуй.

– Шӱмбэл родо, канаш пуро, иктаж корка пурам йӱат? – Кокша Вуйын пылшышкыжэ ӱжмӧ шомак шэргылтэш.

– Тӧра ӱдырым наҥгайэм-ла! – Кокша Вуйэт каласа. – Иктаж йында ончалэш гын, шӱмжӧ шэлын колэн колта!..

Корно кужу, йалла шуэ: ожно марий шала илэн. Тугэ гынат, вэс йалышкэ Кокша Вуйэт мийэн шуэш.

– Шӱмбэл родо, канаш пуро, иктаж корка пурам йӱат? – Кокша Вуйын пылшышкыжэ ӱжмӧ шомак шокталта.

– Тӧра ӱдырым наҥгайэм-ла! – Кокша Вуйэт каласа. – Иктаж йында ончалэш гын, шӱмжӧ шэлын колэн колта.

– Молан огыт? Тол, пуро! – шӱмбэл родым пэш ӱжыт. – Корка пурам йӱн лэктат, киндэ кугу огыл мо? – Тэржым кодэн пура да, Кокша пурам

йўлдалэш: подылэш, ончалэш – окна воштшо тэр койэш. Тыгэ сийлалтмыжэ годым Кокша Вуйын тэр дэкшэ чэвэр ўдыр мийа да, ончал колта «тӧра ўдырым».

– Ой, мом ыштэм, куш пурэм? – Кокша лэктын кычкыра. – Ончалда да, шинча возын, шӱмжӧ шэлын коленыс!..

Чэвэр ўдыр ӧрын шога. «Титак мыйын», – манын ойла... Ўдыретым ышкэнжым Кокша Вуй дэн ужатат.

Шым эргэт-влак ончат гын, Кокша воктэн – чэвэр ўдыр... «Кужак муыч тидэ ўдырым? Мыланна ойло!» – манын нуно.

Кокша ойлаш ок ӧрканэ, тудо тыгэ ойлалэш: «Тэвэ тидэ чэвэрэм мый пэш вашкэ кондышым. Авам тэ пуштмэкыда, тойаш тудым нынгайшым... Ик йалышкэ пуршымат, мучко тыгэ кычкыршым: «Колшо дэн илшым кэ вашталта? Колшо дэн илшым кэ вашталта?» Мыйын тугэ кычкырмэмлан тэрыш ўдыр толын шинчэ. Мыйжэ имньым савыршымат, мӧнгӧ вэлэ кудальым» ...

Шинча йӱла шым эргын, нунат лийнешт чэвэран: аваштым пэрэн пуштытат, тэрэш шындэн кудалыт. Ик йалышкэ шуычат, шымытынат кычкырат: «Колшо дэн илшым кэ вашталта? Колшо дэн илшым кэ вашталта?»...

– Колшо дэн илшым кэ вашталтыман? – сырат тусо марий-влак. – Иктыж олталыш – ок ситэ, адак нинышт олталнэшт! – манын, марий-влак содор тойам налытат, шымыньэкат кырэн колтат....

* * *

Кыралт толшо шым эргэт, сырэн пытэн, тыгэ ойлат: «Айда ындэ Кокша Вуйым шкэнжымак пуштына!» Кокшам аврэн кучат да, мэкыш чыкэн рӱдалыт. Тэрыш шуйэн пыштатат, вӱд тӱрышкӧ кудалыт. Вӱд тӱрышкӧ шуыт гын, товар укэ ий руаш. Кокшам мэкэш кодат да, чылан куржыт товар дэк...

Тудо жаплан вӱд воктэч ик поп кайа, ош имньан: тэрыштыжэ кол кийа, шкэжэ кылмэн чытара. «Что сидишь, Тимошка?» – поп йодэш Кокша дэч. – «Ав-ыв!» манэш мэкысэт. Дыр-дыр чытыра кужу ӱп.

– Пускай? – йодэш чытыршэ.

– Пускайэм! – манэш кӧргысӧ. – Ончыч рудо тый мэкым...

Кокша лэктэш тӱжвакэ, поп пура ырыкташ. Кокша мэкым рудалэш, попын тэрыш мийэн шинчэш, кидыш сапым куча да, чодырашкэ кудалэш.

Йывэ-йуво шым эргэт куржын толыт товар дэн: ий ӱмбакэ шогалытат, вакым руаш тӱҥалыт. «Чево рубишь топором? Чево хотишь ты, мой брат?» – Румо йӱкым колэшат, попэт йодэш мэкэ гыч.

– О-о! садэт лӱдмыж дэн рушла ойлаш тӱҥальэ! – Вакым руэн шӱлэштын эргэ-влакэт воштылыт. Вакым кӱнчэн пытаратат, попым волтат ий йӱмакэ. – «О, господи, ох, помилуй!» – попэт мура вӱдыштӧ...

– Ончо, ындэ, осподитым! Тэвэ тланэт помила! – Попым вӱдыш чыкышыла, изак-шольак каласат.

«Кокшам» тугэ пытармэнгэ, шым изак-шольакэт пэш вашкат: тудын чэвэр ватыж налаш талын куржыт чыланат. Пэл корнышкат ышт шуэп: Кокша Вуйэт – ош имньан – кудал толэш почешышт.

– Вакыш шушна огыл мо? Кузэ лэктыч вӱд гычын? – Ӧрын ончат шым эргэт, Кокша дэчын йодылдат.

– Тэжэ мыйым шуышта да, мыйжэ ындэ поган лийым, – инандарэн Кокша Вуйэт каласа: – Тэвэ мыйын ош имньэм, тэвэ пӧлӧк колэм-влак: тидым чыла вӱд-оза пуэн колтыш мыланем!..

Тудэ мутым колытат, куржыт вакыш шым эргэ: «Айда кайна имньэ дэк, колым мэат кондэна!» Вакэ тӱрыш шуытат, почэ-почэ туш тӧштат: вӱдшӧ толкыналтмэ дэнэ, ӱлнӧ имньэ уло, шонат.

– Уна, уна! имньым куча – вӱд толкынжо пэш кугу: айда, – маныт, пырльа кучаш... кучэн ок кэрт ышкэдак!... Иктэ вэс-дэч удитлэн, шым эргэт-влак шымыньэк, ош алашам кучэм, манын, вӱдыш тӧштэн пытэн улыт...

Йырсэ

У вий. 1929. № 8. С. 12–18.

Йэпрэмов Т.Й. СЭРГИ ЧӰЧӰ

Кэҥэж – эн сай жап. Кэчэ кужу, йӱд кӱчык: кастэнэ пычкэмышалтынат ок шу, эр ӱжара волгалташат тӱҥалэш. Куку кэчэ гут мура, шӱшпык йӱд вошт шӱшка. Моло кайыкат тыгыдэ йынгыр гайэ вэлэ шоктыктат.

Олыкым ончалат – шинчат йыма: чэвэр дэч чэвэр пэлэдыш; пэлэдыш йыда тыгыдэ йолан мӱкшэт, тӱрлӧ тӱсан лывэт, йоҥэж йолан шырчыкэт, – чыланат пайрамым ыштат.

Эй, пӱртӱсшат-чэвэржат, тыйын моторэтым моктыдэ чыташ ок лий. Качылан кайшаш чэвэр ӱдыр ышкэнжым ышкэ тунарак ала чикта, ала укэ, – тый, пӱртӱс, кэҥэжым ышкэндым ышкэ тугэ чаплын чиктэт!...

Тэвэ тыгай асыл жапыште, кугу чодра покшэлнэ, изи гына тэҥгыл ӱмбалнэ, Сэрги чӱчӱ исым тодын шинчалта. Воктэнжэ, кугу огыл, омаш сэмынжэ улдалэш. Омаш вэлэнжэ ик лудо мыжэр, ик кэрдэ кэчалтат. Моло ӱзгаржэ ок кой. Шыҥа дэнэ ӱвыра шукылан, омаш анэшыжэ мэкшым пыжыкталын. Омаш гыч шыкш лэктэш.

Мом орола гын Сэрги чӱчӱ тидэ шэм чодраштэ? Мӱкшым? Кайыкым? Ала жап дэн, жап дэн кӱрым, нийым тӧргалта?

Укэ. Сэрги чӱчӱ молым огыл, ышкэнжым ышкэ орола. Тудо мӱндӱрнӧ, салтакыштэ улмаш. Ожно салтакыштэ пэшак кужун шогыктэн улытат, чытэн кэртдэ, шочмо мландыжлан-родыжлан ӱшанэн, салтак гыч шылын толын.

Толашыжэ толын да, суртыштыжо илаш эркэ лийын огылат, Сэрги чӱчӱ шэм чодыраштэ илаш тӱҥалын. Кочкашыже тудлан киндым сурт гыч кондэдэн улыт, ваштарэшыжэ Сэрги чӱчӱ исым ыштэн пуэдэн.

«Руш кугыжан төраштлан кул лийын илымэм ыш шу, – сыршым», шоналда Сэрги чӱчӱ, исым пидын шинчышыжла. «Салтакыштыжэ мэмнан гайэ марийым огыт пагалэ: «чэрэмиский мордо, лопаткэ» манын, лӱмдылыт. Туныктымо годымат эрэ шӱрдылыт, кырат: йол дэн шогымэтат ок йӧрӧ нунылан, кид сакымэтат ок кэлшэ. Вуйэт пӱгырна – оҥылашым пэрат, комдык кайа – шойа корэм гыч кырат. Пылыш тӱҥланат логалэш, шӱ лодышланат пуат, – кыралтдымэ вэрэт ок код. Чытышым-чытышымат, ваштарэшышт шӱмэм кыньэлэ: – Э-э-э, – майым. – Молан мый ышкэмым ышкэ мыскылыктэм, кырыктэм? Ышкэ вуйэм ышкэ мый молан пӱгыртэм? Сита: ожно шылтмыштат шуко лийын. Руш кугыжан төрашт, салтакышт, ожно марий йалым шуко толэн, марий йыҥым шуко йӱлалтэн улыт, манэш ыльэ кувавай. Эн ожныжо марий эша ышкэ сэмынжэ, эркыштэ илэн, манэш ыльэ. Тыгэжэ путыракат сай лийын. Ой, адакат икана тугак лийэш ыльэ гын!... Шонышым-шонышымат, лэктым да куржым. Ындэ исым ыштэн, чодраштэ илэм. Шольым «кочкаш пуэм», манэш, шэшкэ «тувырэм мушкам», манэш, адак мо кӱлэш?.. Почэшэм гына кычал ынышт тол!.. Иза-шольым лӱдыктат-дыр да... Айда, мый вэлэ улам мо? Уна, Чарла корно ӱмбалнэ Опанасат, молат тугак илат. Тэвэ «вашкэ кугу сар лийэш», манын кутырышт. «Руш кугыжам тэмдалнэшт», майыч. Сайрак тэмдалам ыльэ! Тунамжэ ала саманат вашталтэш. Вуйэм утла гын, тудыжат пэш йӧра... Йал марийэм-влак мыйым чаманат: «луктын она пу, огына кудалтэ», майыч. Илэм гын вэлэ. Шӱшпыкшэ, эх, кӱзэ шӱшкалта?

Шӱшпык почэш Сэрги чӱчӱэмат шӱшкалтэн, муралтэн колтыш...

* * *

Кэчэ кэчын эрта. Чэвэр кэҥэж кэрэк мыньарэ асыл ыльэ гынат, иктат чарэн ыш кэрт, эрташ тӱҥальэ. Шудо солымо жап эртыш, у киндат шуо. Йужо вэрэ у мӱымат ончышт.

«У киндэ шумылан, ик кана кугарньам ыштэн, канэн налшаш ылэ, – манэш ватыжлан Сэрги чӱчӱн шольыжо. – Мочаш олто, мэлнам луго, Сэрги изаланат намийэн пушаш: айда, тудат кочшо, ынжэ ӧпкӧлӧ».

Кугарньа эр. Конга тул йӱла. Сэрги чӱчӱн шольыжын ватыжэ мэлнам кӱэштэш. Изарньан кастэнэ йэшышт мочаш пурэн улытат, чыланат ош тувыран улыт. Ӱстэмбал шовычат ошо. Төрыштӧ, кашташтэ, кок-кум солык сакалтымэ. Мэлна кӱэштшэ шэшкэ, конга ваштарэш энын, йошкарген, пӱжалт пытэн – санга гычшэ пӱж-вӱд тӱча. Салма чыжгыжэш. Мэлна ӱпш нэрыш пура. Ырвэзэ-влак мэлнам ончат, кочкаш тӱҥалмым вучат. Туштак ик пошкыдо марий пурэнат, магыртатэн шинча: мэлнам ончэн шӱвылжӧ толэш...

Мэлна кышыл тэмэш. Ындэ пэлэштэн чыла йэш дэн кочкаш тӱҥалыт манмэ годым, урэмыштэ капка ончыко кок орава кудал тольыч. Кэ толэш? Молан? Окнаш ончалыт, капка ончылно эртак полтышан, кэрдан салтак-влак. Капкам почын, пӧртӧнчык шылдыр-да-шолдыр кӱзэн, пӧртыш пурэнат шуыч. Кок салтакышт кудывэчэш кодыч. Рушла ойлат: «Ага, блины! Ладно». (Мэ тыштэ марла возэна).

Эн пэрвойак кугурак салтакше пошкыдо йыҥ дэнэ ойлаш тӱҥальэ:

– Тый кэ улат?

– Пошкыдо.

– Мий старыстылан, сотскийлан каласэ: пэш вашкэ йал погынмашым погышт: сомыл уло. Кольыч?

– Кольым.

– Живо!

Пошкыдо йыҥэм лэктын куржо. Салтак Сэргийын шольыжо дэн ойлаш тӱҥальэ.

– Сэргийын шочмо суртшо тидэ?

– Тидэ, – манэш Сэргийын шольыжо.

– Тый жэ кэ улат?

– Сэргийын шольыжо.

– Сэргийда кугыжан законжым пудыртэн, салтак-гыч шылын куржын. Тэвэ пырказ. Тудым мланна кучэн нангайаш шӱдымӧ. Кондыза, пуза Сэргийдам!

Сэргийын шольыжо кылмышэ гайэ чытыра, ольэнат ок кэрт. Ватыжэ гын, салмам тэвэ волдэн шуа, ик мэлнажэ конгаш йӱлэн пытыш. Ырвэзэ-влак чланат ӱдрамаш пусакыш кугыргэн шинчыч.

– Сэрги изай нэмнан дэкэ толын огыл: мэ тудым ужын онал, огына шинчэ, – манэш Сэргийын шольыжо.

– Шойак. Молан олталэт? Сэрги тыштэ, мэ шинчэна.

Полтышан, кэрдан-влакэт кычкырал колтат, шинчам савыркалат, шӱрдат, лӱдыктат, йолым тошкат.

– Укэ, чынак укэ, – сӧрбалымэ гайэ каласа Сэргиын шольыжо, – толмыжым-можым мэ колын онал.

– Кычалына вэт?

– Кычалза.

– Кычалаш! – манын кычкырал, тӧштэн кынельычат, кычалаш тӱҥальыч.

Пӧрт йымалым почыктат, пӧрт коклаште, пӧртӧнчыл йымалнэ кычалыт.

Кудо вэчэш кодшо салтак-влак лэваш йымалнэ, шурно кылатыштэ, вӱташтэ, вӱта ӱмбал олымышто, агунышто, арва вӱташтэ, мочаштэ, нӧрӧпыштӧ, моло вэрэат кычал пытарышт. Тӱкылмӧ кылатым, шондыкым, ларым почыктышт – Сэрги укэ.

Вара кугурак салтакышт, унтьэржэ, пэш шӱрдэн лӱдыктэн ойлаш тӱҥальэ:

«Ончыза, шэкланэн лийза! Сэргийдам ышкак кучыктэн ода пу гын, мэ чыла погыдам ужалена, суртдам пытарэна, ышкэдамат казаматыш пэтырэн, шӱктэна. А тый, Сэргийын шольыжо, вургэмэтым чийэ, мо йамдылшашэт уло – йамдылэ: мэ тыйым изат олмэш, залоглан, олаш нангайэна... Ындыжэ кочкаш кондыза, йӱаш. Мэ шужэн улына».

Йолташыштым чыла ӱжыч. Тӧрыш пурэн шинчыч. Мэлнам, ӱым йодыт. Мэлнам кочкын пытарышт. Тошто пӱрым, пурам кычал кондыктышт. Тудымат йӱын, лӧкэн пытарышт. Шӱргышт йошкаргыш, тэвэ пудэшталтэш. Шинчашт кандашэ лийэ.

Имньышт дэнэ йал погынымашкэ кудал мийышт. Туштат Сэрги нэргэнак ойлат: шӱрдат, лӱдыктат, шылшэ салтак Сэргийым кучэн, намийэн пуаш шӱдат. Укэ гын пӱтынь йалым ужалтараш сӧрат. Путыракшэ – сотньык дэн старыстым пэш лӱдыктат.

Ойлэн пытармэнгэ, имньыштым савырэн, Сэргийын шольыжым чыла калык ончылно закладлан шындыштат, кок орава дэнак мӧнгэш кудальыч. Сэргийын шольыжын ватыжэ, шочшыжо, нымолан ӧрын, ачашт нангаймым окна гычышт ончэн, шортын кодыч...

* * *

Адак эр лийэ, адак кас лийэ – жап эрэ эрта. Ийгэчэ койын шыжэ вэлыш савырна. Уржам ӱдат. Шӱльым тӱрэдыт. Чодраштэ пушэнгэ лышташ чэвэргэн. Пызлэ кычкэ дэнэ полан, шуан вондо кычкэ – тарай гайэ койыт. Чара тӱва-гыч чодрам ончалат гын, ала мыньарэ чувар тӱсан вэлэ койэш.

Сэрги чӱчӱн йэшыжат ик шӱльӧ анам чодра воктэн тӱрэдыт. Йоча-влак чодра воктэн, ана мучаштэ, модыт. Тӱрэдшэ-влакэт ышкэ тӱрэдыт, ышкэ шыдыргыдыр кутырат.

Тыгэ тӱрэд шогымышт годым, ик ырвэзэ чодра воктэн «чори-и-ик!» кычкыралынат колтыш: «Ави мӱму-ӱ! ави мӱмӱ-ӱ!» – васара вэсыжэ. Ындэ мо лийэ? Ончал колтышт гын, чодра гыч лэктын шӱльӧ воктэн, йыраҥ мучо мӱшкыржӧ дэн нушкын, «мыгыл-мугыл, мыгыл-мугыл» Сэрги чӱчӱ толэш. Тӱредмым чарнышт, тудат сукэн шинчэ.

– Шэшкэ, икана мочаш олтэн пу ыльэ, – эркын гына ойла Сэрги чӱчӱ, кыньэл шогалдэ. – Мочаш пурмэм пэш шун. Пэшак ракматым каласэм ыльэ. Лӱмын тольым вэт.

– Ой, Сэрги изай, ит вурсо: пэш лӱдмэм дэнэ ойлэнат ом кэрт...

– Ида лӱд, мый лӱдыкташ толын омул, сӧрвалаш толынам.

– Ой, Сэрги изай, мом ыштыман, ала кузэ илыман: пэш лӱдыктат вет. Салтак-влак почэшэт толын кычалыт, кылат кӧргым пургэдыт, тӱкнымӧ шондыкым почыктат. Ӧрын пытэн улына. Колнат дыр: саклатлан манын, шольычымат олаш нангайэн улыт ыльэ... Шӱдӧ тэнгэ оксам начальниклан намиэн пуэн,

тока сулэн кондэнам. Уло шийэм чыла пӱчкэдэн пуаш тӱкныш... Туэ гынат, пэш лӱдын, чытырэн илэна. Садэ салтак-влак адак толыт, манын ойлат.

– Пэш чаманэм... Кузэ ыштэт! Мочаш пурдэжат ок лий вэт. Мый кэчывалым огыл, йышт гына йӱдым, тошкэм гыч, идым шэнгач гына мийэм. Тидэ пытэм ындэ. Тулэч поснажат шэм чодраштэ илаш куштылго огыл...

– Ой, Сэрги изай, чыла йалат пэш лӱдын илат! Вурсат. «Тэндан шылшэ Сэргийда вэрч ындэ нэмнанат вуйна йомэш», маныт. «Тэжэ тэ, мэжэ молан пытэна?» маныт...

– Шэшкэ, мый йаллан ваш ом шого. Мый моча нэргэн гына йодаш тольым. Адак шырпым, тамакам, ӱмбал вургемымат йоднэм ыльэ. Йӱдымжӧ мом манат гын?

– Ой, Сэрги изай! Ындэ каласашат лӱдам: мийэт гын, ала тыйым авырэн кучат, манын шонэм. Йалыштэ тунарак шокта. Кучат гын вара, суртна йомэш вэт.

– Эй, шэшкэ, шэшкэ! Эрэ мый мутэмлан торэш, эрэ моча дэч кораҥ ойлэт. Шӱмда Сэрги лэч торлэн-аман... Вара кэлан ӱшаныман? Мочаш кэ дэк мийэн пурыман?..

Сэргийын ойлымо йӱкыштыжӧ пэш кӱгу ӧпкӧ шоктыш...

– Мыланна ит ӧпкӧлӧ, Сэрги изай! Ты мартэ ыжна полшо мо? Кэрэк кэат колын. Лӱмэт шарлымэнгэ кузэ ыштэт?.. Ом олтак манын, ом ман вэт, олтэм: мий, пуро. Мо лийэш-лийэш...

– Мыйын ойлымэм ӧпкӧ огыл, шэшкэ: чонэм коштымо дэнэ гына тугэ ойлэм. Эй, шэкшэ! Чонэм кузэ йӱлымыжым тэ ода шинчэ... Пыжашда шокшо..

Мутшым каласэн ыш пытаре, кумылжо тодылтмо дэнэ – «кызытлан чэвэрын, шэшкэ», – манын, Сэрги чӱчӱ шорташ тӱҥальат, адакат шӱльӧ воктэн «мыгыл-мугыл, мыгыл-мугыл» ныл йолан нушкын, чодраш пурэн кайыш...

* * *

Ик жап эртымэнгэ, Сэрги чӱчӱлан тудын шольыжо, йал лӱм дэнэ, пэш сай гына каласэн пуаш, тыгэ ойлэн колта: «Сэрги изай! Мутэм нэлэш ит нал, чыным ойлэм. Чыла йалат кызыт тый вэрчэт пэш лӱдын илат. «Тланэтат йӧсӧ, мланнат йӧсӧ!» маныт. Лучо тый ышкак тошто вэрышкэт, салтакышкэт кайэт ыльэ. Укэ гын йал марий-влак тыйым кучыктэн пунэшт. Мый тыйым пэш чаманэм».

Сэрги чӱчӱ тидэ мутым колэшат, пэш шыдэшкэн кайа, тыгэ каласа: «А-а! кылмэн улыт, ужат? Йӧра, ырыктэм. Мий, каласэ: ик сурт коддэ когаргымышт шуэш гын, к-у-ч-ы-к-т-ы-ш-т!» манэш.

* * *

Шыжэ... Отыл пасу какаргыш, озым пасу ужаргыш. Шукыжо годым – пылан. Кэчэт мландым шуэн ончалэш. Ончалаш гынат, ӱлӱч вэлэ ончалэш.

Олыкыш мийэт – шып, нымат укэ; озаштым вучалтэн, шудо каван-влак гына шэмэм шинчалтат. Чодраш пурэт – пунышкышо ӱпш.

Тачысе кэчыжэ пэшак сӧрал, путыракат пылан. Тугэ гынат Сэрги чӱчӱн шольыжо, пычалым налын, эр-дэнэ эрак, пасу тӱрым кугу чодра вэлыш ошкылэш, олыкышко шуэш.

Сэрги чӱчӱн шольыжо пэш шонымашан... Ала мом ойла. Кидшымат рӱзалта, чарнэнат шогалэш. Чодраш пурэн каймыж дэч ончыч, савырнэн шогалын, шинчаж дэн икана пасу йыр ончальэ. Чодраш пурмэнгыжэ, ик кашка ӱмбак мийэн шинчат, ышкэж дэн шкэ кутыра:

– Кузэ лийман, кузэ шуктыман тидэ пашам? – манэш. «Мий, мий» манмэ дэн гына огыл. «Мий» манашыжэ пырчат йӧсӧ огыл. Ик шонэт гын, тидэ паша – поро огыл. Тидэ паша – каргымэ паша... «Йыҥ ок шиж» манын, шыматат. Ик йыҥ вэлэ шижэш гынат, тудо йыҥ огыл мо? Йыҥ ок шиж гын, ышкэ чонэт шижэш. Тэвэ чонэм пӱтыральэ. Уна шӱмэм кылтка. Ик вӱр вэт... Йалжат, кызыт тидын сэмын пэлкэ ойла да, вэсканажэ ала кузэ манэш. Айдэмэ вӱр – модыш огыл. Тачыжэ тыгэ, вэсканыжэ йыҥ лӱмдылтыш лийат. Шкэндым вэлэ огыл, йэшэтымат, шочшэтымат лӱмдылаш тӱҥалыт. Ӧрат вэлэ!.. Ом лӱд манмэт денат ит моктанэ: тачэ от лӱд гын, вэскана лӱдат. Мом ыштышаш?»...

Сэргийын шольыжо пэш шона. Ушыжо пӧрдэш вэлэ. «Вэс тӱрлынат, – манэш тудо, – тидэ пашам от шукто гын, адакат эртак ойго гына лийэш. Моло сэмын кузэ ыштэт? Тошто вэрышкэт, салтакышкэт, кайэ манына, – огэш кайэ. Йалышкэ ит кошт, кучат, – йа вэс варыш кайэ, манына, — ӧпкӧла, шортэш. Ӧпкӧлмыжэ, шортмыжо нымат огыл ыльэ: кучэнак кучат гын, вара ышкэат пыта, мэат пытэна. Вуйэт йыр шоналтэт гын, ик чонлан ончэн, лу коло чон пытэна мо? Вэт ончыкыжат тудлан волгыдо илыш лийшаш огыл. Тэний мо, вэс ий мо, кэрэк кунамат ик мучаш. Пийалжэ тугайэ, кузэ ыштэт? Эрэ лӱдын, эрэ чытырэн, эрэ вурсалт илэна мо? Шуктышаш огыл гын, – каҥашашат ок кӱл ыльэ, лекташат огыл ыльэ, тынарэ мӱндӱр вэрыш толмыжат ок кӱл ыльэ! Шуктыде шотлан ок тол, шуктышаш! Важык гына ынжэ кайэ»... маньат, Сэргийын шольыжо кашка ӱмбач тӧшталтэн волэн, чодра кӧргыш пурэн кайыш...

* * *

Сэрги чӱчӱжат тачэ эрдэнэ омаш гычшэ пыкшэ-пыкшэ кыньэл лэктэ. Могыржат пуаҥын, кумылжат пэш нэлэ. Шӱмжат йӱла вэлэ, кочкышыжат пытэн. Садэ шӱльӧ аҥаштэт шэшкыж дэн ойлымыж дэч вара, адак шольыжын каласэн колтымо мутшо дэч вара, Сэрги чӱчӱн кумылжо йылт волыш. Шэмэ почэш шэмэ, йӧсӧ почэш йӧсӧ толаш тӱҥальэ. Ийгэчыжат пужлыш. Шӱмжылан эрэ ала мо укэ гайэ, ала мо йоммо гайэ, тучыкта. Ончыкшат ӱмыржӧ сай лийшашлык гайэ ок тӱч. Чодражат ындэ чонжылан ок пиж. Йӱдымжат пэш

шучко, кэчывалымат кумылла огыл. Исымат ыштымыжэ ок шу. «Ты мартэ илышым – йӧра, ончыкыжо, аньат, кок мучашан лийэш дыр»... – манэш Сэрги чӱчӱ. – Мландыжат кылма, толынат шуэш»...

Изи тэнгылышкыжэ икана мийэн шинчэш, вэскана кыньэл шогалэш. Омашышкыжат пурэн лэктэш, йыр-ваш шогал онча, – укэ, тудлан полшышан йынг иктат ок кой... Мӱндӱрнак огыл, «шот-шот, шот-шот-шот!» шоктыктэн шиштэ гына чӱнга...

– Ындэжэ, суртышкэм миймыланат огыт йӧратэ-э, – манэш Сэрги чӱчӱ. – Кэрэк кузэ илэ. Салтак гыч ок курж гын, сайрак улмаш... Ала лийэш гын, шонышымат, ыш лий. Подыш пурыдымо ӧрдыж лу лийым! Кэлан ӱшаныман гын ындэ илымэ годым? Тылэч варажэ ала ача-аваланат ӱшаныман огыл? Шкаланэм ӱшанэм, манынам ыльэ, – ышкаланэтат ӱшанаш ок лий улмаш. Эх-хэх-хэ! – манын, Сэрги чӱчӱ кугун шӱлалтен колтыш.

– Ужамат, вэс вэрыш куснындэ ок лий, – манэш адак Сэрги чӱчӱ. – Иктаж кэчэ гыч Йӱксӧ тӱва вэс могырыш куснэм, куснындэ ом код.

Мо шокта? Сэрги чӱчӱ адакат колыштэш: ала могай кошкышо пӱнчӧ мардэж пумо дэнэ йыгалтын, «кычыр-ко-о-очыр, кочыр-ко-о-очыр», йынг гайэ кычкыра. Йужо гунам ышкэ сэмынжэ ала мом ойлымо гайэ шоктыкта. Пӱнчӧ тӱрлын-тӱрлын кычкыра да, чодра кумдыкэш шэргылтмыжэ дэнэ Сэрги чӱчӱн чонжылан пэш йӧсын тучыкта. Кэчэ пэш пыланлан, адак чодражат пычкэмышалт кайыш.

«Уф!» манын кугун шӱлалтэн, Сэрги чӱчӱ, тӱсыжым тумбак – тупшым тэмбак савырэн, изи тэнгылышкыжэ волэн шинчэ...

Шинчын тыпланэн гына шуын ыльэ, вучыдымо годым, шиждэ коддэ, шэнгачынжэ пычал пудештынат кайыш... Пудэштмэ йӱк дэнак пырльа Сэрги чӱчӱат «ох!» манын кычкырал, кӱшкӧ тӧшталтэн колтыш. Савырнэн ончальэ гын – ваштарэшыжэ, мэнгэ гай, Сэрги чӱчӱн шочмо шольыжо шога... «Ышкэ изатым ышкэ лӱэт улмаш!» – шоктыш Сэрги чӱчӱн кугу ӧпкэжэ...

Шокшыньэк, омаш ӧрдыж гыч кэрдыжым руалтышат, лӱшӧ шольыжо почэш куржаш тӱнальэ. Пич чодраштэ, пушэнгэ лонгаштэ, кок изак-шольак, колаш-илаш, йочала куржыт. Ойлашат шӱмэтлан шыр тӱчэш. Сэрги чӱчӱ лӱшӧ шольыжым поктэн шуэш... Ындэ поктэн шуэш пэл важык гына кодо, ындэ шкэнжымат руалам, ындэ ӱчэм шуктэм, кӱсынэм тӱлэм, манмыжэ годым, Сэрги чӱчӱ мландэ ӱмбакэ кумык шунгалт кайыш, кид гычшэ кэрдыжым мучыштарыш, ныгунамат кыньэлдымашын шуйнэн возо...

Садэ пӱнчэт кычкырэн шога, Сэрги салтакэт тарвандэ кийа...

Эй, Сэрги чӱчӱ! Шучко жапыштэ илымэт дэнэ тынарэ ойгым ужын, тыгэ арам лийыч. Кызыт нэмнан Йошкар армийштэ лийат ыльэ гын, эрэ тунэмат, эрэ почылтат вэлэ ыльэ...

У вий. 1930. № 2–3. С. 28.

Ирысэ. ПАЙМЫР КУГЫЗА

Кугу Унчо вэс могырышто, Озаҥыш каймаш тӱва ӱмбалнэ, эн пытартыш марий йал – Паймыр починга шинчалта. Йалжымат Лаймыр Кугыза ышкэ почын. Тэвэ тидэ Паймыр Кугыза, Шой кадыр марий сэмынак, пойан улмаш. Пойанжэ дэч коч – намысан йыҥ, пэшкыдэ чонан, пэшкыдэ йӱкан йыҥ улмаш: эрэ тудын кычкырмыжым гына колышт, эрэ тудын шӱдымыжым гына ыштэ.

Ӱдыржылан качым, «ту-у, ту-ту!» шоктыктэн, шыжэ пучым пуалтыктэн, кондыктэн огыл гынат, Паймыр кугыза, «Шой кадыр» сэмынак, ӱдыржым марлан пуа, сӱаным вуча. Сӱан манмаштэ, сӱаным шуко огыл, лач кӱлэшым гына кондыкта, мыньарэ йыҥжым ышкэ каласа.

Паймыр кугыза калык йӱлам шукта, сӱанлан чэсым (сийым) йамдыла. Йамдыла гынат, ончэн-ончэн чэсыжым чаманыш: «Обжор командам йара ом пукшо, «ик пашам» ыштыктэм!» – манэш. Тудо пашамат йамдыла. Адакшат: «Сӱаным шуко ом шогыкто, роскот шуко лэктэш», – манэш.

Лач Паймыр кугыза шӱдымӧ сэмынак, эр ӱжара годым, сӱан кудал толын пурыш: мурат, куштат, лӱшкат. «Ырро! ырро! ырро!» – ман кычкырат. «Паймыр Кугыза дэк кугу сатулан толна!» – манып. «Паймыр кугызан ӱдыржым мӧрва йӱаш нанҥайэна!» – мурат.

Ик нэргэ дэнэ чэсат чыла ӱстэмбалнэ: кочкыт, йӱыт, кычкырат; эк, пӱрӧ вэлэ шагал!..

Тугэ гынат молыжо чыла йӧра гайэ; ик Паймыр кугыза гына адак, пэш айык, ала мо шыпырак коштэш, ала мом шонымо гай койэш.

Изиш лиймэнгэ, Паймыр кугыза сӱанлан кычкырал колта:

– Кочда-йӱда ма ындэ, сӱан марий-влак?

– Кочна-йӱна, тау лийжэ! – манып сӱан-влак.

– Кочда-йӱда гын, айдыза ындэ авун кыраш: ик авун уржам кырэн пуза, манэш Паймыр кугыза.

Ик минутлан, сӱан, пэрэн колтымо гайэ лийын кайыш: шӱвыр-тӱмыр шып лийэ; савус лувышым нӧлтэн, тӱҥын шога; сӱан ватэ, ӧрын, кок кидшым шарэн, колышт шога... «Адакат, адакат!.. Эрэ, эрэ-э-э!» – манын кычкырмэтат кӱрыльӧ.

Паймыр кугыза кугу йӱкшӧ дэнэ адак кычкырал колта, адак идымыш покта.

Мо лийэ гын ындэ? Мо лийэ – Паймыр кугыза кэртэ, сӱан рончалтэ: шӱвырзӧ шӱвыржым шылтэн пыштыш, тӱмырзӧ тӱмыржым ишкэш сака; сӱан ватэ сывынжым кудашэш... Иктэ почэш вэсэ, вэсэ почэш кумышо, – сӱан йыҥэтвлак, и-и-и, авун кырашэт йогэнат пытышт. Качэ дэн ӱдырэт – эн пӧрвӧйак куржын улыт. Савус марийэт, сӱан вуйлатышаш олмэш, ышкэ шӱштӧ лувышыжо дэнэ авун кыршым вуйлатэн шога.

Шарат (кылтам), кырат, савыркалат, сорла дэнэ кылта пидышым пӱчкыт,

олымым нумалыт, уржа кышылым чумырат. Паймыр кугыза ышкэжэ ончэн, кычкыркалэн гына коштэш.

– Ындэ пытарышта мо пашам? – йодэш Паймыр кугыза.

– Пытарышна-пытарышна, – маныт сӱан марий-влак. – Уржат пэркан лийжэ!

– Пытарышта гын, шичса чыланат идым сэрэш, йолдам рудыза, йӱдалда гыч уржам почкыза, – вара пэркан лийэш! – кычкырал колта Паймыр кугыза.

Чыланат идым сэрэш шинчыт, йолым рудат, уржам почкат.

Пойан Паймырлан тидат ыш ситэ. Пӧртыш миймэнгэ, ик нэргэн адак пукшымэнгэ, сӱаным кугыза поктэн вэлэ колта: «Паша пытыш, жап шуо, ӱдырдам шындыза да – кудалза!» – манэш.

Сӱанат, нымолан ӧрын, лэктын кудалэш...

...Марий калык коклаштэ кулак чылт укэ, чыланат йорло дэн ик марда улыт маншыжэ шукак улыт. «Паймыр кугыза» нэргэн возымыжо илыш гычак налмэ, чын. Паймыр кугузан койшыжо кулак тӱсыжым, осал койшыжым онча-кта. Тыгэ гын марий калык коклаштэ кулак-влак улынак уло. Нуно тыгылай жапыштэ вэлэ огыл, сӱан годымат, пайрам годымат йорло-влакым пызыраш тӧчат, кугу логарыштым тэмынэшт.

У вий. 1930. № 5–6. С. 18–20

Т. Ефремов. ШӲВЫРЗӦ КУГЫЗА

Кэнгэж рӱдэт эртыш гынат, кэчэ шокшо, йӱштылашат лийэш. Воктэнэм ик йолташ уло. Эрэ кутырэна. Олык гоч, вӱд гоч, шӱльӧ пасу гоч толна. Йол-корныштo, тыштат-туштат, кочкын кудалтымэ ужар пурса шудо кийа.

Кэчыжат сай лийэш гын – лийэш вэт: чонэтым куандара! Адак йырым-йыржат, пасушто, мӱндӱркӧ койэш...

Ындыжэ мэ, кутырэн-кутырэн, марий йал мучко, ик шӱвырзӧ кугыза дэк ошкылына. Ончэна гын – кугыза, урэмыштэ, капка ончылныжо шогалта. Кугыза – кугыза гайак: вуйжо сур, тувыр мэлан, ийжэ 60 ий утла гайэ. Тугэ гынат кугыза альэ пӱгыргэн, соптыргэн пытымэ гайэ огыл.

– Илэт, кутырэт, кугызай?

– Йӧра, ик мардан шӱлэна.

– Тый дэкэт толына. Пураш лийэш?

– Лийдэ. Толаш кӱлэш, толаш кӱлэш, айдыза.

– Увэр шуо? Увэрым колтэн ыльна?

– Шуо-шуо, толын каласышт.

Тидэ кугызан шӱвыр шокташ йӧратымыжым мый пылшэм дэн колынам ыльэ. Кугыза шӱвырым, йужгынам, йӱд-вошт шокта, маныт ыльэ. Йэшыштыжэ иктажэ шомак лэктэш гынат, ваш ок туманлэ: шӱвыржым налын, ик пусакыш шылэшат, шокташ вэлэ тӱҥалэш, маныт ыльэ. Пазарыштат, йармингаштат, шӱвыр ужалшэ дэк мийа да, чӱчкэн вэлэ шокта, маныт ыльэ.

Тыгай шӱвырзӧ кугызамат огыл колыштмэҥгэ, кэм колыштат?

Пӧрт-ончыкшо кӱзышна. Ончэм – ӱстэл, пӱкэн, тэҥгыл. Пӧртыштӧ кармэ пэш шукылан, пӧртӧнчылнӧ кочкын-йӱын улыт. Мыйжэ пӧртышкак ӱжым, моланжэ – пӧрт эркынрак, волгыдырак, адакшэ – шинчашат олымбал уло.

Пурышна, кутыраш тӱҥална. Кугыза пэш кумылан. Молан толмынам шинча, каласымэтым вэлэ вуча. Мутым мый вигак шӱвыр бэлкэ савыршым.

– Кугызай, шӱвырым шукэртсэк шоктэт?

– Ой, шукэртсэк, – изэм годсэкак.

– Мньар сӱанышкэ мийэнат гын?

– Солыканжэ – 39. Солыкдымыжэ – шотшат укэ. Уналкэшат шуко коштынам, пайрам годымат шуко шоктэнам. Иктат мыйым чактарэн кэртын огыл. Шкэ чактарэнам! Кызытат сӧрбалтармашэм укэ. Пазарыш мийэм гынат, шӱвыр ужалшэт дэк мийэмат, шокташ вэлэ тӱҥалам. Мый дэчэм ончыч магырыктэн толашыштат, мый миймэнгэм – чарнат вэлэ. «Шоктыза, шоктыза!» – манам, – укэ, иктат ок шокто.

Шукат ыш лий, кугыза шӱвыржым луктын, оҥарашат тӱҥальэ.

Оҥарыш, пӧрт покшэк лэктын шогальэ, ик мурым шокталтэн колтыш. Чын, шоктымыжо годым кугыза, пайрам годсо гайак, лыдыргал, лодыргал колта, вачыжымат тарватылэш.

Шӱвыржӧ ик марда йӧра ыльэ гынат, кугыза, эрэ вэс шӱвырым ойла: «Йалыштэ ик йыҥ дэнэ вэс чаплэ шӱвыр уло, – ой, тэвэ тудым кондыктэда ыльэ гын, путырак сай лийэш ыльэ!» – манэш.

Йолташэм тудо шӱвырым йодаш лэктын кайыш; мэ кугыза дэн коктын кодна.

Ойлем:

– Кугызай, тыгэ ыштэна: тый эн чэслэ, эн чаплэ мурэтым гына шокто. Шоктымэт годымжат – мыньарэ кэртат, тунарэ, – кумылэтым чыла пыштэн, чэслын шокто, лӱмэт тыйын лийэш. Мый тыйын мурэтым сэрэн налам, лӱмэт шичшэ.

– Шоктэм гын, шоктэм. Вий шутымо нарэ шоктышаш....

Тугэ мийат, кугыза шӱвыржым угыч оҥарыш, шӱвыр тӱкэтым, шӱвыр онэтым угыч тӧрлатыш.

Адак пӧрт покшэк лэктын шогальэ; кокыралтыш, нэржым нӱштальэ. Вара сайрак вийнэн шогальат, шӱвыр онжым пуэн овартэн, кугыза шокташ тӱҥальэ....

Колыштам гын, шӱвыр шоктымэк вэсэмэ. Пэрвой шоктымэт – шынамат гайэ вэлэ. Кугызамын ала чонжо тарваныш, ала шкэжат пэш сайынак шокташ шоныш, – кэрэк кузэ гынат, – шоктымо шӱвыр вэсэмэ, – йымыжгыш, шӱмыш пураш тӱҥальэ.

Кугыза чылнэнак шокта. Шкэ шокта, шкэ мурын могайжым каласа: тэвэ тидэ – «уна годсо муро, тидыжэ – «ӱдыр кудывэчыштэ шоктымо», тидыжэ – «шурно пасу-гоч шоктэн каймэ»...

Тэвэ «шурно пасу» мурыжо: Йонгалтарэн.

– Ужалтын, кошталтын, шокталтын! – манэш кугыза.

Адак вэс мурым тӱҥалэш.

Колыштмэм сэмын мыйынат чонэм тарваныш. Мыйат изэм годсэм да монь шоналтэн колтышым...

Тудо гудлаштэ кугыза ик тошто, ойгыралтышэ мурым шокташ тӱҥальэ. Шӱвыржӧ гын – йылмэ дэч посна мурэн – ойла: «пэлэда, эртэда, кайэда, кодэда!» манэш....

Тэвэ тудын «ойго» мурыжо: Пэш шуэн.

Пэҥыжалтым. Тэвэ чытэм – тэвэ огым. Шинча вӱд тӱчалташ мӱндыр огыл. Мо путырак чаплэ тидэ муро?...

Тугэ гына шонэн, колышт шогэм ыльэ, – пэрэн колтымо гайэ кугыза шоктымыжым чарнэн шогальэ: «Ой, ок лий, ой, моткоч шуко орланэнам! Нужнам моткоч шуко ужынам!» – манын кычкырал колтышат, шинчажым ӱштын, шорташ вэлэ тӱҥальэ.

Лачак йолташ толын пура.

– Мом ыштэда?

– Шортына. Ончо – коктынат шортына!...

Кугыза ойлаш тӱҥальэ гын, э-э, тудо нужнам чынак шуко ужын улмаш! Тэвэ: тулыкэш кодын, йорлын илэн, кӱтым кӱтэн, йалчылан шогэн, ӱдырым пыкшэ налын; илаш тӱҥалмэҥгышт – суртышт йӱлэн; вара пырльа кӱчэн коштын улыт; кугу эргышт колэн....

Кугыза ойлэн гына чарнэн ыльэ, ончэм гын, ой, пӧрт омса лодэм гоч ик марий кува, пыкшэ – йосланэн ныл-йолан нушкын пура, – лу дэн коваштыжэ, шымакшыжэ ны уло – ны укэ, шӱргыжым ала мушкын, ала укэ....

– Кэ гын тидэ?

– Мыйын кувам, – манэш кугыза, – кок ий годсэк йолжо тӱҥын кийа, пырчат тошкал ок керт...

Тидэ шагатыштэ, тидэ минутышто, тидэ пӧртыштӧ, кӱ гайэ пэшкыдэ чонан йыҥ лийэш гын, тудат пушкыдэмэш ыльэ. Кугыза мут дэч вара, адак чэрлэ куважымат ужмэнгэ, мэ – толшо-влак – вэсэмна, чонлан изин-кугун тучаш тӱҥальэ. Ойлэм:

– Кугызай, тый нужнам пэш шуко ужнат улмаш?!

– Тудым ойлышымыс, – койын шога.

– Тэвэ ындэ колышт: садлан вэрчын Совэт влас калык коклаштэ нужналыкым пытарнэжэ, садлан сотсиализм илышым ышта, садлан Марий Облыс почмо, садлан кызыт колхозыш пурат!

– Колат?

– Колам.

– Ынжэ лий ындэ нужналык, пытыжэ!

– Тукак лийжэ ыльэ ...

– Нэмнан шоктымына ала куватлан ок кэлшэ?

– Нымат огыл, нымат огыл, – манэш кугыза.

– Шоктыза, шоктыза! – кычкыра пӧрт ончыл гыч кува.

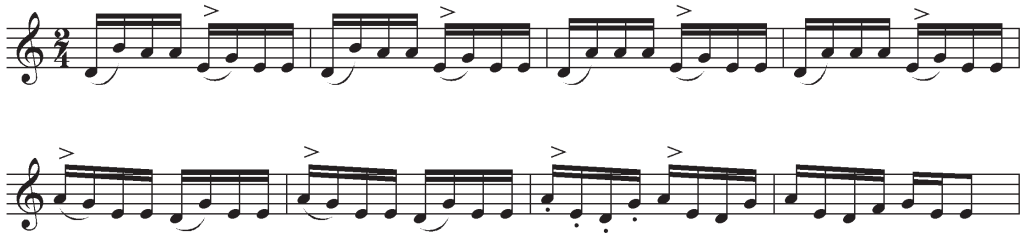
Шӱм лушкыш.

Йужо-влак нэмнан кутырымым урэм-гыч – окна йымак толын колыштыт. Колыштдэ, окна виш, ойлымо шэргылтэш.

Тугэ ик нэргэн ойлэн пытармэнгэ, кумылат парэммэнгэ, шӱвырэтым мэ адак угыч шокташ тӱҥална. Кугыза адакат пӧрт покшэлнэ.

Ыш код, чыла шокталтэ: Коча-Нур Йогыр мурэт, Олор марийэтын, «Сӱан чарнымэт», «Сӱан лӱҥгымэт», арака йодмэт, «имньэ ӱмбалсэ» мурэт, молат.

Тэвэ «имньэ ӱмбал» мурыжо: Тӧргыктэн.

Шоктымо сэмын, шӱвыр мурэт шкэ дэкшэ шупшэш, кумыл адак тарвана. Мурыштат сай, шоктышыжат чэслэ. Шӱмэтым ик мурыжо ик вэлым пэра, вэс

мурыжо – вэс вэл гыч. Путыракак марий илышым шоныкта. Колышт-колышт, ала кушко мӱндӱркӧ коштын, тӱрлӧ марийым ужын толмо гайэ, туныкта... Марий калыкым чаманыкта, тудым вашкэрак, моло калык сэмынак, культур илышлан туныкташ шоныкта...[53]

Муро коклаштэ мый «колшылан шоктымо мурым» колыштнэм: моло вэрысэ гайак шоктат гын, вэс сэмын гын?

– Адакат шортат вэт? – манэш кугыза. – Тидэ мурым мый шортдэ пырчат шоктэн ом кэрт.

– Нымат огыл, нымат огыл, – манам мый: йын укэ. Кумыл тодылтмо годым шорталтэш шол.

– Э-эк! – майэ кугыза: тидэ муро дэнэ мый ныллэ годым колшым шуко ужатэнам... Ындэ шукак огыл дыр... ала шкэмымат ужатат...

Тугэ майат, кугыза, уло чонжо дэнэ, колшо ужатымэ мурэтым шокталтэнат колтыш, шкэ шокталта – шкэнжын шинча вӱдшӧ чыл-чыл-чыл лэктэш.

Тэвэ «колшылан шоктымо» мурыжо: Шуйэн.

Шоктэн чарнэна да адак кутыралтэна.

Тидэ марий йалыштэ кызыт мартэ, колшылан нылным чӱктымэнгэ, имньым кичкэн, аракам налын, шӱвырым шоктэн, мурэн-шортын, колшэтым пэл-корныш, пасушко, ужатэн колтат улмаш. Кугызан кумылжо путыракшэ тэвэ тидлан тодылалтын улмаш...

Эн варажлан мый «куштымо мурым» шокташ йодым: эн куштылгыжым, эн чэслыжым.

– Тэвэ тидэ мурылан, – манэш кугыза, – пайрам годым иктат куштыдэ чытэн ок кэрт...

Шӱвыр оҥым пэш вашкэ гына пуэн овартэн, шокташат тӱҥальэ...

Кузэ манына гын?... Эк! Шӱвырэт адак вэсэмэ – шӱвырлан вэс чон пурыш, шӱвыр воштылаш вэлэ тӱҥальэ. Совымат ок кӱл, тӱмырат ок кӱл, – шӱвыр шкэтынак ситара. Мушкэш! Капэт ок кушто гын, чонэт кушта. Ойгат укэ, чэрат укэ, шонгылыкат укэ – чыла сай! Шӱвыржӧ почэш кугыза шкэжат... лыштык-лыштык чӱчкаш вэлэ тӱҥальэ...

Тэвэ тудын куштымо мурыжо:

[53] Статйа вуйэш шындыме муро – тошто марийын «пӱнчӧ вуйышто» шоктэн шинчымэ мурыжо.

ТОКМАК-ВЛАК

Иктыт, коктыт, кандаш, лу...
Кармонэтым шокташ пу.
Ышкэ мурэм шокталтэм,
Ик моторым савырэн.

Кудырталаш ӱпэм укэ.
Тыйым уждэ, ушэм укэ,
Тыйат ит кудалтэ, мыйат ом кудалтэ,
Тыланэт шумо танэм укэ.

Муралтэна, муралтэна,
Пойан шучкым сӱмырэна,
Кушталтэна, кушталтэна,
Буржуй-влакым тавалтэна.

Кӱшыч кайшэ кайыкшылан
Мамык шэргэ, пун шэргэ,
Мэмнан гайэ йорлыланжэ
Совэт властьшэ пэш шэргэ.

«Мут орланге». Йошкар-Ола, 1963. С. 182

Т. Ефремов

КОК ОНАР (*саман муро*)

Эй, шӱмбелем-шамычем,
Мурен ойлем тыланда.
Те, пылышдам савырен,
Мурымемым колыштса.
Юмын кугу тӱняштыже,
Ош кечыжын йымалныже,
Кумда мландын ӱмбалныже,
Кок кугу Онар вашпижын.
Ик Онарже ош тӱсан,
Вес Онарже шем сынан:
Ош Онарже[54] сайым кычалеш,
Шем Онарже[55] осаллан толаша.

[54] Ош Онар – Россий

[55] Шем Онар – Германий

Нунын ваш толмышт годым
Лӱнга, маныт, мланде:
Кредалаш тӱҥалмышт мӧнгӧ
Шокта, маныт, кӱдырчӧ гае.
Кӱшыч гынат ӱмбак йога,
Мландыштат рож лиеш:
Вӱд ӱмбалжат шолын шога,
Теҥыз көргыжат пудештеш!
Тудым ужшо айдеме-шамыч
Шортын илат, чытен кертде:
Тудым колшо мӱндырсӧ-шамычат
Чытырен кият, мален кертде.
Эй, Юмыжат, Пуйырышыжат!
Молан гына тыге лие?
Мыланна гына ӱмырыштына
Ужаш возо ойгым, маныт.
Туге гынат, шӱмбелем-шамыч,
Угыч колыштса мыйын мурем:
Кугу Юмын полшымыж дене
Тендам шонем йывыртыкташ.
Тӱҥ-тӱҥалтыш годсекак
Сайлан осал ваш шоген.
Керек-мыняр тӧчен гынат,
Сайым осал сеҥен огыл...
Курымын теве эн мучаштыжат
Сайлан осал пижеш, манеш:
Осал мыняре толаша гынат,
Тудым саяк сеҥа, манеш.
Чевер-мотор тӱняжым дыр
Юмо сай шот ден пуйрен вет:
Осал тӱлыжӧ манын огыл,
Сай куаныже манын пуйрен.
Эй, йӧратымем-шамычем,
Садлан верчын мый мурем:
Кызытсе шем сынан Онаржат
Шуйнен возеш жапыште.
Ынде тидым колменгыда,
Ида корштыкте шкендан чондам:
Иктылан-весылан пелештен,
Ойлен илыза тиде мурем.

Жапна тиде пеш кугу вет,
Тиде жапым «саман» манын.
Суапым муына гынат – тиде жап,
Йомдарена гынат – шкенан деч.
Садлан верчын илымыда годым
Христос Юмым эре удылза:
Осал тӱсдымӧ шем Онарым
Чылт пытарже ыле Ош Онар!

1916 ий 28 июль

ЭРГЫЖЫМ КУГЫЖАЛАН ПУЫШО АВАЛАН РАКМАТ (ТАУ) МУРО
(Мондыде йӧратыме шочмо АВАМ лӱмеш каласем)

Тыйын эргыч каен колтен да,
Шӱмет пеш йокрок чучалеш:
Тыш ончалат, туш ончалат –
Эргыч уке шке воктенет.
Волгыдо кечывалым йоватет да
Малаш возат йӱд велеш:
Мален кертат мо, уке мо?
Эре ушыштет шке эргыч.
Калык пайрем шумо годым
Калык коклашке легылдет:
Туштат, ен шочшым ужат да,
Ушышкет возеш шке шочшет.
Весын куанымыжым ужат гынат,
Ӧрын веле шинчет чонет дене;
Ен воштыл колтымыжланат
Кугун веле шӱлалтет кӧргыштет.
– Ой, иге-ем, пычырикем! – манат. –
Ала-кушто гына коштылдалеш?
Ала кочкын, ала йӱын?
Ала мала, ала уке гын?
Садлан верчын почто еда
Уверже толмым пеш шонет:
Касат гынат, пелйӱд гынат,
Письмажым налаш пеш вучет.
Эй, йӧратыме шочшын аваже,

Чаманет гынат, келшалеш:
Йӧратыме тыйын «чукает»
Кугу лийын вет помышешет!
Адак ешаре, манат гын,
Тудыжымат каласем:
Тыйын эргыч – моторетшы-ыс
Кӧргешет кӱшӧ саска вет?
Эй, алтын[56] шочшын аваже!
Мый тыланет мурен ойлем:
Тый адак угыч савырнен,
Путырак колышт мыйын мурем:
Эргычым мыняре чаманет гынат,
Кузе-гынат адак чыте:
Утла ит корштыкто чонетым,
Коч ит кӱрлыктӧ шӱметым!
Тиде тӱняште илыме годым
Илаш ок кӱл суап деч посна.
Тыгыде паша ден(е) гына илыман огыл,
Кугу суапланрак ушныман,
Тый шомакым колнат вет,
Марий калык кузе каласа?
Тышеч кайыше салтак-шамыч
Кугыжан кугу саварже огыл мо?

1916 ий 17 сентябрь

ЭРЫКЫШ ЛЕКМЕ МУРО

Мотор, чевер тӱняште
Шуко калык илалеш.
Тудо калык коклаште
Тӱрлӧ йылме улдалеш,
Йылме манме мо лиеш?
Ең йылмыште – йӱлаже.
Йӱлаштыже мо коеш?
Ең илышын аяже.
Калык, калык манмаште,
Южыжо ончыко каялын.

[56] Алтын – шӧртньӧ (диалект шомак).

Ик калыкше тораште,
Весыже почеш кодалын.
Тӱнян чынжым каласет,
Теве тудын чын шотшо:
Ик калыклан йывыртет,
Весын уло ойгыжо.
Мо лийылден калыклан?
Мо верч тудын ойгыжо?
Куанат тунеммылан,
Ойгынат уло шотшо.
Волгыдыш лекме манмаш –
Ончык кайымын нергеже.
Чыла тидым турашташ –
Тунем шумын пашаже.
Эй, шӱмбелже-шамычшат!
Сай мутым колыштса,
Тиде мурым ойлышат
Йӧраталын каласа...
Тошто шотшат пытышат,
Уым ойлаш шонена.
Садлан пылыш почынак
Колышташ тӱҥалына.
Тӱнян сылне чодыраште
Ош куэрлат кушкылда.
Тӱрлӧ калык коклаште
Ош марийжат улылда?
Можо уло марийын?
Лывырге-лай йылмыже.
Умбакыжат ойлалат гын,
Пеледыш гай кумылжо.
Йӧратыме таҥ-шамыч!
Ӱжаражат волгалте.
Вучымо, марий-шамыч,
Поро илыш возалте.
Тошто тоштем койылдыш,
У илыш жап шуылдале.
Нелылыкшат, ай, пытыш,
Эрыкан илыш толдале.
Мемнан вуйна ӱмбалне
Кугыжан ыш код ынде кид.

Теве пиал тембалне,
Эрык мутым чотак пид!
...Йӧратыме ош марий!
Чылаланда кычкырем:
Пычкемышышште, ик турий,
У жапшылан уым мурем!
Айста, ынде вашкерак
У илышлан кынелза,
Пиал верчын сайынрак
Тунемашат тӱҥалза!
Шикшан пӧрт гыч легылден,
Ош пӧртыш пуралза,
Пычкемыш гыч вуй утлен,
Тунемын йывыртыза.
Шӱмбел-шамыч, тунемше,
Ош марий верч тыршыза,
Ушым, чоным волгалтарыше
Тӱрлӧ йӧным кычалза.
Ойгырышым куандарен,
Черлыжым паремдыза,
Чылаштымат вӱдалтен,
Сай илышыш пуртыза.
Мотор чевер тӱняште
Шуко калык илалеш.
Виян, ушан коклаште
Ош марият улдалеш.

1917 ий

ЧЕВЕР ЎЖАРА

Чевер ўжара волгалтын,
Шем пычкемыш шаланен.
Ош марийын йӧратымыже
Ынде толын шуылдале.
Таҥ-шамыч, кынелза!
Ош марийын йӧратымыже
Ынде толын шуылдале.
Эй, шӱмбелна-шамычна!
Шӱмбел манаш жап шуын.
Тиде мутшо – рӱдӧ мут,

Кӱлеш луктын каласаш.
Таҥ-шамыч, йывыртыза!
Тиде мутшо – рӱдӧ мут,
Кӱлеш луктын каласаш.
Чевер тӱнян кумдыкышто
Шуко калык уло вет.
Тӱрлӧ калык коклаштыже
Марият тӧрак шога.
Таҥ-шамыч, сай илыза!
Тӱрлӧ калыкын коклаштыже
Марият тӧрак шога.
Таҥ-шамыч, сай илыза!
Тӱрлӧ калыкын коклаштыже
Марият тӧр лийже!

1917 ий

«Морко. Замечательные люди удивительного края», 2002. С. 154–161

Ксенофонт Сануков

ТИХОН ЕФРЕМОВ – АВТОР ПЕРВОГО МАРИЙСКОГО ГИМНА

19 октября 1918 года в газете «Ӱжара» («Заря»), издававшейся в Казани, были напечатаны слова песни и ноты. Кроме марийского названия был русский текст: «Национальная песня мари» – «Призыв к свету». А рядом слова автора: «Посвящается всем моим бывшим ученикам. Священник Т. Уньжинский».

Обращаясь к родному народу, автор восклицал:

Встаньте, поднимитесь!
Ведь дорога,
Которую предстоит пройти, длинна.
Просветитесь, оставьте темноту.
Догнав другие народы,
Встанем с ними вровень.
Марийский народ, хоть и малочислен,
Может стать большим…

(Построчный перевод).

Кто же был автором этой песни?

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Тихон Ефремович Ефремов родился 12 мая 1868 года в селе Шор-Уньжа нынешнего Моркинского района. Мари. В 1887 году окончил Казанскую учительскую семинарию. Учитель, одновременно дьякон, с 1901 года поп-миссионер. Заведующий Уньжинской центральной черемисской школой.

На опубликованную песню сразу же обратили внимание. Её стали исполнять на различных концертах. 1 декабря 1918 года на заседании коллегии Казанского губернского отдела мари с участием Центрального отдела мари Наркомнаца, губернского отдела народного образования и марийцев, обучавшихся в Казани, был заслушан доклад В.А. Мухина «О музыкальном произведении Тихона Ефремовича, священника Уньжинского «Призыв к свету». Было принято решение – назвать эту песню гимном марийского народа, выразить автору благодарность, разучить во всех марийских школах песню-гимн.

Песня была издана отдельной брошюрой уже с названием от первых слов – «Кынелза. Шогалза!» («Поднимитесь. Встаньте!»). В последующем улучшить, гармонизировать мелодию помог композитор И.С. Палантай. Широкую известность и популярность получила и другая их совместная песня – «Чевер ӱжара» («Красивая заря»), больше известная как «Марийская марсельеза».

Слова первого марийского гимна вдохновляли, были созвучны чаяниям угнетённого, задавленного народа. Именно за это автору воздавались большие почести. 1 марта 1923 года на торжественном собрании, посвящённом второй годовщине Марийской автономной области, Т.Е. Ефремова вместе с другими четырьмя славными земляками – поэтом С.Г. Чавайном, композитором И.С. Палантаем, учёным В.М. Васильевым и Ф.Е. Егоровым – чествовали как лучших сыновей народа.

Ещё в 1919 году Тихон Ефремович отказался от сана. А с июня 1920 года стал кандидатом в члены РКП(б).

В ноябре 1924 года Краснококшайский кантком утвердил положительную характеристику Т.Е. Ефремова с пометкой: «Замечаний со стороны ячейки не было». В 1925 году проходила проверка непроизводственных ячеек Марийской областной организации ВКП(б). На многочисленные вопросы, характер которых свидетельствует о циркулировавших вокруг него недоброжелательных слухах, Т.Е. Ефремов отвечал с достоинством, убеждённо:

– Связи с монархистами имел?

– Нет. Только поскольку был попом. А официально не состоял.

– За службу священником сообщения и сведения давал какие?

– Исключительно отчётного характера.

– О работе революционеров сообщал куда-нибудь?

– Нет, не вмешивался в политику.

– Вот у вас в школе было распространение революционной литературы, ты не препятствовал?

– Нет, не препятствовал.

– Чем вызвано вступление в партию?

– В жизни бывают противоположности, и в религии тоже бывают противоречия. Когда работал миссионером по обрусению марийцев, тут я сделался протестантом против обрусительной веры. Революционером не был, но сознательным противником угнетения национальности был, и когда стало возможным бросить сан, я бросил его демонстративно.

– Ещё ничего от себя не добавишь?

– Добавлю. Себя определяю таким образом: хотя я был священником, но был сыном угнетённого народа, и даже русское духовенство угнетало нас. Я сознавал, что являюсь орудием для угнетения марийской национальности. Фактически. В духовное звание назначен против желания, под давлением начальства. Мотивы: с детства увлекался поэзией и был музыкантом, но против желания был назначен в дьяконы. Встречи с революционерами и революционными песнями, которые от них слышал и научился, разлагали меня.

Решение было тогда: «Считать проверку прошедшим».

Но не прошло и года, как вновь был поставлен вопрос о возможности пребывания Т.Е. Ефремова в рядах Коммунистической партии. Заседание партколлегии Марийской областной комиссии ВКП(б) по этому поводу продолжалось 26 и 28 июня 1926 года. Участвовали бывшие ученики Тихона Ефремова – А.К. Эшкинин, В.А. Мухин, Н.С. Паткиевич. Они говорили, что, по слухам, он состоял членом монархической организации, что в 1906 году донёс на учителя-революционера П.Г. Григорьева, в результате чего тот был арестован.

Члены комиссии и приглашенные обвиняли Т.Е. Ефремова в том, что он, бывший поп, «перекрасился», «приспособился», «пробрался в партию» и т.д.

Очень прочувствованным, душевным было его ответное слово: «Да, товарищи, я имел несчастье быть попом. Революцию я встретил нотами – гимном народа мари, социально-национальными песнями... Прежде чем говорить и думать о революции, произвёл революцию над собой...»

В решении партколлегии имеется лишь один достоверный факт, что Ефремов 28 лет состоял в духовном звании, а остальные обвинения сопровождались словами – «имеются сведения», «есть предположения». Но постановление было однозначным: «Исключить Т.Е. Ефремова из кандидатов в члены ВКП(б) как случайно попавший в партию элемент за то, что, будучи священником, вёл слежку за учителями, не посещавшими церковных служб, и доносил по начальству, а также вёл слежку за учителями-революционерами в 1905–1906 годах и доносил в полицию и что состоял в Союзе русского народа и имеет значок Михаила Архангела».

Исключённый подавал апелляцию, даже ездил в Москву, добиваясь отмены этого решения, но безрезультатно.

Вскоре после этого его сняли с работы заведующего архивным отделом облисполкома. Тихону Ефремовичу удалось устроиться преподавателем Краснококшайского педтехникума. Но в 1928 году, в октябре, прошла массовая чистка советско-хозяйственного аппарата от «чуждых» элементов. Т.Е. Ефремов был «вычищен» из техникума и лишён избирательных прав. Чистка по отношению к нему была проведена по первой категории, то есть без права поступления на работу в государственные учреждения.

Тихон Ефремович и в пенсионном возрасте старался работать то в школе, то по отдельным соглашениям в МарНИИ, в театре. Причиной была не только потребность неспокойной души, но и материальная необходимость: он с молодой женой (которая была на 24 года моложе) имел троих детей, которых надо было растить.

Когда чёрная туча террора надвинулась на страну, в том числе и на марийскую землю, реальная угроза нависла и над старой интеллигенцией. Кого-то брали сразу. Кого-то туча на время обходила стороной. Но и в таком случае «материал» накапливался.

Были сделаны выписки из показаний участников процесса о «националистической» организации 1931 года с упоминанием Ефремова.

На допросе в качестве свидетеля по готовившемуся делу В.А. Мухина 11 июля 1936 года В.М. Васильев показал: «Мухин особенно покровительствовал священнику Тихону Ефремовичу Ефремову, гимн которого на марийском языке под названием «Кынелза. Шогалза!», написанный в узко-шовинистическом духе, он приказал назвать гимном народа мари и объявить Ефремову благодарность. Это относится к 1918 году. В последние годы Мухин старался всячески поддержать Ефремова, предоставляя ему нелегальным образом работу».

3 октября того же года следователь требовал от Г.Г. Кармазина: «Расскажите, что вам известно о Ефремове Тихоне Ефремовиче?» И записал ответ: «Со слов Андрея Эшкинина, мне известно, что Ефремов давал сведения полиции об исполнении учителями религиозных обычаев. Был ли кто арестован по материалам Ефремова, я не знаю».

20 апреля 1937 года следователь задал арестованному И.Н. Коведяеву вопрос: «В чём выражалась миссионерская деятельность Ефремова?» Тот подробно рассказал, что кроме работы в школе и Уньжинской церкви, Ефремов постоянно разъезжал по марийским деревням с проповедями.

На XVI областной партийной конференции в мае 1937 года начальник НКВД Карачаров в своем пространном выступлении, излагая версию о наличии в республике марийской контрреволюционной буржуазно-националистической организации, пытался раскрыть её глубокие «исторические» корни.

– Мухин, Петров, Коведяев, Паткиевич. Вы, товарищ Николаев, учились где? – грозно вопрошал он, обращаясь к М.Н. Николаеву, председателю

Сернурского райисполкома. В этом месте в протоколе в скобках указано: «Николаев – в Унже». После этого Карачаров продолжал: «Вы учились в учительской школе Общества святителя Гурия, руководил вами, воспитывал вас поп Ефремов».

Николаева М.Н. после ареста допрашивал следователь А.К. Клёнов; в числе нескольких обвинений он повторил то, что говорил Карачаров: «Вы в 1906–1910 годах учились в школе, организованной специально буржуазными националистами». Речь шла об Уньжинской центральной черемисской школе, которой заведовал Т.Е. Ефремов.

Из постановления о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения: «1938 г. мая 13, я, оперуполномоченный 3 отд. УГБ НКВД МАССР Минеев, рассмотрев следственный материал по делу № (номер не указан. – *К.С.*) и приняв во внимание, что гр. Ефремов Тихон Ефремович достаточно изобличается в том, что является членом право-троцкистской, диверсионно-вредительской, шпионской националистической организации и ведёт контрреволюционную работу, направленную на свержение Советской власти, потому постановил: гр-на Ефремова Тихона Ефремовича (так в тексте. – *К.С.*) привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58, пп. 1-а, 2, 10, 11, 13 УК РСФСР, а мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в тюрьме г. Йошкар-Ола».

Первый допрос состоялся 23 мая, вел его Минеев.

– Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Признаете ли себя виновным?

– Контрреволюционную работу я не вёл и виновным себя не признаю.

– Предупреждаю, что следствие располагает в отношении вас изобличающими материалами. Прекратите запирательство и давайте правдивые показания, начните с того, с какого времени началась ваша контрреволюционная деятельность?

– Я повторяю, что контрреволюционной деятельности не проводил, а потому на поставленный вопрос не могу ответить.

– Вам предъявляется постановление об обвинении вас по статье 58, пункты 1-а, 2, 10, 11, 13 УК РСФСР, говорящие о том, что вы являетесь членом контрреволюционной право-троцкистской буржуазно-националистической организации и на протяжении ряда лет вели контрреволюционную работу. Расскажите, в чём выражается ваша контрреволюционная деятельность?

– Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю, членом буржуазно-националистической организации не состоял и контрреволюционной деятельности не вёл.

В деле имеются протоколы ещё трёх допросов, которые вёл опытный Труфанов (в 1939 году осуждён за использование «недозволенных», «извращенных»

методов следствия). А что было между первым и вторым допросами почти в течение двух месяцев – остаётся тайной подвалов НКВД на углу улиц Коммунистическая и Советская.

Правда, за это время появилось одно «доказательство» виновности Т.Е. Ефремова: на допросе 25 мая Г.Т. Казаков, рассказывая о своих «шпионских» связях с Финской миссией, упомянул, что в 1932 году, будучи там, видел бумагу на столе секретаря, озаглавленную «В Финляндскую миссию», и узнал почерк и подпись своего учителя Т.Е. Ефремова.

15 июля Тихон Ефремович признался: «После своей поездки в Финляндию мне Евсеев привёз привет от проживающего в Финляндии сотрудника Финно-угорского общества Хамаляйнена, с которым я лично познакомился ещё в дореволюционное время, во время одного из его приездов в здешние места. Евсеев в разговоре со мной очень хвалил высокий культурный уровень, увиденный им в Финляндии. Он также говорил, что лица, с которыми ему пришлось соприкасаться в Финляндии, очень интересуются марийским народом, его бытом, состоянием и другими моментами».

Решающий, последний допрос состоялся 22 июля.

– Следствие располагает данными о том, что вы являетесь участником контрреволюционной марийской буржуазно-националистической организации. Следствие требует совершенно откровенного и правдивого ответа на этот вопрос.

– Я решил говорить только правду и не хочу обманывать следствие. Хотя формально меня в контрреволюционную марийскую буржуазно-националистическую организацию как будто никто не вербовал, но фактически я действительно был участником этой организации. Я хочу с моим искренним признанием искупить свою вину перед Советской властью. Формально же повторяю – меня в эту организацию никто не вербовал.

– Когда же вы примкнули к буржуазным националистам?

– Я к ним примкнул почти с самого начала возникновения этой организации, почти все время вращался в кругу участников этой организации, знал их дела и установки и, собственно говоря, разницы между ними и мною никакой не было. Единственное, что мне казалось нереальным и неосуществимым, это ставка на присоединение марийского народа к Финляндии.

Было подготовлено обвинительное заключение, где по одному делу № 9319 проходили 10 человек, совершенно между собой не связанных, но якобы принадлежащих к одной организации. В нём записано: «В конце 1936 года на территории Марийской АССР вскрыта и ликвидирована контрреволюционная угро-финская националистически-повстанческая организация, инспирируемая разведывательными органами Финляндии. Организация имела свои ответвления в ряде национальных республик: Удмуртской, Башкирской, Карельской,

Мордовской, Коми и др. Своей конечной целью организация выдвигала насильственное отторжение Марийской республики от Союза ССР и создание буржуазно-националистической федерации угро-финских племён под протекторатом Финляндии.

По заданию разведывательных органов Финляндии организация занималась диверсионно-вредительской деятельностью в народном хозяйстве, на культурном фронте, подготовляла вооружённое восстание против Советской власти, что приурочивалось к моменту нападения капиталистических стран на Советский Союз.

Следствием установлено, что участники организации, проходящие по настоящему делу, занимались контрреволюционной подрывной деятельностью в полном соответствии с задачами своей организации».

1 октября 1938 года особая тройка НКВД Марийской АССР рассмотрела дело № 9319 и приговорила всех десятерых к расстрелу и конфискации личного имущества. В выписке из акта, подписанной начальником 4-го отдела Назаровым, помощником начальника 3-го отдела Перовым и комендантом Цветковым, сказано, что приговор в отношении Т.Е. Ефремова приведён в исполнение 2 октября 1938 года в 19 часов.

Место захоронения автора первого марийского гимна неизвестно.

27 августа 1956 года фальшивый приговор отменён Президиумом Верховного суда Марийской АССР. Но и после этого путь возвращения доброго имени одному из первых марийских учителей, литератору, просветителю, этнографу оказался слишком долгим, и он ещё не пройден. Даже в «Истории Марийской АССР», вышедшей в 1986–1987 годах, Т.Е. Ефремов упомянут лишь один раз в первом томе в перечне «реакционной, верхушечной части марийской интеллигенции» дореволюционного времени, а во втором томе при освещении культурного строительства в Марийском крае после 1917 года его имя ни разу не упомянуто. Такая ему выпала судьба.

ТИХОН ЕФРЕМОВИЧ ЕФРЕМОВЫМ ШАРНЫМЕ КЕЧЕ
(Морко районысо Унчо села, 2018 ий ага тылзын 12-шо кечыже)

Сценарийым Унчо кыдалаш школышто марий йылме ден сылнымутым туныктышо Римма Николаевна Петрова возен

Тихон Ефремовлан – 150 ий

Сем йоҥга. Кок вӱдышӧ лектеш.

1 вӱдышӧ: «Керек-могай айдемат, тудын коклаште марият, шке ӱмырыштыжӧ ила, ила да эрта: тудын почешыже ыштыме пашаже гына кодеш. Кодеш да, пашажым ончен, каласен илат, тыгай ыле, тугае ыле, маныт. Пӱтынь калыкат тугак: ила, ила да тыгак эртен кая, тудын почешыже кышаже гына погынен кодеш. Меат, марий калык, кызыт историйым ыштена, вес калыкыным огыл – шкенаным!» – тыге возымо 1922 ий 13 мартыште «Йошкар кече» газетын ик статьяштыже. – Кайышаш корнына пеш кужу, шуктышаш пашана пеш кугу. Моло калыкым поктен шушашна уло, нунын дене тӧр лийшашна уло. Вара кузе ыштена? Кидым шарен, ӧрын шогена мо? Уке!.. Эре йӧсӧ, эре теле ок лий. Илен-толын, марий шошо толеш: ломбо пеледеш, шӱшпык мурымо жап шуэш, олык тӱзлана, чевер саска кӱэш».

2 вӱдышӧ: 1918 ий 19 октябрьыште Озаҥ олаште лекше марла «Ӱжара» газет ик мурын мутшым да нотыжым савыктен. Вуймутшо кок йылме дене ончыкталтын: «Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро». Изиш ӱлнырак «Национальная песня мари», «Призыв к свету». Вуймут пелен – авторын шомакше: «Посвящается всем бывшим моим ученикам. Священник Т. Уньжинский».

1 вӱдышӧ: Уньжинский – тале марий просветитель, поэт, этнограф да фольклорист Тихон Ефремович Ефремовын сылнымут лӱмжӧ. Тудо тыгак Йырсе, Тикын Епрем, Йошкар марий, Шӱмбел, Фин да моло псевдоним дене возен.

2 вӱдышӧ: Тихон Ефремовичын шочмыжлан таче, 2018 ий 12 майыште, –150 ий. Тихон Ефремович Ефремов нергенат калык коклаште тӱрлын ойленыт да ойлат. Кӧ тудо тугай? Илыш пӱрымашыже могай лийын?

Таче ме, тудын илыш корныжым шарналтен, марий калыкым волгыдо илышыш лукташ тыршымыжым аклен, поро мутым каласаш погыненна.

1 вӱдышӧ: Пайремышкына уна-влак толыныт, нунат таче Тихон Ефремовын пашажым аклен, тудын нерген икмыняр шомакым каласат.

(Уна-влак дене палдарымаш)

Ынде Тихон Ефремовын стелыж ончылан, тауштен, пеледышым пыштена.

(Сем йоҥга, Т. Ефремовын стелыж дек пеледыш пышташ каят)

2 вӱдышӧ: «Мый, – возен тудо 1924 ийыште, – Чарла кантон, Шеҥше волость, Унчо ялысе марий кресаньык ешеш шочын-кушкынам… Ачам икмарда озанлыкым кучен. Ватым кок гана налын. Икымше вате деч кум эрге да кум шешке, тылеч посна марлан кайыше кок ӱдыр лийыныт. Мыйын авам шонго ачамын кокымшо ватыже ыле. Тудо тылеч онычат марлан лектын да, йочам ыштыдеак, пелаш деч посна кодын. Мый авамын ик шочшыжо гына лийынам… Авам моткоч йӧратем, тудын нерген шӱм шулыде, шинчавӱд лукде шарналтен ом керт. Авамым нигӧ деч чот пагаленам да пагалем… Мыйын чоныштем мо сайже уло гын, тиде чылажат – авам деч», – ойлен Тихон Ефремович.

1 вӱдышӧ: Шуко еҥан ешыште кушшо йоча вич ияш улмыж годымак школыш кошташ тӱҥалын. А Унчо школ марий гай шагал еҥан калык-влакым туныктышаш верч лым лийде тыршыше просветитель Николай Иванович Ильминскийын тыршымыжлан кӧра 1871 ийыште почылтын. Тидын нерген Ефремов вескана тыге серен: «Унчо школым кугу ушан еҥ Николай Иванович Ильминский почын. Николай Иванович илымыж годым тӱрлӧ калыклан порым шуко ыштен. Юмылан тау: тудын ыштыме порыжо марий калыкланат кодын… Школым почаш шонымыж годым эн лук, эн пусак, эн пычкемыш верым кычалын. Тыгай пычкемыш верым – Унчым муын… Кузе волгыдо шӱдыр йӱдым волгалтарен шога, тугак Унчо школат марий-шамычлан полшен… Унчышто тунемше-шамыч ынде шукышт еҥыш лектын улыт».

2 вӱдышӧ: Ялысе школ деч вара 13 ияш Тикын Унчо деч 75 меҥге торашке, Озаҥыш, кая да тусо учитель семинарийыш тунемаш пура. Куд ий гыч тичмаш курсым пытарен лектешат, ондак Морко кундемысе Семисолаште туныкта, вара Унчышко кусна. Самырык туныктышын усталыкше нерген поро ой Озаҥышкат миен шуэш, да 1890 ийыште тудым учитель семинарий пеленысе школыш пашам ышташ ӱжыт. Тыште икмыняр жап гыч шке илышыжым религий дене кылда – дьякон лиеш, а вара Тихон Ефремовичым Унчо школын вуйлатышыжлан шогалаш темлат. Тыгай верыште шогышо еҥ священник лийшаш улмаш. Тыге Тихон Ефремов 1900 ийыште Тикын ачашке савырна. Калык коклаште тудым, пагален, «бачышка Тикын Епремыч» маныныт.

1 вӱдышӧ: Моло вере чылажымат рушла туныктеныт гын, Ефремовын вуйлатыме школышто ача-ава йылмылан эреак мелын лийыныт. Теве поэт Николай Мухин, тыште тунеммыжым шарналтен, тыге серен: «Унчо воктен братский манме школышто ныл ий тунеммем ушыштем тачысе гай раш. Братский школ манмаште тунам пелыже утла марла книга улыт ыле. Школ ончышыжо Унчо марий Тихон ачана ыле, да марла лудаш, возаш туныкташ тырша ыле. Тунемше рвезе-влак марла лудаш йӧратат ыле. Школым тунем пытарымекат, марла книгам йодын налын, ешыштлан умылтарен лудыт ыле».

2 вӱдышӧ: Тыге, ик ий почеш весе эрта. 1917 ият толын шуэш. Августыштo Озаҥ олаште «Ӱжара» газет лекташ тӱҥалеш. Тудын шочмыжым Тихон Ефремович йывыртен вашлиеш, чонжо марий илышыште сай вашталтыш лийшашым шижеш. Ушышто пӧрдшӧ шонымашым чатка корнылашке шыҥдарен, вес ийжылан *«Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ мурым»* воза. Тудо «Ӱжаран» 19 октябрьысе номерешыже лектеш. Икымше гана савыкталтше текстше теве тыгайрак лийын:

(«Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро» почеламут. Унчо школын 7 классыштыже тунемше Тихонова Надежда сылнын йоҥгалтара.)

Кынелза, шогалза, кайышаш корно кужу вет,
Моло калыкым поктен шуына, нунын дене тӧр лийына.
Шогалза, тарваныза шкендан кайышаш корнышто.
Иктылан икте кидым пуэн, чыланат иктӧр ошкылза!
Почылтса, волгалтса, пычкемышым кодыза,
Моло гаяк ош тӱняште чыла пого дене куаныза.
Пычкемыште ончынет гын, сорта чӱкташ келшалеш.
Ош тӱняште илынет гын, тунем шуаш кӱлдалеш.
Тошто годсо шомак-шамыч марийым моктен каласат:
Марий калык шагал гынат, шуко лийын керталеш.

1 вӱдышӧ: «Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро» еҥ-влакын шинчаш перныде кодын огыл. Тудым тӱрлӧ вереат тунемаш, почеламут семын лудаш да муро семын мураш тӱҥалыныт.

2 вӱдышӧ: Муро Гимныш савырнымекше, тудым Иван Степанович Палантай уста кидше дене тӧрлатен, сылнештарен. Тыгодым тӱҥалтыш кок шомак – «Кынелза, шогалза» – вуймутыш савырнен.

(«Кынелза, шогалза» муро. Тӱшкан мурымаш.)

1 вӱдышӧ: Тихон Ефремовын шомакшылан И. Палантай эше ик мурым возен. Тиде «Чевер ӱжара». Тудынат шочмыжо Октябрь революций деч вара лийше вашталтыш дене кылдалтын. Вуймутшо тыге ончыкталтын: «Марий Марсельеза «Ӱжара». Йымаланже ешарыме: Марсельеза семын мураltеш». Сылнымутышто ты муро утларакше *«Чевер ӱжара»* лӱм дене палыме. И. Палантай угыч саемден да «Марла мураш туныктымо савыш» книгашкыже пуртен.

(«Чевер ӱжара» почеламут. Унчо кыдалаш школын 5 классыштыже тунемше Оразаева Ариана сылнын йоҥгалтара.)

Чевер ӱжара волгалтын,
Шем пычкемыш шаланыш.
Ош марийын йӧратымыже
Ынде толын шуылдале.

Таҥ-шамыч, кынелза!
Ош марийын йӧратымыже
Ынде толын шуылдале.

Эй, шӱмбелна-шамычна!
Шӱмбел манаш жап шуын.
Тиде мутшо – рӱдӧ мут
Кӱлеш луктын каласаш.

Таҥ-шамыч, йывыртыза!
Тиде мутшо – рӱдӧ мут
Кӱлеш луктын каласаш.

Чевер тӱня кумдыкышто
Шуко калык уло вет,
Тӱрлӧ калык коклаште
Марият тӧрак шога!

Таҥ-шамыч, сай илыза!
Тӱрлӧ калык коклаште
Марият тӧрак шога!

2 вӱдышӧ: 1923 ий 17 майыште «Йошкар кече» газет Тихон Ефремов нерген тыге возен: «Революций лиймеке, Ефремовын чонжо рудалт кайыме гай куаныш. Тудо марийлан у, волгыдо илыш толшашым шиже, чонжо дене чытыде муралтен колтыш: «Чевер ӱжара волгалте, шем пычкемыш шаланыш. Ош марийын йӧратыме ынде толын шуылдале!» Ош марийын йӧратымыжым Ефремоват пеш йӧратыш. Марий калыкым ончык, волгыдышко ӱжаш тӱҥале: «Кынелза, шогалза, кайышаш корно кужу вет. Почылтса, волгалтса, пычкемышым кодыза! Марий калык тӱҥалеш гын, сеҥен миен керталеш».

Чынак, тудо шочмо калыкшым нимо деч коч йӧратен, марийым пиалан корныш лукшаш верч мо кертмыжым чылажымат ыштен. 1919 ийыште Тихон Ефремович «ӱмбакше шичше неле рокым почкалта» – поп гыч лектеш да тудо ийынак Морко районысо Шеҥше школышто туныкташ тӱҥалеш.

1 вӱдышӧ: Кок ий гыч Чарлашке кусна, мароблпечатьын вуйлатышыжлан шогалеш, варарак «Йошкар кече» газет редакцийыш секретарьлан налыт. Весын серымыжым савыкташ полшымо дене пырля шкежат чӱчкыдын возен. Возен статья ден заметкылам, муро ден почеламутым, ойлымаш ден очеркым, рецензийымат. Илыш корно тудым адакат туныктымо пашашке Чарла педтехникумыш конда, икмыняр жап МарНИИ-ште тырша.

2 вӱдышӧ: Элыштына калык коклаште «тушманым» кычалме койыш виянеш. Шем ӱмыл Ефремов ӱмбакат возеш. Тудын мо нерген возымыжым, калыклан мо сайым ыштымыжым нигунар шотыш налде, чолга «критик-влак» эн ончычак тенгечысе «сулыкшым» – черкызе лиймыжым – шарналтеныт. Айдемылан акым пуымо годым пашажым огыл, а могай еш гыч улмыжым тӱнлан шотленыт. Пашам пеш сайын ыштен гынат, ынде ӱшанаш лийдыме айдемыш савырнен.

1 вӱдышӧ: 1931 ийыште совет обществын «яндарлыкше верч» тыршыше-влак марий калыкын ушан да тале ятыр эргыжым «калык тушман» манын кучен нангаеныт.

2 вӱдышӧ: Тихон Ефремович нергенат шкаланышт кӱлеш материалым чумыренак шогеныт. Тӱрлӧ семын моло-влак деч Тихон Ефремович нерген йодыштыныт.

1 вӱдышӧ: Тыге 1938 ий 13 майыште Йошкар-Оласе тюрьмаш петырен шындаш кагаз шочын. 15 майыште поген нангаеныт, мӧнгыштыжӧ обыскым ыштеныт.

2 вӱдышӧ: Тихон Ефремович Ефремов шотышто приговор нерген 1938 ий 2 октябрьыште Акт гыч выпискыште тыге ойлалтеш: приговорым 1938 ий 19 шагат кастене шуктымо. Икымше Марий Гимнын авторжым кушан тоеныт, пале огыл.

1 вӱдышӧ: 1956 ий 27 августыштo Марий АССР-се кӱшыл судын вуйверже (Президиумжо) тиде приговорым коранден.

2 вӱдышӧ: Шке жапыштыже Т.Е. Ефремов пеш пагалыме, аклыме ен лийын, почеламутым, мурым, ойлымашым, очеркым, музык ден калык йӱла нерген статьям, критик ой-канашым возен, илышым шымлаш яллашке коштеден. Ик статьяж гыч коеш: тудо 1929 ий кенежым марий кундемысе яллаште коштын, тушто 33 шӱвырзӧ да 22 кӱслезе деч 170 утла семым, тыгак ныл преданийым да шым легендым серен налын. Тыгодым ик калык музыкант дене вашлиймыже «Шӱвырзӧ кугыза» ойлымашым возаш негыз лийын. Тихон Ефремович шкежат шокташ мастар улмаш.

(«Шӱвырзӧ кугыза» ойлымаш. Унчо школын 10 классыштыже тунемше Оразаева Дарья каласкала.)

1 вӱдышӧ: Кусарыме да тошто йӱлам шымлыме пашалан ятыр жапым ойырен. 1930–1931 ийлаште гына лу утла книга ден брошюрым марланден. Тудо ожнысо марий калык театр – Шорыкйол нерген – тачысе кечылан шергакан материалым поген коден. А Семык да Сӱрем нерген серымыже «Йошкар кече» газетеш лектын.

2 вӱдышӧ: Таче ме, тудын возымо пашажым шарнен, марий калык верч мом да кузе ыштымыже нерген каласен илена. Илышыже неле лийын гынат, тунемашак тыршен. Тунемын да моло марий-влакымат тунемаш, ончык каяш ӱжын. Тудо каласен: «Марий калыкын шуаралтмыже шӧртньӧ дечат шерге лийже… Шке кумылетым ӱлыкӧ ит волто, йӧратыме марий калык. Мыняр тыланет йӧсӧ лиеш, тунаре тый чот шого…». Ушан ењын тиде да моло ойжо нигунамат ок тоштем.

1 вӱдышӧ: Тихон Ефремовым да тудын поро пашажым калык курымеш шарнен илаш, возымым лудаш да аклаш тӱҥалеш.

2 вӱдышӧ: Ынде мутым мӱндыр уна-влаклан пуэна.

(Уна-влаклан мут пуалтеш.)

1 вӱдышӧ: А ынде икмыняр почеламутшым колыштына.

Бушкова Карина. Кок Онар.
Дмитриева Анастасия. Эрыкыш лекме муро.
Петрова Виктория. Эргыжым салтакыш пуышо авалан тау муро.

2 вӱдышӧ: Мутым Унчо школын туныктышыжо Людмила Константиновналан пуэна. Тудо почеламут конкурсым эртарыме почеш иктешлымашым ышта.

(Почеламут конкурсын лектышыже.)

1 вӱдышӧ: Мут Унчо книгагудын вуйлатышыже Лидия Геннадьевналан пуалтеш. Тудо йоча-влак коклаште эртарыме викторин почеш иктешлымашым ышта.

(«Тихон Ефремов нерген паледа мо?» викторинын лектышыже.)

2 вӱдышӧ: Пагалыме ењнан, Тихон Ефремович Ефремовын, лӱмгечыжлан пӧлеклалтше пайремнам Унчо кыдалаш школын тунемшыже, Унчо да Шлань тӱвыра пӧрт пеленысе коллектив-влак концерт программе дене шуят.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Т.Е. ЕФРЕМОВА

Исторические и этнографические очерки:

Уньжы̆ школ // Марла календарь: альманах. – Казань, 1912. – С. 38–40.

Черемисы-язычники. Несколько слов о необходимости женского просвещения луговых черемис // Инородческое обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник» за март 1913. – Кн. 2. – Казань: Издание Миссионерского отделения Казанской духовной академии, 1913. – С.113–116.

Черемисы-язычники. Роль песен у черемис в их племенной языческой жизни // Инородческое обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник» за сентябрь 1913. – Кн. 4. – Казань: Издание Миссионерского отделения Казанской духовной академии, 1913. – С. 261–266.

О преимущественной пользе церковного пения в деле просвещения черемис // Инородческое обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник» за сентябрь 1913. – Кн. 4. – Казань: Издание Миссионерского отделения Казанской духовной академии, 1913. – С. 269–273.

Христианский молебен на черемисском «Ага Пайрам» // Известия по Казанской Епархии. – Казань, 1916. – № 25–26. – С. 598–600.

Марийын Семык пайремже // Йошкар кече. – 1922. – 22 май (№ 22).

Голод в МАО и ее последствия // Голод в Марийской области в 1921–1922 гг.: сборник материалов о голоде. – Краснококшайск: Издание Марийской областной комиссии помощи голодающим, 1922.

Изучение марийской инструментальной музыки (краткий отчёт) // Марий илыш. – Вып. 4. – Йошкар-Ола: Издание Марийского общества краеведения, 1931. – С. 77–80.

Легенды марийцев о действии игры на волынке (*шӱвыр*) // Ефремов Т.Е. Шӱвырзӧ кугыза (Избранные труды по марийской инструментальной музыке) / ред.-сост. О.М. Герасимов. – Йошкар-Ола: ГБПОУ РМЭ «Колледж культуры и искусств им. И.С. Палантая», 2015. – С. 12–27.

О старинной марийской музыке – инструментальной // Ефремов Т.Е. Шӱвырзӧ кугыза (Избранные труды по марийской инструментальной музыке) / ред.-сост. О.М. Герасимов. – Йошкар-Ола: ГБПОУ РМЭ «Колледж культуры и искусств им. И.С. Палантая», 2015. – С. 28–34.

Тихон Ефремов. Шӱвырзӧ кугыза (Избранные труды по марийской инструментальной музыке) / ред.-сост. О.М. Герасимов. – Йошкар-Ола: ГБПОУ РМЭ «Колледж культуры и искусств им. И.С. Палантая», 2015. – 60 с.

Художественные произведения:

Унжинскій Т. Кок Онар (саман муры̆) // Война увэр. –1916. – № 6–7. – 28 июль.

Т. Ефремов. Кок Онар // Сылнымут памаш. – Йошкар-Ола, 1982. – С. 99–100.

Унжинскій Т. Эргы̆жы̆м Кугы̆жалан пушы̆ АВАЛАН ракмат (тау) муры̆

(Мондыдэ йӧратымы шочмы АВАМ лӱмэш каласэм) // Война увэр. – 1916 ий. – № 8–9. – 17 сентябрь. – С. 6–7.

Т. Ефремов. Эргыжым салтакыш пуышо авалан тау муро // Сылнымут памаш. – Йошкар-Ола, 1982. – С. 100–101.

Тих. Уньжинский. Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро // Ӱжара. – 1918. – № 46. – 19 октябрь. – С. 2.

Йэпрэм Т. Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро: почеламут // Кармазин Г. У пасу. – М., 1925. – С. 36.

Т. Ефремов. Кынелза, шогалза! // Сылнымут памаш. – Йошкар-Ола, 1982. – С. 106.

Т. Ефремов. Кынелза, шогалза! // Ончыко. –1987. – № 1. – С. 96.

Тихон Ефремов. Кынелза, шогалза!: марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро // Марий коммуна. – 1990. – 11 ноябрь.

Тихон Ефремов. Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро // Ончыко. – 2003. – № 5. – С. 14–15.

Т. Ефремов. Кӱслезе кугыза Тотара: тошто еҥ мут // Йошкар кече. – 1921. – ноябрь.

Т. Ефремов. Кӱслезе кугыза Тотара: тошто еҥ мут // Сылнымут памаш. – Йошкар-Ола, 1982. – С. 101–103.

Ефремов. Урал курык (Орол курык) // Йошкар кече. – 1922. – 21 февраль.

Йэпрэмов Т.Й. Сэрги чӱчӱ: ойлымаш // У вий. – 1929. – № 8. – С. 12–18.

Т. Йырсе. Серги чӱчӱ: калык преданий // Мут орланге. – 1963. – С. 8–15.

Т. Ефремов. Эрыкыш лекме муро мут // Сылнымут памаш. – Йошкар-Ола, 1982. – С. 103–105.

Т. Ефремов. Чевер ӱжара // Сылнымут памаш. – Йошкар-Ола, 1982. – С. 105–106.

Йэпрэмов. Кугу Шигак-сола: ойлымаш // У вий. – Йошкар-Ола: Маробиздат, 1929. – № 3. – С. 8–11.

Йэпрэмов. Нужна ий: ойлымаш // У вий. – Йошкар-Ола: Маробиздат, 1929. – № 4. – С. 19–22.

Йырсе. Кокша вуй: йомак // У вий. – Йошкар-Ола: Маробиздат, 1929. – № 4. – С. 31–33.

Йэпрэмов Т.Й. Серги чӱчӱ: ойлымаш // У вий. – Йошкар-Ола: Маробиздат, 1929. – № 8. – С. 12–18.

Ирысе. Паймыр кугыза: ойлымаш // У вий. – Йошкар-Ола: Маробиздат, 1930. – № 2–3. – С. 28.

Т. Ефремов. Шӱвырзӧ кугыза: ойлымаш // У вий. – Йошкар-Ола: Маробиздат, 1930. – № 5–6. – С. 18–20.

Тихон Ефремович Ефремов. Рассказы и сказки / сост. Макарова Г.А. Пер. с мар. Сабанцев Г. – Йошкар-Ола: Изд-во Мар. гос. ун-та, 2016. – 86 с.

Переводные книги:

Ефремовъ Т.Е. Земля и воля на черемисскомъ языкѣ / по сочиненію Н.А. Бобровникова. Мландыӹ и Эркӹш лэкмыӹ. Мари калыӹклан марла йыӹлмыӹ-дэныӹ возыӹмыӹ. – Казань: Типо-Літография Университета, 1918. – 21 с.

Неопубликованные труды Т.Е. Ефремова,
хранящиеся в научно-рукописном фонде МарНИИЯЛИ
(сост. заведующая научной библиотекой МарНИИЯЛИ Г.И. Байкова)

1. Оп. 1. Д. № 528. Описание старинного марийского праздника «Шорык-йол» с ролью Васли Кугыза и с «Девичьим пиром». – 1936. – 98 л.
2. Оп. 1. Д. № 529. Кӱслэчэ кугыза Тотара. – 1 тетрадь. – 12 л.
3. Оп. 1. Д. № 530. Легенды марийцев о действии волыночной музыки. – 2 тетради. – 33 л.
4. Оп. 1. Д. № 531. Очерк о марийской инструментальной музыке – «шӱвыр» и «кӱсле». – 1936. – 1 тетрадь. – 12 л.
5. Оп. 1. Д. № 532. Шӱведыме мут. Наговоры. – 3 тетради. – 39 л.
6. Оп. 1. Д. № 533. Муро. Тошто муро-шамыч. – 5 тетрадей. – 1936.
7. Оп. 1. Д. № 534–539. Марийские народные сказки.
8. Оп. 1. Д. 538. Ия комыж.
9. Оп. 1. Д. № 539. Мамай (Тошто марий илыш гыч ойлымо мут).
10. Оп. 4. Д. № 10. Марийские народные песни. – В 9-ти тетрадях. – 1936. –207 л.

ЛИТЕРАТУРА О Т.Е. ЕФРЕМОВЕ
(по хронологии)

Мухин В.А. Музыка марийского народа // 15 лет социалистического строительства МАО. – Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1936. – С.183–190.

Сануков К.Н. Мурыжо илаш кодын // Морко мланде. – 1992. – 10 март.

Тихон Ефремович Ефремов // Марий Эл: время, события, люди: календарь дат на 1993 год. – Йошкар-Ола, 1992. – С. 27–28.

Чокмар Э. «Мыняр неле – тунар чот шого». Икымше марий гимнын авторжо Т.Е. Ефремовлан – 125 ий // Кугарня. – 1993. – № 19 (83). – 21 май.

Сануков К. Автор марийского гимна: материалы следствия по делу Т.Е. Ефремова // Трагедия народа: Книга памяти жертв политических репрессий. – Т. 2. – Йошкар-Ола, 1997. – С. 203–213.

Сергеев М.Т. Мурызын кочо пӱрымашыже // Марий Эл. – 1998. – 5 февраль.

Сануков К. Тихон Ефремов – автор первого марийского гимна // Морко. Замечательные люди удивительного края: сб. док. очерков. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 154–161.

Апакаев П. Образование и просветительское движение в Марийском крае: ист.-пед. очерки. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 282.

Зайниев Г. Унчо велын мурыжо // Ончыко. – 2003. – № 5. – С. 6–13.

Зайниев Г.З. Тудо ӱжын: «Кынелза, шогалза!..» // Усталык памаш: лит.-краевед. очерк-влак. – Йошкар-Ола, 2003. – С. 4–25.

Уста мурызо, кӱслезе да туныктышо: Т.Е. Ефремовын шочмыжлан – 135 ий / материалым *И. Евсеев* ямдылен // Марий Эл. – 2003. – 8 май.

Марийская биографическая энциклопедия: 3849 имен в истории Марийского края и марийского народа / авт. и рук. проекта В. Мочаев. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 124–125.

Автор первого марийского гимна // Ончыко. – 2008. – № 7. – С. 143.

Тихон Ефремов // Писатели Марий Эл: биобиблиогр. справ. / сост.: А.А. Васинкин, В.А. Абукаев-Эмгак, Л.А. Абукаева [и др.]. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 229–230.

Ефремов Тихон Ефремович // Энциклопедия Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009. – С. 355.

Сануков К.Н. Автор марийского гимна // Наши земляки: пути и судьбы. Йошкар-Ола, 2011. – С. 121–127.

Ерошкин Ю.В., Федосеева Н.А. Ефремов Тихон Ефремович // История Марийского края в лицах. XIV–начало XX веков. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. – С. 332–334.

Кузнецова В.Г. Уньжинский талант. Т.Е. Ефремов. Очерк жизни и творчества. – Йошкар-Ола: Изд-во «Педагогическая инициатива», 2013. – 90 с.

Сануков К.Н. Поднимитесь, распрямитесь! (К 145-летию со дня рождения Т. Ефремова) // Марий сандалык. – 2013. – № 2. – С. 57.

Инин Г. Пиалым муде она код // Кугарня. – № 39. – 2013. – 23 август.

Тихон Ефремов. Шӱвырзӧ кугыза (Избранные труды по марийской инструментальной музыке) / ред.-сост. О.М. Герасимов. – Йошкар-Ола: ГБПОУ РМЭ «Колледж культуры и искусств им. И.С. Палантая», 2015. – 60 с.

Мушкина Н.В. Марийские народные песни в записи Тихона Ефремова // Этническая культура и молодежь. Материалы III Республиканской научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш». – Йошкар-Ола: Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, МарНИИЯЛИ, Маргосуниверситет, 2015. – С. 309–321.

Евсеев И.М. Ӱжаран Унчо велне. – Йошкар-Ола: «Марий Эл» газет ООО, 2017. – С. 103, 120–122, 125, 217.

*Макарова Г.А.*Тихон Ефремов: опыт научных, религиоведческих и литературных исследований 1917–1938 гг. в контексте современности // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сборник статей. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2017. – С. 294–296.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Людмила Николаевна, учитель марийского языка и литературы Шоруньжинской средней школы Моркинского района (1978–2014)

Григорьева Людмила Яковлевна, кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Евсеев Иван Михайлович, глава администрации Шоруньжинского сельского поселения Моркинского района

Кудрявцева Раисия Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии Марийского государственного университета

Кузнецова Вероника Георгиевна, преподаватель теории музыки Национальной президентской школы искусств, ответственный секретарь Союза композиторов Республики Марий Эл

Макарова Галина Александровна, религиовед, доктор культурологии, кандидат филологических наук

Молотова Тамара Лаврентьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Мушкина Наталья Валерьевна, научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Петрова Римма Николаевна, учитель марийского языка и литературы Шоруньжинской средней школы Моркинского района

Попов Никандр Семёнович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Сануков Ксенофонт Никанорович, доктор исторических наук, профессор

Сергеев Олег Арсентьевич, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Смирнов Геннадий Николаевич, поэт, член Союза писателей России

Тихонова Надежда Радисовна, учащаяся Шоруньжинской средней школы Моркинского района

СОДЕРЖАНИЕ

Ончылмут (*Л.Я. Григорьева*)..... 3
Предисловие (*Л.Я. Григорьева*) 6
Историко-биографическая справка (*Н.С. Попов*) 10
Ефремов Т.Е. Марий калыкым волгыдыш ӱжмӧ муро 11
Смирнов Г.Н. Памяти Тихона Ефремова..... 12
Сергеев О.А. Марий талешке Тихон Ефремовын илыш корныж гыч 13
Попов Н.С. Жизнь и деятельность марийского просветителя Т.Е. Ефремова 18
Александрова Л.Н. Тихон Ефремович Ефремов – Унчо кундемын тале эргыже..... 45
Сергеев О.А. Унчо школын эртыме корныж гыч икмыняр йыжыҥ (Татарстан Республикысе национальный архив материал негызеш).... 47
Петрова Р.Н., Тихонова Н. Тихон Ефремович Ефремов – марий туныктышо..... 54
Молотова Т.Л. Исследовательский вклад Т.Е. Ефремова в изучение марийских традиционных праздников..... 58
Мушкина Н.В. Роль Тихона Ефремова в становлении марийского музыкознания 71
Кузнецова В.Г. Автор «марийского гимна»..... 78
Макарова Г.А. Теологическое наследие Тихона Ефремовича Ефремова..... 87
Григорьева Л.Я. Тихон Ефремовын сылнымут аршашыжын йылме ойыртемже 93
Кудрявцева Р.А. Рассказ Т. Ефремова «Большая Шигак-Сола»: аксиологическая концепция автора и поэтика народного характера 99
Евсеев И.М. Тихон Ефремович Ефремовын илыш корныжо да тукымвожшо 102

Этнографические очерки Т.Е. Ефремова

Черемисы-язычники. Роль песен у черемис в их племенной языческой жизни 112
Черемисы-язычники. О преимущественной пользе церковного пения в деле просвещения черемис 115
Несколько слов о необходимости женского просвещения луговых черемис..... 118
Описание старинного марийского праздника Шорык-йол с ролью Васли кугыза и Девичьим пиром..... 121

Фольклорные тексты, собранные и записанные Т.Е. Ефремовым

Иягомыж 155
Комыж шоктышо 159
Кӱслече кугыза Тотара (Озаҥ налме нерген тошто мут) 161
Мамай (Тошто марий илыш гыч ойлымо мут) 167
Урал курык (Орол курык) 173

Йомак-влак. Сказки

Ача сугынь (илыш йомак) 174
Незер ден судья 177
Кум изак-шоляк рушла ойлат 179
Куйка 181

Шӱведыме мут. Наговоры 183

Некоторые опубликованные произведения Т.Е. Ефремова

Уньжы школ 192
Кугу Шигак-сола 194
Нужна ий 198
Кокша вуй (йомак) 202
Серги чӱчӱ 205
Паймыр Кугыза 212
Шӱвырзӧ кугыза 213
Кок Онар (саман муро) 218
Эргыжым кугыжалан пуышо АВАЛАН ракмат (тау) муро (Мондыде йӧратыме шочмо АВАМ лӱмеш каласем) 220
Эрыкыш лекме муро 221
Чевер ӱжара 223

Сануков К.Н. Тихон Ефремов – автор первого марийского гимна .. 224
Тихон Ефремович Ефремовым шарныме кече (Морко районысо Унчо села, 2018 ий ага тылзын 12-шо кечыже): сценарий (*Р.Н. Петрова*) 231

Основные труды Т.Е. Ефремова 237
Литература о Т.Е. Ефремове 239
Сведения об авторах 241

Научно-популярное издание

«КЫНЕЛЗА, ШОГАЛЗА:
КАЙЫШАШ КОРНО КУЖУ ВЕТ…»

«ПОДНИМИТЕСЬ, РАСПРЯМИТЕСЬ:
ДОЛГИЙ-ДОЛГИЙ ПУТЬ НАС ЖДЁТ...»

Памяти выдающегося просветителя народа мари
Тихона Ефремовича Ефремова (1868–1938)

Сборник трудов

Составитель и ответственный редактор
Григорьева Людмила Яковлевна

ISBN 978-5-94950-095-8

Литературный редактор Л.К. Александрова
Компьютерная верстка З.Г. Воронцовой
Дизайн обложки М.М. Гайнутдинова

14+ Знак информационной продукции
согласно ФЗ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Оригинал-макет подготовлен к печати в МарНИИЯЛИ.
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44.
Телефон: (8362) 64-19-28
Т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 08.10.2020.
Формат 70x100 1/16. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 19,8. Печать офсетная.
Заказ № 1614. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «Стринг»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
корпус 101А, помещение 12-12А